РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

ЭТИМОЛОГИЯ

2000-2002

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ж.Ж. ВАРБОТ

МОСКВА
НАУКА
2003

УДК 80/81
ББК 81
Э 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-04-16072

Этимология, 2000–2002 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 2003. – 272 с. – ISBN 5-02-006387-8 (в пер.).

Очередной том сборника – первый, выходящий в свет после кончины его основателя, О.Н. Трубачева. Сборник открывается одной из последних работ О.Н. Трубачева и продолжает заложенные им традиции. В состав тома входят исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные конкретной этимологизации апеллятивной лексики и онимов русского, славянских и других индоевропейских языков; в ряде статей рассматриваются вопросы из смежных областей исторического языкознания: слово- и основообразования, этнолингвистики, исторической лексикологии, истории праиндоевропейских диалектов.

Критико-библиографический отдел содержит рецензии на новые публикации по этимологии и смежным дисциплинам.

Для этимологов, историков языка, историков культуры.

ТП-2003-I-№ 244

ISBN 5-02-006387-8

От редакционной коллегии

Настоящий том – 28-ой в серии научных периодических сборников “Этимология” и – первый, выходящий в свет уже без своего основателя. Крупнейший русский славист Олег Николаевич Трубачев скончался 9 марта 2002 г. Среди его огромных заслуг перед славистикой и этимологией в истории науки навсегда останется инициатива издания периодического научного сборника “Этимология” с ориентацией на публикацию новейших достижений отечественных и зарубежных специалистов в области этимологии языков различных семей и смежных дисциплин. О.Н. Трубачев видел в этом издании возможность творческих контактов ученых разных научных школ и направлений, стимул для подъема интереса к этимологии и увеличению ее веса в науке, разработки теории и методики этимологии на новом этапе ее развития, который неразрывно связан с деятельностью Олега Николаевича.

В настоящий том, подготовкой которого Олег Николаевич интересовался даже во время своей последней тяжелой болезни, включена и последняя его статья. Она невелика по объему, но ее тематика, методика, круг привлекаемых материалов и аспектов исследования дают убедительное представление о яркости и изяществе стиля, своеобразии и глубине научного мышления, широте интересов и подтверждают истинно этимологическую природу дарования великого ученого.

Следующий том сборника “Этимология” будет посвящен памяти его основателя.

СТАТЬИ

Памяти Л.А. Гиндина

О.Н. Трубачев

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ ШВЕЙЦАРИИ
(Helvetii, Helvetia ~ Schwyz, Schweiz)[1]

Расставшись внезапно в конце 1993 г. с незабвенным Леонидом Александровичем, Лёней Гиндиным, согреваешь себя мыслью, что осталась связь, что все еще как бы продолжаются дружеские научные диалоги (наконец, это приятное приглашение в очередной сборник "Античная балканистика", которому, к сожалению, не суждено состояться, я, наверное, получил бы от него самого, и наверняка не преминул бы высказать ему свои сомнения и колебания насчет своего участия, ссылаясь на некоторую экзотичность и маргинальность основной темы сборника в отношении того, что можно считать кругом моих интересов; разговор на этом бы не оборвался и предупредительный Леонид Александрович мог бы выразить готовность расширить тематические рамки сборника, добавив к ним "и Северное Причерноморье", дабы облегчить мне участие близкой мне тематикой, как он, собственно говоря, и поступал раньше). Теперь его самого нет, но повод вспомнить о том, "как бывало" в таких случаях, представляется по-прежнему подходящим. Тем более, к тому же, что маленькая моя заметка, в свою очередь, была бы откровенно маргинальна по отношению к эвентуальной "Античной балканистике" и, возможно, представила бы в лучшем случае типологический и, в буквальном смысле, периферийный интерес, поскольку занимающая нас в дальнейшем такая этнолингвистическая особенность, как сложение этнонимов на базе самообозначений 'свой, свои (люди)', похоже, на собственно античнобалканский Kerngebiet не распространялась, насколько мы можем о нем судить хотя бы по трудам и справочным изданиям Томашека, А. Майера, Дечева, Дуриданова, Катичича и др. Неизве-

---

[1] Это загадочное двойное название страны "Гельвеция–Швейцария" – одно из запомнившихся впечатлений моего отрочества, в пору увлечения филателией, когда я столкнулся с тем, что на швейцарских почтовых марках стоит неведомое мне *Helvetia*.

стен, кажется, поныне и собственно древний балканскоиндоевропейский (иллирийский, фракийский) рефлекс и.-е. **su̯e-*/**su̯o-* (к алб. *vetë* 'сам' < и.-е. **su̯e-ti-* еще вернемся ниже). И это притом, что палеобалканскоиндоевропейские племенные названия известны десятками; их возраст и значение сохраняют в основном локальный характер, и эта картина до известной степени напоминает нам то, что мы знаем из ранней славянской этнонимии. Правда, у славян прощупывается такая типологически древняя и самобытная особенность, как наличие слова **svojь* 'suus' в роли ключевого слова славянской культуры. Родовое понятие 'свой, свои (люди)' служило достаточным эквивалентом этнонима в доэтнонимическую эпоху. Есть основания видеть в этом еще праиндоевропейскую особенность. Возможно также, что аналогичное состояние было присуще и древним индоевропейцам Балкан.

По-своему интересна – на этом сравнительно-типологическом фоне – этнолингвистическая ситуация у западных и северозападных индоевропейских соседей древних Балкан. Ситуацию эту, несколько предвосхищая дальнейшее изложение, можно охарактеризовать, при всей ее историко-документальной древности, как более продвинутую в культурнотипологическом плане, а именно: и.-е. **su̯e-*/**su̯o-* 'suus, sui generis', во многом утратив позиции ключевого слова, например, в германском языке и культуре, осело там в ряде случаев как некий петрификат, пережиток в соответствующей этнонимии, ср. достаточно хрестоматийные примеры *Suīonēs* (у Тацита), др.-исл. *Svīar* мн. 'свеи, шведы', сюда же (с другим суффиксом) нем. *Schweden*, далее – герм.-лат. *Suēbi* мн. 'свебы, свевы', др.-в.-нем. *Swābā*, соврем. нем. *Schwaben* 'швабы, Швабия'. Иными словами, и в германских этнических названиях свеев/шведов, свевов/швабов, и в славянском общеэтническом самоназвании **slověne* 'славяне' из первонач. 'ясно, понятно ("по-своему") говорящие' (о чем подробнее – в других местах) просматривается еще доэтнонимическая стадия, только ее дальнейшая эволюция протекала по-разному, в германском – через означенную компенсацию, а в славянском – преломленно, путем "переименования". Эти наблюдения и этот опыт могут пригодиться в аналогичных других случаях, поскольку, кажется, до сих пор использованы недостаточно, далеко не в полную меру обобщения, на которую дают право.

Речь идет о названии, точнее даже – названиях, Швейцарии. Прежде всего это, конечно, официально литературное, нововерхненемецкое *Schweiz* '(страна) Швейцария'. Его история или происхождение рисуется очень краткими, надо сказать, скудными, сведениями: восходит (с литературной немецкой дифтонгизацией) к названию одного из нескольких первоначально объединившихся швейцарских кантонов – диалектному (алеманнскому) *Schwyz*, а это последнее

вначале обозначало город, центр самого кантона. Д а л ь н е й ш а я э т и м о л о г и я н а з в а н и я S c h w y z н е и з в е с т н а (Kiss[4] II, 506). Автор этого новейшего, весьма компетентного этимологического справочника опирается на труды лучших авторитетов, напр. A. Bach. Deutsche Namenkunde). Согласимся, что этого мало. Даже одного лишь поверхностного сопоставления, бегло предложенного выше, достаточно, чтобы допустить, что перед нами генетически однотипное имя со своими отличиями в первоначальном объеме употребления (“Gemeindename”?), в суффиксальном оформлении, но главное – того же корня, причем и.-е. **su̯ī-* прошло алеманнскошвабскую эволюцию с результатом *Schwy-*, суффиксальное оформление которого имеет достаточно близкие аналогии. Ср. греч. ἴδιος ‘свой, свойственный, собственный’ < **su̯i-d-i̯os* или **su̯edi̯os*, сюда же уже упомянутое алб. *vetë* ‘сам’ < **su̯e-ti-*, лат. *sodālis* ‘товарищ, приятель’ < **su̯edhālis* (Pokorny I, 882; Chantraine 1–2, 455).

Германский этнический элемент не обязательно исконен в Швейцарии, в частности, – западной, ибо известно, что близ гор Юра, Леманского (позднее – Женевского) озера и верховьев реки Родана (Роны) обитали кельтские гельветы – *Helvetii, Helvitii, Elvetii, Elvitii*. Правда, то, что в классической кельтологии обычно сообщается о предыстории последних, способно, скорее, завести в тупик или, по крайней мере, озадачить. Ср. указание на их приход в западную Швейцарию с правого берега Рейна в эпоху, незадолго предшествующую Цезарю, и еще – на этимологическую связь с неким племенем *Elvii*, о котором сообщается, что они обитали в области секванов, а само имя сближается с лигурийским (?) *Ilva*, древним названием острова Эльба в Средиземном море, что в целом дает довольно запутанную картину (см. Holder. Altcelt. I, 1419 и сл., 1430). Кажется, что не использованы несколько иные возможности – как внутрикельтской этимологии, так и древней (до)этнонимической семантики, затронутой выше. Я имею в виду (пра)кельтское **selvā* ‘собственность, (свое) владение’, ср. ирл. *selb* (*selv*) то же (Stokes, Bezzenberger 302, там же другие примеры). Отношение древнего **selvā* и упомянутых племенных названий *Helvetii*, etc. (выше) напоминает особенность, обычно наблюдаемую у островных кельтов и в бретонском, – аспирацию *s-* > *h-*. Надо думать, что эта аспирация в древности была известна и шире, у континентальных кельтов, в частности – у их гальштатской волны, мигрировавшей в последние столетия до н.э. с запада, через германский юг на восток. Реконструируемое при этом исходное **selb-* ‘свой, (вар.) сам’ оказывается древним региональным словом, которое, кроме германского **selba-* ‘сам’, нем. *selb(er)*, англ. *self* ‘сам’, давно уже вскрыто в остатках еще одного древнего индоевропейского диалекта, примыкающего к

швейцарскоальпийскому региону, – венетском *sselboi sselboi* 'sibi ipsi', то есть 'себе самому' (ср. Pokorny I, 884; Kluge[20], 701, со ссылкой на Краэ). Таким образом, в этом циркумальпийском регионе вскрываемое и.-е. диал. **selb(h)o-* 'свой, сам' (с имеющей место недооценкой, как видно из вышесказанного, участия в нем также кельтской стороны) играло свою определенную роль как средство самоидентификации – индивидуальной, групповой, родовой. Естественно предположить, что южногерманское (алеманнское) *Schwyz* / немецкое *Schweiz* явилось в свое время как бы адстратным подключением, дублированием, семантической калькой, в частности, кельтского *Helvetii*, тем более, что это семантически ('с в о и л ю д и, к р а й с в о и х л ю д е й') вполне отвечало германскому узусу. Любопытно, что этот последний, на наш взгляд, тоже все еще нуждается в корректировке своей этнолингвистической реконструкции: **su̯ē-bh-*/**su̯e-dh-*/**su̯ī-d-* не как индивидуализирующее 'frei, von eigener Art', как думают некоторые западные специалисты (напр., Покорный, выше), а – в духе древнеродовой идеологии, в к о л л е к т и в н о м смысле – 'свой, к своему роду, племени принадлежащий'. Однокоренное слав. **svoboda*, на которое при этом, по-видимому, опираются, развило свое значение 'свобода, libertas' тоже из этой исходной базы принадлежности к роду.

Е. Гавлова

К ИСТОЛКОВАНИЮ СЛАВЯНСКИХ ОМОНИМОВ *OBZA**

Слав. *obza*, обозначающее в разных славянских языках различные предметы (чеш. диал. 'кожа около хвоста', словац., польск. диал. и кашуб. 'вид веревки', блр. диал. *абзá* 'кора на узких краях доски') и часто связываемое со слав. *obьža* 'оглобля, грядиль плуга', все еще лишено убедительного семантического толкования, хотя в этимологической литературе последнего времени написано достаточно много.

Польск. диал. *ob(d)za* связала с вост.-слав. *obьža* Х. Турска[1] (как отмечает автор, такую связь имел в виду, судя по рукописному примечанию, уже Нич[2]), принял это и В. Борысь (SEK III, 353). Однако различие *z* : *ž* они объясняют по-разному: Турска видит в *z* третью, прогрессивную палатализацию, а Борысь – мазурение, которого проникло и в кашубский; его толкование было бы убедительным,

* Статья написана при финансовой поддержке гранта GA ČR N 405/01/0109.

если бы это слово было засвидетельствовано только в польских диалектах, но не объясняет словацкую форму.

К этим двум словам Ж.Ж. Варбот[3] присоединяет еще чеш. *obza* ‘кожа около хвоста’ и польско-восточнославянские названия доски с неровным, покрытым корой краем. Для всех этих слов Варбот предлагает новое, бесспорно остроумное толкование, с обстоятельным анализом материала и соответствующей этимологической литературы: праслав. **obьža* возводится к **obьz-ja*, а производящее **ob-ьza* объясняется из и.-е. **ig'(h-)/*aig'(h)-* ‘трескаться, лопаться’, представленного в лит. *ìžti* ‘трескаться, лопаться (о стручках)’, *aižýti*, *íežti* ‘лупить, чистить’, *áiža* ‘трещина, щель’ и т.п. Однако стремление связать с этим корнем все значения приведенных славянских слов выглядит несколько насильственным. Поэтому нам представляется позволительным попытаться разделить эти слова в соответствии с их значениями и посмотреть, не обнаружатся ли при этом разделении более убедительные возможности истолкования.

Obza$_1$ ‘кожа около хвоста’ представлено в чешских и словацких диалектах.

Чеш. диал. (у Турнова) *obza* – ‘кожа около хвоста, по бедрам’ (Jungmann II, 813, вслед за ним Kott II, 257) и ‘подошвенный чепрак, т.е. кожа на подметки’ (Kott VII, 34). *Obza* ‘кожа около хвоста’ и сейчас является в чешском языке термином кожевников (SSJČ II, 271). И в словацком диалекте у Липтовского Микулаша представлено *obza* ‘хвостовая часть кожи’ как кожевенный термин[4].

Махек (Machek 333, Machek[2] 408) предполагает исходное **ob-gъza*, первой частью которого является префикс *ob-* ‘около’, а во второй – корень **gъz-*, который Махек видит в польск. стар. *giezek* ‘конец большой берцовой кости’ (с Махеком согласен и Мартынов[5]). Это слово, продолжающее праслав. **gъz-ъkъ*, содержит нулевую ступень того же корня, который мы находим в полной ступени в праслав. **guzъ* (польск. *guz* ‘шишка, круглый конец кости и т.п.’) и в ступени продления нулевой огласовки в праслав. **gyža* (польск. *giża* ‘часть ноги скотины, верхний конец большой берцовой кости и т.п.’; сюда же Махек относит и ст.-чеш. *hýžě*, чеш. *hýždě* ‘зад, бедро и т.п.’). С этими словами связывает польск. *giezek* уже Зубатый[6] и решительно отделяет их от **gǫzъ*, **gǫza* ‘зад и т.п.’, допуская в крайнем случае лишь более позднюю контаминацию обоих слов. Как в значении ‘голень’, так и ‘кожа около хвоста’ мы видим известный перенос названия с одной части тела на соседнюю. Следовательно, **ob-gъza* обозначало *‘то, что вокруг зада’, подобно рус. *огузок* ‘кожа, мех с хвоста’ и ‘мясо с хвоста’.

В приведенном выше толковании Варбот обращает внимание на фонетическую уязвимость: группа *-bg-* упрощалась в *g* (ср. рус. *огузок*), но не в *b*. Она была бы права, если бы это упрощение произош-

ло в праславянский период. Но если оно произошло уже после изменения *g* > *h*, закономерным результатом является *b*, а именно прачешскую эпоху и имел в виду Махек, когда предполагал возникновение *obza* из **ob-hza*.

Obza$_2$ 'вид веревки' зафиксировано в словацком и польском, включая кашубский. Словац. диал. *obdza* (и *obzda*, с концом слова, явно преобразованным под влиянием семантически близкого *uzda*) 'вожжа, повод (для одного коня)', *obda*, мн. *obdze* 'лямки' (Kálal)[7], ст.-польск., польск. диал. *obdza, obza* 'длинная веревка, которой скот или коней привязывают к колышку на пастбище' (Sł. stpol. V, 316)[8], 'веревка, которой привязывается к задней части воза жердь, придерживающая сено на возу' (в этом значении также pl. tantum), 'поперечная веревка в постромках; веревка из липового лыка' (в этом значении и м.р. мн. *obzy*, *-ów*), кашуб. *obza* 'цепь для коровы; петля, надеваемая на шею коровы на пастбище', откуда и глагол польск. диал. *ob(d)zować*, кашуб. *obzovac* 'привязывать скот и коней длинной веревкой к колышку посреди пастбища' (Варшавский словарь III, 446, 539; Karłowicz III, 348, 378; Sychta III, 282)[9].

Я согласна с Махеком (Machek 572; так же еще Kálal 389), что мы не можем отделить эти слова от словац. *obodza, obodz, vódzka* 'вожжа, повод'. Как показывает последнее слово, наиболее правдоподобно объяснить *obodza* и под. из **ob-vodja*. Тот же источник можно предполагать и для *ob(d)za*, только здесь произошло аллегровое сокращение. И в польском есть *wodza*, которое, помимо 'вожжа, повод', обозначает и любую крепкую веревку, служащую для различных целей (Doroszewski IX, 1208 и след.).

Менее правдоподобны толкования, связывающие *obza*$_2$ с *obza*$_1$: связать значения 'кожа около хвоста' и 'ремень из кожи', в соответствии с приведенным выше толкованием Варбот, можно, но их выведение из и.-е. **eig'*- 'трескаться, лупиться' заставляет предполагать сложное и неправодоподобное семантическое развитие.

Совершенно неправдоподобно истолкование *obza*$_2$ заимствованием из немецкого, т.е. озвончением и стяжением в польск. стар. *obceje* 'канаты, которыми крепится мачта судна', которое было старым корабельным термином на Висле и исчезло с появлением новых типов судов. *Obceje* – заимствование нем. *Hebezeug*[10], хотя авторы, связывающие *obceje* с *obza*, выводили оба слова из нем. *abziehen* 'стянуть' (Варшавский словарь III, 439), resp. из ср.-в.-нем. *abeziehunge*[11]. (Но производный глагол *obzować* Варшавский словарь отделяет и толкует иначе, хотя также неприемлемо: как заимствование нем. *aufzäumen* 'взнуздывать').

Obza$_3$ представлено только белорусским *абза* и единичным русским *обза*; более часты в польских, белорусских и русских диалектах расширенные формы. Несмотря на формальные различия, объеди-

нять все эти формы понуждает тождественное специфическое значение.

Польск. диал. *obzoj, obzój* и ж.р. *obzoja* значит 'неровность края у бруса или доски, связанная с тем, что часть края образует кора'; отсюда производные прилагательные *obzojowaty, obzoisty* (о доске или брусьях) 'имеющий неровные края с корой'.

Возможно, сюда относится и польск. диал. *obżelec*, единичн. *obżalec* 'вид теса' (Варшавский словарь III, 504); в этом случае *ż* лучше всего объяснять народной этимологией – уподоблением польскому диал. *żalić się* 'раскаляться без пламени, тлеть', *żalawy* 'истлевший' (Там же VIII, 439), валаш. *želivé dřevo* 'трухлявое' (Bartoš. 559)[12], относительно родства которых (без форм с *ob-*) убедительное толкование предложено Петлевой[13].

И белорусские диалекты знают, наряду с *абзá*, также *абзóй, абзóл*, с фонетическими вариантами *абзýй* м.р.[14], *обзэ́ль* ж.р.[15]; все они значат 'доска с неровным, покрытым корой краем', обычно 'вторая доска, отрезанная от бревна'; первая доска, отрезанная от бревна, у которой целая сторона округлая и покрыта корой, называется блр. *апóлак*, русск. *опóлок* (от *пол* 'край'). Адъективное производное от *абзой* – *абзоістая* дошка, гродн. *абзáістая* (Сцяшковіч 8)[16].

В русских диалектах, согласно СРНГ (22, 49, 53–55), есть только один пример на *обза* (без указания территории), но многочисленны формы на *-l-*: *обзёл, обзóл, обзóль, обзёлок, обзóлок* 'доска с неровным, покрытым корой узким краем', также 'некачественная доска', 'ограда из горизонтально положенных досок', также 'кора, луб'[17]; собир. *обзóльник* 'обрезки краев досок, некачественные отходы при пилке'; прилаг. *обзóлистый, обзельный* (о доске) 'с неровным, покрытым корой краем'.

Этимологизацию слова затрудняет то, что мы не можем уверенно сказать, является ли производящим словом *obza*, а *obzoj, obzol* – его производными, или первична какая-то из расширенных форм, а *obza* – сокращение ее. Мартынов[18] не исключает возможности, что, учитывая структурное разнообразие, речь идет о заимствованном слове, но источник заимствования не знает.

По толкованию Варбот, изложенному в упомянутой выше работе, исходной формой слова является **obьza*, расширенное суффиксами *-ъlъ/-ьlъ/-elъ* или *-ojь*; то же у Павловой[19], которая принимает этимологию Варбот, но предполагает уже праславянский суф. *-olъ/-ola*.

Напротив, Мартынов в упомянутой выше статье и в этимологическом словаре (ЭСБМ 1, 48 и след.) допускает возможность считать первичной форму **ob-zojь* – именное производное с огласовкой в ступени **o* от праслав. **zějǫ, zьjati* 'зиять, разверзаться, быть откры-

тым', а в качестве семантической и этимологической параллели приводит лит. *žiógauti* 'зиять' (расширение *žióti* с тождественным значением, соответствующего слав. **zějǫ*): лит. *žiõgris* 'изгородь из реек'. Семантически связать эти значения можно, поскольку рейки или доски с неровным, покрытым корой краем не прилегают друг к другу плотно, так что образуются зияния. Однако это толкование связано со значительными словообразовательными трудностями, resp. фонетическими: не достоверно, что формы с *-ol* вторичны, так как фонетическое развитие *-oj-* > *-ol-* недостаточно обосновывается ссылкой на блр. *назой* > *назол*[20].

Семантическая ситуация – то, что доски с неровными, покрытыми корой краями образуют в стене щели, – говорит за то, что из существующих толкований (см. о предшествующей литературе ЭСБМ 1, 49) наиболее правдоподобным является предложенное Варбот, ср. из приведенных ею родственных балтийских лексем лит. *áiža*, лтш. *aĩza* 'трещина'. Это толкование для *obza*$_3$ в целом удовлетворительно и фонетически, и в отношении словообразования.

С рассматриваемыми словами Варбот связывает также укр. диал. *обзел* 'каждый из клинков ножниц'[21], предполагая семантическое развитие 'покрытый корой край (доски)' > 'край (любой)' > 'острие', однако для подобного развития значения нет параллелей. Вероятно, здесь скорее речь идет об омониме неясного происхождения (какое-то заимствование?).

Обжи 'рукоятка плуга' представлено в восточнославянских языках.

В старорусском с 15 в. зафиксировано *обьжа, вобьжа*, сначала 'участок земли, который вспахивает один человек с одной лошадью за один день', подтверждаемое новгородскими данными до 17 в. со значением 'податная единица пахотной земли' (1 соха = 3 обжи) (Подвысоцкий 104, шенкур. говор)[22], с уменьшительным *обьжька, обежка*, производным на *-ina обжина* и относительным прилагательным *обьжьныи* (СлРЯ XI–XVII вв. 12, 28, 45–47). Современное русское *óбжа, обжá* и диал. *вóбжа, вобжá, óбга* обозначают грядиль плуга, иногда более узко – один из его концов, т.е. или рукоять плуга, или веревочное продолжение грядиля. Относительные прилагательные приводит только Даль (Даль² II, 581): *óбежный, óбжвеный, óбжинный*[23]. Русские диалекты знают также форму *обýжи* 'оглобли сохи' (СРНГ 22, 249) и *вобужи*[24].

Укр. *вíбжа* 'грядиль плуга' приведено только Далем (Даль² 202): *вйбжа* как курское, воронежское и украинское, но украинские словари это слово не упоминают. Зато оно есть в белорусских диалектах: *абжа, вóбжа, вóбжы, вóбжына* (ЭСБМ 1, 47; 2, 174)[25], все – 'грядиль плуга'; там же приведено из диалектологического атласа витеб. *вобжъ* 'очап у колодца с журавлем'.

Существует несколько этимологических толкований, но каждое из них имеет какой-нибудь недостаток, фонетический или семантический.

С точки зрения семантики наиболее правдоподобным представляется толкование Потебни[26], согласно которому речь идет о производном от слав. **ob-bъgati* 'огибать', которое из и.-е. **bheug(h)-* то же (Pokorny I, 152–153, без славянского материала[27]; подробно о славянском материале см. Słownik prasłowiański 1, 463 и ЭССЯ 3, 115); при этом имеются в виду древнейшие типы славянского плуга с согнутым грядилем, известным еще в восточном Полесье, западной Украине и в Болгарии[28].

Это толкование подкреплено в фонетическом плане формой русск. диал. *(в)обужи*, в котором можно видеть полную ступень огласовки того же корня, но против него древнерусская вокализация "ъра" в *е* (род. мн. *обежь*, уменьш. *обежка*, прилаг. *обежный*).

Излишня реконструкция Ягича[29] – **obъgъba*, исходящая из старого предположения, что слав. **bъg-* возникло вследствие метатезы из **gъb-*[30].

Толкование Потебни приняли Ильинский[31], Садник и Айтцетмюллер (Sadnik–Aitzetmüller Vgl. Wb. I, 110), затем Безлай (Bezlaj I, 14)[32], который присоединил сюда словен., диал. *bǎža* 'одна терраса в винограднике, посаженном террасами по склону'[33] < **bъg-ja* (однако в этом слове следовало бы предполагать иное семантическое развитие, нежели в др.-рус. *obьža*).

Другое толкование – Микколы[34] – в настоящее время принимают Турска[35] и Борысь (SEK III, 353). *Obьža* связывается со слав. **jьgo* 'ярмо', с реконструкцией первичного значения *'то, что вокруг ярма (животного, запряженного в плуг)'. Главной помехой для этой этимологии является отсутствие *l* epenth, которое не удалось объяснить несмотря на предпринятые попытки[36].

Фонетических трудностей нет в толковании Варбот др.-рус. *obьža* < **ob-ьz-ja* (см. выше), но предполагаемое семантическое развитие имеет много неподтвержденных переходов: *'то, что растрескивается, облупливается' > *'кожа, кора' (отсюда сужение в 'кожа около хвоста' и 'край доски с корою') > *'полоска кожи, ремень' > 'веревка' (для *ob(d)za*) > 'грядиль плуга'. Это значительно ослабляет правдоподобность толкования.

Поэтому я отдала бы предпочтение самому старому толкованию – Потебни, только при предположении, что *ь* > *е* в русском вторично, подобно тому, как преимущественно предполагается вторичность форм ст.-слав. *mьdlъ, mьdlьnъ* 'слабый', рус. *медленный* при ст.-слав. *mъždati* 'утомлять, ослаблять', *muditi* 'медлить, колебаться' (ЭССЯ 20, 205 и сл.)[37].

Примечания

[1] *Turska H* Polskie *obdza*, ruskie *obža* // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej 5, 1965, 109–118.

[2] Ibidem 113, прим. 2.

[3] *Варбот Ж.Ж.* Этимологические заметки // Балто-славянские исследования. 1974, 42–48.

[4] Из диалектологического архива Института языкознания им. Людовита Штура, сотрудников которого благодарю за возможность работать с их материалом.

[5] *Аксамітаў А.С., Вярэніч В.Л., Мартынаў В.У.* Гісторыка-этымалагічныя нататкі // Беларуская лінгвістыка 1972, 2, 73.

[6] *Zubatý J.* Slavische Etymologien // AfslPh 16, 393–394. Это толкование принимает и *Sławski* I, 279.

[7] Использованы также материалы диалектологического архива Института языкознания им. Людовита Штура (см. прим. 4).

[8] Ошибочно толкуется *obdza* в том же примере (konia... *na obdzach* uwiazanego) как 'выгон, пастбище' в: *Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, 263.

[9] С точными географическими характеристиками приводится материал в: *Turska H.* Op. cit.

[10] *Śląski B.* Przyczynki etymologiczne // PF 8, 532 и след.

[11] *Moszýnski L.* Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie. Poznań, 1954, 67.

[12] Это слово приводит и Махек (Machek 593), но предположение о заимствовании из нем. *schal* 'слабый', а также и 'выветренный, водянистый', которое он взял у Малиновского (*Malinowski L.* O niektórych wyrazach ludowych polskich // Rozprawy Wydziału filologicznego 17, 74), не слишком убедительно.

[13] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. III // Этимология. 1973. М., 1975, 44–47.

[14] *Крамко І.І.* Мясцовыя словы адной прынёманскай гаворкі // Народная лексіка. Мінск, 1977, 156: Гэта доска будзя завуская. Як зьнімяш *абзуй*, дак там мало астанецца.

[15] *Михайлаў П.А.* З лексікі роднай вёскі // Народная лексіка. Мінск, 1977, 95: Дырывы́на называіцця: одна *обзэль*... (свободный перевод: Называется деревом, а это на самом деле одна кора...).

[16] См. там контекст: Пе́ршыйа иду́ц' апо́лк'и, по́тым *абза́йистыйа* до́шк'и, а дал'е́й *н'еабза́йистыйа* або сарцавы́йа до́шк'и.

[17] Речь идет преимущественно о коре на доске; более общее значение, вероятно, в новгор. *обзол*: *обзо́л* – сырое место, когда пилят дерево-то (Новг. словарь 6, 85).

[18] *Аксамітаў, Вярэніч, Мартынаў.* Указ. соч.

[19] *Павлова Е.С.* Имена существительные с суффиксом *-ol-* в истории русского языка // Этимология. 1991–1993. М., 1995, 102–125, особенно 112.

[20] Если авторы ЭСБМ имеют в виду отношения блр. *назо́йны*: *назале́вы* 'назойливый', то в ЭСБМ 7, 207 эти слова толкуются как формы с первичным *l*, а не *j*.

[21] *Гринченко* III, 9: Один *обзел* у ножиць скривывся, та й не ріжуть (Лебедев. уезд.).

[22] Подробно о древнерусских мерах *обжа, соха, лук, выть* см.: *Günther-Hielscher K., Glötzer V., Schaller H.W.* Real- und Sachwörterbuch zum Altrussischen / Verarb. *E. Kraft.* Wiesbaden, 1995, 173, 197, 319 и сл., 388 и сл.

[23] СРНГ не включает эти прилагательные, но дает их омонимы: *óбежный* 'святой (о книге)', вероятно < **ob-věd-j-*, и *óбжинный* 'относящийся к обжинкам, концу жатвы'. [В СРНГ 22, 47: *óбжинная* 'конец жатвы'. Прим. перев.].

[24] *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin–Leipzig. 1927, 14.

[25] Форму с сингулятивным суф. *-ina* приводит: *Баханькоў А.Я.* Словы пра зямлю і земляробства // Народная лексика. Мінск, 1977, 138.

[26] *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, 15–17.

[27] Слав. **bъgati* есть уже в: *Rix H.* Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 1998, 69 и сл.

[28] См. описание и изображение: *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Kraków, 1929–1939. I, 148 и сл.

[29] *Jagić V.* Kleine Mittheilungen // AfslPh 7, 1884, 483.

[30] О метатезе из **gъb-* упоминает *Фасмер I*, 140; отвергает ее Махек в рецензии на словарь Фасмера, см.: *Machek V.* [Рец.]: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I, Heidelberg, 1950 // Slavia 23, 1954, 65 и сл.

[31] *Ильинский Г.* Славянские этимологии // РФВ 62, 1909, 256.

[32] См. также: *Безлай Ф.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем // ВЯ 1967, № 4, 51.

[33] Ср.: kar je leha pri njivah, je baža pri breżnih vinogradih (Pleteršnik I, 15).

[34] *Mikkola J.J.* Zwei slavische Etymoligien // IF 26, 1909, 295.

[35] *Turska.* Op. cit.

[36] *Mikkola.* Op. cit. и *Mikkola J.J.* Urslavische Grammatik II. Heidelberg, 1942, 170 считает, что *l* epenth. возникает только при наличии после *j* гласного заднего ряда; *Dolobko M.* Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen / ZfslPh 3, 1926, 129 и сл. относит возникновение слова к эпохе после завершения действия этого фонетического закона; попытку Турской объяснить отсутствие *l* epenth. границей морфем критикует *Варбот.* Указ. соч.

[37] Литературу, объясняющую *ь* ассимиляцией по мягкости к следующему слогу см.: ESJS IX, 516; о формах с *ъ/и* см.: там же, IX, 505 и сл., 515 и сл.

Перевела с чешского *Ж.Ж. Варбот*

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XXI

Праслав. *poskonь; *sokolъ

*1. Праслав. *poskonь*

По поводу происхождения праслав. лексемы **poskonь* ‘мужская особь конопли’, наличествующей во многих славянских языках (ее нет в болг. яз., а в сербохорватском она может быть заимствованной из словенского – см. Skok III, 14), существует целый ряд гипотез, однако, по справедливой оценке авторов Этимологического словаря белорусского языка, “многочисленные версии являются неудовлетворительными” (= “шматлікія версіі з’яуляюцца нездавальняючымі”) (ЭСБМ 8, 183). Здесь же дается отсылка к Словарю Фасмера, где представлен подробный анализ этих версий. Однозначно должен быть решен вопрос о первичности формы **poskonь* по сравнению с формой с *-л-* (*-l-*), зафиксированной в нескольких слав. языках (польск. *płoskoń, płoskońka, płoskunki,* укр. *плоскінь*, блр. *плоскуні*, словен. *ploskovnica*) (Miklosich 260; Преображенский II, 112; Фасмер III, 339 и др.), хотя Брюкнер (Brückner 422), а за ним и Скок (Skok III, 14) без достаточных оснований придерживались противоположной точки зрения. Появление *-л-* (*-l-*) произошло под влиянием **ploskъ(jь)* (рус. *плоский* и др.), т.е. в результате народно-этимологического переосмысления **poskonь*, – слóва с неясными этимологическими связями. “Затемненностью” этимологической природы **poskonь* можно объяснить и появление еще более удаленных от него форм – таких, как словен. диал. *pleskavica* и чеш. диал. (ганац.) *poskorné* (konopi). Естественно, что после признания факта изначальности **poskonь* все сопоставления, исходящие из первичности **ploskonь*, теряют всякий смысл: напр., сравнение с лит. *pleĩskės, pleiskãnės* ‘посконь’ (Miklosich 260) или с лит. *plaskãniai, plaskãnės* (согласно Преображенскому, Буга письм.) (Преображенский, там же).

Что касается возможного родства **poskonь* с лтш. *paskaņi, paskaņas, pastęnāji* ‘посконь’, др.-в.-нем. *faso* ‘бахрома’, нов.-в.-нем. *Faser* ‘волокно’, греч. πέσκος ‘кора’ (см. Буга у Преображенского; Miklosich 260; Mühlenbachs-Endzelins), то еще Преображенский предполагал, что в латышском указанные слова могут быть заимствованиями из русского или белорусского (Преображенский, там же), а Буазак и Гофман (согласно Фасмеру) для данных греч. и др.-в.-нем. слов приводили совсем иные соответствия – греч. πέκος ‘шкура’ и рус. *пáсмо* (Фасмер III, 339).

Коштял производил **poskonь* из **poskorpь* от **skopiti* 'скопить', исходя из значения 'бесплодная (конопля)'[1]. Эта этимология приведена и в Словаре Фасмера (III, 339), ее поддержал также Р. Якобсон (: **po-skop-пь*, т.е. как бы 'выхолощенное, бессемянное растение')[2], однако принятию данной версии препятствует прежде всего то обстоятельство, что глагол **skopiti* (рус. *скопить* и др.) 'оскоплять' употребляется только по отношению к живым существам (барану, мужчине).

В дополнении к статье *посконь* в Словаре Фасмера Трубачев отмечал: "Заслуживает внимания этимология Коржинека[3]... – из фин.-уг., ср. мар. *pot'aškəńe* то же; ср. также Махек. Etym. slovn., стр. 385)". Однако двенадцать лет спустя в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ 10, 190–191) он написал, что "**poskonь* ...как будто имеет соответствие с финноуг.-марийск. *pot'aš-kəńe* 'женская конопля' (так см. Machek. Česká a slovenská jména rostlin 93; Machek[2] 473, вслед за Коржинеком, см. и доп. к: Фасмер III, 339), но скорее всего и это сближение уводит на неверный путь..."

В то же время гипотеза Трубачева, которую авторы ЭСБМ (там же) считают наиболее вероятной, предлагает рассматривать **poskonь* в качестве инверсионного варианта слав. лексемы **konopja* – древнего заимствования, "однако ни одно из других известных названий этого культурного растения не может считаться его источником". Кроме того, Трубачев подчеркнул, что праформу для **konopja* "можно только предположительно реконструировать как (индоар.?) **kana-pus*, первоначально 'конопля мужская', ср. др.-инд. *pú-mān* 'мужчина, самец'". Однако, по мнению Трубачева, *pus-* может быть возведено и к и.-е. **pu-s-* 'дуть, веять' в связи с тем, что мужские особи конопли являются пыльниковыми, опыляющими. Именно предположительный характер реконструкции, фиксация *pú-* только в качестве одного из компонентов слова, замечание самого Трубачева, что в этимологическом истолковании слав. (и др.) **konopja* "неясности остаются", сложность семантической истории этого названия (**kana-pus-* первоначально 'мужская конопля' в то время, как слав. **konopja* значит 'конопля'), более узкий ареал распространения **pus-kana-* (**paskonь*) ("более характерного для Вост. Европы") (ЭССЯ 10, 189), чем **konopja*, наталкивают на мысль, что трактовка слав. лексемы **poskonь* как метатезной формы к **konopja* (**pus-kana-* – к **kana-pus-*) не столь уж очевидна. Поэтому, исходя из всего вышесказанного, представляется целесообразным продолжить поиски надежного этимологического решения для лексемы **poskonь*.

Как известно, посконь – это мужские бессеменные растения конопли, которые созревают раньше, чем женские особи, опыляют последние и засыхают. Одним из синонимов для *посконь*

(*поскон, пасконь, посконьне*) является рус. диал. (ряз., тул., орл. – Даль[2] I, 601; ряз., тул., орл., калуж., брян., ворон., курск., смол., пенз., заволж., заурал., иркут., забайк. – СРНГ 10, 237) *замашка (замашки)*. Даль (там же) так объясняет происхождение этого названия: "Эта конопля стоит выше и метелка ее м а ш е т туда и сюда, от ветру". Особенно же важны для нас другие синонимы к *посконь*, которые отражают тот весьма значимый для хозяйственной деятельности крестьян факт, что посконь созревает б ы с т р е е и ее в ы д е р г и в а ю т р а н ь ш е семенной конопли: "д е р г а ю т е е з а р а н е е" (Даль[3] II, 868), "...плоскуні р в у ц ь, в ы б і р а ю ц ь..." (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 3, 529–530), "пóсканне спее х у т ч е" (Там же 4, 52). Это рус. диал. *дерганцы, бранцы* (Даль[3], там же), *дéрганец, дéрганцы* курск. *дéргань, дéргани* (Даль[2] I, 429), которые позволяют предполагать возможность аналогичного семантического образования и в случае с **poskonь*, т.е. его производность от какого-то глагола, обозначающего действие разрушительного характера (типа **dьrgati, *rъvati* и т.п.). Это предположение находит поддержку в целом ряде примеров. Так см. *пáсконь* 'с о р н а я трава во льну, посконь' (Куликовский 78), олон. *пáсконь* то же у Даля с комментарием "если это слово верно, то отсюда же и *посконь* 'бесплодная конопля'" (Даль[3] III, 48), *пасконь* то же фиксируется и в орловском говоре (СРНГ 25, 255). Исключительно ценны для нашего случая глаголы, образованные от *посконь* или *пасконь* в значении 'вырывать, полоть, драть' и особенно 'дергать коноплю': *посконовáть* 'р в а т ь за волосы' (Куликовский 90), 'вырывать, дергать коноплю' (олон.), 'таскать, д р а т ь за волосы' (олон.) (СРНГ 30, 166), *пасконовáть* 'п о л о т ь какое-л. из огородных растений или лен' (Куликовский 78), 'п о л о т ь сорные травы' (олон.) (Даль[3] III, 48), *пáсконовать* и *пасконовáть* 'пропалывать лен, огородные растения' (олон.) (СРНГ 25, 255). Ср. еще забайк. *пóсконь* и *пáсконь* ж.р. 'хлам, негодные вещи, дрянь; р в а н а я одежда', *поскóнный* 'небрежно одетый, о б о р в а н н ы й, неопрятный' (Элиасов 322).

Заметим, что Фасмер (III, 421) со ссылкой на словарь Подвысоцкого приводит арханг. *пыскóнить* 'разбрасывать сено или солому', характеризуя данный глагол как "темное слово". Рассматривая эту лексику в кругу перечисленных выше, ее безусловно следует реконструировать как *поскóнить* (**poskoniti*), не считая более "темной".

Вышеприведенные примеры, по-видимому, позволяют предположить, что праслав. лексема **poskonь* (и **paskonь*), которая членится, очевидно, на префикс *po-* (//*pa-*) и корневую часть **skon-*, может восходить к знач. 'то, что рвут, выдергивают' и быть производной от глагола с семантикой 'драть, дергать, рвать'. Таковым представляется рус. диал. (волог.) *ощáть* 'трепать (лен)' (СРНГ 25, 100), проинтерпретированный нами в Этимологии 1997–1999[4] как **ob-ščęti*, восходя-

щий далее к и.-е. *sken- 'отдирать', куда относятся и лит. skìnti 'рвать, щипать...' и лтш. šķīt 'рвать, драть' (Karulis II, 357). Еще одной континуантой *sken- может быть рус. горьк. *пощатый* бранное слово: у, *пощатые*, нечистые духи (о детях) (СРНГ 31, 41) < *po-šč̨et-ъjь* (страдат. прич. прош. вр. от **po-šč̨eti, очевидно, в знач. 'драть'). Существенно, что в **po-šč̨eti и *po-skonь представлен один и тот же префикс, который в имени чередуется с преф. *pa-*.

Итак, если принять нашу гипотезу, праслав. *poskonь 'посконь' (< 'то, что выдергивают, выдирают') – образование с характерной именной *o* – огласовкой корня от глагола **po-šč̨eti – к *-šč̨eti 'драть, рвать', далее – к и.-е. *sken- 'отдирать'.

2. Праслав. *sokolъ

Относительно этимологии о.-слав. и праслав. лексемы *sokolъ 'сокол, falco' существуют многочисленные гипотезы, ни одна из которых не может быть признана достаточно убедительной. Наиболее полный обзор этих версий представлен в этимологических словарях Фасмера (Фасмер III, 708–709) и Безлая (Bezlaj III, 286). Так предположение о родстве с др.-инд. *çakunas, çakuniṣ, çakúntiṣ, çakúntas* 'какая-то птица, большая птица', выдвинутое рядом ученых (Мейе, Уленбек, Фик, Зубатый, Петерссон и др.) и поддержанное Фасмером, вызывает сомнение как в формальном, так и в семантическом отношении (сопоставление 'сокол' – 'какая-то птица, большая птица' имеет, на наш взгляд, слишком общий характер). Не кажется более приемлемым и мнение о родстве с рус. *сокотать* 'болтать (по-сорочьи), гоготать', блр. смол. *сакатáць* 'кудахтать', польск. диал. *sokotać* то же (Miklosich. 313; Brückner 506), т.к. данный глагол обозначает звуки, которые характерны для кур, сорок, гусей, но отнюдь не для соколов, ср. также Безлай: "Manj verjetne" (Bezlaj, там же). Фасмер считает, что "нет основания для предположения о заимствовании слав. слов из араб. ṣaḳr 'охотничий сокол'..., вопреки Локочу и Булаховскому" (Фасмер, там же), видимо, по формальным основаниям. Махек, однако, отмечает, что эту возможность исключить нельзя, но тут же предлагает иное, формально также едва ли приемлемое, истолкование – в связи с хетт. *kalli-kalli* 'сокол' (Machek[2] 566). Оштир (см. у Безлая) определяет праслав. *sokolъ и ср.-лат. *sacer* как "палеоевропейские" образования, связывая их с праслав. *sǫpъ, что формально невозможно. Сближение с лат. *cicōnia* 'аист' и греч. *κύκνος* 'лебедь' также нельзя поддержать ни с формальной, ни с семантической точки зрения (очевидно, прежде всего, что аист и лебедь имеют мало общего с хищной ловчей птицей соколом), см. также Фасмер (Там же): "неприемлемо" и Безлай: "менее вероятно" (Bezlaj, там же). Погодин, согласно Преображенскому, членил изу-

чаемое здесь слово как *со-кол*, производя его от гипотетического названия птицы **сколъ* или **колъ* и сопоставляя его далее с польск. *jaskółka (jaskoła)* 'ласточка', болг. *сколовран* (Преображенский II, 350), что кажется бездоказательным. Впрочем, сопоставление с польск. *jaskółka* приводит и Булаховский, который в то же время пишет о возможной связи с *сок* 'соглядатай, лазутчик' – и обе эти версии справедливо отвергаются Фасмером: "не существует... связи" (Фасмер III, 709). Что касается литовского *sãkalas,* то по фонетическим причинам оно интерпретируется как славянское заимствование – см., в частности, Преображенский (Там же); Фасмер (Там же с ссылкой: Брюкнер, FW 129).

Как видим, при существовании многочисленных версий относительно происхождения слав. **sokolъ*, ни одна из них не является достаточно надежной и общепризнанной. Поэтому поиски должны быть продолжены.

Представляется, что выяснению этимологии лексемы **sokolъ* в большой степени может содействовать подробное рассмотрение характерных особенностей этой хищной ловчей птицы, манера ее поведения во время охоты. Чрезвычайно важную в этом отношении информацию мы находим в обширной статье *сокол* в Словаре Даля: *сокол* м.р. (сев. и вост. *сóкол*, юж. и зап. *сокóл*) 'ловчая птица Falco, величиною с большого ястреба; он не берет добычи с земли, весьма редко хватает, а бьет на лету, для чего сперва подтекает под нее, взгоняя ее, потом вынырივает позади ее вверх, и внезапно ударяет в нее стрелой, более под левое крыло, всаживая отлетный коготь в птицу и распарывая ее, ровно ножом: птица падает, сокол опускается на нее, тотчас перерезывает ей горло и пьет кровь, тогда как ястреб щиплет откуда ни попало' (Даль[2] IV, 262). См. еще в Словаре Брокгауза–Ефрона: "Свою добычу сокол бьет крепкими приемными когтями задних пальцев, причем удар бывает настолько силен, что, попав, напр., по утиной шее, перерывает ее пополам", сокола можно узнать по его "сильно изогнутому крепкому клюву, верхняя челюсть которого обхватывает нижнюю и оканчивается острым крючком, и по его "сильно искривленным острым когтям, обыкновенно с острыми режущими краями, сокола отличает "необыкновенная быстрота и выносливость полета"; "ставкою называется взлет сокола на высоту, откуда он... стремглав падает на свою добычу и, если не попадет, взлетает в другой и третий раз, пока, ринувшись с высоты не "заразит" (поразит) птицу"..., соколы "охотятся исключительно, за летящими птицами"[5]. Как видим, отличительными чертами сокола как хищной ловчей птицы являются сильно изогнутый клюв с острым крючком и искривленные острые когти с острыми режущими краями, с помощью которых он

перерезает шею своей добыче, а также необыкновенная быстрота его полета. По-видимому, нельзя исключить, что именно какой-то из этих характерных признаков сокола мог лечь в основу наименования этой птицы. Латинское название сокола *falco* родственное с *falx*, обозначающим '(изогнутое) режущее или стенобитное орудие', а именно – 'серп, коса; садовый нож; серп на боевой колеснице' и др. дает основание предположить, что славянская лексема **sokolъ* также может восходить к "рассекающий, раздирающий' (→ 'сокол') и далее, очевидно, – к какому-то глаголу с семантикой 'резать, сечь, рвать'.

Существенно, что в русских говорах основа *сокол-* встречается в составе и некоторых других лексем. Так, арханг. глагол *вы-соколить* 'отругать, выругать, назвать бранными словами; отобрать, отнять, заставить отдать' (Арханг. словарь 8, 220), членимый на преф. *вы-*, основу *сокол-* (где *-ол-* суф.), объединяется Куркиной[6] с гл. *сечь* (***sekti* : **sěkti*), как и сев.-двин. *за-сок-ол-úть* 'озябнуть, замерзнуть' (СРНГ 11, 48)[7]. Мы, в свою очередь, можем расширить этот перечень, включив в него глагол с иным префиксом *про-сок-ол-ить* 'сильно озябнуть, замерзнуть' (сев.-двин.), безл. 'заморозить, проморозить' (волог.) (СРНГ 32, 237), а также – с другим тематическим гласным (*-е-*) и с несовсем ясным семантическим развитием – *про-сок-ол-éть* 'наголодаться, натерпеться от голода' (нижегор.) (Там же). Причем показательно, что значение 'заморозить, обморозить' представлено не только в вышеперечисленных лексемах с корневым *-о-* (с основой **sok-ol-*), но и в глаголе с корневым *-е-* (*-ě-*) – см. рус. диал. *ис-сèчь* 'обморозить' (Сл. Сред. Урала. Доп. 219). И, наконец, еще ряд, как кажется, достаточно выразительных примеров, демонстрирующих значения, восходящие к про-секать, про-резать': блр. диал. *соколкí* мн. ч. 'мережка', *соколíць* 'делать мережку' (с примерами: Рушнікі *соколяць*. Дзе шво, вона *россокольвае* да перэтыкае краснымі ніткамі), *соколовáць* 'делать мережку' (Тураўскі слоўнік 5, 69). Что касается лексемы *сокол* 'бойное орудие разного рода, большой железный лом или баран, таран, стенобитное орудие, подвешенное на цепях: ручная баба, трамбовка или пест' (Даль[2] IV, 262), то это, скорее всего, метафора к *сокол* 'falco', хотя предлагается истолкование его и как самостоятельного древнего образования, возможного праславянского диалектизма от ***sekt'i* : **sěkti*[8]. Важно отметить, что лат. *falx* (родственное *falco* 'сокол') также означает не только 'серп, кривой нож', но и 'стенобитный багор с серповидным крюком (осадное орудие)'. Еще одним подтверждением связи основы *сокол-* с *сечь* могли бы быть формально совпадающие с *сокол-* (см. выше) диал. *соколик, соколец* 'черная жила большого пальца руки, vena pollicis; у лошадей ножная жила, из которой кровь пускают', а также *соколок, соколик, соколец* 'кровяная жила большо-

го перста; ямка под большим пальцем, промеж двух сухих жил, куда нюхальщики сыплют табак из рожка', помещенные Далем в статью *сокол* 'falco' и тем самым рассматриваемые им в качестве родственных (Даль[2] IV, 262 без указ. места). Однако эти лексемы, "возможно, из тюрк. **sokalag* 'место между большим и указательным пальцем'" – см. Аникин со ссылкой на: Дыбо LWGT 1995, 21[9].

Итак, на наш взгляд, праслав. **sokolъ* 'falco', членящееся на корень в ступени *-o-* (характерной для именных образований) и суф. *-ol-*, восходит к гл. ***sekti* (: **sěkti*) 'сечь, рассекать', может быть, через звено **sokati* (ср. словен. *sǫ́kati, sóknіti* 'уколоть (напр., ножом)', см. еще *sočíti* 'сбивать, сбрасывать рога' – Pleteršnik II, 531, 532; 528; Bezlaj III, 286). При такой интерпретации исходным значением для названия сокола следует считать 'тот, кто рассекает, рассекающий'.

Однако, принимая связь **sokolъ* 'falco' с ***sekti* (**sěkti*), можно основывать ее и на другом признаке – 'быстрый'. Эта гипотеза кажется не менее вероятной, чем представленная выше. Действительно, известно, что значение 'быстрый' регулярно развивается на базе 'резать, бить, драть' и т.п. См., в частности, рус. *бойкий* – к *бить, резвый* – к *резать* и т.п.[10] С другой стороны, как мы уже отмечали, сокола отличает необычайная скорость полета, стремительность "падения" с высоты на жертву. Кроме того, что также общеизвестно, постоянным эпитетом сокола является (помимо *быстрый*) *ясный*, см. в русском: сокол ты мой *ясный*; охота с *ясными* соколами, Финист – *ясный* сокол; покажется сатана лучше *ясного* сокола и т.п. Однако значение этого прилагательного в данном случае не 'ясный, светлый, прозрачный, чистый', а скорее всего именно 'быстрый'. И это предположение находит свое косвенное подтверждение в н.-луж. *jesny* 'быстрый, скорый' (Muka I, 547). В итоге, по нашему мнению, связь праслав. и о.-слав. лексемы **sokolъ* с ***sekti* : **sěkti* 'сечь' в любом случае (исходя из 'рассекающий' или 'быстрый') достаточно вероятна.

Примечания

1 *Koštiál J.* Etymologisches // ZfslPh VII, 1930, 380–381.

2 *Якобсон Р.* Ущекоталъ скача // Lingua viget Comm. Slav. in honor. V. Kiparsky. Helsinki, 1965, 85–86.

3 *Kořínek J.M.* Odkud je slovanské *poskonь*, cannabis mas? // Časopis pro moderni filologii XXVI, 1940, 136–143.

4 *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике XX // Этимология 1997–1999. М., 2000. 141–142.

5 Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1900, т. XXX[A], 723, 724, 722.

6 *Куркина Л.В.* Заметки по славянской этимологии // ОЛА. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000, 201–202.

[7] Констатацию факта существования в гнезде **sěk-* лексем с *o*-огласовской корня см.: Фасмер III, 592 (др.-рус. *сокыра*); *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских основ и отглагольных имен. IV // Этимология 1974. М., 1976, 41–43; *Куркина Л.В.*, там же.

[8] Так см.: *Павлова Е.С.* Имена существительные с суффиксом *-ol-* в истории русского языка // Этимология 1991–1993. М., 1994, 115–116.

[9] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, 521; здесь же сомнения относительно реальности формы *соколак* (забайк.), представленной в Словаре Элиасова, а также фиксация "попытки связать *соколок* как исконное слово с рус. *сок, сочиться* см. у Павловой. Эт. 1991–1993, 116", однако версия Павловой не кажется нам убедительной.

[10] См.: *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике X (слав. **l'utъ*) // Этимология 1979. М., 1981, 44, 45; *Варбот Ж.Ж.* К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III // Этимология 1994–1996. М., 1997, 41–42.

Ж.Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XV*

(*ręg(a)ti sę; *pъrg(a)ti; *galiti и *želъ, **želti; *piskati)

**ręg(a)ti sę*

При анализе праслав. **obrǫžьje* традиционно упоминается его родство с лит. *apranga̖* 'снаряжение, одежда' и, несколько реже, близость к нему польск. *oręż* 'оружие' и (во мн. ч.) 'оленьи рога' (Miklosich 281; Фасмер III, 154; Brückner 381; Machek[2] 418; Bezlaj. Etim. slovar sloven. jez. II, 254; БЕР IV, 931). Недавно удалось обнаружить более точное славянское соответствие для лит. *apranga̖*, а именно – рус. диал. *обру́га* 'весь головной убор со всеми принадлежностями: кичкой, сорокой, пупухом, аряпьем и пр.' (тул., орл., СРНГ 22, 212), 'праздничная одежда, наряд; старинный праздничный женский наряд и пр.' (Орловск. словарь 8 (*Об–Оцупкой*) 47), *обру́ги* 'украшение из перьев селезня, носимое на голове' (Там же)[1]. Это соответствие точно и в структурном, и в семантическом планах и является подтверждением предположения В. Даля о родстве с глаголом *ружить, вооружать* 'снабжать' еще одного русского диалектизма – сиб. *ру́га* 'холщовая, вообще бедная одежонка' (Даль[2] IV, 108)[2].

Лит. *apranga̖* 'снаряжение, одежда' является именным производным от *apreñgti* 'одеть'. Бесприставочный глагол лит. *reñgti(s)* име-

ет значения ‘готовить(ся), снаряжать(ся), устраивать(ся), одевать(ся)’. Соответствующий славянский глагол до сих пор как будто не был засвидетельствован. Представляется, что продолжением праславянского глагола может быть рус. диал. перм. *вы́рягаться* ‘выбиться, выпутаться’. Глагол иллюстрируется контекстом “Рама-то тепловая выпала, а ребенок-то это время *вырягался из пеленок*” (Перм. словарь 1, 146), который позволяет конкретизировать его значение до ‘раздеться’, так что и корень его, и семантика отождествляются с лит. *reñgti(s)*.

Вполне вероятно, что и структура основы праславянского глагола была первоначально бессуффиксальной – ***ręgti*, а форма *-рягаться* – следствие известного в истории славянских глаголов процесса вторичной тематизации.

**pъrg(a)ti*

Для праславянского реконструируется существительное **pьrga* (> польск. *pierzga* ‘цветочная пыльца’, др.-рус. *перга* ‘недозрелые и подсушенные (или жареные) хлебные зерна’, рус. *перга* и т.д.), которое связывается генетически с польск. *pierzgnąć* ‘лопнуть’, а также с ц.-слав. **испръгнѫти** и полаб. *pargnĕ* 3 л. ед.ч. наст. вр. ‘лопастся’ (Miklosich 241; Brückner 411; Фасмер III, 235). Из этих трех глаголов в церковнославянском неоднозначно обозначение слогового плавного (возможны и **pr̥g-*, и **pr̥’g-* > **pъrg-*, **pьrg-*), а в полабском специфика записи двусмысленна в отношении задненебного (возможны и **pьrg-*, и **pьrx-*, см. Polański 3, 484–485). Польск. *pierzgnąć* надежно продолжает праслав. **pьrgnǫti*, которое и является, очевидно, производящей основой для **pьrga*.

Далее слав. **pьrga* сопоставляется с лит. *spùrgas* ‘почка’, что семантически оправдано, но в фонетическом плане представляет собою один из редких случаев несоответствия в качестве исходного слогового *r̥* в родственных балтийской и славянской лексемах.

Но материалы славянских языков позволяют, кажется, реконструировать и для праславянского языка глагол с велярным *r̥* в корне – **pъrgati*, соответствующий балтийскому **purg-*: ср. помор. *pərgac* ‘быстро бежать’ (Lorentz. Pomor. I, 625), польск. диал. *pyrgnąć* ‘убежать, выскочить’ (Варшавский словарь V, 450; вероятно, также поморское) и русск. диал. арханг. *порга́ть* ‘скакать, отскакивать’ (СРНГ 30, 53). Возможно, сюда же относится генетически и иркут. *поржи́ть* ‘гонять с места на место, не давая покоя; преследовать’ (Там же, 60).

Группу польск. *pierzga, pierzgnąć* Брюкнер связал с *pierzch-* < праслав. **pьrx-* (Brückner 411). Предлагаемая реконструкция праслав. **pъrgati* подтверждает эту связь, позволяя установить парал-

лелизм обоих вариантов основ также в отношении вариантности качества *r̥*: **pьrgati*/**pъrgati*–**pьrxati*/**pъrxati*. Семантика славянских глаголов, продолжающих **pъrgati*, – 'быстро бежать, скакать' (при **pьrgati* 'лопаться') свидетельствует о вероятности и для **pьrxati*/**pъrxati*, наряду с семантикой 'брызгать, шелушиться', также значения движения (рус. *порхать*, чеш. *prchati* 'бежать' и др.), что некоторые этимологи ставят под сомнение, допуская в этом случае гетерогенную омонимию (Snoj 497).

Учитывая структуру лит. *spur̃gti* 'удирать', лтш. *spur̂gt* 'быстро лететь', родственных с реконструируемым праслав. **pъrgati*, можно и для последнего предполагать исходную корневую основу **pъrgti*, с последующей тематизацией.

galiti* и *-*želъ*, *želti*

В славянских языках представлена обширная группа глаголов, для которых реальна реконструкция праславянской формы **galiti*, однако значения славянских глаголов столь различны, разнородны, что неизбежно встает проблема омонимии/полисемии и соответственно – родственного окружения (этимологического гнезда).

В двух этимологических словарях праславянского языка эта проблема решается по-разному. В краковском "Праславянском словаре" славянский лексический материал распределен соответственно семантике по четырем праславянским омонимичным глаголам различного происхождения: **galiti* 1 'кричать (радостно), громко смеяться' (сюда отнесены, например, чеш. *haliti se* 'громко смеяться', др.-рус. *галити* 'радоваться', рус. диал. *гáлить* 'смеяться, насмехаться; проказничать; сердясь, кричать') возведено к звукоподражательному и.-е. **gal-*, **ghel-* 'звать, кричать'; **galiti* 2 'возбуждать желание, охоту к чему-л.; прилагать усилия, стараться; заботиться' (здесь, например, ст.-польск. *galić* 'благоприятствовать, способствовать', с.-хорв. диал. *gáliti, gȃlīm* 'стараться; страстно желать; тосковать; пестовать; заботиться', укр. *галúти* 'спешить', диал. 'посоветовать, предложить', с.-хорв. диал. *gáliti se* 'ластиться', русск. диал. *гáлиться* 'волочиться за кем-либо; стремиться, хотеть') истолковано как каузатив к **želěti*; **galiti* 3 'оголять, открывать; (южн.) освежать, охлаждать' (>) 'успокаивать, усмирять' (здесь, например, чеш. *haliti* 'заслонять, укрывать' – с изменением значения вследствие депрефиксации, словен. *gáliti* 'открывать, обнажать', с.-хорв. *gȁliti* 'охлаждать, освежать; успокаивать', диал. 'гасить свет', рус. диал. *гáлить, галúть* 'портить' (< 'разделять на части'), *гáлить* младенца 'дать полежать младенцу без пеленок') объяснено как деноминатив от **galъ* 'голый'; **galiti* 4 'бросать мяч в игре' (польск. XVI–XVIII вв. *galić galę* 'бросать мяч в игре', русск. диал. *гáлить*

'водить в игре; бросать что-либо в игре; подавать мяч' и др.) истолковано как деноминатив от **gala/*gal'a* 'шар, мяч'. В последнее гнездо включены также глаголы с отклоняющейся (на фоне этого гнезда и потому поражающей авторов) семантикой 'таращить глаза, глазеть' (с.-хорв. диал. *gáliti, gȃlīm,* рус. диал. *гáлиться*),что объяснено аналогией с отношениями значений др.-русск. *глазъкъ* 'камешек': русск. *глаз*: рус. *глазеть* (Słownik prasłowiański 7, 35–37, с предшествующей литературой вопроса).

В московском "Этимологическом словаре славянских языков" в единственной статьей **galiti*, объединяющей весь славянский материал, отмечается "крайняя сложность и затемненность первоначальных отношений" и возможность развития семантики 'шутить, смеяться' как из первичного 'заголять', так и 'бросать (мяч)', при вероятности гипотезы Потебни о связи рус. *галить* 'подавать мяч' с укр. *гили́ти* 'бить мяч палкой' (< **g(v)al-/*gyl-/*gul-*). Для значения 'желать' предполагается экспрессивное происхождение в итоге развития 'бросать взгляд' → 'таращиться, зариться' → 'желать' (ЭССЯ 6, 92–94, с анализом предшествующей литературы вопроса).

Впрочем, различие этих двух трактовок славянских глаголов с потенциальным праславянским источником **galiti* не принципиально: признание в ЭССЯ сложности и запутанности первоначальных отношений с последующим семантическим комментарием означает в сущности допущение смешения в славянском материале омонимичных продолжений нескольких этимологических гнезд. В первом случае (Słownik praslowiański 7, 35–37) эти гнезда представлены эксплицитно четырьмя омонимами с семантикой 'кричать', 'желать', 'оголять', 'бросать (мяч)', во втором (ЭССЯ 6, 92–94) семантический комментарий имплицитно позволяет выделить по крайней мере два гетерогенных омонима: с семантикой 'оголять' и 'бросать (мяч)'.

Очевидно, бесспорная сложность семантических отношений представленных славянских глаголов и вероятность огрублений в их истолковании делает возможным и уточнения в их группировке с ориентацией на несколько праславянских гетерогенных омонимов, и уточнение генезиса этих праславянских форм. При этом может оказаться полезным дополнительный материал.

Весьма спорным с точки зрения семантики представляется отнесение рус. диал. *гáлить, гали́ть* 'портить что-либо, повреждать' (волог., СРНГ 6, 112) к **galiti*, производному от **galъ* 'голый' (см. выше), тем более, что недавний диалектный материал подтверждает реконструкцию первичной семантики, предложенную в (Słownik prasłowiański 7, 37: **galiti* 3), – 'разделять на части': ср. курган. *разгали́ть* 'разбить, расколоть, раздробить' в контексте: Вон кака ваза баска была, а она иё *розгалила...*[3]. По значению разрыва к этому *галить* близко вят. *гáлить* 'страдать рвотой; извергать рвоту; срыги-

вать (о грудных детях)' (СРНГ 6, 111), для которого в (ЭССЯ 6, 94) допускается связь как с 'оголять', так и 'бросать'. Наконец, наиболее ярко семантика разрушения, разрыва представлена в сев. *выгáливать* 'проделывать отверстия путем выжигания, высверливания и т.д.'[4] Приведенные глаголы могут быть, кажется, основанием для выделения праслав. **galiti* со значением 'драть, рвать, разрушать'.

В отношении определения родства этого **galiti* перспективно сопоставление его с рус. диал. *разжѐл* 'широкая щель в камне' (забайкал., СРНГ 33, 340) – ср. выше *выгáливать* 'проделывать отверстия...' Последнее семантическое соответствие позволяет, учитывая морфологическую первичность структуры корня *-жел-*, реконструировать исходную глагольную семантику как 'колоть, раскалывать, прокалывать', что подводит к предположению о возможности родства рассматриваемого праслав. **galiti* с лит. *gélti* 'жалить, кусать', лтш. *dzelt* то же. В пользу этого предположения свидетельствует семантическое соответствие рус. диал. *разгалúть* 'разбить, расколоть' (см. выше) и литовского именного производного от *gélti* – *gãlas* 'конец, окончание, край' и 'к у с о к '. Поскольку *разжел* – явно отглагольное бессуффиксальное имя, его производящее реконструируется как праслав. ***-želti*, параллельное прабалт. **gelti.*

**piskati*

В VI статье настоящей серии была предложена реконструкция праслав. **piskъ/*piska* как источника чеш. *pisk* 'зародыш пера, стержень пера', с.-хорв. диал. *piska* 'короткий кол, которым толкают тяжелые предметы', *pȉska* 'обрубок дерева, пенек, щепка' и, возможно, болг. *пы́ска* 'клин, вставляемый в дышло' (по Герову)[5]. Одновременно было выдвинуто предположение о родстве **piskъ/*piska* с глаголом **pьxati*, вероятность которого ослаблялась затруднениями в определении словообразовательной модели: при возможности именного суф. *-k-*, оставалась неясной природа долготы гласного в корне. Соответственно бóльшие формальные основания сохранялись за толкованием Зубатого, возводившего чеш. *pisk* к слав. **piskati* 'свистеть'[6].

В настоящее время появилась, кажется, возможность уточнить способ образования **piskъ/*piska* при введении этих имен в гнездо глагола **pьxati*. В русских говорах Карелии зафиксированы глаголы *пискáть* 'бить, хлестать' (Принялась его *пискáть* по щекам, уж она злобная тож – Словарь Карелии 4, 519) и *пúскаться* 'хлопотать, суетиться' (А ночью пришли и начали *пúскаться*, быстро ли на плитке картошка сварится – Там же). Близкие значения отмечены в тех же говорах для глагола *пихаться*: 'лягаться (о лошади); стараться,

усердствовать' (Там же, 524). Следовательно, *пискать* может быть глаголом с экспрессивным усилением того же корня, что в глаголах **pьxati/*pixati* (ср. такое истолкование удвоенного σσ в греч. πτίσσω 'толочь', родственном праслав. **pьxati, *pixati* – Pokorny I, 796). В таком случае **piskъ/*piska* – результат обратного образования имен от **piskati.*

Для подтверждения соответствия значений имен **piskъ/*piska* 'кол, обрубок дерева, пенек, клин' (см. выше) семантике гнезда **pьxati* представляет интерес еще одно употребление глагола *пихать* в тех же говорах: *пихáть лес* 'расчищать лес под угодья' (Земли мало, так раньше *пихали лес*, чтоб посеять что – Словарь Карелии 4, 523).

Примечания

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971 – Этимология. 1978. М., 1973–1980; Этимология. 1980 – Этимология. – 1983. М., 1982–1985; Этимология. 1985. М., 1988; Этимология. 1986–1987. М., 1989.

1 *Варбот Ж.Ж.* Словарь . Даля и современная этимология // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.

2 Там же.

3 *Лютиков В.Д.* Словарь диалектной личности. Изд-во Тюменского гос. университета, 2000, 140.

4 Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. Т. II. Екатеринбург, 2002, 216. Приношу глубокую благодарность составителям Словаря за предоставленную мне возможность ознакомиться со Словарем в рукописи.

5 См.: Этимология. 1976. М., 1978, 35–38.

6 *Zybatý J.* Studie a články. Svazek I, část 2. Praha, 1949, 130.

М. Белетич

К ИЗУЧЕНИЮ ПРАСЛАВ. **verg-/*verz-*

Праслав. основы **verg-* и **verz-* в конечном счете ведут свое происхождение от и.-е. **u̯er-*'вертеть, поворачивать, гнуть, сгибать'[1], а непосредственно восходят к двум различным гутуральным расширениям этого корня – праслав. **verg-* < и.-е. **uer-g-* 'поворачивать', напр. ст.-слав. *vrьgǫ, vrěšti* 'бросить', рус. *отвергнуть* и т.д. и праслав. **verz-* < и.-е. **u̯er-ĝh-* 'поворачивать, сдавливать, сжимать', напр. ст.-слав. *-vrьzǫ*, *-vrěšti* 'связать, завязать; связывать, завязывать', рус. *павороз* 'бечевка', с.-хорв. *вриjесло* то же и т.д. (Pokorny I, 1154–1155; Skok III, 621 под *vȑći*; Там же, 629–630 под *vŕsti se*).

Славянские континуанты двух этих и.-е. основ характеризует исключительная формальная и семантическая близость, вследствие чего в процессе формирования и развития соответвующих праславянских и, позднее, славянских лексико-семантических гнезд дело могло дойти до их взаимопроникновения и сближения[2]. На праславянском уровне были образованы и аблаутные ряды *verg-: *vorg-: *vьrg-[3] и *verz-: *vorz-:*vьrz-[4]. Этим был открыт путь дальнейшему взаимодействию новообразований, а в сущности генетически очень близких образований, тем более, что в некоторых формах на позднепраславянском уровне нейтрализовалась оппозиция *g* (< и.-е. *g) – *z* (< и.-е. *gh), как результат йотирования (*gj, zj* > *ž*) и второй палатализации (напр. в императиве *verzi). Невозможность точного разграничения двух основ, вероятно, и привела к тому, что формы с -*g*- и с -*z*- рассматриваются как составляющие одно общее гнездо, т.е. праслав. *verg-/*verz-: ц.-слав. *отврѣшти* 'отвязать', *665врѣшти* 'связать', *поврѣзти* то же, с.-хорв. *врéжа* 'ползучий стебель, плеть', рус. диал. *поверeсло́* 'завязка', *верéжить* 'сучить (нитки)' и т.д., *vorg-/*vorz-: с.-хорв. *вр̏ажа* 'вид самодельной шерстяной ткани', блр. *зáваражки* 'ворота из отдельных жердей', укр. *ворóза* 'бечевка', *паворoз* то же, польск. *powróz* 'веревка', др.-рус. *поворозти* 'связать' и т.д., *vьrg-/*vьrz-: с.-хорв. *вр̏зина* 'плетень, изгородь', *вр́гӯљка* 'лента, сплетенная из соломы', *вргу́љак* 'сверток (о табаке)', болг. диал. *врзул'ка* 'узел в пряже или ткани', укр. *верглик* 'инструмент для плетения лаптей', др.-рус. *вьрзати* 'вязать', рус. диал. *верзея́* 'изгородь из лежащих кольев', *верзни* 'лапти' и т.д.[5].

Взятая здесь праслав. основа *verg-/*verz- с апофоническими вариантами *vorg-/*vorz- и *vьrg-/*vьrz-, относится к основам, которые легко поддаются экспрессивному префиксированию. С ней соединяются почти все известные экспрессивные префиксы. Некоторые из этих форм с экспрессивными префиксами уже прокомментированы в этимологической литературе. В этом ряду, кроме них, будут представлены и другие, до настоящего времени не отмеченные с.-хорв. лексемы, которые содержат в своем составе префиксальные элементы типа *ka-*, *ko-*, *ča-*, *če-*, *to-* и т.д.

Глагол *кавр̏гати* 'неровно прясть' (Лика, РСА) членится на префикс *ка-* < *ka- и основной глагол *вргати* < *vьrgati[6], который сохранился только в сочетании с суффиксами, ср. *врг-ỳљ-ати* 'идти, двигаться неровно, зигзагами, петляя; извиваться; делать извилистые узоры на рубашке, на деталях одежды'[7], *врг-ỳд-ати* 'изгибаться, извиваться, вихлять, идти зигзагами' (Тимок, РСА)[8].

Скок считает глагол *кавр̏гати* деноминативом от *кáврга* 'прозвище человека маленького роста' (Шид), 'посудина из липовой коры около родника для питья воды' (Срем)[9]. Это существительное, кроме упомянутых, имеет также значения: 'посудина у каменщика,

миска для зачерпывания и набрасывания штукатурного раствора' (Левач, РСА), 'маленькая простая посудина, мисочка' (Дубица, Левач, В. Пчелице, РСА). Учитывая существование семантически почти идентичных форм *вр̑г* 'маленькая мисочка, деревянная миска' (Пирот, РСА), *вр̏га* то же (РСА) и то, что значение 'прозвище человека маленького роста' сравнимо с болг. *върга* 'человек низкого роста, замухрышка' (БЕР I, 209), становится ясно, что в существительном *каврга* выделяется префикс *ка-*, присоединенный к основе *врг-*, и что для данного слова можно предположить праслав. форму **ka-vьrga*.

Такая же словообразовательная структура и подобная праслав. реконструкция, только с другим префиксом – **ko-vьrga*, характерны и для формы *ко̀врга* 'согнутый, скрученный предмет (серьга или др.)' (РСА), которая в ЭССЯ необоснованно помещена в статье **kovьrkati* (ЭССЯ 12, 18).

К этой группе лексем несомненно принадлежит и сущ. * chоврга́ћ* 'лопатка для муки' (Тимок, Динић. Речник тимочког говора), в которой перед основой *врг-* появляется префикс *чо-*. В отличие от предыдущих, форма с начальным *чо-* не может быть праславянской. Она, вероятно, является локальной инновацией, характерной для юго-восточных говоров Сербии, в которых часты образования с префиксом *чо-*[10].

Сущ. *кв̏рга* 'нарост, (большая) шишка, желвак, утолщение, опухоль на теле человека или животного; вообще выпуклое место' (РСА), 'желвак, большая шишка (от удара), узел' (Ускоцы, Станић) вместе со словен. *kvŕga* 'сучок' Куркина толкует как образование с усеченным префиксом *ka-* или *ko-* < **ka-vьrga*, приводя в качестве аргумента форму с тем же значением, но без префикса *k-*[11], болг. *върга* 'опухоль на голове или на теле' < **vьrga*[12], ср. и с.-хорв. *вр̏га* 'шишка от удара (кврга)' (Вранье, Златановић)[13].

Аналогичным образом может объясняться и форма *чврга* 'шишка' (Вране, Златановић)[14] <**ča-vьrga* (**če-vьrga*), с усечением префикса **ča-* или **če-*, или, возможно, **čь-vьrga*[15].

Это объяснение косвенно подтверждает форма *чевр̏га̄н* 'шустрый, ловкий паренек, юноша' (бачки Буневцы, Peić-Baćlija), в которой отмечается именно префикс *че-*. В отношении происхождения, типа префиксации и семантики эта форма имеет параллели в рус. *чиверга́* 'торопыга, суета' (Фасмер IV, 358)[16] и кашуб. *skovërga* 'шустрый парень, любящий шумное веселье, проказы' (<**sko-vьrga*), что касается префикса *sko-*, то ср. рус. диал. *сковерзень* 'дитя, которое беспокойно лежит, скатывается'[17], тогда как с.-хорв. сущ. *вр̀зиновац, вр̀зиновић, вр̀зиња̄к* 'озорник, шалун, непоседа' (РСА) показывают, что то же самое значение реализуется и в формах без экспрессивных префиксов[18].

Глагол *чавр́зати* 'пустословить' (Дворска, материал РСА) может члениться на префикс *ча-* и основу *врзати*. В качестве основополагающей для него праславянской формы можно было бы предположить **če-vьrzati* с позднейшим изменением начального *че-* < *ча-* под влиянием однозначного *чаврљати* или же **čь-vьrzati*, с вокализацией редуцированного в с.-хорв. языке. В глаголе сохраняется одно из значений этой основы – 'болтать, городить чепуху', ср. рус. *ве́рзить* 'нести чушь, лгать'[19], блр. диал. *вірзія́* 'человек, который говорит ерунду', *вярзе́я* 'болтовня, враки', чеш. морав. *vrázit hubu* (jako dvermi) 'hubu otvírati, чрезмерно болтать'[20]. Анализируя праслав. гнездо глагола **verzti*, Калашников констатирует, что в правосточнославянских диалектах были распространены образования с префиксальными элементами **ka-*, **ko-* типа **kavьrza*[21], ср. и **kovьrza*, **kovьrzati*/**kovьrziti*, **kovьrznъ(jь)*/**kovьrzьna* (ЭССЯ 12, 18–19). Эти образования сохранились и в современных восточнославянских языках, ср. рус. *ка́верза, ка́верзни, ко́верзень* (Фасмер II, 153, 271), укр. *ка́верза* (ЕСУМ 2, 335), блр. *ка́верза, ка́верзня, ка́вярза, кавярза́ць* (ЭСБМ 4, 19, 22–23). Глагол *верзить* в русском имеет исключительную предрасположенность к экспрессивной префиксации, ср. *чи-верзить* 'суетиться, егозить, метаться', *ша́-верзить* 'строить козни', *шиверзить* 'делать назло, мешать'[22] (Фасмер IV, 358, 393, 436).

В форме *натовр́сти се*, а также *нато̀врсти се* 'навязаться, накинуться, прицепиться' (Черногория, Лештанско, РСА), *нато̀врсти се, нато̀врћи се* то же (Ускоцы, Станић), *натоврза̏т се* 'привыкнуть, повадиться' (Загарач, Др. Ђупић, Ж. Ђупић. Речник Загарача) вычленяется элемент *-то-*, привнесенный в структуру глагола *навр́сти се* 'привадиться, навязаться, ополчиться; начать досаждать, надоедать' (РСА)[23]. Исключительно на основе с.-хорв. свидетельств реконструируется праслав. **natovьrzti sę*, которое толкуется как производное от *na-* и **vьrzti* (*sę*) с вставным *-to-*, с замечанием, что древность этого образования проблематична (ЭССЯ 23, 164). Интересно, что элемент *-то-* чередуется с "нормальными" префиксами, ср. *на-до-вр́сти се, надо̀вр̄сти се* 'напасть, наброситься, пристать' (РСА), *на-по-вр́сти се, напо̀вр̄сти се* 'навязаться, напасть, накинуться' (В. Пчелице, Крагуевац, РСА). Элемент *-то-* появляется и после префиксов *од-* и *раз-*, ср. *ото̀врсти, ото̀вргнути, ото̀врћи* 'тронуться (в путь), направиться': Ено се Тушиња *отоврзла* низ Луг. Оли ми данас *отоврсти* от куће?; 'найтись, сориентироваться, начать много говорить; начать какое-л. дело; разгрузить, выгрузить товар': *Отоврзи* ми тога коња, имена ти божег!; 'освободить волов из ярма или отцепить их от того, что они тянут (волокут)'[24]; 'отвязать, отцепить': *Отоврзо* е возове пред колибом; 'потечь, полить': Отоврзла му крв на нос (Ускоцы, Станић), *ото̀врсти* 'отвязать, отделить': Једва *ото̀врзе* једном да иде (Прошчење, Вујичић. Рјечник

Прошчења)[25], *растоврсти* 'делая что-л., устроить беспорядок' (Милена парала наки џемпер, па *растоврзла* ове каснуре по цијелој кући) (Златибор, Миловановић)[26], *растоврз* 'разбросать, раскидать; разговориться, разболтаться' (Васоевичи, Стијовић)[27].

В черногорских говорах отмечен глагол *коврије̏жити се* 'топорщиться, щетиниться, взъерошиваться'; перен. 'злиться, сердиться', *исковрије̏жити* 'посмотреть зло, вытаращить глаза, гневно возражать кому-л.; выпустить, вытолкнуть' (Ускоцы, Станић), *исковрије̏жити се* 'зло, косо посмотреть, резко обратиться к кому-н., наброситься, накричать' (Комарница, РСА), 'нахмуриться, насупиться, ощетиниться, приготовиться к драке' (Прошчење, Вујичић), *наковрије́жити се* 'ощетиниться, выказать враждебное отношение к кому-л.; разозлиться; иметь угрожающий вид' (Ускоцы, Станић)[28]. Поскольку в этих говорах засвидетельствованы и формы *изврије̏жити* 'посмотреть зло, враждебно, угрожать взглядом; вытаращить глаза' (Ускоцы, Станић)[29], *наврије̏жити се* 'взъесться, зло накинуться': ђаво ме надари, па поменук потру, а он *се наврије̏жи* на ме, мишљак свашта ће бити (Пива, материалы РСА), т.е. существует полный семантический параллелизм форм *исковријежити*: *извријежити*, *наковријежити се*: *навријежити се*, и ясно, что форма *ковријежити* образована присоединением префикса *ко-* к основе *вр(иј)ег-* (<**ko-veřziti* < **ko-verg-iti*). Ср. и *уврије̏жити се, у̏вријежӣм* 'metter radici, redicarsi', *врије̏жити, -им* (иное знач.) 'piantare, propaginare' (Skok III, 621 под *vȑći*), деноминативы от *вре́жа*, *врије̏жа* 'тонкий, в большинстве случаев ползучий, стебель или побег, росток, веточка винограда' (РСА)[30] (Skok III, 628 см. под *vrijȅža*).

Правильность предложенного членения глагола *коврије̏жити се* подтверждает сущ. *ковре́сло, коврије̏сло* 'дужка ведра, котла, веревка': *вре́сло, врије̏сло* то же (РСА) < праслав. **koverzslo*, в котором также вычленяется префикс *ko-* (ЭССЯ 12, 13; праслав. форма реконструирована только на основе с.-хорв. свидетельств, но как параллель приводится и кашуб. *ko-wrząsło*). Префикс *ко-* чередуется с преф. *по-*, ср. *поврије́сло* (см. Skok III, 18–19).

Наряду с уже упомянутыми формами *извра́жити* 'посмотреть свирепо, враждебно; сделать не так, как следует' (РСА) и *вра̏жа* 'вид самодельной шерстяной ткани' (<**vorg-/*vorz-*), к континуантам этой основы могло бы принадлежать и сущ. *ко̀враг* 'крупная, густая сорная трава; кустарник' (Босния и Герцеговина, Черногория, зап. Сербия, РСА)[31], ср. *вра̏га* 'нива на месте луга, созданная путем снятия и сжигания дерна, кустов (для удобрения)', *вра̏жити* 'приготовить "врагу", снять и сжечь кусты для преобразования луга в ниву' (Черногория, РСА). Значение глагола *вра̏жити* (<**voržiti*) непосредственно связано с глаголом **vergt'i* 'бросать, кидать'[32]. Иначе говоря, в отдельных славянских диалектах глагол на *-nqti* в комбинации

с префиксом *jьz- – *vьrgnǫti обозначает процесс обработки земли, ср. чеш. *vrhnouti pole, strnisko* 'распахивать целину', диал. *zvrhnúť pole* 'вспахать поле' (Там же). Следовательно, если *врага* обозначает ниву, очищенную от кустов, травы, сорняков, то *ковраг* (<*kovorgъ) значит именно 'сорняк(и), бурьян, трава, которые при раскорчевке снимают и отбрасывают'. В формальном отношении соответствиями этой с.-хорв. форме (но с другим префиксом) являются ст.-слав. *из-врагъ* 'выкидыш', др.-рус. *из-ворогъ* то же (Skok III, 621), в то время, как семантической параллелью может служить с.-хорв. *вр̏зина* 'место, заросшее густым кустарником, ломоносом, кустами ежевики и др.; чаща' (РСА), словен. *svržíka* 'сухая веточка'[33]. Можно было бы предположить, что префикс *ко-* в форме *ковраг* употреблен, чтобы подчеркнуть и усилить негативную семантику слова.

Проанализированные лексемы распределяются по нескольким семантическим группам, сформированным на базе значений исходных и.-е. основ *u̯erg- 'вертеть, сгибать' и *u̯erĝh- 'вертеть, сгибать, сжимать, сдавливать'.

Первую группу составляют лексемы со значением 'плести, вязать', откуда в одном направлении развивается семантический ряд 'веревка'[34], 'нечто сплетенное'[35], 'обманывать'[36]. К этой группе, кроме непрефиксированного *вр́сти* 'оплетать, плести' (Босния и Герцеговина, РСА), принадлежит еще *коврију̂есло*.

В южнославянских языках развился целый ряд лексем со значением 'нечто выпуклое, вздутие, нарост'[37], в который совершенно закономерно включаются с.-хорв. *кврга, чврга*. Куркина к этой группе присоединяет и глагол *кавргати*, подчеркивая, что он, как и болг. *варзу̀л'ка* 'узел в пряже или ткани', содержит этот основной семантический признак – 'утолщение, неровность', который связывает все приведенные образования (Там же). Префикс *ка-* в *кавргати* как будто придает негативный оттенок значению 'неодинаково, неровно прясть', ср. блр. *скавярзаць* 'делать неумело (плести, шить)'[38].

В формах *чаврзати, отдврсти* 'начать много говорить', *растовр̑з* 'разговориться, разболтаться' реализуется одно из значений, характерных для глагола *verzti 'болтать', которое как вторичное развивается из основного 'вязать' – с.-хорв. *вр̏зати*[2] 'вязать, связать' (РСА), ср. рус. *вéрзить* 'говорить глупости, вздор', а в качестве семантической параллели ср. с.-хорв. *развезати* 'разговориться, разболтаться'.

Названия реалий *ка́врга* 'мисочка; посудина из липовой коры, из которой пьют воду; посудина у каменщиков, миска, которой зачерпывают и кидают раствор штукатурки' и *човрга̀њ* 'лопатка для муки' мотивированы, с одной стороны, значением *вр̏зати*[1] 'помещать, класть (во что-н.); набивать, натыкать', а с другой – формой предмета, ср. *ко̀врга* 'выгнутый, согнутый, скрученный предмет'[39], *вр̏гањ*

'ручка плуга, главная часть деревянного плуга': Искривне му ноге ка' два *вргња* (Полица, РСА). Значение 'кривой' развилось на базе и.-е. **u̯er-* 'согнуть(ся), сгибать(ся), свернуть(ся), свертывать(ся), нагибать(ся)'.

Значение 'кривой', вероятно, лежит и в основе формы *ка́врга* 'прозвище человека маленького роста, замухрышки', т.к. известна метафора 'маленький предмет (посудина, сосуд, мисочка)' > 'человек маленького роста', ср. *пикавац* 'окурок от сигареты' > 'человек маленького роста'. С другой стороны, семантический переход 'нарост, сук, узел' > 'человек маленького роста, некрупное животное' не является редким, что показывает болг. *въ́рга* 'округлый нарост на стволе дерева' > 'человек низкого роста'[40] и с.-хорв. *хр̏га=р̏га* 'нарост, сук, узел' > 'небольшая лошадь, лошаденка, кляча' (Skok I, 611–612 под *gȑč*). Уже Скок привел форму *ка́врга* в связи с *кве̏рга* 'нарост на дереве', но только в формальном плане (см. примечание 9).

Исходя из факта, что для всего гнезда и.-е. **u̯er-* 'вертеть' характерно семантическое развитие 'вертеть, поворачивать, сгибать' > 'бросать, кидать'[41], становится ясно, что для значений *натоврсти се* 'навалиться, навязаться', *отоврсти* 'направиться', *растоврсти* 'разбросать, раскидать', *исковријежити* 'вытаращить глаза' нужно предположить в качестве промежуточного звена именно 'бросать' (это значение засвидетельствовано в форме *вр̏зати се* 'бросаться, кидаться' (РСА)), из которого закономерно развиваются упомянутые выше значения[42].

Семантика исходного глагола **vergt'i* 'бросать, кидать' допускает переход к значению 'двигаться' > 'двигающийся, подвижный' > 'живой, ловкий, проворный', ср. макед. *вражи* 'торопливо бегать туда-сюда, двигаться, суетиться, шевелиться, ерзать, вертеться, егозить, двигать чем-л.', болг. диал. *вражем* 'много говорить, быстро двигать руками, шевелить губами'[43]. Именно таким семантическим развитием объясняется значение формы *чеврган* 'проворный, ловкий юноша, парень'.

Этимологическое гнездо объединено вокруг основ **verg-/*verz-*, **vorg-/*vorz-* и **vьrg-/*vьrz-* и сильно разветвлено. В данной работе проанализирован один его сегмент, т.е. формы, которые имеют экспрессивные префиксы. Представленный материал показывает, что в с.-хорв. языке к экспрессивной префиксации наиболее предрасположена основа с нулевой огласовкой корня **vьrg-/*vьrz-*: *кавргати, каврга, коврга, човрган, кврга, чврга, чевrган, чаврзати, натоврсти се, растоврсти*. На втором месте основа **verg-/*verz-*: *ковријежити се, исковријежити се, наковријежити се, ковр(иј)есло*, а на третьем **vorg-/*vorz-*: *коврас* (при условии, что предложенная этимология этой формы правильна).

Примечания

[1] Согласно классификации Покорного, (под вопросом) третья из тринадцати статей и.-е. **u̯er-* (Pokorny I, 1152).

[2] Так, напр., анализируя славянские континуанты и.-е. **u̯ergh-*, Калашников констатирует, что в славянских языках стало преобладать значение 'вязать, связывать, завязывать' и что оно выводится как из 'вертеть, поворачивать', так и из 'сжимать, стискивать, давить, мять'. В свете этого факта автор обращает особое внимание на лексику, которая сохранила старую семантику верчения, вращения, поворачивания, напр. с.-хорв. *вр́сти се, вр́зати се, вр̏за, вр́зало* (Калашников А.А. Из истории славянских синонимов // Этимология 1991–1993. М., 1994, 81), характерную и для континуант и.-е. **u̯ergh-*.

[3] Ср. **vorga* (болг. *врáга*): **vьrga* (болг. диал. *въ́рга*) в связи с **vьrgǫ* (к **vergt'i*), **vьrgnǫti*, **vьrgati* (болг. *въ́ргам* 'бросать, кидать' (*Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 79). Автор рассматривает вариант с апофоническим **o* в качестве праслав. диалектизма, считая, что другой, поздний, может быть результатом трансформации первого варианта.

[4] Ср. **povorzъ* (с.-хорв. *повраз*): **poverzъ* (с.-хорв. *повријез*): **povьrzъ* (с.-хорв. *поврз*) в связи с **vorziti* (с.-хорв. *отвра́зити*): **verzti*: **vьrzǫ*, **vьrzti* (с.-хорв. *врзем се, врсти се, поврсти*): **vьrzati* (с.-хорв. *врзати*): **vьrznǫti* (Варбот Ж.Ж. Указ. соч., 100–101). Автор считает, что варианты с вокализмом в ступени *e* и в ступени редукции вероятнее всего появились в результате трансформации праслав. **povorzъ*. Отсутствие в с.-хорв. языке глагола с вокализмом **e* приводит к предположению, что с.-хорв. *повријез* хронологически предшествует формированию инфинитива *врсти* (вместо ожидаемого **вријести*), т.е., что эта форма может быть позднепраславянской. Идентичную вариантность Варбот видит и в именах с суф. *-slo-* **povorzslo*: **poverzslo* (с.-хорв. *повријесло*): **povьrzslo* (с.-хорв. *поврсло*), считая наиболее старым вариантом из них **poverzslo*. Вариант **povьrzslo* может быть как параллельным образованием от основы настоящего времени глагола, так и результатом поздней трансформации варианта в ступени **e*.

[5] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология 1975. М., 1977, 50; *Куркина Л.В.* Славянские этимологии. II // Этимология 1972. М., 1974, 79.

[6] *Куркина Л.В.* Указ. соч., 80.

[7] Ср. далее *вр̀гуљица* 'узор зигзагом по краю юбки', *вр̀гу̑љка* 'складка (сборка) на платье; лента на соломенной шляпе, сплетенная из соломы; извилистый, зигзагообразный узор на поясе, кушаке', *вргу́љак* 'упаковка, пачка (о табаке)', *вргу̀љав* 'извилистый, вьющийся', перен. 'запутанный' (РСА).

[8] Также *изврѓу̀дати* 'изогнуть, искривить', *изврѓу̀дати се* 'извиваться, переплестись, перепутаться, свернуться в узел', *вргу̀дав* 'извилистый, извивающийся' (РСА).

[9] Форму *ка́врга* Скок приводит также в связи (возможной) с *квр̏га* 'нарост на дереве', предполагая, что она могла появиться в результате добавления вставного *a*. Саму форму *квр̏га* 'нарост' он считает родственной с *грча, кр̏га, хр̏га* (*р̏га*), *врка* (*вр̏ж, фрж*) то же – и всех их вместе ведет к и.-е. корню **ger-* 'поворачивать, вертеть' или **(s)qer-* – с расширителем *-k* (Skok I, 611–612 под *gȓč*). Ср. еще Skok I, 541 под *-ga* (в этой статье в слове *кврга* вычленяется

суф. -*га*), также Skok II, 254 под *kvoga* (приводит *kvrga* и производные без объяснения).

[10] Ср. *чо-вр̏ка* 'ковырять, рыться, копаться; долбить', *рас-чо-вр̏љи* 'устроить беспорядок, разбросать, раскидать', *рас-чо-вр̀ти* 'провертеть дыру бо́льшую, чем нужно', *чо-пр̏љћа* 'ковырать, рыться, копаться', *у-чо-пр̏љи* 'выпрямить, ставить, сделать твердым, негнущимся' (Тимок, Динић. Речник тимочког говора), *чо-бр̏љa* 'ковырять, рыться, копаться (о курице)', *чо-врдȁло* 'палка', *чо-вр̏љи* 'искривлять, кривить', *чо-вр̏љи се* 'кривиться, перекашиваться; дразнить, высовывая язык; насмехаться, издеваться; высмеивать кого-л.', нареч. *нȁ-чо-врл* 'криво, косо; навыворот, наоборот; на сторону', *у-чо-пр̏чи* (се) 'поднять(ся), возвысить(ся); предпринять что-л.' (Црна Река, Марковић).

[11] Префиксальное *к-* на праслав. уровне может реконструироваться и иначе, как **къ-*, ср., напр., ЭССЯ 13, 198 под **kъmetiti*, **kъnaditi* и т.д.

[12] *Куркина Л.В.* Указ. соч. 79–80. Ср. с другим вокализмом болг. *вра́га* 'открытая рана; волдырь; нарост на дереве; желвак, шишка, опухоль' < **vorga*, см. примеч. 3.

[13] Ср. и прилаг. *вр̏гав* 'шишковатый, суковатый' (Баня), 'прыщеватый' (Заглавак), 'бугристый, холмистый, неровный (о земле)' (Вранье) (все из РСА).

[14] Ср. и прилаг. *чвр̏гав* 'шишковатый' (Вранье, Златановић), *чвр̏гав* 'сучковатый, узловатый' (Црна Река, Марковић).

[15] О праслав. префиксе **čь* (как редуцированном варианте **če-*) см. ЭССЯ 4, 146 под **čьmuliti*. Скок также связывает *чврга* (но в значении 'кусок') с *кврга*, предполагая иную этимологию (Skok I, 345 под *čvȍr*).

[16] Хотя Фасмер префиксальный элемент *чи-* толкует как частицу *чи* 'ли' (Там же).

[17] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // ОЛА. 1979. М., 1981, 335. Другую этимологию кашуб. слова дает SEK IV, 285–6.

[18] Приведенные префиксированные лексемы имеют словообразовательно-семантическое соответствие в форме, образованной от другой основы и с другим префиксом, но по той же словообразовательной модели, – *ко-вр̏цан* 'озорной юноша, шаловливый паренек, мальчик, проказник' (Пива, РСА), ср. *вр̏цати* 'двигаться быстро, резко, стремительно' (РСА).

[19] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии. II // Этимология 1972, 79.

[20] Эта форма может быть и ономатопеей, так как в чешском существуют два глагола *vrzati*: один – ономатопея со значением 'скрипеть, хрустеть', другой – континуанта праслав. **vьrzati* 'связывать, завязывать, стягивать, сдавливать' (*Калашников А.А.* Из этимологических наблюдений над гнездом прасл. **vьrzti* // ОЛА 1991–1993. М., 1996, 300–302).

[21] *Калашников А.А.* Из истории славянских синонимов // Этимология 1991–1993, 85.

[22] В отношении значения ср. с.-хорв. *завр̏зати* 'зацеплять(ся) за что-н., препятствовать, мешать' (Драгачево, Ђукановић).

[23] *Петлева И.П.* О важности учета в этимологии редких лингвистических явлений формального характера // Этимология 1984. М., 1986, 200. Ср. и *на́врзан* 'навязчивый, назойливый, надоедливый' (Баня, РСА).

[24] В этом же говоре засвидетельствован глагол с идентичным значением без элемента -*то-* – *ȍдвр̏сти*.

[25] Форма *ȍд-вр̏сти* указывает на то, что здесь элемент -*то-*, вставленный между префиксом *од-* и основой -*врсти* (*од-то-врсти* > *о-то-врсти*), под вопросом.

[26] Исходя из примера, можно предположить, что под вопросом значение 'разбросать, раскидать', см. и форму из Васоевича.

[27] Ср. из этого же говора форму без элемента *-то* – *развр̑з* 'повредить, разбить; разбросать, раскидать'.

[28] Ср. из этого же говора вариант *на-ко-вриjѐштити се* 'разозлиться, взбеситься'.

[29] Ср. из этого же говора форму с другой ступенью корневого вокализма *изврáжити* то же (<*vorg-/*vorz-). Континуантой того же апофонического варианта является и сущ. *врȁжа*, *врȁжа* 'вид самодельной шерстяной ткани, которая преимущественно идет на мужские штаны' (Плевля, РСА). (*Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI // Этимология 1975. М., 1977, 49–51).

[30] Также перен. 'боковая линия родства, род, отпрыск, родственное колено, происхождение'.

[31] Также и 'растение из семейства Umbelliferae'. *кѐвражина* то же (Герцеговина, РСА).

[32] *Куркина Л.В.* К этимологии слав. *voržiti // ЈФ LVI/1–2, 2000, 565.

[33] *Она же.* Славянские этимологии. II // Этимология 1972, 80.

[34] Так, напр., в гнезде *verzti представлены названия веревки, бечевки, шнурка, косы (о волосах), ср. *vorza (укр. *ворóза* 'веревка или ремень в кнуте, которыми бьют'), *pavorzъ (рус. диал. *пáвороз* 'шнурок, завязка'), *povorza, *povorzъ, *uvorzъ (ст.-польск. *uwroz* 'веревка'), *verzslo (с.-хорв. *вриjѐсло*), *obverzslo, *poverzslo и т.д. (*Калашников А.А.* Из истории славянских синонимов // Этимология 1991–1993, 85).

[35] В качестве примеров реализации этого значения Куркина приводит названия конкретных реалий, напр. рус. *верзни* 'лапти из лыка', но в с.-хорв. языке развились и метафорические значения, ср. *зȁврза* перен. 'растеренная, смущенная, неразвитая особа', *завр̏зан* 'неясный, невнятный, путаник' (Пива, материал РСА), 'глупец, путаник, растеряха', *завр̏злан* то же, *завр̏за̄нче* 'глупый, неразвитый ребенок' и т.д. (Ускоцы, Станић), *завр́жен* 'неумелый, неловкий, неуклюжий, растерянный, конфузливый' (Лештанско, Тешић); *свр̏за̄в* 'неряшливый, опустившийся' (Драгачево, Ђукановић).

[36] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии. II // Этимология 1972, 79.

[37] Там же, 79–80.

[38] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // ОЛА 1979, 335.

[39] В пользу этой возможности говорят приведенные Скоком в статье *hrg* слова с общим значением 'посудина' (см. Skok I, 686–687).

[40] Развитие значения в противоположном направлении реализовано в болг. *вр̀ъга* 'нарост на дерево' > 'сильный, крепкий человек' (в тайном языке) (БЕР I, 188).

[41] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI (*vъkročь, *vъrčati, *vъrkati/*vьrkati и *vьrka/*vьrca; *piskъ/*piska; *ščeka, *gološčekъ/*golosčeka и *čekati, *ček̂a) // Этимология 1976. М., 1978, 33.

[42] Это семантическое развитие реализовано и в формах с основой *врљати*, ср. *натовр̏љати се* 'быть кому-л. обузой' (Ускоцы, Станић), *заковр́љити* 'отправиться в путь, пойти' (Пива, материалы РСА), *исковр́љити* 'вытаращить глаза' (Вранье, РСА).

[43] *Куркина Л.В* К этимологии слав. *voržitit // ЈФ 2000, LVI/1–2, 564.

Принятые сокращения источников

Ђукановић – *Ђукановић П.* Говор Драгачева // СДЗб 1995, XLI, 1–240.
Златановић – *Златановић М.* Речник говора јужне Србије. Врање, 1998.
Марковић – *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци // СДЗб 1986, XXXII, 245–500.
Миловановић – *Миловановић Е.* Прилог познавању лексике Златибора // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1983, 19, 13–70.
Станић – *Станић М.* Ускочки речник. Београд, 1990–1991, 1–2.
Стијовић – *Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗб 1990, XXXVI, 121–380.
Тешић – Тешић М. Говор Лештанског // СДЗб 1977, XXII, 159–328.

Перевела с сербохорватского *И.П. Петлева*

В.В. Сырочкин

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. III[1]

Светлой памяти Любови Иосифовны Тверской – самой лучшей мамочки на свете! – посвящает автор с любовью и нежностью

1. Праслав. **dorgъ* ‘дорогой’

По мнению О.Н. Трубачева, “слово **dorgъ* явилось праслав. новообразованием, поэтому целесообразно искать исходный для него глагол среди слав. лексики...” (ЭССЯ 5, 77). Очевидно, допустимо с формальной точки зрения производить слово **dorgъ* от глагола праслав. **dьrgati* ‘дёргать’, ‘взять’. Такая реконструкция правдоподобна, как мы убедимся, и в семантическом отношении. Можно провести такую аналогию: рус. *дорогóй* ‘любимый, любезный, высокоценимый’ (Даль³ I, 1178), с.-хорв. *дрàган* ‘любимый, возлюбленный’, *дрàгић* ‘дорогой; возлюбленный’, *драгòвати* ‘любить друг друга; пользоваться взаимной любовью’, болг. диал. *драгóвник* ‘любовник’, укр. уст. *дорогúй* ‘любезный (милый, любимый)’ относятся к чеш. редк. *drhati* ‘завязать, затягивать (узел)’, н.-луж. *žergaś* ‘делать петли’, польск. *dziergać* ‘вязать’, рус. диал. *дёргать* ‘петли на руках шнурок для отделки поневы, поясов и пр.’ < **dьrgati* (ЭССЯ 5, 221), польск. *dzierzgnąć* ‘сплести узелком’, словин. *ʒi̯ȩ̑řnòu̯ć* ‘делать узелок, петлю’ < **dьrgnǫti* (ЭССЯ 5, 222), чеш. *zadrhel* ‘петля’, *zadrhnouti* ‘завязать (узлом, петлёй), затянуть’, *zadrhnout se* ‘зацепиться’, польск. *zadzierzg* устар. ‘крепёжная петля каната’,

zadzierzgnąć устар. 'завязать, затянуть; застегнуть' в точности так, как др.-инд. *prasakta* 'любимый' относится к родственным др.-инд. *sájati* 'привязывает; завязывает', лит. *sãgas* 'петля', *sègti* 'застегивать' (Фасмер III, 825). Автор считает, что др.-инд. *prasakta* 'любимый' следует соотнести прежде всего с др.-инд. *prasájati* в значении 'льнет к чему-кому' и др.-инд. *saktá-* в значении 'прилипший, приклеившийся'. Ср. в качестве аналогии чеш. *lípěti* 'липнуть, прилипать, приклеиваться, льнуть', *lípati* 'приклеивать', *lípati se* 'навязываться кому-нибудь, **втираться в чье-либо расположение**' (ЭССЯ 15, 119, 121). Наверное, значение 'любимый' у др.-инд. *prasakta* развилось из более древних значений 'прилипший, приклеившийся; **втершийся в чье-либо расположение**'. Обратите внимание на семантическую близость между чеш. *lípati se* в значении 'хвататься, цепляться' (ЭССЯ 15, 119) и чеш. *zadrhnout se* 'зацепиться' (< праслав. **zadъrgnǫti se*).

Может быть, и семантика праслав. **dorgъ* развилась по схеме 'привязанный; связанный' > 'прилипший, приклеившийся' > 'втершийся в чье-либо расположение, завоевавший расположение, любовь' > 'любимый'. Во всяком случае, аналогия с др.-инд. *prasakta* 'любимый' позволяет, как кажется автору, вполне убедительно соотнести праслав. **dorgъ* 'дорогой, любимый' с праслав. **dъrgati* 'вязать'.

2. Праслав. **ognь* 'огонь', **ǫglь* 'уголь'

Очевидно и.-е. **ogní* 'огонь' можно истолковать как производное с суффиксом *-n-*, соотносительное с и.-е. H_2*eng-*, др.-инд. *áñgam* 'член, часть тела', праслав. **ǫgъlъ* 'угол'. В формальном отношении и.-е. ***H_2*eng-* 'огонь' можно сравнить с др.-инд. *áñgín-* 'телесный', которое, по-видимому, восходит к и.-е. ***H_2*eng-in-*. Что касается семантической стороны, то праслав. **ǫglь* 'уголь', лат. *ignis* '**головня,** факел' можно напрямую сопоставить с др.-инд. *ekāñgam* 'единственный член, единственная часть', '**голова**' (от *éka* 'один' и *áñgam* 'член'), *varāñgam* 'голова' (букв. 'лучшая часть' от *vará* 'самый лучший' и *áñgam* 'член, часть'). Точную аналогию находим во взаимно родственных праслав. **golva* 'голова'и праслав. **golvьn'a* 'головня' (ср. лат. *ignis* в том же значении), слвц. *hlaveň* 'уголь' (ср. праслав. **ǫglь* в том же значении). Видимо, семантика и.-е. ***H_2*ngní-* развивалась по схеме 'член, голова' > 'головка пылающего полена' > 'головня, факел, огонь, пламя'. Так что праслав. **ognь* 'огонь' и **ǫglь* 'уголь', видимо, родственны праслав. *ǫgъlъ* 'угол'. Заметим, что переход 'член' > 'голова' закономерен. Ср. рус. *член* 'член', 'голова' (Даль[3] IV, 1354).

Примечание

[1] Предыдущие статьи этой серии см.: Этимология. 1991–1993. М., 1994; Этимология. 1994–1996. М., 1997.

Е. Русек

БОЛГ., СЕРБ. *ТИШМА*, ХОРВ. *TIŠMA*, БЛР. *ЦІЖМА*, ПОЛЬСК. *CIŻBA* 'GEDRÄNGE'

На слово *тишма* я обратил внимание недавно, во время изучения болгарского перевода романа Т.Т. Ежа (З. Милковского) "Асен I". Этот перевод вышел в 1864 г. в Болграде (Бессарабия) в типографии Центральной Болгарской школы под названием: "Ясен I. Приказка из българската история от Сигиз. Милковски. От полски превел Б. Димитров". Это не настоящая фамилия переводчика, а псевдоним. За ним скрывается Христо Груев Данов, заслуженный болгарский издатель, автор школьных учебников (1828, Клисура – 1911, Пловдив)[1].

Несмотря на то, что на обложке написано, что это перевод с польского, предполагают, что Данов переводил не с польского, которого не знал, а с сербского перевода Джордже Поповича (Даница 1863, № 17–27)[2]. Ванда Смоховска-Петрова очень высоко оценила болгарский перевод. По ее мнению, "этот перевод очень хорош. Он полностью верен, не будучи буквальным... Хр.Г. Данов употребляет много народных слов, и благодаря этому диалоги в переводе становятся даже более живыми, чем в оригинале, где стиль немного патетичен и книжен"[3].

В переводе романа "Асен I" слово *тишма* было употреблено трижды. Вот примеры с их польскими и сербскими соответствиями[4]: 1. Стотникът с осталите едва ся извлече из *тишмата* и бе принуден да ся върне в града, без да свърши нещо (с. 145); Setnik z resztkami zaledwie wydobył się z natłoku i nic nie sprawiwszy, powrócił do cytadeli (с. 200); Стотинаш са остатком једва се из *тишме* извуче и мораде се вратити у град, не свршивши ништа (с. 426); 2. Той ся заклони с щитовете, насочи копията като за нападане па удари на *тишмата* (с. 145); Osłonił się tarczami, najeżył dzidy do ataku i uderzył na tłumy (с. 201); Он се заклони штитовима, окоми џиде као за нападање, пак удари на *тишму* (с. 426); 3. И народът като на някаква си заповед обърна ся на отделението, пусти ся напред в гъстата *тишма* (с. 146); I tłumy, jakby na komendę, odwróciły się ku patrolom; ciężarem gęstwin swoich pchnęły się naprzód (с. 201); Светина, као на какву заповест, окрене се на чету; у густој гомили крене се у напредак (с. 426).

Из этого сравнения следует, что болг. *тишма* передает три польских слова: *natłok, tłumy, gęstwiny*; в сербском переводе находим два раза *тишма*, один раз *гомила*[5]. Эти слова означают 'толчея, давка, толпа'.

Я стал искать представленное в болгарском переводе романа "Асен I" слово *тишма* в словарях болгарского языка. Начал со словаря А. Дювернуа, составленного русским лексикографом в

1885–1889 годах "по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати" и изданного в Москве в 1889 г. С изумлением я обнаружил, что этот словарь слова *тишма* не знает. По-видимому, автор словаря не нашел его в эксцерпированных текстах избранных авторов 1849–1884 гг.[6]

Зато его отмечает изданный десятью–двадцатью годами позднее словарь Н. Герова ("Речник на българския език с тълкуване речите на български и на руски". I–VI, Пловдив, 1895–1908). Этот словарь вместе с дополнениями Т. Панчева содержит 78.620 заглавных слов. В противоположность Дювернуа Геров черпал материалы для словаря из живого болгарского языка ("из устата на народа"). Вот что на тему слова *тишма* находим у Герова: *тишмá* 1. 'много калабалък, навалица, навал, джган, сган, сбуна, смреч, паплач, паплъч, пъпляк, орляк, браня, куп; толпа, масса народу, наброд, орава, затор', 2. нар. [наречие] 'твърде много'. Църквата бе пълна *тишма*; церковь была битком набита. Неизвестно, откуда взяты примеры *тишма* 'толпа, давка' (существительное) и *тишма* 'очень много' (наречие), поскольку Геров информации на эту тему не дает. Информацию о географии интересующего нас слова находим в дополнительном томе словаря, изданном Т. Панчевым (т. VI. Допълнение. Пловдив, 1908). Слово *тишма* приводится здесь в форме *тижма*, записанной в западной Болгарии: Врачанско и Орханийско(-Ботевградско): *тижма* (Врачанско, Орханийско) нар. 'тишма, твърде много'. Кога бягаха турците, в жлеба (орханийското корито) имаше *тижма* турчин – вред беше пълно. Труд. I, 1023.

Следующий болгарский словарь, к которому я обратился, это "Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век", составленный коллективом под редакцией Ст. Илчева в Институте болгарского языка (София, 1974). Этот словарь регистрирует слово *тишма*, определяя его как диалектное (диал.), и иллюстрирует двумя примерами из Йоакима Груева (1828, Копривштица – 1912, Пловдив), современника Хр. Данова, учителя и переводчика, автора школьных учебников, в том числе грамматики болгарского языка (Основна българска граматика – 4 издания). Вот примеры: *тишма* 1. 'навалица'. То ти е една борба, то ти е жива *тишма*, кой по-напред да изкочи и да ся покаже на чело. Й. Груев. 2. нареч. 'сбито, нагъсто'. И всъде намери все еднакъв страшен мор по децата, а то излизало най-много от това, че ся струпвали *тишма* много души на едно място та седели в нечист въздух. Й. Груев. Авторы словаря не указывают, из какой книги (книг) Груева взяты приведенные примеры. Из данных, которые я получил в Архиве Словаря болгарского языка периода Возрождения, следует, что Груев употребил слово *тишма* в книге "Сам си помагай" 1880 г., с. 220, 156. Это перевод с неизвестного мне языка.

Картотека Архива Словаря болгарского языка периода Возрождения располагает еще двумя примерами. Они взяты из перевода Б. Димитрова (Хр. Данова) "Асен I" 1864 г. Я привел их выше. Те, кто выполняли эксцерпцию материала из книги "Асен I", пропустили третий пример со страницы 146. Я привел его в данной статье выше. Собиратели материалов для большого словаря болгарского языка XIX в. упустили другой важный источник, а именно "Българско-френски речник" д-ра Ивана Богорова, изданный в Вене в 1871 г. Этот словарь, несправедливо недооцениваемый историками новоболгарского литературного языка, представляет собой самое полное до публикации словаря Найдена Герова собрание лексики живого болгарского языка периода Возрождения. Он охватывает – как отмечает во введении автор – "1° все слова болгарского нашего языка, 2° бóльшую часть научных слов, которые употребляются в науке, ремеслах и торговле, 3° словарь географических и исторических имен старых и новых, как и крестильных имен и наиболее известных мифологических".

Слово *тишма* безусловно в 60-х и 70-х годах XIX в. относилось к живой лексике болгарского языка, входило в первую группу, охватывающую "все слова болгарского нашего языка".

Слово *тишма* Богоров объясняет следующим образом: *тишма* 'la foule, peuple, troupe, atroupement, ramas, tourbe, concours, presse, flot; 1. le régiment, tourie; 2. (народ), fig. l'essaim'; изкочвам из ~ 'se dégager'. Присмотримся к значениям французских слов, объясненных Богоровым в изданной двумя годами раньше французско-болгарской части: *foule* '*тишма*, теснота, куп, натрупване, множество, 2. тепание, валяние (на сукно), 3. (en ~) скупом'; *peuple* 'народ, нация, 1. прости народ, 2. сган, *тишма*, множество, 3. дребна риба, 4. отраслек, изданки, 5. римски народ, 6. adj. простонароден'; *troupe* 'куп, *тишма*, сган, орляк (чловеци), 1. орляк (птици), 2. труппа (комедианти), 3. дружина, сбирштина, 4. pl. ~s войска, пълкове'; *atroupement* 'сборище, навалица, *тишма*'; *ramas* 'сбирштина // *тишма*, дружина'; *tourbe* 'тор, лайна (за горене) // *тишма*, сбирштина хора'; *concours* 'съдействие, 1. стичване, 2. събрание, *тишма*, 3. надварвание, конкурс'; *presse* 'натиск, *тишма*, теснота'; *flot* 'вълмо, далга, 1. навалица, *тишма*, бързей, 2. прилив морски, 3. плута, сал'; *régiment* 'пълк // fig. множество, *тишма*'; *essaim* 'рояк (пчели) // fig. *тишма*, народ'; *se dégager* 'зимам си назад дума, 1. ослободявам се, отделям се, 2. изкочвам (из *тишма*)'.

"Словарь современного болгарского литературного языка" под редакцией Ст. Романского (София, 1955–1959) интересующего нас слова *тишма* не приводит, зато его содержит "Български тълковен речник" (София, 1955), снабжая его квалификатором "обл." (диалектное): *тишма* обл. 'натрупване множество хора; навалица'.

В 4-ое издание словаря, вышедшее в 1994 г., слово *тишма* не было включено[7].

Двуязычные словари болгарского языка, в том числе и столь обширные как "Podręczny słownik bułgarsko-polski" Ф. Славского (Варшава, 1963), слова *тишма* не приводят.

Из данных картотеки болгарского диалектного словаря в Институте болгарского языка БАН следует, что слово *тишма* не чуждо болгарским диалектам. Оно известно как в западной, так и в восточной Болгарии. Вот данные, любезно предоставленные мне проф. Марией Рачевой: *тишма* 'много хора на малко място': Из трена с мъка прекарахме, то хора, хора *тишма* (Сопот, архивни материали, Килифарев, 1893–1905, 62), 'група хора, които искат бързо и едновременно да се качат на влака или се редят пред магазин' (Тодорово, Елевенско, архивни материали, Москов), 'натиск от навалица' (Тетевенско, СбНУ XXXI, 39), 'бърканица, движение от народ': ква е таа *тишмъ*? (Кулско, Видинско, Белоградчишко, архивни материали, Даковска).

Примеры не слишком многочисленны, но по меньшей мере некоторые из них подтверждают присутствие слова *тишма* 'толпа, давка' в живом болгарском языке первой половины XX в. В пользу этого свидетельствуют как фиксация у двух писателей, происходящих из восточной Болгарии (Хр. Данов и Й. Груев), так и включение его в переводной словарь Ивна Богорова (французско-болгарский 1869 г. и болгарско-французский 1871 г.). Этот словарь, содержащий около 30.000 слов, по мнению историка болгарского языка Русина Русинова, "сравнительно хорошо отражает состояние словарного состава языка конца периода Возрождения"[8].

Болгарское слово *тишма* рано вошло в научный обиход. Ввел его Фр. Миклошич, помещая в "Кратком словаре шести славянских языков" (Вена, 1885) как эквивалент рус. слова *давка* 'толкотня, толчея': рус. *давка*, болг. *тишма, теснота, навала, навалица*, серб. *гомила, налога, стисак*, чеш. *dav, nával, tlačenice*, польск. *ciżba, ścisk*, франц. *la presse, foule*, нем. *das Gedränge*. Миклошич привел болг. *тишма* также в своем этимологическом словаре (Miklosich 357).

Неизвестно, кто предоставлял Миклошичу болгарские данные для "Краткого словаря шести славянских языков" – первого сравнительного словаря славянских языков. Как составители, Verfasser, помимо Миклошича фигурируют Н. Никольский, Ст. Новакович, А. Маценауэр и А. Брюкнер – четыре представителя учтенных славянских языков (русский, сербский, чешский и польский); среди них нет ни одного болгарина. Неужели за болгарскую часть отвечал сам Миклошич, который был также редактором этого большого по тем временам и важного предприятия? Пользовался ли Миклошич помощью не названных по фамилии болгар? Был ли источником дан-

ных о болгарской лексике 80-х годов XIX в. только словарь Ивана Богорова? На поставленные здесь вопросы я не в состоянии ответить.

У болгарского *тишма* есть точное соответствие в сербскохорватском, где слово *tišma* было засвидетельствовано в первой половине XVIII в. Словарь Югославянской академии приводит: *tišma* 'stiska'. U rječniku Vukovu s naznač. akc. (u Srijemu, vide *naloga*), u Popovićevu srp.-ńem. (Gedränge) i u Ivekovićevu (vidi i *naval, navala*) (RJA XVIII).

Самый старый пример употребления слова *tišma* относится к 1732 г. и представлен у малоизвестного писателя Антуна Бачича: Moglo bi se... dogoditi, da se prolije... osobito, kad je *tišma* ("Istina katoličanska iliti skazańe upravļeńa spasonosnago žitka Krstjanskago... po ocu fra Antunu Bačiću", u Budimu 1732, 333; авторы словаря полагают на основании данных языка, что писатель происходил из Боснии или Славонии). Следующий пример содержится в книге "Razgovori duhovni pastira s otara..", Jakin, 1763 Йосипа Бановаца (1703–1771, Шибеник): (Crkva) zadužuje mučati one ... koji čuju grih ispovidajući(h)... kad je velika *tišma* na ispovijedi (c. 255). Из языка XVIII в. словарь приводит пример из книги Антуна Канижлича (1699–1777, Пожега, Славония) "Kamen pravi smutńe velike iliti početak i uzrok rastavļeńa crkve Istočne od Zapadne", Осиек, 1780: Vrata (carigradska) bija(h)u napuńena tilesima oniziju, koji su... u onoj *tišmi* zatučeni i pogaženi (c. 825). Другие авторы, примерами из произведений которых словарь иллюстрирует слово *tišma,* это Александр Томикович, "Život Petra Velikoga, cara Rusije, ispisan od arkimandrita Antonije Katifora i treći put na svitlo dan u jezik talijanski, a sada prinesen u ilirički slavonski od o.f. ..." U Osijeku: Jedno dijete... u onoj *tišmi* puka okolo Petra ... usudilo se je baciti mu ... jabuku (c. 89), и М. Павлинович, "Radišu Bog pomaže", Задар, 1870: U toj *tišmi* mnoga krotka duša... izostane (c. 123). Примеры предоставили также современные информаторы: Богданович из Лики, Павлинович из средней Далмации, Грубкович "u sińskoj krajini u Dalmaciji".

Из данных словаря Югославянской академии следует, что слово *tišma* с основным значением 'stiska, давка, толкотня, толчея', реже 'žamor, buka, шум, гомон, суматоха; vreva, шум, гам, гомон, гвалт, суматоха, давка, сутолока, сборище; gomila (ļudi), куча, множество, толпа; jagma, толчея, давка; nevoļa, нужда, нищета, бедность, несчастье, затруднительное положение, заботы, хлопоты' употреблялся и употребляется в Славонии, Лике и Далмации. В Лике и в Боснии известна также фамилия *Tišma.* Эту фамилию носит один из популярных современных поэтов и романистов Александр *Тишма,* связанный с Нови-Садом[9]. В Лике отмечен глагол *tišmiti se* 'jagmiti se' и отглагольное существительное *tišmeńe* 'jagma'.

Вук Караджич в первом издании своего словаря ("Српски рјечник") 1818 г. интересующего нас слова *тишма* не отмечает. Он при-

водит его во втором, расширенном издании 1852 г.: *тишма* (у Сриjему) vide *налога. Налога* же это 'das Gedränge (z.B. bei der Fleischbank), concursus, turba', то есть 'давка, теснота, толчея, толпа, множество'.

Слово *tišma* приводят все сербскохорватские и хорватские словари XX в.: "Rječnik hrvatskoga jezika" Ивековича и Броза (Загреб, 1901): *tišma* (u Srijemu) vidi *naloga* Rj (= словарь Вука), vidi i *navala, naval*. Danas je na sajmu na kukuruzima velika *tišma* (из Лики); "Речник српскохрватског и немачког jезика" Св. Ристича и Й. Кангрги (Белград, 1928): *тишма* 'тиска, Gedränge, Drang'; "Речник српскохрватског књижевног jезика" Л. Бакотича (Белград, 1936): *тишма* v. *тиска* ('тиска мноштва нагомиланог света коjе испуњуjе извесан простор'); "Słownik chorwacko-polski" Й. Бенешича (Загреб, 1949): *tišma* 'tłok, ciżba, ścisk, chmara'; "Słownik serbsko-chorwacko-polski" В. Франчича (Варшава, 1987): *tišma* v. *tiska* 'ciżba, tłok, ścisk'; "Сербско-хорватско-русский словарь" И.И. Толстого (Москва, 1957): *тишма* см. *тиска* 'давка (в толпе); теснота'; "Сърбохърватско-български речник" А. Игова (София, 1959): *тишма* 'блъсканица, навалица'; "Srbohrvatsko-slovenski slovar" Й. Юранчича (Любляна, 1955): *tišma* 'gneča, naval'.

"Речник српскохрватскога књижевног jезика" Матицы Сербской (Нови-Сад, 1971) характеризует слово *тишма* как диалектное: *тишма* покр. 'тиска, навала, врева, гужва' – и иллюстрирует его двумя примерами из двух авторов: хорвата Йозы Ивакича (1879, Винковци – 1932, Загреб): И народа jе ту вазда. *Тишма* брате, – и серба Стевана Сремаца (1855, Сента – 1906, Соко-Баня): Корпулентан и неизграпан своjим лактовима и чепањем умео (се) пробити кроз свет, кроз наjвећу *тишму* на пиjаци.

"Rječnik hrvatskoga jezika" Вл. Анича (Загреб, 1998) квалифицирует слово *tišma* как экспрессивное: *tišma* (gen. mn. *tišama* // *tišmi*) ekspr. 'gužva, stiska', а авторы книги "Hrvatski pravopis" (Загреб, 1996) Ст. Бабич, Б. Финка и М. Могуш рекомендуют употреблять вместо *tišma* слова *gužva* и *stiska* как лучшие и стилистически нейтральные.

Следует напомнить, что для Лалевича *тишма* является словом стилистически нейтральным: *тишма* jе што *тиска*, а *тиска* jе навала, притисак и тискање jеднога преко другога без плана, на сваку страну и одасвуд[10].

Такова была судьба слова *tišma* в сербскохорватском языке, а в течение последних нескольких лет – в отдельных литературных языках сербов и хорватов. Как мы видели, это слово исходно было свойственно хорватским диалектам. Сначала оно не было известно Вуку, который поместил его лишь во втором издании своего словаря в 1852 г., отмечая, что оно представлено в Среме. Странно, что сербские данные не были приведены в "Словаре шести славянских

языков" Миклошича в 1885 г. Автор сербской части словаря, Ст. Новакович слова *тишма* как соответствия рус. *давка* не привел, по-видимому, решив, что оно является регионализмом узкого распространения; вероятно, он руководствовался при этом замечанием Вука о том, что эта лексема известна только в Среме. Сербский пример не попал также в "Этимологический словарь славянских языков" Миклошича, где в статье *tisk-* рядом с болгарским *tišma* 'Gedränge' оказался также белорусский пример *cižma* 'Enge' (Miklosich 357).

Белорусское *цiжма* было известно ранее. Миклошич поместил это слово в своей сравнительной грамматике в разделе о суффиксе *-ma*: блр. *cižma* 'Gedränge': vgl. *cižba*[11]. Откуда было известно Миклошичу белорусское слово *цiжма*? Источником здесь безусловно был словарь И.И. Носовича, изданный в 1870 г. (Носович). В этом словаре читаем: *цижма* (от *жать, теснить*) 'теснота от множества'. Такая *цижма* народу, што не можно пройци. Современные словари белорусского языка слова *цiжма* не подтверждают. Из более чем десяти проведенных диалектных словарей интересующее нас слово я нашел только в одном: *цiжма* у значэнii лiч. 'многа'. У гэтых кроснах *цiжма* кацэлак трэба. Рат. (= Ратучицы Борисовского района)[12].

Представив историю слова *тишма/tišma* в славянских языках, присмотримся к его этимологии. Этимологией слова *тишма/tišma* занимались со времен Миклошича. Миклошич указал на связь нашего слова с основой *tisk-*. В этимологическом словаре в статье *tisk-* он привел болг. *тишма* и блр. *цiжма*. Еще раньше Д. Даничич выводил *tišma* из *tištma* от *tištati se*: "*tiš(t)ma* ispalo je *t* izmegju *š* i *m*"[13]. Это объяснение приняли Ивекович и Броз в "Словаре хорватского языка" (1901), а также авторы словаря Югославянской академии (RJA XVIII).

Миклошич объяснял слово *tišma* как дериват с суф. -ma[14]. Ни болгарского, ни сербского *тишма* Миклошич не приводит, зато дает блр. *cižma* 'Gedränge': vgl. *cižba*. Болгарский представлен здесь примерами *vinobermъ* weinles, sonst meist *berba*. *slamъ*. *krъčmъ* ist geschenk; сербский – *slama*. *pasma* rasse: vgl. *pas-tuh*. nhd. *fasel* fetus. Dunkel: *divizma* verbascum thapsus. *vezma*. *kičma* dorsum. *krčma*. *kukma*. Как дериват с суф. *-ma* трактует слово *tišma* П. Скок: Na *-ma tišma* f (Srijem, Lika) '1° navala, jagma, 2° prezime (Lika)' (Skok III, 473).

Выделяемый в интересующем нас слове *тишма/tišma* суф. *-ma* относится к числу редких. Ф. Славский пишет, что он засвидетельствован в исключительно немногочисленных случаях, например в словах *solma, kr̥ma, kosma* (Sławski. Zarys 2, 14). Редким является также его вариант *-ьma*, который, по мнению Ф. Славского, сохранился как рудимент в нескольких праславянских словах, например *kr̥čьma* 'корчма, постоялый двор; угощение, например водкой', надежной

этимологии нет, может быть, следует сравнить с *kr̥čь* ‘корчма’: с.-хорв. диал. *krčiti* ‘содержать корчму’, словен. диал. *krčovnica* ‘дом, в котором во время свадьбы танцуют’; *kučьma* ‘чуб; меховая шапка’: *kuka, kuča* ‘чуб, хохол, прядь’ (ср. *kukъma*); *vědьma* ‘пророчица, ведьма’, nomen agentis от *věděti* ‘знать’: *vědь* ‘знания, колдовство’. У этих суффиксов, а также у суф. *-ъma* есть точные соответствия в балтийских языках. Суф. *-ma,* продолжающий и.-е. *-ma,* лучше сохранился в литовском, где встречаются nomina actionis и даже nomina agentis (Sławski. Zarys 2, 14–16).

В последнее время отглагольным образованиям на *-m-* посвятил обширную монографию финский ученый Кари Лиукконен. Он доказал, что “славянские отглагольные существительные на **-mъ, *-ma, *-mo* были в праславянское время **продуктивной категорией.** Эта ситуация кончилась вследствие действия закона **открытых слогов.** Вследствие отпадения смычных, *n* перед *m* и изменения **ǫ* > **o* или > **u* существительные на **-mъ, *-ma, *-mo* в подавляющем большинстве случаев стали этимологически непрозрачными. Последствием этого было в большинстве случаев заметное отдаление от первоначального значения и полная лексикализация слова” (выделено автором)[15].

Исходно это были nomina actionis, но они рано приобретали более конкретные значения (nomina acti). Среди отглагольных существительных с суф. *-ma* выделяется довольно многочисленная группа nomina agentis, например *balama, bl’uma, čama, duma, gluma, r’uma, tuma, ugr’uma, zastuma.* К этой группе К. Лиукконен присоединяет также слав. *vědьma*, образованное при помощи вариантного суффикса *-ьma* < *-ĭ-mā.* Об образованиях этого типа автор должен был писать в заранее объявленной второй части монографии; насколько я знаю, второй том не был издан.

Ф. Славский интересующего нас слова *тишма/tišma,* засвидетельствованного в трех славянских языках (болг., с.-хорв., блр.), не приводит, не обсуждает его также Кари Лиукконен.

Как мы видели, те, кто объяснял слово *тишма/tišma*, выражали единодушное мнение, что оно было образовано при помощи суф. *-ma.* Расходились же они в определении его словообразовательной основы. Одни выделяли здесь *tisk-* (Миклошич), другие – *tišt-* (Даничич, Скок). Славянские языки располагают двумя глаголами: *tisk-ati* и *tištati* < **tisk-ěti.* Преобладает глагол *tiskati,* свойственный в основном всем славянским языкам, ср. рус. *тискать* (разг.) ‘давить, прижимать’, *тискаться* (прост.) ‘толкаться, пробираться в тесноте’, укр. *тискати* ‘1. (разг.) тискаться, продвигаться вперед; (реже) протискивать; 2. (полигр. редк.) тискать’, блр. *ціскаць* ‘1. жать, давить, мять; прижимать, тискать; 2. (полигр.) тискать’, словац. *tiskat’* ‘1. posunovat’ pred sebou, tisnut’, tlačit’, 2. ominat’, tlačit’, 3. vtlačat’,

tlačit', tisnut'', чеш. (устар.) *tiskati* 'tisnouti', польск. *ciskać* 'бросать, метать' (исходное значение – 'нажимать, теснить, толкать'), словен. *tiskati* 'drucken, drängen' (Pleteršnik), болг. диал. (Геров) *тискам* 'натискам, бутам, барам', с.-хорв. *тискати* '1. потискивати, гурати, терати, 2. трпати, гурати нешто (у што), утрпавати, 3. штампати, 4. цедити' (Словарь Матицы Сербской).

Глагол **tisk-ěti* ограничен в своем распространении сербскохорватским, словенским и македонским языками, ср. с.-хорв. *тиштати* '1. притискивати, стезати, жуљити, 2. изазивати, задавати бол, муку, тешкоћу, мучити (физичко или психичко, душевно)' (Словарь Матицы Сербской), словен. *tiščati* '1. s silo delovati na kaj, da ostane v določenem položaju, 2. delati, da je kaj tesno na čem, ob čem, 3. trdno držeč, oprijemajoč z roko, rokami delati, da na kaj deluje sila, 4. s silo ohranjati v določenem položaju, na določenem mestu, 5. s pritiskanjem povzročati komu bolečino, neugodje, 6. ekspr., navadno s prislovnim določilom: prizadevati si kljub oviram, odporu iti, priti kam, 7. ekspr., s predlogom: vsiljivo približevati se komu, 8. ekspr. pojavljati se kje v veliki količini, 9. ekspr. delati, da je kdo v zelo neprijetnem, težavnem položaju', макед. *тишти* '1. tištati, pritiskivati, 2. štedeti'.

В свете проведенных исследований мы можем констатировать, что основой для слова *тишма* // *тижма* 'давка, толчея, толпа' было *tisk-* 'стискивать, давить, жать' с суф. *-ьma*. Современное *тишма* // *тижма* мы выводим из **tisk-ьma*. Фонетическое развитие должно было бы быть таким: **tisk-ьma* > **tiščьma* > **tiščma* (=*tištšma*) > *tištma* > *tišma*. Форма *тижма*, характерная для белорусского и диалектов болгарского, возникла в результате озвончения *š* перед сонорным *m*. *Тишма* // *тижма* 'давка, толчея, толпа' это nomen acti, близкое к исходному nomen actionis от глагола *tisk-a-ti* 'давить, жать, стискивать'.

Наречное значение слова *тишма* // *тижма*, засвидетельствованное в болгарском: *тишма* // *тижма* 'твърде много' (Геров) и *тишма* 'сбито, нагъсто' (Груев), можно было бы вывести из существительного *тишма* 'давка, толчея, толпа', ср. нередкие в славянских языках наречия образа действия типа польск. *ciżbą, tłumem*, болг. *тихом, мълком* из старых форм творительного падежа. Однако суф. *-ьma* наряду с существительными, имеющими абстрактное значение, образовывал также наречия. Многочисленные примеры из славянских языков можно найти у Миклошича[16].

Ближайшим семантическим соответствием обсуждаемого слова *тишма* / *tišma* является польск. *ciżba*, произведенное от той же самой словообразовательной основы при помощи суф. *-ьba*: **tisk-ьba*. В старопольском были засвидетельствованы также более старые его формы: *ciszczba, ciszba* и *ciżdżba* (последний пример – из Liber maleficorum, 1543–1554, см. Sł. polszcz. XVI w.). Польск. *ciżba* 'толпа, давка, толчея, большое количество скопившихся людей (реже –

каких-либо предметов), скопище, масса, множество, куча': *ciżba* ludzka, *ciżba* samochodów na jezdni – было засвидетельствовано в XV в. Помимо польского оно известно в белорусском и украинском, ср. блр. *цижба* 'тьма, множество': *цижба* народу на торгу (Носович), укр. *тичба* (арх.) 'гурьба, толпа' и *тижба* то же.

Суффикс *-ьba* возник путем наслоения начального *-ba* на исходное абстрактное существительное на *-ь*. У него есть соответствия только на балтийской почве. Он образует отглагольные абстрактные существительные, часто подвергающиеся вторичной конкретизации (см. Sławski. Zarys 1, 61–62).

В случае со словами *тишма* < **tisk-ьma* и *ciżba* < **tisk-ьba* мы имеем дело с параллелизмом праславянских суффиксов *-ьma* и *-ьba* в одной и той же функции – функции образования названий действий от глагольных основ. С подобным явлением мы имеем дело в словах *berьba* и *berьma*, ср. *berьba,* праслав. диал. (южн.) 'сбор, обрывание плодов' (Słownik prasłowiański), болг. диал. *берба* '1. бране, берене; сбор, уборка, 2. времето кога се бере някаква рожба, беритба; время уборки плодов' (Геров), макед. *берба* 'berba', с.-хорв. *берба* '1. а. брање, скупљање плодова уопште, време кад се оно врши, б. скупљање, вађење меда из кошнице, време кад се оно врши, 2. обран плод (обично грожђе)' (РСА), словен. *berba* 'die Weinlese' (Pleteršnik), *berьma* // *berma,* болг. диал. *берма* 'бране, беритба': *бермата* на гроздето 'виноберма, гроздобер' (западная Болгария, Геров), 'бране' (Видинско), *виноберма* (устар. и диал.) 'гроздобер' (РБЕ, БТР, Геров). Более широкое распространение демонстрирует образование с суф. *-ma* : *ber-ma*[17]. Оно представлено в восточнославянских языках и в сербскохорватском: с.-хорв. диал. *брема* 'врста дрвеног суда за течности начињеног од дужица' (РСА), 'као плоска за воду (од дужица), Art platte hölzerne Flasche, vasis lignei genus' (Караџић), рус. диал. *берема* 'охапка, вязанка' (смол.), 'охапка; пучок' (брян.), 'охапка; руки, сложенные в охапку; тяжесть, обременение; тяжкая ноша, бремя' (смол.), *бярема* 'охапка' (смол.), *бярема, бирема* 'охапка' (курск., орл.), блр. диал. *бярэма* 'охапка' (витеб.), *бярэмак* (производное), *бярэма* (Словарь Гомельщины), *берэмок* (производное) 'абярэмак' (Тураўскі слоўнік), укр. диал. *беремок* 'охапка; вязанка' (Гринченко).

С параллельным употреблением суф. *-ma* и *-ьba* мы имеем дело в словах *rězma и rězьba, sqd-ma* и *sqd-ьba,* ср. ст.-рус. *режма* 'то же, что *реж*(ь)' (XVII в.), с.-хорв. диал. *razma* 'nogostup naokolo lađe, ili iznutra pri vrhu; bude širok nogu' (Далмация), *ražma* 'onaj dio čamca, na koji je utaknuta rašļa za veslo' (Врбник), *rizma* 'kod čamca, na leutu rub koji malo strši, mala debela daščica iz tvrdog drva horizontalno položena, tal. *falcheta,* španj. *falco*' (Skok), словен. *razma* 'lesena letev, ki utrjuje, povišuje ali zaključuje vrh boka pri čolnu' (SSKJ). Лиукконен выводит

ст.-рус. форму *режма* из *rěz-ma,* также и далматинское *ražma* выводит из *rež-ma.* Далматинское и словенское *a* в *razma* он выводит из *rězma.*

Слово *rězьba* также имеет широкое распространение. Его исходное значение – 'резание, резка, вырезание'. В большинстве языков сохранилось более новое значение – 'то, что вырезано, высечено, резьба, скульптура' (nomen acti), ср. болг. *резбá* '1. изрязване на различни фигури върху дърво, кост и др. материали, 2. художествена украса от изрязани върху дърво, кост и др. различни фигури', словен. *rezba* стар. 'rezbarija': z *rezbami* okrašen okvir, польск. *rzeźba* 'произведение или совокупность произведений, созданных художниками-скульпторами': drewniana, kamienna, marmurowa *rzeźba,* рус. *резьбá* '1. вырезание узора, рисунка на твердых материалах, 2. узор, рисунок, вырезанный на каком-либо твердом материале, 3. спиральная, винтовая нарезка, 4. простореч. то же, что *резь* (в 1-м знач.)' (ССРЛЯ).

Образование с суф. *-ma* от *sǫditi* Лиукконен указал в рус. диал. *сума* (*суму* сумовать 'думу думать, мозговать; горевать, грустить'), блр. *сума* 'пожитки, имущество'. В противоположность реликтовому *suma* < **sǫd-ma* слово с суффиксом *-ьba* (*sǫdьba*) широко распространено, ср. ст.-слав. **сѫдьба** '1. soudní výrok, rozsudek, odsouzení, 2. právo, spravedlnost, 3. zákon, přikázání, ustanovení, rozhodnutí', болг. *съдбá* 'судьба', *съ́дба* диал. "съдене по съдилища', рус. *судьба,* укр. *судьба* 'судьба', словен. *sudba* книжн., арх. 'osud, udel', чеш. *sudba* 'co je komu souzeno, osud, úděl'. Г. Ожеховская считает, что это образование является более поздним производным, возможно, уже южнославянским.

Существуют и слова, образованные при помощи суф. *-ma (-ьma),* не имеющие соответствий с суф. *-ьba.* Таким словом является, например, болг. *връзма,* макед. *врзма,* ср. болг. *връзма* диал. '1. мрежа, торба в която слагат сено или слама когато ги товарят на кон, 2. връв, 3. керван, върволица' (РБЕ), макед. *врзма* 'veznik, mreža za prenos slame' (Конески). Основой является ст.-болг. глагол **-врьзѫ, -врьсти,** болг. *връзвам, вържа.*

Образование с суф. *-ьba* засвидетельствовано от тождественного по значению праслав. глагола *vęzati,* ср. ст.-слав. вѧзати, **вѧжѭ** 'вязать', болг. диал. *вежем* 'връзвам' и 'плета'. Слово *vęzьba* известно почти во всех языках западной и южной групп, а также в русских диалектах, ср. болг. *везба* '1. везане, бродиране върху плат, обикн. с разноцветни конци, 2. ушита, везана върху плат украса, везмо' (РБЕ, с.-хорв. *везба* диал. v. *везидба* = 'везивање, привезивање (обычно винограда); време кад се врши та радња' (РСА), чеш. *vazba* 'тюрьма; силки', в.-луж. *wjazba* 'Bindung, Gebinde, Verbindung', польск. *więźba* '1. строит. совокупность деревянной конструкции крыши, состоящей из балок, связанных друг с другом при помощи плотницких соединений, перен. то, что соединяет, скрепляет, связывает,

связь, 2. бот., лес. промежуток, расстояние, на котором сажают молодые растения, а также их взаиморасположение' (Doroszewski).

Согласно Г. Ожеховской, в праславянском языке должно было быть около 20 отглагольных образований с суф. *-ьba* и несколько десубстантивных, вторично связанных с соответствующими глаголами. В некоторых славянских языках этот суффикс получил значительную продуктивность. Трудно сказать что-либо конкретное на тему продуктивности суф. *-ma (ьma)*. Представляется, что в сравнении с суф. *-ьba* большой продуктивности он нигде не получил. Славянские языки сохранили лишь некоторое количество старых образований с этим суффиксом. Одним из таких слов было разобранное в нашей статье *tišma* из **tisk-ьma*, по-видимому, более старое, чем его синоним **tisk-ьba*, польск. *ciżba*.

Примечания

[1] Ср.: *Смоховска-Петрова В*. България в творчеството на Зигмунт Милковски (Теодор Томаш Йеж). София, 1955, 152, примечание 1. Маню Стоянов, на которого ссылается автор, пишет осторожно: «Предполага се, че "Б. Димитров" е псевдоним на Хр. Данов» (Българска възрожденска книжнина I. София, 1957, 76). Ныне мнение о том, что за псевдонимом *Б. Димитров* скрывается Христо Груев Данов, является общепринятым, см.: *Богданов Ив*. Речник на българските псевдоними. София, 1989.

[2] С сербского был также выполнен второй перевод "Асена" в 1898 г., см.; *Смоховска-Петрова В*. Op. cit. 152–153, 157. О сербском переводе романа Т.Т. Ежа см.: *Subotin St* T.T. Jeż wśród Serbów i Chorwatów // Pamiętnik słowiański VIII, Wrocław, 1959, 74–76. Согласно оценке Суботина, перевод Поповича содержит много неточностей и часто обнаруживает непонимание текста оригинала.

[3] *Смоховска-Петрова В*. Op. cit. 152.

[4] Я пользуюсь оригиналом романа Т.Т. Ежа: *Jeż T.T.* Asan. Ustęp z dziejów Słowian bałkańskich. Powieść historyczna. Biblioteka Mrówki 7. Lwów, 1869; сербским переводом Джордже Поповича: Асан. Приповетка из бугарске повеснице. "Даница", Даница, 1863 и болгарским переводом Хр. Данова. Болгарские примеры я привожу в орфографии, приближенной к современной.

[5] В значении 'толпа' ('skup živijeh stvari (čeļadi, životińa), što stoje jedne uz druge bez ikakva reda') слово *gomila* было засвидетельствовано в сербскохорватском языке в 80-х годах XIX в. Согласно авторам RJA, "u naše vrijeme". У этого слова нет надёжной, общепринятой этимологии, ср.: *Skok* и *Gluhak A*. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.

[6] Об этом словаре см. *Кювлиева В*. Ал.Л. Дювернуа и българската лексикология // Известия на Института за български език. XIX. София, 1970, 467–473. Словарь Дювернуа содержит около 20. 000 слов.

[7] "Этот словарь, дополненный и переработанный Димитром Поповым, был обогащен примерно на 10.000 слов, определенное количество слов было изъято. Слово *тишма* было изъято; вероятно, по мнению редактора, оно относилось к немалой группе слов, определенных как "подчертано редки, остарели и диалектни думи, чието присъствие в лексикалната система на езика и в реч-

та на съвременния българин не е достатъчно убедително" (Предговор към четвърто издание // БТР[4] 5).

[8] Об этом словаре пишет Р. Русинов в своей книге "История на новобългарския книжовен език". Велико Търново, 1999, 206–211. Академическая история языка не обсуждает заслуг Богорова как лексикографа.

[9] Эту фамилию носят многие жители Воеводины, в чем можно убедиться из телефонного справочника Воеводины (как автономного края в составе Федеративной Республики Югославии).

[10] *Лалевић М.С.* Синоними и сродне речи српскохрватског језика. Београд, 1974, 399: *тишма, навала.*

[11] *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II: Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, 234.

[12] Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М.А. Жыдовіч. Мінск, 1974, 173.

[13] *Daničić Dj.* Korijeni s riječima od njih postalijem u Hrvatskom ili Srpskom jeziku. Zagreb, 1877, 84.

[14] *Miklosich F.* L.c.

[15] *Лиукконен К.* Восточнославянские отглагольные существительные на *-т-*. Т. I. Хельсинки, 1987, 194.

[16] *Miklosich F.* Op. cit. 234–236.

[17] С параллельным употреблением суф. *-ьba* и *-ta* мы, возможно, столкнемся в словах *gurьba* и *gurta,* если будем рассматривать их как дериваты от **guriti* (ср., с другим вокализмом, *žuriti*). Что касается этимологии, см. ЭССЯ 7, 177–178. А.С. Мельничук (Етимологічні розвідки. 2. *юрба, гурба – юрма, гурма* // Слово і труд. До сімдесятиріччя академіка Івана Костянтиновича Білодіда. Київ, 1976, 163–167) считает интересующие нас слова заимствованиями из тюркских языков: "Е підстави твердити, що розглядуване слово в різних його фонетичних формах з'явилось у слов'янських мовах як запозичення з тюркських мов" (*Мельничук А.С.* Указ. соч. 165).

Перевел с польского *А.А. Калашников*

Я. Влаич-Попович

К РЕКОНСТРУКЦИИ ТРЕТЬЕГО ПРАСЛАВЯНСКОГО ОМОНИМА **KOSA* 'AGGREGATIO EROSIONIS FLUMINIS; PROMONTORIUM'

Гапаксы в отдельных славянских языках – это слова, к которым этимолог подходит с осторожностью, пока не установит относительно сомнительных примеров, являются ли они результатом ошибок или же драгоценными подтверждениями определенных форм, которые представляют недостающее звено некой словообразовательной или семантической цепи, так что в сравнительно редких, но чрезвычайно ценных случаях, они дают возможность установить

праславянские изоглоссы (т.е. изолексы). Тогда можно приступить и к дальнейшему продвижению в исследовании (прежде всего сравнительном, общеславянском и праславянском) славянской лексики, а также лексики отдельных языков или их говоров.

К этой второй категории гапаксов может относиться с.-хорв. *кòса* ж.р. 'речной эрозионный нанос', записанное в конце XIX в. в окрестностях Дубровника: "*Коса* је у пуку одуљи ратац камења, жала, земље и пржине, што нанесу потоци". Точность этой дефиниции и реноме сделавшего запись[1] не оставляют места для сомнения в достоверности этой записи, и в этом отношении особенно ценно замечание, что это слово народное ("у пуку").

В с.-хорв. языке это существительное совершенно изолировано, и РСА – единственный лексикографический источник, который его отмечает[2], но не выделяет в отдельную статью, а классифицирует как последнее, областное, значение географического апеллатива *коса*[3] ж.р. genus montis, montis clivus, вообще широко распространенного на штокавской территории. Так как этот, в сербохорватском языке третий омоним (наряду с парой *коса*[1] 'coma' и коса[2] 'falx', известной почти всем славянским языкам) не имеет ни одного удовлетворительного этимологического решения[3], ясно, что и для примера из Дубровника объяснение следует поискать в ином месте, на более широком славянском фоне.

Когда в дальнейшем изложении мы говорим об омонимах, то имеем в виду классификацию Балли, согласно которой они делятся на этимологические и семантические, соответственно на "подлинные" – этимологически совершенно различные слова, формы которых под воздействием фонетических закономерностей с течением времени случайно совпали, и "ложные" – они появились в результате функционального и смыслового расхождения близких значений одного слова (Bally, 44; Аникин, 9)[4].

Если повнимательнее посмотрим на основную омонимическую пару *kosa* 'coma' и *kosa* 'falx', то увидим, что и относительно ее не все ясно. А именно – оба существительных в настоящее время чаще всего интерпретируются как поствербальные с *-о-* вокализмом от праслав. глагола *česati < и.-е. **kes-* (ЭССЯ 11, 131–135, здесь же обзор других толкований), но некоторые детали, касающиеся второго омонима, остаются неясными[5].

Интересно, что, хотя почти во всех славянских языках присутствуют оба этих существительных (ср. ЭССЯ, там же), в большинстве языков этим омонимия не исчерпывается ни в литературном языке, ни, в еще меньшей степени, в говорах. Среди многочисленных значений одни являются общими для многих языков, другие же засвидетельствованы только локально. В соответствии с их современной дистрибуцией на славянской территории (с учетом оппозиции: лите-

ратурное – диалектное) можно судить о том, какие из них могли бы считаться праславянскими (1), какие являются праславянскими диалектизмами (2), какие – плод более новых независимых эволюционных процессов как в отношении к “прозрачным” метафорам (3), так и к образованиям, по-видимому, неясного происхождения (4), а какие – возможные заимствования (5).

1. Самый широкий географический и семантический диапазон, что указывает на праславянское происхождение, имеют соответствия с.-хорв. гапаксу *коса* ‘продолговатый мыс из камней, земли и песка, нанесенных потоками воды’, но это до сих пор не замечено и в целом не описано. Вероятно, именно из-за незнания этого примера со славянского юга, недостаточно внимания уделено и сходному слову из словенского языка: *kósa* ‘мель, перекат, где течение изгибается’. Так как эта старая запись Штрекеля несомненно достоверна[6], нет необходимости выяснять источник, подтверждающий современный географический термин *zemeljna kósa* ‘продолговатая песчаная отмель, которая замыкает залив или озеро’[7], но можно заключить, что сущ. **kosa* ‘aggregatio erosionis fluminis’ в настоящее время засвидетельствовано в двух южнославянских языках – словенском и сербохорватском[8]. Восточнославянские свидетельства несравненно многочисленнее и разнообразнее, хотя в словаре Даля в начале статьи *коса* помещено значение ‘узкая, косая полоса клином’, уменьш. *кóшка* (< *кóска*) ‘длинная песчаная отмель, идущая клином, грядой от берега’ (в современных словарях русского литературного языка это третий омоним после ‘coma’ и ‘falx’), Фасмер это значение вообще не отмечает[9]. Точно так же и ЭСБМ (4, 290–291) среди четырех омонимов[10] не регистрирует блр. диал. *косá* ‘песчаный нанос в реке’ (Тураўскі слоўнік 2, 223) и *касá* ‘отмель, коса’ (Гомель, ср. ЭССЯ 11, 178). ЕСУМ среди четырех украинских омонимов[11] также не выделяет значение ‘узкая полоса суши, мыс’ (а помещает его под ‘falx’) и не приводит подтверждения украинского диал. *коса* ‘низменность возле речки, небольшая отлогая насыпь песку возле реки’ (Полесье, ср. ЭССЯ 11, 178). Все эти восточнославянские формы вместе со словен. *kósa* ‘мель, перекат’ (и многочисленными другими лексемами с иными значениями во многих слав. языках) помещены в ЭССЯ (11, 177–178, 141) в статью **kosъ(jь)* и истолкованы как субстантивация этого прилагательного в женском роде. Таким образом ни одно из данных значений не получает статуса самостоятельного слова[12] праславянской древности даже независимо от конкретного этимологического толкования его происхождения[13]. Несмотря на содержательную и конструктивную дискуссию (которая касается диалектной этимологии или специфической семантики), вопросы конкретного образования, реальных возможностей субстантивации прилагательного в отдельных языках тут не рассматриваются[14]. Не приводятся

также все собственно русские диалектные свидетельства. Отсутствуют, напр., *коса́* 'скопление в реке сплавляемых бревен, залом' (олон., ленингр., арханг.), 'сугроб, полоса наметенного снега'; здесь следует учесть и другие формы, с суффиксами, деминутивными или какими-л. иными: *коси́ца* 'длинный узкий снежный нанос, сугроб'[15] (яросл., ряз.), 'неровный изогнутый сугроб' (калуж.), *коси́чка* 'небольшая узкая отмель' (терск.), *ко́ска* 'вытянутая отмель, коса; островок' (терск.) (СРНГ 15, 44, 53–55), *косу́ха* 'песчаная отмель' (арханг., калуж.), 'место скопления сплавного леса на реке' (арханг.) (Там же, 92), *ко́сор* 'узкая коса, мыс' (калинингр.) (Там же, 67). К этой группе относятся и другие диалектные формы: *ко́шка* 'песчаная или каменистая отмель, песчаная коса на взморье, низменный морской берег у подножья горы, узкая полоса земли, заключенная между морским берегом и текущей параллельно ему рекой, поросший ивняком низменный остров на реке Северной Двине' (Там же, 149)[16], а также *зако́с* 'небольшая речная коса, отмель' и *зако́ска* 'глубокое место между двумя мелями', *зако́ски* мн.ч. 'песчаные дюны (начинающиеся обычно за косой)', *зако́сок* 'песчаная отмель, идущая от берега в стрежень реки; коса' (перм., волж.), 'малая речная коса' (иркут., якут.), 'речная отмель' (горно-алт.), 'отмель у берега' (том.), 'речной мыс' (якут.), 'участок луга в виде мыса, огибаемого ручьем' (псков.), 'глубокое место реки между берегом и узкою мелью' (волж.), 'речной залив между косами' (урал., каракалпак.), 'тихое, удобное для ловли рыбы место у берега реки, отделенное чащей' (иркут.) (Там же, 10, 157–158)[17].

2. Блр. *каса́*, укр. *коса́*, рус. диал. *коса́* 'селезенка' (Там же, 11, 45) вероятнее всего представляют собой восточнославянский диалектизм[18].

3. Рус. диал. *коса́*, точнее – мн.ч. *косы* 'вытянутые длинными полосами облака, полосы дождя, северное сияние' (все – арханг.) (Там же, 15, 44) – безусловно, лишь явные метафоры к основному значению 'coma', сюда же специфическое значение 'коса (о волосах)', как и блр. *коса́* 'луч' (ЭСБМ 4, 291) или укр. *кіска* 'канат, веревка'[19], тогда как метафора *косы* 'пена на пиве, квасе, огуречном рассоле' (влад., СРНГ, там же) основывалась, скорее, на сходстве с короткими кудрявыми волосами. Точно так же с.-хорв. *ко̀са*/*косица* 'жила, сухожилие' (Skok II, 161; PCA X, 294) и укр. *коса* то же (ЕСУМ 3, 49) – вероятно, метафоры к основному значению 'coma' (конкретно – 'пряди, похожие на волокно, из них плетется коса'), которые развились независимо в обоих языках или были унаследованы с праславянского периода и сохранены в двух отдаленных областях славянского пространства.

4. Затем с.-хорв. *ко̀са*[3] 'montis genus, dorsum montis, clivus', судя по всему, – плод специфического локального семантического разви-

тия[20], как и другой с.-хорв. диал. гапакс чакав. *ко́са* 'ущелье' (Брусье на Хваре) (Dulčić J. i P. 508).

5. И, наконец, болг. *коса́* 'узкая полоса наносного песка в мелком морском заливе, в устье рек или между морем и озером' и польск. *kosa* 'коса, "пересыпь"', при отсутствии свидетельств из "живой" народной речи, интерпретируются как заимствования, "учени русизми"[21].

Соответствующие этимологические словари с разной степенью полноты фиксируют эти формы и при этом по-разному оценивают, когда метафора переходит в омоним, а когда остается связанной с основным значением (напр. в ЭСБМ 4, 291 отдельно помещен омоним 'луч' с комментарием, что это "чыста метафарычны перанос ад каса[1]"; в ЕСУМ 3, 49 значение 'жила, тетива' также обособляется, а целая семья родственных лексем со значением 'мыс' помещается под 'falx').

Вследствие невозможности исследовать здесь полностью лексико-семантический комплекс континуант праслав. **kosa* на всей славянской территории, сосредоточимся на сущ. **kosa* 'отмель, мыс и т.д.' и укажем некоторые аргументы в пользу того, что оно реконструируется не как метафора и не как производное от прилаг. **kosъ(jь)*[22], а как третий праславянский омоним.

А) Прежде всего сущ. **kosa* 'отмель и т.д.', не должно, а, вероятно, и не может, быть метафорой, но зато может быть изначально самостоятельным словом, омонимом[23]. Совокупность этих "географических" значений: 'мель', 'отмель', 'мыс', 'перекат', 'Landsee Insel, Werder'[24], 'низменность возле речки', 'скопление в реке сплавляемых бревен, залом', 'сугроб' и т.д. охватывает различные по внешнему виду реалии. Этот семантический диапазон слишком далек и от значения 'coma' и от названия специального тонкого, кривого и острого сельскохозяйственного орудия – 'falx', чтобы между ними могла быть установлена ясная и недвусмысленная формальная или функциональная связь, которая обусловила бы развитие метафоры[25]. Словом, нет более никаких сомнений для отделения 'falx' от 'coma', а 'promontorium' – от них обоих. Иначе метафоризация попадает в заколдованный круг[26].

В) Бесспорно, что, даже согласно самым строгим критериям праславянской реконструкции, слово, которое засвидетельствовано в пяти языках – трех восточнославянских и двух южнославянских – и при том не является новым заимствованием во всех них, безусловно, может быть праславянской лексемой. Именно дистрибуция этого географического апеллатива в каждом отдельном языке, его явно диалектный характер (везде, кроме русского и украинского, где он вошел в литературный язык) приводит к заключению, что это реликты (неодинаковой частотности, с отчетливо выраженным цент-

ром на русско-украинской территории, которая изобилует именно такими разновидностями речного рельефа). В течение всего периода существования этого термина с праславянской эпохи до настоящего времени во всех языках сохраняется семантическая константа 'песчаный нанос', что весьма существенно для выяснения и истолкования его происхождения.

С) Из двух предыдущих разделов ясно, что сущ. **kosa* 'отмель', несмотря на то, какое окончательное этимологическое решение принимается, обязательно нужно выделять как особую праславянскую лексему. (Впрочем, *kosa* 'falx' не имеет надежного общепризнанного решения, и тем не менее всеми словарями это слово трактуется в отдельной статье.) Так как в разделе А мы уже привели аргументы против истолкования этого существительного как метафоры, остается еще рассмотреть вопрос, производить ли "общий знаменатель" всех его значений от прилаг. **kosъ(jь)* (так ЭССЯ, там же) или же существует лучший способ, чтобы объединить их относительные различия. Прежде всего нужно констатировать, что нет формальных препятствий для объяснения, что **kosa* 'отмель', как и два других омонима, но независимо от них, образовано от многозначного глагола **česati* – и значит оно может быть nomen resultativum (nomen acti), основанном на значениях 'скрести, рвать, драть, сдирать': 'соскребание, сдиранье' → 'результат соскребания (речного дна)', т.е. 'то, что соскреблено' → '(песчаный) нанос' и, вероятно, – 'снежный нанос, сугроб'[27]. Этот омоним – отдельное образование, основанное на одном сегменте синкретичной семантики глагола **česati*, который охватывает, между прочими, значения 'скрести, сдирать, обдирать, рвать, разрывать, щипать, резать, крошить, дробить и т.д.'[28]. Все это названия действий, с помощью которых описывается, как речное течение формирует русло реки, образуя в устье или излучине нанос мелких частиц, меняющий форму, которую определяет также течение реки. Словом, мы полагаем, что ключевым моментом при образовании этого географического апеллатива был не внешний вид называемого объекта (который, впрочем, даже редко упоминается, за исключением русского 'вытянутый (но не кривой), клинообразный мыс'), а представление говорящего о способе, с помощью которого образуется этот вид рельефа (песок, осадочные отложения, скопление, нагромождение, мель, отмель и др.). Такое наименование имеет типологические параллели (семантические и, в разной степени, словообразовательные): с.-хорв. *рт*, диал. *рат* 'apex; promontorium' < праслав. **rъtъ*, вероятнее всего < **ryti*/**rъvati* (Skok III, 162; Фасмер III, 506–507)[29], праслав. **mělъ*/**melь* 'известь; мелкий песок; песчаная отмель; насыпь и т.д.' <**melti* (ЭССЯ 18, 162–166) или **lomъ* ('куча предметов, нанос из веток, сучьев; место в озере, где набросан хворост, скопление бревен,

стволов деревьев на воде, иногда перегораживающее реку; нагромождение льда на мелких местах или на берегах и т.д.') < *lomiti (ЭССЯ 16, 25–26), рус. *сугроб* < *gresti (Цыганенко 95)[30]. В кругу производных праслав. *česati очень близкую семантику (но иную словообразовательную модель) демонстрирует праслав. *kaša* 'крупа и т.д.' (ЭССЯ 9, 159). Еще один выразительный синоним к этому существительному – рус. *мыс* 'часть суши, острым углом или резко выдающаяся в море, озеро, реку', 'излучины реки, выдающаяся в реку коса', 'остров', 'сухое место в болоте', 'большой сугроб', и т.д. не имеет надежной этимологии[31] и не может использоваться для аргументации.

Следовательно, так как, с одной стороны, существует реальная возможность для реконструкции праслав. *kosa III 'отмель, мыс; (полу)остров', тогда как, с другой – это слово в настоящее время в народных говорах большинства славянских языков демонстрирует свой реликтовый характер или вообще в них отсутствует (на западе оно не зарегистрировано, на части южных территорий подтверждено только гапаксами из XIX в., на востоке на одних территориях отмечается только как диалектное, на других – наличествует и в литературном языке), можно заключить, что оно представляет собой еще один пример исчезновения слова во избежание омонимии. Причиной массового сохранения на востоке, вероятно, является вторичное переосмысление подлинной омонимии как метафоры, точнее – метафор, так как значения 'отмель, мыс; сугроб; залом, куча' не могут четко и однозначно связываться ни с одним из двух омонимичных существительных – отсюда и блуждания как в области "народной", так и специальной этимологии, где это слово в массовом порядке не зарегистрировано[32].

Примечания

1 *Luka Zore*. Paljetkovanje, deo 2 // Rad Ja 110. Zagreb, 1892, 217.

2 Поскольку оказалось, что это слово не вошло в соответствующий V том RJA (kipak-leken), нет его и у Скока.

3 Ср. примечание 20.

4 Чрезвычайно ценен составленный Аникиным список праславянских омонимов, часть которого (на основе опубликованных до того времени 12-ти томов ЭССЯ от *a*- до *k*-) является относительно окончательной, а другая (на базе материала для остальной части ЭССЯ от *l*- до *z*-) – предварительной.

5 Хотя мнение прежних авторов, включая Фасмера, которые *kosa 'falx' связывали с др.-инд. *śásati* и лат. *castrare* или с др.-инд. *kákṣā* 'подмышка' и т.д. (Фасмер II, 345; относительно деталей ср. ЭССЯ, там же) отклонено, но и после исчерпывающего и в основном очень убедительного исследования Мельничука все же остается неясным, "к какому из древнейших аспектов семантики корня *kes-/*kos- ближе всего примыкает первоначальное значение славянско-

го слова kosa" (*Мельничук* 224–228), ср. и комментарий по поводу заключения Мельничука о первичности значения 'обрубленная жердь" в ЭССЯ, там же). Попытку с помощью анализа акцента объяснить семантическое различие между этими омонимами Аникин прокомментировал лишь выводом, что генетически это, однако, тождественные образования и что различие между ними требует, как кажется, другого истолкования (*Аникин*, 21–22). И Войтыла-Свежовска убеждена в этимологическом тождестве этих двух слов, хотя подчеркивает загадочность семантики второго из них, которая не имеет параллелей вне славянского мира (*Wojtyła-Swierzowska M.* Prasłowiańskie abstractum. Slovotwórstwo. Semantyka I. Formacje tematyczne. Seria: Prace slawistyczne Instytuta slawistyki PAN 96. Warszawa, 1992, 141). Таким образом, можно считать, что это несомненный случай семантической, а не этимологической омонимии.

[6] На это указывает уже заголовок данной заметки, появившейся всего спустя два года после работы Зоре: *K. Štrekelj*. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. Letopis Matice slovenske. Ljubljana, 1894, 20. Так как из данной статьи не сделаны выписки для Этимологического словаря Безлая, эти драгоценные диалектные записи были бы потеряны для славянской этимологии, если бы не были включены в ЭССЯ.

[7] Современный SSKJ по обыкновению не указывает источники, из которых берет примеры, однако нет оснований думать, что это не навигационный термин: *kosa* '(в прежнее время) устройство на либурнах [легких суднах. – *И.П.*] для перерезания (рубки) каната, который держал мачту' (помещен под *kósa* 'falx') и считать заимствованием (как то в болгарском или польском языке, см. примечание 21).

[8] В отношении болгарского см. примечание 21.

[9] Хотя это слово он приводит как *мель* III и определяет как 'песчаная коса, мелкое место' (Фасмер II, 596).

[10] Наряду с общеславянской парой, еще 'селезенка' и 'луч'.

[11] Кроме основной пары, еще 'селезенка' и 'жила, сухожилие'.

[12] В отдельную статью помещает их Шанский (II, 344), который, вслед за Супруном, истолковывает их в качестве производных от основного значения 'coma' в смысле 'что-л. кривое', т.е. 'все, что похоже на хвост, женские волосы'.

[13] Единственным исключением является реконструкция праслав. **kosina*, которая также производится от **kosъ(jь)*, но дается самостоятельно, и среди континуант которой нашлись как рус. диал. *косина́* 'косоглазие', так и *косина* [без ударения] 'длинная узкая отмель, идущая от берега' (ЭССЯ 11, 141). Если первое существительное, безусловно, тут уместно, то второе, вероятнее всего, – нет.

[14] Для сербохорватского, положим, остается открытым вопрос акцента, так как нет следов синтагмы, которая путем универбизации дала бы ожидаемое **ко̏са, -и* (< **ко̏са̄, -ој* < **ко̏са̄ го̀ра*, с утратой склонения прилагательного определенного вида, но с сохранением у него характерного метатонического ударения) вместо реального *ко̀са* < **коса̏*. Такое ударение могло бы ожидаться только у прилагательных, очень рано субстантивированных, до праслав. метатонии (что в случае с нашим существительным, которое мы считаем с.-хорв. инновацией, не было случайным).

[15] Ср. примеры: Всю дорогу п е р е м е л о косицами; Пойдет ураган, н а н е с е т косицы – знаменательно то, какие глаголы здесь используются.

[16] Относительно распространенности *-ш-* (которое, несомненно, из основы настоящего времени) ср. *кошáть* 'бодать' (ленингр.) (< **kos-ja-ti*), *кóшлы* 'нерасчесанные, спутанные волосы' (курск.), *кошлáтый* 'косматый' и т.д. (Там же, 151).

[17] Несмотря на то, что ожидаемый глагол *закóсить* в соответствующем значении не засвидетельствован, относительно непосредственно отглагольного происхождения этих форм не следует сомневаться (ср. акцент этих существительных – на корневом гласном, а не на префиксе, как бывает у универбизованных предложных синтагм, напр. *зáкосы* 'затылок у женщин' (Там же, 159).

[18] В проблему их происхождения мы здесь углубляться не будем, ср. различные токлования в ЭСБМ 4, 29; ЕСУМ 3, 49 и ЭССЯ 11, 179.

[19] Эти значения приводит Желеховский, но их нет в ЕСУМ. Оттуда, вероятно, и укр. диал. *косá* (в загадках) 'фитиль' (бойковский говор, *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок, І. Київ, 1984, 380).

[20] Подробное исследование, в котором ставится под сомнение, что это метафора основного *кòса* 'coma' (Skok II,161) или более новое образование от прилаг. **kosъ(jь)* путем субстантивации формы женского рода, и предлагается возведение к географическому термину, которому посвящена данная статья, см. в нашей работе в ЈФ LVIII (в печати).

[21] Первое встречается только в специальной литературе (ср. РБЕ 8, 70; БЕР 2, 655), а второе – новое литературное слово (Sławski II. 517).

[22] Так, напр., ЕСУМ и Шанский (Там же), соответственно ЭССЯ (Там же).

[23] Мы имеем в виду семантическую омонимию, которая подразумевает, что "deux ou plusieurs sens d'un même mot ont perdu tout contact entre eux" (*Bally*, ibidem).

[24] Эти значения приводит только Желеховский, в ЕСУМ они отсутствуют.

[25] При этом мы не упускаем из виду,что в географической терминологии существует много апеллативов, происхождение которых связано с другими терминологическими сферами: анатомической, ткацкой, терминологии домашней утвари, обстановки и т.д. (напр., с.-хорв. *грло*, *ждрело* 'Engpass', *брк* 'Landzunge'; *брдо* 'Berg', *гребен* 'Gebirgskamm'; *чабар*, *казан* 'Talkessel', ср. *Schütz* 44–46, 81; 20, 28; 39 и т.д. – такое же или сходное положение в большинстве других славянских языков), но не (кроме исключений) с сельскохозяйственной (ср. **lopata* ЭССЯ 16, 39–43).

[26] Теоретически можно было бы защищать даже мнение о том, что острие косы походит на локон, прядь волос – что аннулировало бы всякую омонимию, но об этом в настоящее время никто не говорит (хотя так Sławski II, 516–518). Правда, Шанский (II, 344), вслед за Супруном, значение 'отмель' производит от 'волосы', буквально – 'нечто изогнутое', т.е. 'всякая вещь, похожая на хвост'. Однако ЕСУМ дает это слово без комментария под 'falx'.

[27] Не надо упускать из вида, что каждый из двух других постербальных образований также продолжает какой-то один аспект семантики этого многозначного глагола: **kosa* 'coma', несомненно – nomen resultativum, базирующийся на значении 'чесать, расчесывать', словом, 'то, что расчесывается (а потом и плетется, заплетается)', тогда как **kosa* 'falx', вероятнее всего, – nomen instrumenti, базирующийся на значении 'сечь, рубить, резать, дробить, мельчить', следовательно, – 'инструмент (орудие) для резки, рассекания, рубки, дробления и сл.' И, несмотря на все сомнения и недоумения (ср. при-

мечание 5), такое простое объяснение второго омонима представляется нам наиболее убедительным. Ср. и другие nomina instrumenti: с.-хорв. *ко̀сица* 'гончарный инструмент для размельчения земли' (Лесковац, РСА), словен. *kósa* '(в прежнее время) устройство на либурнах для перерезания (рубки) каната, который держал мачту' (см. примечание 7) или nomen resultativum с.-хорв. *ко̀са* 'ущелье' (Брусье), следовательно, – 'то, что просечено, прорублено, прорезь, просека'.

[28] Исчерпывающий список этих значений см. у: Мельничук, 203, затем соответствующие значения, которые могут реконструироваться для праслав. **kositi*, см. у: *Влајић-Поповић Ј.* Семантика као критеријум у формирању етимолошког гнезда // Prasłowiańszczyzna i jej rozpad. Warszawa, 1998, 257–259.

[29] Имеет значение далее и формально-семантический параллелизм производных от глаголов **česati* и **ryti/*rъvati*, ср. **kosa* < **česati*: *runo* < **rъvati* и т.д.

[30] Относительно значения 'нанос' ср. и с.-хорв. *нанос, убојина* 'сугроб' < **biti*, **bijem*, как и примеры из примечания 15.

[31] Ср. реконструкцию вост.-слав. **mysъ/*mysa*, **mysъkъ* 'promontorium, (pen)insula' и т.д. (ЭССЯ 21, 52–54), образование которых от ю.-слав.глаголов **muxati/*mušiti* 'ударять, бить' и т.д. (ЭССЯ 20, 174, 200) встречает серьезные формальные препятствия, хотя и глагол и сущ-ные приводятся в связи с лит. *mušti* 'ударять бить', ср. соответствующие словарные статьи в ЭССЯ. На уровне спекуляции было бы предположение о возможном первоначальном ***myxъ* (**myxa*), которое было бы переоформлено путем обобщения *-s-* из локатива ед.ч.: **mysě* < **(na)mysě* 'на мысу'.

[32] Впечатляет число этимологических словарей, которые, хотя *kosa* в языках, описываемых ими, достоверно подтверждено, не упоминают его, – Фасмер, Безлай, Скок, ЭСБМ (в отличие от польск. и болг. заимствований, которые Славский и БЕР в соответствующих словарных статьях регулярно отмечают). Нет его и в известных монографиях, которые посвящены славянской географической терминологии: Толстой Н.И. (Славянская географическая терминология. М., 1969) не рассматривает этот вид рельефа, а Шютц в разделе Sandbank и Landzunge не дает сведений о с.-хорв. *ко̀са* 'продолговатый мыс' (*Schütz* 79, 81).

Литература

Аникин – Аникин А.Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.

Мельничук – Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидность в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968.

Проспект ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.

Цыганенко – Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. М., 1963 –.

Bally – Bally Ch. Traité de stylistique française, I. Genève; Paris, 1951.

Dulčić, J. i P – Dulčić J., Dulčić P Rječnik bruškog govora // Hrvatski dijalektološki zbornik VII, 2. Zagreb, 1985.

Перевела с сербохорватского *И.П. Петлева*

К. Херей-Шиманьска

СЛАВЯНСКОЕ **GONOSITI (SE)*

Этот глагол представлен только в трех языках (чешском, словацком и русском) в едином значении ‘возносить(ся), хвалить(ся), гордиться, чваниться, кичиться’.

Чеш. *honositi se* зафиксировано начиная с XIV в. (Gebauer I, 459), а словари современного литературного языка документируют это слово, в частности, следующими примерами: *honositi se* svými penězi, majetkem; Cítil velmi dobře svou přesilu tělesnou, *honosil se* s ní. Юнгман в своем словаре приводит этот глагол также без возвратной частицы – *honositi*, в значении ‘возносить, восхвалять, возвеличивать, extollere, magnificare’, документируя его следующей цитатой из рукописного словаря В. Росы: Na neyvýš to *honosil* (Jungmann I, 724).

Словац. *honosit' sa* известно современному литературному языку в значении ‘хвастаться, хвалиться, кичиться’, например *honosit' sa* slavným menom, titulom, cudzím perím; niektori rodičia *sa honosia* svojimi det'mi. Оно представлено также в пословице Kto *sa honosí*, v hlave mnoho nenosí. В том же значении и в той же форме этот глагол известен также в диалектах (SSN I, 604), а записан был впервые в XVII в. К XVIII в. относится цитата *honosi se* sylny v syle, mudry v mudrosti. В том же XVIII в., а точнее – в 1744 г., этот глагол был записан также без возвратной частицы, но точно в таком же примере, в каком была употреблена возвратная форма: falessnj včitelové literu Pjsma swatého welice (*se*) *honosý*. Оба примера относятся к одному и тому же памятнику (Histor. sloven. I, 428).

Рус. *гоноси́ться* записано только в диалекте окрестностей Оренбурга, относящемся к северновеликорусским диалектам (Дополнение к Опыту; за ним СРНГ).

У этого слова нет надежной этимологии. Я. Гебауэр, зная только чешский глагол, выводит его в цитированном словаре из лат. *honos*. Ввиду представленной выше географии слова данная этимология не может быть принята. В. Махек, также зная только чешский и словацкий глаголы, объясняет их гаплологией из **horenositi se* ‘держаться высокомерно, кичиться’, на что якобы указывают морав.-словац. *nést se hore, držet se hore, vést si hore*, а также словац. *horenosný* (Machek[2] 175). Согласно ЭССЯ, данная этимология также не может быть принята, так как маловероятно проведение столь редкого явления как гаплология в разных частях славянской территории (ЭССЯ 7, 25). Зато названный словарь напоминает о старой и забытой этимологии 1890 г., принадлежащей Р. Брандту[1], который “выделял в этом слове основу *nositi* (ср. знач. ‘превозно-

сить') и некий предлог *go-*, предполагавшийся прежним языкознанием в слове **gotovъ*". Далее автор ЭССЯ пишет: "В порядке гипотезы можно предположить, скорее, происхождение этого *go-* экспрессивным путем из местоименной приставки *ko-*, образования с которой известны в слав. с достаточно раннего времени" (ЭССЯ 7, 25–26).

По моему мнению, **gonosіti (sę)* это intensivum с суф. *-ositi* от **goniti (sę)*. Континуанты этого последнего глагола представлены в славянских языках главным образом в значении 'гоняться друг за другом', а также 'проявлять половое влечение (о самках животных)'. В чешском же разговорном языке *honiti se* означает 'стараться произвести впечатление, хвастаться, чваниться, гордиться чем-л., возноситься', что является семантической основой глагола **gonositi (sę)*. Промежуточным семантическим звеном может быть рус. диал. арханг. *гонúть* 'набивать, повышать цену' (СРНГ 7, 6). Семантическое развитие можно было бы представить следующим образом: 'гнаться, бежать, нестись' → 'бежать, нестись вверх' → 'возноситься, гордиться'.

Глаголы этого типа встречаются в русских и чешских диалектах, но не только. По мнению Ф. Славского, это редко встречающиеся, но старые (поскольку имеют в ряде случаев балтийские соответствия) звукоподражательные intensiva (Słownik prasłowiański I, 52). Бóльшая часть известных мне глаголов этого типа действительно имеет несомненно или предположительно звукоподражательное происхождение, например рус. диал. *заваргосúть* 'затараторить' ← *вáргать* 'говорить лишнее; бормотать, ворчать, ругаться', *гундóсить* 'хныкать, слезливо выпрашивать что-л.; капризничать, выражать недовольство; ворчать, браниться' ← *гундéть* 'надоедать, ворчать, хныкать' (СРНГ 7, 232), чеш. диал. *drdosit'* 'трясти' ← *drdat'* то же, ляшское *vargosit'* 'жаловаться, сетовать, причитать' ← *vargat'* то же (Bartoš 66, 207), с.-хорв. *tȑtositi* 'говорить невнятно', из звукоподражательного *trt* (Skok III, 510), *pȑkositi* 'упрямиться': *pȑkonjiti se* 'злиться; упрямиться', болг. диал. *бърбóсим* 'болтать, тараторить': *бърбóря, бърбóля, дърдóсим* 'говорить быстро и непонятно': *дърдóря*[2]. Однако существуют также глаголы этого типа, образованные от других, нежели звукоподражательные, глаголов, например польск. *miętosić* 'мять в руках, жать, давить, сжимать, стискивать' ← *miąć* с *-t-* под влиянием причастия *mięty*[3], чеш. диал. *mrkosit'* 'моргать, плохо спать': Nespala sem, enom *sem mrkosila* ← *mrkat'* "моргать': Sedí, ani *nemrká* (Bartoš 207), рус. диал. *маргóсить* 'кокетничать' ← *мáргать* 'привередничать' (СРНГ 17, 370), колымское *торосúть* 'зудеть', по мнению М. Фасмера, связанное с *тор, терéть* (Фасмер IV, 86). К этой последней группе глаголов я отношу также славянское **gonositi (sę)*.

Примечания

[1] *Брандт Р.* // РФВ XXIII, 1890, 89.
[2] *Szymański T.* Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim (= Polska Akademia Nauk. Prace językoznawcze 86). Wrocław, 1977, 113.
[3] Согласно А. Брюкнеру, от *mięty* (Brückner 331), что неточно, так как суф. *-osić* не образует отыменных глаголов.

Перевел с польского *А.А. Калашников*

Л.В. Куркина

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВЕНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Современную словенистику отличает особый интерес к народным формам бытования языка, являющегося носителем культуры, хранителем народной памяти. В последние годы подготовлены и частично опубликованы исследования, посвященные описанию фонетического и грамматического строя отдельных диалектов и говоров словенского языка. Составной частью многих исследований такого рода стали словари, в которые вошла лексика, характерная для того или иного диалекта. Весьма активно развивается то направление в лексикографии, которое ориентировано на создание диалектных словарей дифференциального типа. Опубликованные и рукописные словари, а также диалектологические исследования вводят в научный оборот новый лексический материал, который во многих отношениях дополняет материалы словаря М. Плетершника. На словенской территории насчитывается 48 диалектов, каждый из которых представляет собой в определенном смысле самостоятельную систему со своими особенностями, частично унаследованными, частично сложившимися в эпоху самостоятельного развития словенского языка. В каждом диалекте есть архаичные явления и свои новообразования. Лексические архаизмы имеют разную хронологическую глубину. Точкой отсчета может быть современное или древнее состояние языка. Так, в исследовании, проведенном М. Орожен[1], выделен целый ряд семантических, словообразовательных архаизмов в словаре Ф. Эрьявца, материалы которого были использованы М. Плетершником при составлении "Словенско-немецкого словаря" (ср. *glun* 'болото', *lek* 'талисман', *prézati* 'о перезревшем зерне, когда оно выпадает из колосьев, *žilj* 'веревка для коровы', *šegetalo* 'острога' и т.п.). Особый интерес представляют архаизмы, унаследованные из

праславянского языка В связи с этим особое значение приобретает введенное О.Н. Трубачевым понятие праславянского лексического диалектизма. На выявление в словенском словаре лексических архаизмов, восходящих к праславянской эпохе, были нацелены работы Ф. Безлая. К лексическим архаизмам, засвидетельствованным лишь на словенской территории, относят *sûliti se* 'дымиться' ~ лтш. *svals, svala* 'дым, чад', лит. *svelti* 'тлеть' (Bezlaj. Eseji 167), *susati* 'подозревать кого-л.', связанное чередованием корневого вокализма с **sysati* (Bezlaj III, 343), *jádrna, jà: dərno* 'das Fressloch' (Pleteršnik I, 354; Bovšk. 32) < **ěd(e)ra*, ср. др.-рус. *ѣдера* 'еда, пища' (ЭССЯ 6, 39), *kŕgati* 'капать, стекать'< **kъrgati* (Bezlaj II, 86; ЭССЯ 13, 212), *oblok* 'окно' < **obvьlokъ* и т.п.

Словенские диалекты содержат немало архаичных лексико-семантических явлений, расширяющих наши представления о семантике, словообразовательной и морфонологической структуре славянского слова. Словенские диалектизмы служат источником реконструкции слов, слабо сохранившихся или утраченных на славянской территории. В составе словенского словаря много немотивированных слов с затемненной словообразовательной структурой. В силу сложных фонетических преобразований, пережитых словенскими диалектами, одна из важных задач состоит в восстановлении исходной морфологической структуры словенских диалектизмов и определении на этом основании родственных связей, этимологических истоков слова в славянском словаре. Остановимся на некоторых лексико-семантических архаизмах словенских диалектов.

Kùjaunk

Эта лексема, отмеченная в значении 'свободное пространство для отступления обиженного, пострадавшего' (Škrlep 36) < **kujavьnikъ*, неотделимая от микротоп. *Kujavič*, является одним из немногих свидетельств слав. **kujava* в качестве обозначения пустого, свободного пространства: ср. польск. *kujawa* 'пустой, бесплодный участок в поле, неплодородное, голое место среди леса', в XVI–XVII вв. 'пустынная территория', укр. гуцул. *ку́ева* 'пустое безлюдное место', бойк. *ку́ява* 'пустое место'. Тот же апеллатив, вероятно, лежит в основе многочисленных славянских топонимов: ср. с.-хорв. *Kujava*, чеш. *Kujavý* и т.п. (Bezlaj II, 108; Sławski III, 323; ЭССЯ 13, 85). Слав. **kujava* характеризует широкий круг значений, которые группируются вокруг нескольких семантических центров: 1 'возвышение' (ср. польск. *kujawy* мн. 'пустая кочка', укр. диал. *ку́ява* 'крутой холм', *ку́евы* мн. 'вершины гор', польск. диал. *kuja* 'большой стог сена'), 2 'одинокий, уединенный, обособленный' (ср. с.-хорв. *kу̏јава* 'одинокий старый человек; уединенная местность',

укр. диал. *ку́ява* 'одинокая, бедная хата'), 3 словен. *kújav* 'капризный, своенравный человек' (ср. словин. *kŭ̂jȯu̯nă* 'плут, пройдоха') и др. При объяснении этого этимологически трудного слова с широким разбросом значений многие исследователи исходят из предположения о звукоподражательной природе славянского слова (Sławski III, 323; ЭССЯ 13, 86). Действительно, семантика слова, вобравшая в себя далеко отстоящие друг от друга значения, наводит на мысль, что какая-то часть продолжений слав. **kujava* восходит к звукоподражанию. Но такое объяснение далеко не исчерпывает все возможности внутреннего анализа. Открытой остается и другая возможность: в слав. **kujava* слились продолжения этимологически разных основ, в том числе и звукоподражательных. С некоторой долей вероятности можно предположить, что в гнезде слав. **kujava* присутствуют не только продолжения слав. **kujati* 'murmurare' (ЭССЯ 13, 85), имеющие звукоописательную природу, для некоторых из образований вслед за Миклошичем[2] можно предположить родство с гл. **kovati, kujǫ*, который в славянских языках функционирует как термин кузнечного производства. Такая семантическая специализация является славянским новообразованием. Исходное значение 'бить', вытесненное в славянских языках терминологическим употреблением глагола, находит отражение в индоевропейских соответствиях: ср. лит. *káuti* 'бить, убивать, поражать', лтш. *kaut* то же, др.-в.-нем. *houwan, hauwan* 'рубить', нем. *hauen* 'рубить, бить' (ЭССЯ 12, 11). На наш взгляд, именно этим первичным значением мотивирована семантика приведенных выше продолжений слав. **kujava*. В пользу этого могут быть приведены следующие факты. В статье, посвященной словен. гидр. *Kujavič*, Ф. Безлай приводит без указания источника польск. диал. *kujawice* 'подмокший только что очищенный участок' (Bezlaj. Sl. v. imena I, 318), а Нидерле (со ссылкой на Неринга) отмечает для слав. слова значение 'корчевье', которое прямо не подтверждается известными нам лексикографическими источниками[3], но элементы этого "земледельческого" значения несомненно присутствуют в обозначениях пустого, бесплодного участка земли. Заметим, что термины земледелия складываются на основе семантической специализации лексико-семантических образований с основным значением 'рубить, резать; ударять; драть' (ср. рус. *порубка, драть новину* и т.п.)[4]. Через некоторые промежуточные ступени исходной семантикой мотивированы укр. *ку́евы* мн. 'быстрые каменистые потоки'[5] (семантически ср. рус. диал. *бой* 'трудная дорога', 'быстрое, сильное течение в реке; место берега, куда ударяет течение реки; место с быстрым течением'), а также 'возвышение' (ср. рус. диал. *бой* 'ветреное, открытое место, находящееся на возвышении', *дор* 'слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом' – СРНГ 3, 66; 8, 129) и 'капризный, своенравный' (ср. семантически близкое рус.

бойкий 'смелый, ловкий, расторопный', *дерябка* 'задорная женщина, озорница' – СРНГ 8, 31). При подсеке земля использовалась год-два, а потом она истощалась и забрасывалась, на этом месте образовывалась пустошь, отсюда обозначение человека и дома по признаку местонахождения.

Plen

К древнему слою словенского словаря может быть отнесено свойственное преимущественно диалектам *plên* м.р. 'плодородие, урожайность' (*Letos néma žito pléna, slame obilo, zrnja malo* 'зерно не имеет прироста, соломы много, зерна мало') (Erjavec 169: na Goriškem), 'спорынья', *pleníti* 'быть плодородным, обильным (о фруктах)', *plenjàv, plénjav* 'урожайный': *letos je plenjavo žito, daje mnogo zrnja* (Erjavec 56; Pleteršnik II, 56), *plenjavo*: žito, ki ne da mnogo zrnja, je plenjavo[6]. В "Словаре словенского литературного языка" с пометой "стар." находим гл. *plénjati* 'давать хороший урожай, процветать' и производное от него прилаг. *plénjav, plenjàv* 'о том, что хорошо родит': ср. *plenjavo drevo*. Глагол, употребляемый в качестве аграрного термина, обозначает количественный прирост зерна, ср. еще прилаг. *plénjav*: ср. *plenjavo žito* 'у которого хорошее соотношение между зерном и мякиной' и имена с преф. *iz-* – *izplèn, izplén* 'прибыль': *v železarni so povečali izplen* (SSKJ III, 631; II, 141). Словенские архаизмы интересны тем, что обнаруживают точные или близкие лексико-семантические соответствия в славянских языках западного ареала: ср. польск. *plenić, plemić (się)* 'плодить(ся), размножать(ся)', '(о растениях) разрастаться, буйно расти', ср. *niech się ród twój pleni, plenny*, стар. *pleni* 'плодовитый, плодородный, урожайный', '(о хлебе, колосьях) крупный, густой, пышный (о хлебах), богатый, полный', *plon* 'урожай; сбор', перен. 'плоды, результаты', *plonek* 'домовой' (Варшавский словарь II, 230, 231), чеш. *plen* стар. 'племя; плод', 'имение', 'изобилие', 'домовой, приносящий изобилие хлеба', *pléniti* 'размножаться', *plenný*, также *plíny, plinný* 'племенной, плодовитый; богатый, обильный', 'урожайный' (*Pole plenné požitky přineslo*), *plinný maso* 'дикое мясо', 'избыточные наросты' (Kott II, 582; VII, 257), в.-луж. *plón* 'дракон, змей' (Pfuhl 469), н.-луж. *plon* 'дракон, змей', 'урожай' *pólski plon* 'жатва, уборка хлеба' (Muka II, 80). Не исключено, что ту же основу с корневым *о* отражают отмеченные на территории Карелии слова, передающие идею неполного развития: *одно-полóнок* 'мальчик или девочка в переходном от детства к юности возрасте; подросток', *недо-полóнок* 'подросток', 'недоразвитый, умственно неполноценный человек' (Сл. Карелии 4, 157; 3, 404). В составе продолжений праслав. **pelnъ* наряду с образованиями с семантикой плодовитости, изобилия представлена лексическая группа с

общим значением ‘добыча; плен’. Встает вопрос о характере отношений слав. **pelnъ* в значении ‘плодовитость, урожай’ и ‘добыча; неволя’: имеем ли мы дело изначально с омонимами или семантическим расщеплением генетически тождественных образований. Ф. Славский обратил внимание на семантическую близость, в частности, польск. *plenić, plemić (się)* ‘плодить(ся), размножать(ся)’ и балтийских слов[7]. Так или иначе все исходят из того, что исходную семантику определяет идея экономической выгоды, которая наиболее определенно выражена в балтийских соответствиях: ср. лит. *pelnas* ‘прибыль, доход, нажива’, *pelnaũ, pelnýti* ‘зарабатывать, выручать / выручить’, лтш. *pȩ̂lņa* ‘заслуга; прибыль’, к ним примыкает др.-инд. *paṇas* ‘обещанная награда’ (Фасмер III, 314; Brückner 418–419; Machek[2] 457–458; Skok II, 683; Bezlaj III, 54; Snoj 453). На индоевропейском уровне балтийские образования вместе с греч. πωλέω ‘покупаю’, др.-в.-нем. *fâli* (< **fēlia-*) ‘продажный’ продолжают и.-е. **pel-*, для которого в словаре Покорного восстанавливается значение ‘купить; зарабатывать’ (Pokorny I, 804). На славянской почве и.-е. корень расширен суф. *-no-*. Френкель ставит под сомнение правомерность включения в этот ряд др.-инд. *paṇas, pā́ṇate* ‘закупать; держать пари, биться об заклад’, поскольку для них допускается возможность заимствования из дравидских языков (Fraenkel 568). По-разному определяется характер семантических преобразований. П. Скок полагает, что в результате семантической специализации слав. **pelnъ* становится военным термином. Э. Бенвенист отмечает, что военнопленный обозначается по тому способу, каким он был захвачен. Слав. **pelnъ* ‘добыча’, **pelniti* ‘брать / взять в плен’ и ‘пленник’ с учетом всех приведенных и.-е. соответствий, по мысли Э. Бенвениста, как специализированный военный термин «указывает на связь идеи “добыча на войне” с идеей “экономическая прибыль”»[8]. Обзор этимологических версий будет неполным, если не упомянуть предложенное Коттом сближение слав. **pelnъ* с продолжениями слав. **pelv-* (Kott II, 582), семантику которого определяют значения ‘полоть’, ‘шелуха, отходы’ (Фасмер III, 312, 317). Против такого истолкования структура корня и семантика соотносимых основ.

Представляется, что при истолковании слав. **pelnъ* исследователи берут за основу вторичную семантику слов, употребление их в качестве специальных терминов войны. Большая вероятность того, что архаичные значения, исходное состояние семантики сохраняется в небольшой части западного и южного ареала. Контексты, иллюстрирующие употребление словенских, а также польских и чешских слов с семантикой наполнения, прироста, не исключают возможности иного истолкования исходной семантики и индоевропейских истоков славянского слова. Можно думать, что не ‘добыча’, а вполне определенно прослеживаемая семантика плодовитости стала от-

правным моментом в последующей семантической эволюции славянского слова в направлении ‘переполнение; избыток; то, что выходит за пределы обычного’ > ‘плодовитость, изобилие’ > ‘богатый, урожайный’ > ‘изобилие, избыток; то, что получают с применением силы’ > ‘добыча; плен’. В результате семантических преобразований перестраивается семантическая структура слова, происходит сдвиг в сторону значений ‘добыча’, ‘захват’. Во всяком случае такой семантический переход представляется более естественным, нежели традиционно принимаемое развитие в противоположном направлении: ‘добыча; плен’ > ‘наполнение; прирост зерна’. Эти обстоятельства наводят на мысль об иных генетических истоках слав. *pelnъ на индоевропейском уровне. Как будто бы ничто не противоречит сближению слав. *pelnъ ‘изобилие, плодовитость’ с гнездом слав. *plodъ, *plemę. Идею рождения, развития во всей полноте несет и.-е. *pel-* ‘наполнять; изобилие, избыток’, ставшее базой для большой группы образований со значением ‘полный’ (лит. *pìlnas* ~ слав. *pьlnъ*). В этом же гнезде у продолжений и.-е. *pel-* отмечено и значение ‘производить, рождать’, ср. алб. *plot* ‘полный’ и *pjel* ‘рождать’ (?) (Pokorny I, 799)[9]. Вполне возможно, что словенские и зап.-слав. диалектизмы представляют одно из ответвлений семантически емкого гнезда и.-е. *pel-*[10]. Восстанавливаемое Покорным для и.-е. основы значения ‘купить; зарабатывать’ принадлежит к иной понятийной сфере, поскольку речь идет не о природном приросте, а о том, что связано с материальными приобретениями. Можно думать, что на праславянском уровне произошло семантическое расщепление некогда единой основы с первоначальной семантикой обильного роста.

Pomulíti se

Pomulíti se (Kenda), народ. ‘удалиться тихо, незаметно’, *pomuljen človek* ‘притворный, коварный, лукавый’ (SSKJ III, 808) на первый взгляд семантически выпадают из продолжений слав. *muliti с характерными для него значениями ‘обрывать листья, ветки; лущить’ (ср. с.-хорв. диал. *múliti*, словен. *múliti*), ‘жевать’ (ср. чеш. *mouliti*), ‘жать, давить, натирать’ (ср. рус. диал. *му́лить*), ‘надоедать, докучать’ (рус. *му́лить*) (ЭССЯ 20, 181–182). Следует заметить, что гл. *muliti относится к числу этимологически трудных слов. В словаре Фасмера признаются неубедительными все существующие опыты истолкования глагола: 1. объяснение гл. *muliti на основе сближения с лит. *mulvīti* ‘мучить, беспокоить’ (Miklosich 204); 2. соотнесение со слав. *mulъ: ср. с.-хорв. *mûl, múla* ‘вол; козел’, словен. *múl(ast)* ‘безрогий, безбородый’ (Miklosich 204; Skok II, 480) и т.д. (см. Фасмер III, 8). Требует дополнительного обоснования гипотеза М. Сноя об об-

разовании слав. **muliti* от неподтвержденного **mulъ*, которое сближается с греч. μῶλυζα 'вид чеснока', др.-инд. *mūla-* 'корень' и возводится к и.-е. **mou̯Hlo-* с предполагаемым для него значением 'растение, корень' (Snoj 363).

При этимологизации глагола исследователи отталкиваются от одного из основных значений – 'мять, жевать'. При более внимательном изучении материала оказывается, что это значение составляет лишь небольшую часть семантического спектра глагола. И есть основания думать, что это значение не является первичным. Остались незамеченными некоторые специфические значения глагола: ср. рус. *му́лить* 'выпрашивать, выманивать', *мули́ть* 'обманывать; обманывать обещаниями, не выполнять обещанного', 'бездельничать; маяться от безделья?', 'склонять, располагать, манить', *му́литься* 'сомневаться, колебаться, быть в нерешительности', 'биться, маяться', *мулы́жить* 'намеренно держать, задерживать кого-л.; намеренно тянуть с чем-л.' (СРНГ 18, 342–343), укр. *му́литися* 'проявлять нерешительность, колебаться', 'мяться, переминаться', блр. диал. *му́ліць, му́ляць* 'надоедать, докучать', 'настойчиво просить', *му́ліцца* 'не хотеть, не отважиться', *му́ляцца* 'мяться, проявлять нерешительность' и т.п. (ЭСБМ 7, 89; ЭССЯ 20, 181–183). При всей внешней расплывчатости и кажущейся неопределенности нетрудно заметить, что основу семантики гл. **muliti* составляет значение 'двигать(ся) из стороны в сторону, туда-сюда, делать неопределенные движения'. Именно короткое скользящее движение определяет природу действий, обозначаемых этим глаголом в славянских языках, образ этого движения получает разное конкретное воплощение в зависимости от ситуации, от характера протекания действия: 'двигать(ся) из стороны в сторону' > 'мять, жевать', 'делать движения, не имеющие четкой направленности' > 'возиться, копаться', 'медлить; маяться от безделья'. В конечном итоге неопределенное, скользящее движение переосмысляется как движение скрытное, незаметное, именно эту ступень и отражает словен. *pomulíti se* 'притаиться', 'удалиться тихо, незаметно', *pomuljen človek* 'притворный, коварный, лукавый'.

Príčen

Прилаг. *príčen* представлено в словаре Плетершника (со ссылкой на Ярника, Эрьявца и др.) в двух значениях – 'настоящий, современный' (ср. *prično leto*), 'свежий' (*prična voda, pričen kruh, prično mleko*) (Pleteršnik II, 300). В современном словенском языке это слово известно в значении 'свежий, новый' (ср. *príčen sneg* 'новый, недавно выпавший' – SSKJ IV, 113), в диалектных словарях это прилагательное используется для определения свежего молока: ср. *prí:čẹn,*

na, no ‘свежий (о молоке)’ (Bovšk. 50), *prično* ‘свежее’ (ср. *Səm piu prično mlieko* – Bovec 155). Нетрудно заметить, что во всех случаях определение прилагается к тому, что только появилось и имеет мягкую, рыхлую структуру (снег, молоко). К раскрытию исходной формы и возможных родственных связей слова, не получившего объяснения в “Этимологическом словаре словенского языка”, нас подводит отмеченное Ф. Новаком в белтинском диалекте преобразование *prhek* в *príjki, -a, -o* ‘рыхлый, ломкий, мягкий’ (ср. *príjka jábuka*; ср. еще *lanek* в *lèjki* ‘легкий’) с производным от него гл. *spríčiti* ‘смягчать’ (Novak 117, 138). Словен. *pričen*, вероятно, представляет собой производное на *-ьnъ* от прилаг. *pȓhek*. Значение ‘современный’, не фиксируемое диалектными словарями, могло стать результатом позднего переосмысления исходного значения ‘свежий’. Таким образом, в *pričen* имеет место вторичное суффиксальное расширение исходного прилагательного на *-ьkъ*.

**Pristren*

Прилаг. **pristren* ‘крутой, обрывистый’ приведено в словаре Безлая (Bezlaj III, 123) со ссылкой на засвидетельствованное в XVIII в. прилаг. *priſtrên, -a* ‘gäh, præraptus’ (Pohlin). Для этого прилагательного допускается возможность соотнесения с *ſpreid ſtren* ‘praeraptus’ (Kastelec–Vorenc). М. Сной характеризует словен. **pristren* как изолированное образование, сложившееся на базе производного **pristr-enъ* < праслав. **pristrъ* или развившееся из **pris(k)nъ* (ср. чеш. *přísný* ‘крутой’, н.-луж. *pśismy* ‘быстрый, скорый’) и **priskъkъ* (словен. *prihek* ‘крутой’). В качестве альтернативы допускается возможность стяжения исходной формы **pri-ostrȅn* (об остроконечной горе), от прилаг. *óster*. Предлагая такое сложное объяснение, автор оставляет без внимания отмеченную им же форму *ſpreid ſtren* (Kastelec–Vorenc), состоящую из сочетания предлога со *ſtren*, страдательного причастия на *-n* от гл. *stréti* ‘sternere’. В пользу такого понимания структуры словенского слова говорят чешские лексико-семантические образования, производные от гл. *přistříti, – přistřený* ‘покрытый’, *přistření* ‘покрытие, прикрытие, покров’ (Kott II, 1096).

Ubrusíti se

Ubrusíti se ‘ослабеть’, ср. *človek se ubrusi* ‘человек ослабел, утратил живость’ (Kenda 161: Temljine), явилось результатом семантического преобразования *brúsiti* ‘точить (напр. нож)’ в направлении > ‘стирать, снашивать (обувь)’ (Pleteršnik I, 67; ЭССЯ 3, 48) > ‘обтрепаться’, перен. ‘потерять физическую форму’. Ср. сходная эволю-

ция наблюдается в рус. диал. *обрусить* 'вытесать брус' > 'оборвать, ощипать, снять листья, ягоды, семена и т.д.', 'обрубить сучья, ветки у дерева' > *обрусе́ть* 'стать заброшенным, прийти в запустение' (Словарь Карелии 4, 112), *обрусне́ть* 'опуститься, утратить опрятность, подтянутость', 'потерять стыд, совесть', 'стать безнадежным (о тяжело больном)' (петерб., СРНГ 22, 213–214).

Zbərzdà:n

Прилаг. *zbərzdà:n, a, o* 'большой насмешник, шутник' (Bovšk. 69) относится к числу узколокальных изолированных лексических диалектизмов, не фиксируемых другими словарями. Слово интересно тем, что дает единственное свидетельство древней слабо сохранившейся основы **bъrzdъ* на словенской территории. Праслав. **bъrzdъ* (~ лит. *burzdùs, bruzdùs* 'подвижный'), известное лишь отдельным славянским диалектам (ср. др.-рус., рус.-цслав. *борздо* 'быстро', ст.-блр. *борздыи, борздо* 'быстро', блр. *бо́рзды* 'быстрый, проворный', с.-хорв. *brzdìca* 'место в реке, где вода быстро катится по камням; течение'), представляет собой диалектный дублет общеслав. **bъrzъ* 'быстрый' (ЭССЯ 3, 135; Słownik prasłowiański I, 427). Можно думать, что в словенском диалекте имеет место переосмысление основы.

* * *

В силу сложных фонетических преобразований многие лексические диалектизмы по своему внешнему виду далеко отстоят от исходной формы, нередко требуются дополнительные изыскания, чтобы определить морфемный состав, место, связи затемненных лексем в словарном составе языка. Выявляя исходную основу и соответственно принадлежность слова к тому или иному гнезду, мы получаем более полное представление о составе этимологических гнезд. Остановимся на некоторых лексических диалектизмах, почерпнутых нами из диалектных словарей последнего времени.

Abíkn'tē 'стать беззаботным', *abíknj'n* 'заморенный; отупелый' (Košir 9, 66) < **obvyknǫti* со значением, производным от 'привычный' > 'обыкновенный' > 'спокойный', отсюда 'беззаботный' и 'уставший от однообразия', ср. развитие семантики в том же направлении в рус. диал. *обы́чный, обыча́йный* 'смирный, кроткий, послушный' и 'своенравный, упрямый' (СРНГ 22289, 290).

Blá:nja, отмеченное в Толминском крае в значении 'щека' (Bovšk. 17), вероятно, так же, как и *blána* 'пленка, кожица, пергамент' из словаря Плетершника (со ссылкой на Ф. Миклошича), связано отношением производности со слав. **bolna* 'тонкая пленка, кожица', 'нечто набухшее, раздувшееся' (ср. рус. диал. *болона́* 'шишка, опухоль, нарост' < **bol-nъ* 'белый' ~ лит. *bálnas* 'светлый, белый'

(ЭССЯ 2, 176; Słownik prasłowiański 1, 308). Тем и другим значением ('нечто набухшее' и 'кожица, пленка') мотивирован сдвиг семантики в сторону значения 'щека'.

Grèdno, -oga 'капустник, сад с овощами в поле' (Novak 48), не отмеченное этимологическими словарями, – субстантивированная форма прилаг. с суф. *-ьnъ* от *grêda* 'балка', 'гряда' < **gręda*.

γùo:dərt 'хлев для мелкого скота' (Bovšk. 31), а также *gudrt* 'загон для скота, помещение в горах для пастухов и для производства сыра' (письменное сообщение С. Торкара), вероятно, построены по старой модели путем сложения двух основ – **gu-* (: **govędo*) и **dьrtь* (: **derti*), ср. **gumьno* из сложения **gu-* и формы от гл. **męti* (ЭССЯ 7. 175).

Krelati : krèlat 'железными граблями ровнять землю после боронования, разрыхлять землю и разбивать комья'[11], вероятно, экспрессивное узколокальное образование от *krelje* в уничижит. значении 'ноги' < *krěl'a*, мн. **krěli* (ср. с.-хорв. *krȅla* 'жабры', словин. *křél* 'позвоночник; плавник рыбы' – ЭССЯ 12, 131).

'Kućjət (se) 'съежиться, скорчиться от мороза', ср. *su se 'kućle pər uegnje* 'сжаться у огня' (Jakomin 60) < **kučiti* ~ **kuka* (Bezlaj II, 106; ЭССЯ 13, 81).

Skúčti 'истолочь' (Novak 134) может быть поставлено в один ряд с с.-хорв. *kȕcati* 'бить, колотить, стучать', болг. *кълцам* 'бить, разбивать на куски', блр. диал. *кóўчаць* 'жевать' < **kъlcati* (Bezlaj II, 55; ЭССЯ 13, 183).

Mezdeti : mə́zdɛt 'барахтаться', производн. *məzdurə̀t* 'беспокойный ребенок' (Karničar 186), вероятно, из *méziti* 'двигать, передвигать, приводить в движение, шевелить, трясти; быть беспокойным' с вставным *-d-* (Pleteršnik I, 579), этимологически тождественно др.-рус. *мѣзити* 'смежить, щурить', слав. **migati* (ЭССЯ 18, 232; 19, 26–28).

Náloka 'в мельнице деревянные гвозди, за которые цепляются пальцы внутреннего колеса и приводят камень в движение' (Pleteršnik I, 649), *nalok: ná:wq* 'Spindelstecken (Mühle)' (Karničar 192) < **na-loka/ъ*, не отмеченное в этимологической литературе, расширяет состав продолжений слав. **lǫkъ* ~ **lękt'i* 'гнуть, сгибать' (ЭССЯ 16, 148–149).

В круг продолжений той же основы **lǫk-* входят словен. *prílǫč* в значении 'Pflugsterze', а также диал. *príloč* 'ручка, рукоятка' (Novak 118) < **pri-lǫčь*, синонимы к *prírôč* (Pleteršnik II, 316), ср. словен. *lôk* 'дуга; смычок; лук (оружие)', *lôček* 'скрипичный смычок' (ЭССЯ 16, 148, 135).

'Naščət ‘тяготеть, стремиться к чему-л.’, ср. *necko je 'naščela za pet* ‘племянница очень хотела пить’ (Jakomin 78), вероятно, может быть сопоставлено со словен. *páščiti se* ‘трудиться, стараться’, рус. *тщиться* < **tъsk-* (Bezlaj III, 14). Это один из немногих примеров сочетания преф. *na-* с корнем **tъsk-*, ср. еще др.-рус. прилаг. *натъщь* ‘сильно желаемый, завидный’ (Срезневский II, 342).

Отсутствующее в словаре Плетершника *pí:tun, -a, -o* ‘прирученный, домашний’, *pí:tuno* нареч. ‘по-домашнему, сердечно, приветливо’ (Bovšk. 49), *pítoun* ‘приятный’, ‘животное, хорошо откормленное’ (Tolmin 194) связано отношением производности с гл. *pitati*.

Poprijéten ‘заразный, прилипчивый (о болезни)’ имеет структуру производного с суф. *-ьn* от прич. на *-t* (ср. *poprijéti, a, o* ‘наследуемый’) гл. *poprijéti* ‘начать’ (Novak 104) < **po-pri-ętí*.

Posmúik ‘водоворот’ (Novak 105) при отмеченном в словаре Плетершника *posmȕk* ‘das Abglitschen’ явилось результатом преобразования одного из значений *smȕk* ‘прыжками, скачками’ (Pleteršnik II, 170, 524) в гнезде гл. *smukati*.

'Pratek ‘ловкий, проворный’, ср. *nisen pratek* ‘еще ничем не обладает’ (Jakomin 96), по нашим наблюдениям, нигде более не отмеченное, скорее всего связано с гл. *práti, pérem* ‘бить, ударять’ и представляет собой производное от прич. на *-t-* от этого глагола. Близкое по структуре и значению образование в болг. диал. *прú-пръm* ‘быстрый, торопливый, нетерпеливый’ (Тетевен, БЕР 5, 730). Ср. семантически рус. диал. *бúтый* ‘расторопный, сообразительный’, прич. на *-m-* от гл. *бить* (СРНГ 2, 300).

Pritosnik: pərtóə:sjɛq ‘небольшой железный нож для рубки репы, кольраби’ (Karničar 340), как и зафиксированное в словаре Плетершника *pritósek* ‘нож без закривления на конце’ (Pleteršnik II, 340), дает свидетельство основы с корневым *-o-*, связанной чередованием вокализма с гл. *tesati*[12].

Узколокальное словен. диал. *plàč* ‘желчный пузырь’ (Novak 71) едва ли связано с **plačь* ‘плач’ (Bezlaj III, 43). Скорее всего в названии получает отражение другая особенность – покрытие, не пропускающее желчь. Можно думать, что словен. *plàč* образовано при помощи суф. *-jь* от *plat* (ср. рус. диал. *плат* ‘попона’, ‘прочная, не пропускающая воду кожа сапог’, *платок* ‘обшивка’ – СРНГ 27, 94, 99).

Prègenòti ‘перестоять, перебродить, вылиться (о тесте)’ (Novak 111), вероятно, имеет ту же морфологическую структуру, что и отмеченный в словаре Плетершника гл. *pregeníti* ‘гнуть, сгибать; двигать’ (Pleteršnik II, 231), т.е. **per-gъb-nǫti*, и представляет конкретную реализацию одного из значений этого глагола, а именно ‘двигать(ся)’.

Pr'pēt'nca 'давка, толкотня' (Košir 53) < **pri-pęt-ьnica* сложилось на базе гл. **pęti*.

Sűk 'спешка', ср. *tàkši sűk je möu* 'так он спешил, торопился' (Novak 143), ср. чеш. *suk* 'своенравный, упрямый' (Kott III, 756), позволяет шире и полнее представить преобразования семантики в рамках гнезда слав. **sukati* 'сучить', ср. *sûk* 'вращение' (Pleteršnik II, 600). К этому же гнезду относится и диал. *osüknca* (< **obsukъnica*) 'оспа' (Jakop 52), не отмеченное Плетершником.

**Skrotnja: skrûətnę nastane* 'при рубке леса, когда ствол начинает падать, опасно, если во время не отскочить' (ср. *ana skrûətnę γa ję parîəła*) (Tominec 202), вероятно, из **sъkrǫt-ьnja*, далее к **krǫtъ(jь)*, ср. рус. диал. *крýтень* 'водоворот', *крутéль* то же и 'трудные обстоятельства' (СРНГ 15, 324).

Ščięstę (se) экспр. 'уничтожить, исчезнуть, убраться' (Bovšk. 58) и, вероятно, связанное с ним *ščežę́ti* 'бежать, мчаться по наклону' из **jьz-čeznǫti* (Bezlaj I, 81).

Upèršętę 'утомиться, ослабеть, обессилеть' (Bovšk. 66), вероятно, соотносительно с **pьrxati/*pьršiti*, ср. развитие семантики в том же направлении в рус. диал. *пéрхлик* 'неплодородная почва', *пéршеветь* 'коробиться, делаться неровным' (Сл. Среднего Урала IV, 22).

Wərzè:lja в значении 'живая граница, густой беспорядочный кустарник' (Bovšk. 69), а также *vrzl'na* 'плетень из подвижных планок', 'часть ограды' (Košir 63) являются диалектной реализацией отмеченного в словаре Плетершника *vrzêl, vrzêla* в качестве названия живой изгороди, пролома в плетне, отверстия вообще (Pleteršnik II, 802), производного с суф. *-ěla* от гл. **vьrzti* 'плести' (ср. блр. *вярзцí*)[13]. Названия плетеной изгороди перенесено на кустарник, выполняющий функцию изгороди, межи, своеобразной границы. Словообразовательный вариант с суф. *-êja, -enь* в рус. диал. *верзéя* 'пролом в изгороди', 'изгородь из лежащих кольев (огорожены выгоны, поля)' (костр., СРНГ 4, 146), *вéрзень* 'мочалка из бересты' (Сл. Карелии I, 177).

Zalepek: za'lè:pak 'недозрелый, неполноценный хлебный колос' (Kostel.), вероятно, относится к плоду, содержащему много клейковины, отсюда связь с гл. **lěpiti* 'лепить, клеить'. Примечательно, что в русских говорах (СРНГ 10, 201) находим очень близкие образования: ср. *залепýга, залéпух, залепýшка* 'зеленый, незрелый плод, ягода' (пск., тул., свердл.), *залепня́* 'несозревшие ягоды' (Ср. Урал).

Лексические диалектизмы словенского языка отражают новые линии в семантической эволюции древних славянских основ.

Skərní:na 'ревматизм' (Blovšk. 56), не учтенное в словаре Безлая (Bezlaj III, 250), принадлежит к гнезду слав. **skvьrna*.

Bránca 'продолжение крыши (леса для сушки снопов)' (Košir 37) производное с суф. *-ica* от *brana* (< **borna*).

Mərščì:tę в значении ‘вожделеть, сильно желать’ (Bovšk. 43) представляет следующую степень в семантической эволюции словен. *mŕščati* ‘продирать (о чувстве)’ (Pleteršnik I, 613).

Kílu ‘слабый’: *kílu vreme* ‘скверная погода’ (Škrlep 33), в словаре Плетершника не отмечено употребление этого прилагательного по отношению к погоде (Pleteršnik I, 396).

'Srtalo, srto, srtalić ‘небольшая мотыга (для обработки роз)’ (Jakomin 115) в качестве названия орудия семантически дополняет гнездо слав. **sьrtь*, объединяющее словен. *sŕtiti se* ‘важничать; сопротивляться’ (Pleteršnik II, 565), *sȓt* ‘рыбья кость’, *srtína* ‘острие, острый конец’, а также макед. *срт* ‘хребет животного’, далее польск. *sierć* ‘щетина‘ и т.п. (Bezlaj III, 311).

Рассмотренные лексические диалектизмы имеют разную хронологическую глубину. Богатый лексический материал, предоставляемый диалектными словарями, расширяет наши знания о составе славянских этимологических гнезд и позволяет выявить тенденции в развитии словообразовательных и семантических процессов в северо-западной Славии.

Примечания

[1] *Orožen M.* Arhaizmi iz jezikovnega obrobja v “Potni torbi” Frana Erjavca // Studia in memoria di Neva Godini. Forum, Udine, 2001, 259–272.

[2] *Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personennamen. Wien, 1860, 184. Однако в его же работе Die slavischen Ortsnamen aus Appelativen (Wien, 1872–1874, 281) идет с пометой “dunkel”.

[3] *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Život starých Slovanů III, 1. Praha, 1925, 33.

[4] *Куркина Л.В* Термины подсечно-огневого земледелия на индоевропейском фоне // Общеславянский лингвистический атлас 1997–2002. М., 2003.

[5] *Hrabec.* Nazwy geograficzny Huculszczyzny. 1950, 41.

[6] Narodopisje Slovencev. Priredil dr. R. Ložar. Del I. Ljubljana, 1944, 136.

[7] *Sławski F.* Polonica w Słowniku etymologicznym języka litewskiego E. Fraenkla // JP XXXIX, 5, 1959, 382.

[8] *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. Перевод с франц. М., 234.

[9] *Трубачев О.Н.* К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // ВЯ 1957, № 2; Фасмер III, 278: s. v. *племя* < **ple-men* < **pel*, дополнения О.Н. Трубачева.

[10] О других продолжениях и.-е. **pel-* см.: *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII // Этимология 1978. М., 1980, 23–24.

[11] *Torkar S.* Nekaj posebnosti iz govora Hudajužne in Oblok na Tolminskem // Traditiones 28/1, 1999, 4.

[12] *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна, 1992, 71.

[13] *Калашников А.А.* Из этимологических наблюдений над гнездом праслав. **vьrzti* // Общеславянский лингвистический атлас 1991–1993. М., 1996, 300–301.

Принятые сокращения использованных диалектных словарей словенского языка

Bovšk. – *B. Ivančič.* Diferencialni slovar bovškega govora. Seminarska naloga na magistrskem študiju pri predmetu Dialektologija, zahodni govori. Mentorica doc. dr. Vera Smole. Univerza v Ljubljani. Folozofska fakulteta. Oddelek za slovanske jezike in književnosti. Ljubljana, 2000. Rokopis.

Bovec – *Helena Čujec-Stres* v sodelovanju z M. Šulinom. Slovar besed bovškega narečnega govora // Pokrajina in ljudje na Bovškem. Zbornik. Uredil dr. Jurij Kunaver. Alpski mladinski raziskovalni tabori. Bovec, 1985–1987. Ljubljana, avgust 1988.

Erjavec – *Erjavec Fr.* Iz potne torbe // LMS 1, 1880.

Jakomin – *Jakomin D.* Narečni slovar Sv. Antona pri Kopru. Trst, 1995.

Jakop – *Jakop Tjaša.* Pavlovo glasoslovje slovenskega cankovskega narečja (s prevodom vokalizma). A – diplomska naloga iz slovenskega jezika. Mentor doc. dr. Vera Smole. Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta. Oddelek za slovanske jezike in književnosti. Ljubljana, 1998.

Karničar – *Karničar L.* Der Obir-Dialekt in Karnten. Die Mundart von Ebriach / Obirsko. Wien, 1990.

Kenda – Slovarsko gradivo s Tolminskega. Zbral J. Kenda. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana.

Kostel. – Gradivo za kosteljski slovar. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana.

Košir – *Košir Stanko.* B's'dnjak rutarščê'n srenšce špraše. Slovar rutarške in srenške govorice. Rute, januar, 1997.

Novak 1948 – *Novak V.* Etnografski značaj slovenskega Porabja // Slovenski etnograf I. Ljubljana.

Novak – *Novak F.* Slovar beltinskega prekmurskega govora. Drugo, popravljeno in dopolnjeno izdajo priredil in uredil Vilko Novak. Pomurska založba. Murska Sobota, 1966.

Škrlep – Slovar poljanskega narečja. Sestavil Škrlep Dušan. Poudarke postavil prof. Janez Dolenc. Gorenja vas, 1999.

Tolmin – *Čujec-Stres H.* Slovar narečnih besed // Dolini Tolminke in Zadlašce. Zbornik. Tolmin, 1993.

Tominec – *Tominec I.* Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.

А.А. Калашников

ПОЛЬСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. III*

dzięgwa

В малопольских диалектах (в окрестностях Кракова, Кше́шовице) отмечено существительное *dzięgwa* ‘нарост’: Hańta sosna miała *dzięgwe*[1]. Это слово не вошло в словарь Я. Карловича и в Варшав-

* Предыдущие статьи этой серии помещены в томах: Этимология. 1994–1996. М., 1997 и Этимология. 1997–1999. М., 2000.

ский словарь. Оно не рассматривается в этимологических словарях А. Брюкнера, Ф. Славского и А. Баньковского и как будто не объяснено в другой этимологической литературе. Между тем можно думать, что перед нами – достаточно архаичное образование с характерной семантикой, входящее в состав древнего словообразовательно-этимологического гнезда, основанного на праслав. **dęgti*. Этот глагол не сохранился в чистом виде, но отражен в целом ряде производных и соотносительных с ним форм. Среди этих форм заслуживают первоочередного внимания глагол **dęgnǫti* и существительные **dęga* и **dęgъ* (см.: ЭССЯ 5, 24–26; Słownik prasłowiański III, 96–97). Ср. такие факты: рус. диал. *дя́гнуть* 'расти, плотнеть, здороветь, крепчать' (Даль[2] I, 527: сев.), яросл. 'расти': Ничего нынче в огороде *не дягнет*, 'оживать': Цветок *не дягнет* (Ярославский словарь 4, 30), новгор. 'расти; поправляться, полнеть' (Новгор. словарь 2, 114), а также псков. *дяг* м.р. и *дя́га* ж.р. 'рост, сила; здоровье', забрать *дягу* 'выздороветь, набраться сил' (Псков. словарь 10, 99), укр. диал. *дя́га* 'нечто большое, тяжелое, раздутое' (ЕСУМ 2, 152). Как видим, здесь реализуется идея роста, увеличения полноты, раздутия – возможная семантическая основа названия нароста на дереве. Подробнее о составе этого гнезда на славянском уровне и о круге возможных индоевропейских соответствий см.: Berneker I, 190, 217–218; Преображенский I, 210, 201; Brückner 112, 88, 104–105; Pokorny I, 250, 271; Фасмер I, 561, 549–550; ЭССЯ 5, 24–26, 98–100, 150, 166–168; 26, 157; Słownik prasłowiański III, 95–98, 105–106; IV, 192–195, 198–200; V, 118–119.

Нет видимых препятствий для отнесения к данному гнезду и рассматриваемого польского слова. Его форма позволяет видеть в нем продолжение праславянского существительного **dęgy*, Gsg. **dęgъve*. На вероятную древность указывает и архаичный характер самого гнезда с заметно угасшими словообразовательными потенциями.

В этом месте приходится обратить внимание еще на одно слово, тождественное анализируемому по форме, но отличное от него по значению. Я. Карлович приводит его s.v. *dzięgna* 'заболевание полости рта' и цитирует единственный контекст, сопроводив его вопросом: Będziemy mieli waseczkę masła, aby nam się *dzięgwa* na jednej stronie nie spasła (познанск., Karłowicz I, 440, со ссылкой на О. Кольберга; в Варшавском словаре на алфавитном месте отсутствует). Здесь же приводится вариант *dzięgła* 'заболевание десен' (Луковец Мазовецкий, Karłowicz I, 440; ср. Варшавский словарь I, 654). Этот вариант удовлетворительно объясняется диссимиляцией из *dzięgna*: *en...n* → *en...ł* (Słownik prasłowiański III, 96), а вариант *dzięgwa* (в данном случае), вероятно, получился из *dzięgła* (с билабиальным u̯). Реальное семантическое наполнение и, как следствие, этимология польск. *dzięgna* остаются неясными (см.: Brückner 112; Słownik prasłowiański III, 96, с литературой; Bańkowski 1,

331), но как будто нет оснований возводить это слово к праслав. *dęgti[2]. Вероятно, познанское слово является генетическим омонимом по отношению к краковскому.

zazga

В малопольских диалектах (село Глодно в Пулавском повяте) записано существительное *zazga* 'небольшой песчаный холм посреди поля'[3]. Это слово было рассмотрено П. Ниче, который предположил, что оно могло бы быть родственно существительному *żoga* 'земля, на которой все выгорает и не хочет уродиться'[4]. Представляется, что здесь уже намечен путь к интерпретации этого не до конца ясного слова, но лишь в общем виде. Ниже мы попытаемся более полно раскрыть его внутреннюю форму.

Учитывая географию рассматриваемого слова, мы вправе предположить, что второе *z* в нем является результатом мазурения, и отнести его к гнезду праслав. **žegti*, транслитерировав его как *zażga*. Но на этом его явная общность с *żoga* заканчивается. Семантический признак, по которому дано это последнее именование, выражен в его словарной дефиниции: 'земля, на которой все в ы г о р а е т и не хочет уродиться' (см. выше). Сюда же, вероятно, относится и малопольское (окрестности Пиньчува) *zazoga* 'каменистая почва' (Karłowicz VI, 340; Варшавский словарь VIII, 365), с отражением мазурения[5] и возможным этимологическим значением 'земля, на которой все выгорает'. Вполне вероятно, что именование небольшого песчаного холма посреди поля было дано по тому же признаку: на песчаной почве посеянное засыхает (выгорает) и не приносит урожая. Но существует, как нам кажется, возможность понять мотивацию значения анализируемого слова и по-другому.

Для того чтобы выяснить, по какому еще признаку могло быть дано это именование, присмотримся к оригинальной дефиниции: 'mała piaszczysta wydma wśród pola'[6]. Слово *wydma*, передающее здесь идею холма, дюны, возвышенного участка рельефа, этимологически означает 'то, что выдулось, вздулось' (см. Brückner 86). Можно предположить, что существительное *zazga* является метафорическим обозначением небольшого холма как вздутия от ожога. Ср. глагол *zażgnąć* 'зажечь, поджечь; охватить огнем' (Варшавский словарь VIII, 367). В этом же гнезде обращает на себя внимание рус. диал. *ожиг* 'прыщи, сыпь на губах' (Даль[2] II, 580: псков., твер.), что можно понять как 'вздутие'. Показательный материал находим в гнезде близкого по значению глагола **pekti*. Ср. такие факты: рус. диал. *о́пе́чь* ж.р. 'песчаная отмель в реке' (СРНГ 23, 255), *опе́чек* м.р. 'песчаная подводная отмель в реке' (Даль[2] II, 678: вост.-сиб.), урал. 'грудка песка, камней, намытая рекой' (Сл. Сред. Урала II, 60), ир-

кут. 'возвышение дна до уровня воды в реке, подводный холм' (Иркутский словарь II, 90)[7].

Какой из двух возможных вариантов семантической реконструкции предпочтительнее, сказать трудно. В пользу первого свидетельствуют польские диалектные *żoga* и, возможно, *zazoga* со своими семантическими истоками. В пользу второго – то, что в оригинальной дефиниции речь идет о небольшом холме, дюне, русские диалектные факты, а также, возможно, отличный от представленного в двух упомянутых формах корневой вокализм пулавского *zazga*.

Примечания

1 *Pracki W.* Przyczynek do słownictwa ludowego z okolic Krakowa // PF V, 1895, 151.

2 Польск. *dzięgna* определяется как 'stomacace, гноящееся воспаление полости рта, гангрена полости рта' (Варшавский словарь I, 654), 'разновидность цинги, stomatitis' (*Brückner* 112). А. Брюкнер считал назализацию вторичной и сравнивал это слово с ц.-слав. *дегна, догна* 'струп'; значение 'десна', по его мнению, приписывалось этому слову ошибочно (*Brückner* 112; развитие этой этимологии см. в *Bańkowski* 1, 331). Иная версия излагается в Słownik prasłowiański III, 96: носовой и значение 'десна' исходны, здесь же – реконструкция **dęt-nā* > **dęg-nā* (?). Все это (и прежде всего – сомнительный характер носового гласного) заставляет на данном этапе воздержаться от сближения польск. *dzięgna, dziegna* с праслав. **dęgti* даже при допустимости семантического развития 'расти, раздуваться' → 'воспаление, набухание десен, разновидность цинги'.

3 *Łopaciński H.* Przyczynki do nowego słownika języka polskiego (z Lubelskiego i innych okolic Królestwa Polskiego, zrzadka z Galicyi, Szląska, Prus i Poznańskiego) // PF V, 1895, 954. См. также: *Karłowicz* VI, 339 (со ссылкой на труд Х. Лопациньского) и Варшавский словарь VIII, 364 (без каких-либо ссылок). Автор выражает свою признательность г-же Л. Бесядовской, заведующей библиотекой Института славистики ПАН в Варшаве, за содействие в работе с источниками для этого этюда.

4 *Nitsche P.* Die geographische Terminologie des Polnischen (=Slavistische Forschungen. Herausgegeben von R. Olesch. Bd. 4). Köln; Graz, 1964, 107. О последнем существительном см.: *Karłowicz* VI, 446; Варшавский словарь VIII, 714.

5 См.: *Nitsche P.* Op. cit., 104.

6 *Łopaciński H.* Op. cit., 954.

7 Анализ соответствующего круга образований содержится в работе: *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Этимология. 1985. М., 1988, 15–16.

М. Рачева

ЕЩЕ РАЗ "О ЗЕЛЕНОМ КОНЕ"

"O zelenom konju" – так озаглавила известный сербский лингвист Милка Ивич изданный в 1995 г. сборник лингвистических исследований[1]. Книга, составленная из 22 статей автора, охватывающих различные семантические сферы сербской лексики, вне всякого сомнения, заслуживает внимания широких кругов языковедов – не только

сербохорватистов, но и исследователей других славянских, балканских, европейских языков, а также специалистов, работающих в некоторых областях общего языкознания. Необычное название этого лингвистического труда повторяет заглавие включенной в него статьи М. Ивич "O zelenom konju"[2]. Как отмечает сама автор, та же статья была опубликована предварительно в журнале "Zbornik za filologiju i lingvistiku Matice srpske", XXXVII.

Мой специальный интерес именно к этому фрагменту книги и предлагаемая здесь дискуссия по некоторым затронутым в этом фрагменте языковым проблемам, естественно, вытекает из наличия одних и тех же объектов исследования в указанной выше статье М. Ивич "O zelenom konju" и опубликованной несколько раньше в журнале "Zeitschrift für Slawistik" моей статье "Zur semasiologisch-etymologischen Behandlung der slawischen Farbenbezeichnung **zelenъ*"[3].

Более или менее свободно обращаясь с проанализированной в моей статье историей изучения особого гиппологического цветообозначения *zelen/зелен* в сербохорватском и болгарском языках[4], М. Ивич как будто бы принимает отмеченное в моей статье общее предположение Ст. Илчева[5] о происхождении значения 'светлый с темными пятнами (о коне)' на основе калькирования под влиянием какого-то соседнего языка, в котором семантика цветообозначения *зеленый* включала и представление о цвете, близком к белому и серому. Автор, однако, не принимает предложенную в моей статье конкретизацию идеи Ст. Илчева, основанную на предположении о суперстратном тюркском влиянии с учетом специфической многозначности тюркского цветообозначения *kök/gök*. Отмечая только часть языковых фактов, приведенных в поддержку упомянутого тезиса, и пренебрегая другой частью данных вместе с вытекающими из них выводами, автор категорически заключает: "Turke u ovo ne treba mešati".

К такому категорическому выводу М. Ивич приходит на основе приведенной Х. Дюрбеком (см. подробнее ниже) цитаты из римского автора II в. Авла Гелия, который, комментируя сходство и различие греческих и латинских цветообозначений, употребляет сочетание *viridis color* (лат. *viridis* 'зеленый') в связи с использованием римским поэтом II в. Виргилием (Geor. 3.82) цветообозначения *glaukus* (< греч. γλαυκός) в качестве определения цвета коня. Отмечая, что в толковании Георгеса[6] лат. *glaucus equus* – 'серый конь', а у Дивковича[7] то же самое латинское сочетание толкуется через с.-хорв. *čilaš* (у Шкалича 'пестрый конь'[8]) и с.-хорв. *zelenko* (у Вука 'Apfelschimmel'[9]), автор при этом полагает, что римский автор Гелий дает свидетельство употребления во II в. латинского цветообозначения *viridis* 'зеленый' в качестве "одного из "конских" цветов"[10]. И хотя в ходе рассуждений М. Ивич отмечает, что для болг. *зелен* ис-

точником калькирования ‘светлый с темными пятнами (о коне)’ могло быть не латинское цветообозначение *viridis*, а греч. χλωρός, которое обозначало не только зеленый, но и беловато-серый, и желтоватый, даже коричнево-желтоватый цвета, при этом, как полагает автор, нельзя думать, что в эпоху античности в географическом пространстве с доминирующим греческим культурным и языковым влиянием было возможно именно такое наименование χλωρός ῐππος = *zelen konj*[11]. Однако, по мнению автора, существует свидетельство Гелия о том, что в эпоху римского господства на Балканах II в. лат. *viridis* = *zelen* употреблялось и как определение к существительному *equus* ‘конь’[12]. Основываясь на этом, М. Ивич заключает, что “если все-таки необходимо искать среди балканских неславянских языковых ситуаций “вдохновителя” образования и семантизации болгарского лексико-синтаксического сочетания *зелен кон*, то разумнее всего, как представляется, показать пальцем на (позднюю) латынь; во всяком случае, сюда не нужно примешивать турок” (...onda izgleda najrazboritije upirati prstom u (pozni) latinitet; u svakom slučaju – Turke u ovo ne treba mešati...)[13].

Завершая такими выводами анализ болгарского сочетания *зелен кон* ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ и обращаясь к соответствующему сербскому лексическому материалу, М. Ивич сожалеет о том, что, в отличие от болгарских, соответствующие сербские примеры вплоть до последнего времени были лишены адекватного лингвистического анализа[14]. Смысл выражения “адекватный лингвистический анализ” в качестве альтернативного определения к уже известным автору предыдущим исследованиям, в которых привлечен и сербский диалектный материал, остается неуточненным, а конкретные наблюдения, комментарии и выводы в изложении М. Ивич сводятся к следующему.

Богато засвидетельствованное в народных песнях, в словаре Вука и более ранних словарях, отражающих лексику хорватских народных говоров, сербохорватское сочетание *zelen konj* = *zelenko* обозначает коня с более светлым или более темным окрасом или с темными пятнами на светлом фоне. То же определение употребляется и по отношению к другим животным, напр. *zelen pas* = *zeljov* ‘grauliher Hund’, *zelen vuk* ‘серый волк’ в народных песнях из Боснии и Черногории. Оно содержится и в гипокористической производной форме *zekonja* ‘кличка вола темной, серой масти’. В одной записанной Вуком народной песне автор обнаружила пример параллелизма между специфическим цветом коня *zelenko* и цветообозначением *smeđ*, определяющим всадника. Отсюда вывод М. Ивич о том, что порода коней *zelenko* занимает как бы “среднее место” между *vranac* ‘черный конь’ и *đogat* ‘Schimmel’, что и дает основание автору уже не сомневаться в том, что *zelenko* может быть только ‘серый конь’[15].

Подтверждая цитатой из текста другой сербской народной песни принадлежность *зелен кон*[16] к элитной породе лошадей, что особенно определенно выражено в болгарских фольклорных текстах, автор упоминает и отмеченную Г.Ф. Одинцовым[17] исключительную ценность в прошлом породы лошадей серой, “мышиной” масти, определяемой русским цветообозначением *голубой*: *голубая лошадь* ‘мышастая, пепельно-серая, сизая’[18].

Особое внимание М. Ивич привлекло засвидетельствованное опять же в сербских фольклорных текстах употребление *zelen* в качестве определения птицы *soko* ‘сокол’, являющейся символом отваги, мужества, смелости. Засвидетельствованные также в фольклорных текстах альтернативные употребления сочетаний *zelen soko* или *siv soko*, или же *siv zelen soko*, связываются автором с употреблением также в одном фольклорном тексте *siv* ‘серый’ в качестве определения к *vitez* ‘рыцарь’ (*Što velite, vitezovi sivi*?), что и дает основание для заключения о метафорическом употреблении *siv* в данных примерах[19].

С учетом установленной семантической соотносимости *zelen* и *siv* в качетве определения к *soko*, М. Ивич распространяет свое предположение о метафорическом значении цветообозначения *siv* и на употребление в сербском фольклоре цветообозначения *zelen* в качестве определения оружия: *zelen mač*, *zelena sablja, zelena puška, zelen top*. Отмечая, что, по мнению Т. Маретича (RJA XXII, 739–743), с.-хорв. *zelen* в указанных случаях означает ‘сияющий, блестящий (об оружии)’, что, по мысли того же автора, связано с исходным значением корня *zel-*, М. Ивич не принимает такого определения и считает, что самым подходящим в этом случае синонимом с.-хорв. *zelen* является *ubojit* ‘смертоносный (об оружии)’. Основание для такой интерпретации автор снова находит в записанной Вуком народной песне, текст которой, в понимании автора, “дает нам исключительно драгоценные сведения о том, что в действительности означает *zelen* в сочетании с названием оружия”[20]. Речь идет об образе одного полководца – *...Zelena mu i sablja i ruka, a bjela mu do pojasa brada...*, в котором *bjela mu...brada* символизировало разум (razboritost), *zelena ruka*, в понимании М. Ивич, не что иное, как ‘доблестная рука’ (odvažna ruka), а *zelena sablja* – это не что иное, как ‘смертоносная сабля’ (ubojita sablja). Согласно автору предполагаемое символическое употребление с.-хорв. *zelen* возникло “по причине неизбежной спонтанной метафорической транспозиции представления о зеленом цвете в сознании человека”[21]. Имеется в виду действительно широко распространенная ассоциация представлений ‘зеленый’ и ‘молодой’, с этими представлениями автор ассоциирует и ряд прекрасных качеств – “bodrost, krepkost, pa onda i odvažnost, silovitost”, с учетом употребления в румынском языке *verde* ‘зеленый’ для обо-

значения качеств человека – ‘бодрый’, ‘здоровый’, ‘крепкий’, ‘живой, проворный’, ‘смелый’. Отсюда твердое убеждение М. Ивич в том, что в сочетаниях *zelen konj, zelen soko* и *zelen mač* в сербском фольклоре определение *zelen* передает не цвет, а “способность к эффективным действиям в борьбе за победу над противником”[22]. За подкреплением своей мысли автор обращается к греч. αἴθων, которое, в понимании автора, обозначало ‘светложелтый, львиный цвет’ и которое, по мнению Х. Дюрбека (см. подробно ниже), употреблялось “не только и не столько для идентификации цвета, сколько для определения некоторых видов животных (львы, лисы, ястребы, волки, собаки) из-за свойственной им склонности к агрессии по отношению к другим живым существам”[23].

Если в первой части своей работы М. Ивич называет конкретный источник для болгарского лексико-синтаксического сочетания *зелен кон* в “(поздней) латыни”, то, напротив, удивляет своей неопределенностью последнее заключение автора о возникновении указанного феномена в южнославянских языках “на балканской почве под влиянием неких (неславянских) языковых моделей, которые “были в игре” в эпоху освоения славянами балканского пространства”. Эта неопределенность сопровождается категорической оговоркой – “поэтому проблема *зеленого коня* относится не столько к славистике, сколько к балканологии”[24].

Разделяя живой интерес М. Ивич к проблематике историко-лингвистического феномена *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорватском языках с твердой верой в полезность всякой научной дискуссии, я предлагаю спровоцированные рассуждениями автора собственные наблюдения, комментарии и выводы.

О позднелат. *color viridis* как «одном из “конских” цветов»

Речь идет об употреблении *viridis color* в сочетании “Noctes Atticae” римского автора Авла Гелия (130 г. рождения) и комментариях к этому употреблению в одном разделе диссертационного труда Х. Дюрбека “Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen”[25], озаглавленного “Reflexionen eines Römers über griechische und lateinische Farbenbezeichnungen”[26].

Бесспорна заслуга М. Ивич в том, что она привлекла внимание к упомянутому специальному исследованию Х. Дюрбека и к своеобразному, как будто бы не нашедшему отражения в латинской лексикографии употреблению сочетания *viridis color* в указанном позднелатинском тексте II в. Решающее значение, которое придается этому своеобразному употреблению в предложенной М. Ивич интерпретации феномена *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорват-

ском языках, порождает необходимость в непосредственном изучении предмета, на который ссылается автор. Особого внимания заслуживают два верных и важных обобщения в комментариях Х. Дюрбека к тексту Гелия "Noctes Atticae" 26.2, а именно:

содержащиеся в этом тексте данные остались неоцененными в литературе по цветообозначению[27];

требуя обстоятельного обсуждения, эти данные ставят, однако, больше проблем, нежели предлагают решений[28].

Последнее обстоятельство в известной степени объясняет отмеченную выше, опирающуюся на "свидетельство Гелия" нарастающую неопределенность во взглядах М. Ивич об источнике феномена *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорватском языках.

Однако очень важен неотмеченный М. Ивич вывод Х. Дюрбека о том, что лат. *viridis* в сочинении Гелия скорее связано с представлением о желтом цвете, чем зеленом[29]. Достоверность этого вывода находит непосредственное подтверждение в конкретном тексте Гелия *flavus e viridi et rufo et albo concretus* ("Noctes Atticae" 26.12), где *viridis* действительно не могло быть ничем иным, как обозначением желтого цвета.

Помимо связанного с этим обстоятельством информативно богатого комментария Х. Дюрбека об установленном в некоторых специальных исследованиях различии при восприятии так называемых холодных и теплых цветов между северными "зеленовидящими" (grünsichtige) и южными "желтовидящими" народами[30], важно обратить внимание на следующее.

Отмеченное Дюрбеком и подтверженное приведенным выше текстом Гелия необычное в плане семантики значение 'желтый' у лат. *viridis* является весьма характерной составной частью семантического спектра греческого цветообозначения χλωρός, к лексикографическим значениям которого относятся, как известно, 'желто-зеленый', 'бледнозеленый', 'желтый', 'светлый, бледный', метафорически также 'свежий; пресный; незрелый'[31]. Этот интересный факт может найти объяснение в несомненном латинско-греческом билингвизме самого автора "Noctes Atticae". О причастности римлянина Гелия к греческой культуре и греческому языку в современную ему эпоху интенсивного эллинского влияния на римскую культуру и латинский язык свидетельствует и само название произведения – "Аттические ночи".

Однако сочинение Гелия в действительности не содержит декларированного М. Ивич сочетания *viridis equus = zelen konj*, как не содержит и декларированного прямого свидетельства употребления во время римского владычества на Балканах во II в. сочетания *viridis color* в качестве обозначения одного из "конских" цветов (kako jednu od "konjskih" boja)[32]. Исследовавший этот текст Х. Дюрбек определяет значение сочетания *viridis color* как 'grüne (?)/gelbe (?) Farbe'[33].

С учетом доказанного, основанного на несомненном латинско-греческом билингвизме самого автора, переноса значения ‘желтый‘ греч. χλωρός на лат. *viridis* в тексте Гелия (26.12) засвидетельствованное в “Noctes Atticae” сочетание *viridis color* (26.18) едва ли могло иметь отмеченное выше формальное значение ‘grüne (?)/gelbe(?) Farbe’. Реальным значением сочетания *viridis color* в этом тексте является, вероятно, общее нетерминологическое значение ‘светлый цвет’, основанное на переносе в языковом сознании билингва Гелия соответствующего значения ‘светлый’ из семантики греч. χλωρός в семантику лат. *viridis*. Таким образом, вместо сомнительного “Und Vergil konnte, wenn er den *viridis color* (grüne (?)/gelbe(?) Farbe’) eines Pferdes bezeichnen wollte, das Pferd sehr wohl eher *caeruleus* nennen, als *glaucus*...” в переводе Х. Дюрбека, восстанавливается смысл текста Гелия, а именно: “Und Vergil konnte, wenn er *die helle Farbe* eines Pferdes bezeichnen wollte, das Pferd sehr wohl eher *caeruleus* nennen, als *glaucus*...”.

Об одном пропущенном факте

Один факт, также связанный с поздней античностью, остался неотмеченным как М. Ивич, так и всеми другими авторами (включая и автора этих строк), изучавшими феномен *зелен кон/zelen konj* в болгарском и сербохорватском языках. Речь идет о сочетании ‘ίππος χλωρός, засвидетельствованном в одном из знаменитых текстов Нового Завета – в Апокалипсисе евангелиста Иоанна: Και είδον, και ’ιδού ‘ίππος χλωρός, και ‘ο καθήμενος ’επάνω αύτω ‘ο Θάνατος (Апокалипсис 6.8). Самый ранний известный староболгарский перевод этого текста в так наз. Хваловой рукописи – мефодиевской книжности, – передает указанное сочетание как **конь блѣдъ: И видѣхъ, и се конь блѣдъ** (SJS 3, 116), ср. поздний церковнославянский вариант этого текста: **И видѣхъ, и се конь блѣдъ, и сѣдѧщїи на немъ, имѧ емꙋ смерть.**

Возможно, загадочное происхождение этого уникального произведения поздней античности, авторство которого традиционно связывают с именем любимого ученика Иисуса – Иоанна Богослова, как и его неясная языковая первооснова, стали причиной игнорирования содержащихся в нем языковых данных и конкретно – употребления в нем сочетания ‘ίππος χλωρός не только в упомянутом обстоятельном исследовании Х. Дюрбека, но и в авторитетном греческо-английском словаре Лидделя и Скотта. Заметим, что это сочетание отмечено в двухтомном словаре И.Х. Дворецкого[34].

Аллегоричность и яркая фантастичность характерна для галереи образов Апокалипсиса, к которым принадлежат вызывающие ужас ‘ίππος χλωρός – бледный конь и его наездник ‘ο Θάνατος – персонифицированная Смерть, за которыми экзальтированное вообра-

жение автора узрело образ самого Ада (Апокалипсис 6.8). Об исключительном по силе состоянии аффекта автора в момент описанного им переживания ср. в переводе на современном болгарском и русском языках: *В Господния ден бях в изстъпление на Духа...; Я был в духе в день воскресный...* (Апокалипсис 1.10), *Начаса се намерих в изстъление чрез Духа…*, *И тотчас я был в духе…* (Апокалипсис 4.2). В настоящее время отсутствуют данные, подтверждающие употребление сочетания 'ἵππος χλωρός в качестве обычного гиппологического термина. Факты, свидетельствующие об употреблении названия зеленого цвета в качестве гиппологического определения, не представлены и в библейском иврите, где *jerek* 'зеленый' распространяется на связанные с природным ростом цветовые представления от 'темного' до 'серебристого' и от 'зеленого' до 'желтого'[35].

Очевидно, что при каждой из аллегорических пар в образе коня и всадника в указанной части Апокалипсиса – белый конь со всадником, персонифицирующим Победу, красный конь со всадником, персонифицирующим Войну, черный конь со всадником, персонифицирующим Возмездие, – цветовая характеристика, сопровождающая образ коня, является функцией образа всадника, а не наоборот. Греч. χλωρός 'бледный' в качестве цветового определения коня всадника, персонифицирующего Смерть, позднее проникшее в европейскую литературную традицию в качестве цветовой характеристики самой персонифицированной Смерти (Бледнолицая!), очевидно, основано на реальной цветовой характеристике мертвеца. Эта констатация получает косвенное подтверждение в староболгарском переводе **конь блѣдъ**, что тоже не является гиппологическим термином, как и в традициях соответствующих переводов Апокалипсиса на некоторые другие европейские языки, напр. англ. *a pale horse*, франц. *un cheval blême*, буквально 'мертвенно-бледный конь'.

О данных славянских языков

Трудно объяснить проявленное М. Ивич пренебрежение к целому ряду данных славянских языков, представленных в моей статье. Эти данные разных хронологических уровней, отражающие разные формы существования не только названных двух южнославянских, но и некоторых восточнославянских языков (в наибольшей степени это касается русского языка), свидетельствуют о том, что общеславянская основа **zel-* и общеславянское и праславянское цветобозначение **zelenъ* в указанных славянских языках имели и имеют особый семантический спектр, который, кроме общеславянского значения 'цвет молодой травы', включает и значения:

'светлый с темными пятнами; серый (о масти коня)' в болгарских и сербских народных говорах[36],

'с белыми и черными полосками (о полублагородном камне оникс)' в староболгарском языке[37],

'бледный (преимущественно о человеке)' в староболгарском языке, в болгарских народных говорах, в сербохорватском, русском, украинском, в древнерусском языках[38],

'сероватый, серый, сизый (о масти животных, об оперении птиц, о цвете стали, пороха)' в сербохорватском и русском языках[39] (о новых данных болгарского языка см. ниже),

'мутный, непроглядный (о чаде, о мути в глазах, о плохо очищенной водке или плохом вине, о мраке)' в русских народных говорах, в старорусском языке[40],

'светлый (о волосах и глазах человека)', 'светлосиний (о цветке)' в болгарских народных говорах[41].

Помимо указанных конкретных значений, в русских памятниках XIV и XV вв. засвидетельствованы случаи переносного употребления цветообозначения *зеленъ* в качестве определения к *кручина* (*кручины же три в чл҃вцѣ: желта, зелена и черна* – XIV в., СлРЯ XI–XVII вв. 5, 370) и *вѣтръ* (*западныи вѣтръ зеленъ тварью* – XIV–XV вв.[42]). Несколько отличается, но тоже переносным является значение 'своеобразный, своенравный человек', указанное в БТР для болг. *зелен кон,* как и значение рус. *зеленая лошадь*, употребляемое, как полагает Г.Ф. Одинцов, в качестве обращения к пожилым людям с поседевшими волосами в жаргоне моряков крайнего Севера в 40-е годы уже минувшего столетия. Эти значения также заслуживают особого внимания, о чем см. ниже.

Во всех указанных случаях, однако, налицо семасиологический феномен, который проявляется в распространении необычного цветового определения на довольно широкий круг объектов, явлений или состояний живой и неживой природы, причем существенная часть данных локализована за пределами возможного влияния античной культуры, классических языков Балканского полуострова в первые века н.э. и опытов истолкования латинского сочетания *color viridis* из сочинения римского писателя II в. Авла Гелия "Noctes Atticae" или греческого сочетания ἵππος χλωρός = ст.-болг. **конь блѣдъ** как названия одного из химерических образов Апокалипсиса.

О данных тюркских языков

Остановимся на рассуждениях М. Ивич по поводу уже существующего предположения о происхождении путем калькирования гиппологического термина *зелен кон/zelen konj*, связываемого в моей статье, с учетом специфической многозначности тюркского цветообозначения *kök/gök*, с возможным суперстратным тюркским влиянием, что поддерживается как указанным заимствованием из тур.

диал. (анадольские договоры) *gök at* в с.-хорв. *đogat* ‘бјелац; Schimmel; equus albi’ (Вук; Елезовић I) с гипокористическими формами *ђого* = *ђога*, производным *ђогуша* ‘Schimmelstutte; equa alba’ (Вук), так и употреблением самого цветообозначения *đog* < тур. *gök* в качестве характеристики коня в юго-восточных сербских говорах (Skok I, 481). Заимствование *гьокат* засвидетельствовано в болгарском фольклоре (ср. *Оседлай три коня гьокати* – Прилеп – Панчев), а болг. *зелен ат*, как и с.-хорв. *zelen at* в тексте народной песни *...on jaše ata zelenoga* (RJA XXII, 739) являются полукальками тур. диал. *gök at* ‘железно-серый конь’.

Отмеченный выше категоричный вывод М. Ивич “Turke u ovo ne treba mešati” основан на представлении автора о том, что “основное значение тур. *gök* не ‘зеленый’ – зеленый цвет передает определение *yeşil*, а ‘синий’ (‘plav’) – это прежде всего ‘небесно-синий’, но также и ‘светлый вообще’...”[35]. Однако, основываясь на рассмотрении сербских языковых фактов, автор склоняется к тому, чтобы допустить, что тур. *gök* могло быть моделью для обычного в народном употреблении сербохорватского цветообразования *plav* ‘небесносиний’, а также ‘светлый, светложелтый’, в качестве определения масти коровы или вола, тогда как для масти коня такое определение является исключением[43]. В поддержку такой точки зрения приведено толкование заимствования *đogat* в известном словаре Шкалича, где значение турецкого цветообозначения *gök* (от исходной формы *gök at*) определено как ‘plav, otvorene boje’[44].

Несомненно, заслуживает внимания предположение М. Ивич о том, что тур. *gök* является семантической моделью для приведенного автором употребления цветообозначения *plav* в сербских народных песнях: ср. *dva vola plava, tri konja plava*[45].

Однако решительное возражение вызывает создаваемое автором неверное представление, будто бы *yeşil* является единственным названием зеленого цвета в турецком языке, а также по причине неполного представления о многозначности тур. *gök* (“na prvom mestu ‘(nebesno) plav’, ali takođe i ‘svetao uopšte’...”) игнорирование семантического своеобразия тюркского цветообозначения *kök/gök*, включающего значения ‘небесный’, ‘синий’, ‘зеленый’, ‘светлый’, ‘бледный (о коже и волосах человека)’, также невнимание к употреблению этого турецкого слова в качестве обозначения по цвету шерсти животного, передающего чаще всего оттенки серого цвета (особенно лошади).

Приведенные в моей статьи и, следовательно, известные М. Ивич конкретные примеры, как и указанные там фундаментальные историко-этимологические исследования по тюркской лексике М. Рясянена[46] и Дж. Клосона[47], которые следует дополнить опубликованным значительно позже томом на *K*, *Ķ* “Этимологического

словаря тюркских языков" Э.В. Севортяна[48], и особенно специальное исследование о цветообозначениях в тюркских языках И. Лауде-Циртаутас[49], дают многочисленные достоверные примеры реализации указанных выше значений общетюркского *kök/gök* в различных тюркских языках и диалектах и конкретно – реализации значения 'зеленый'[50]. Несомненная актуальность данных турецкого языка в качестве источника лексического влияния на южнославянские языки и особенно актуальность данных анадольских турецких говоров, древние лексические напластования которых в западноболгарских и в ряде сербских и хорватских народных говоров отражают участие племен северо-восточной части Малой Азии на ранних этапах османотурецкой колонизации западной части Балканского полуострова, определяют значение таких примеров, как тур. диал. (анадольские говоры) *gök äkin* 'зеленые посевы', *gök yämis* 'зеленые, незрелые плоды', *göw* 'трава', *göwäm* 'растительная зелень', *göwlük* 'овощи, состоящиеся из листьев', *gökçül* 'о том, кто входит в юношеский возраст' (т.е. 'зеленый' > 'незрелый' > 'молодой')[51] и т.п. Значение 'зеленый' исходного турецкого диалектного *gök* подтверждает и болгарское диалектное название сорта груш *зелени круши* в говоре д. Еремия, Кюстендилско (СбНУ 45, 30) при более архаичном синонимичном названии в том же говоре *гьоксулии* и *сулии* (< тур. диал. **gök sulu*, букв. 'зеленый сочный')[52].

Очевидно, утвердившееся в некоторых старых западнорумелийских турецких диалектах (по линии Лом – София до Адриатического побережья) употребление тур. *gök* в качестве определения объектов реально зеленого цвета стало основой для калькированного употребления его южнославянского эквивалента *зелен/zelen* по отношению к объектам с другими цветовыми характеристиками, определяемым в указанных западнорумелийских турецких диалектах, контактирующих с южнославянскими языками, тем же самым многозначным цветообозначением *gök*. Подобный механизм калькирования – через контакты тюркских языков в определенные исторические эпохи с определенными южнославянскими и восточнославянскими языками – следует предположить и для исторически засвидетельствованных значений *kök/gök* 'светлый' и 'серый, сероватый' в разных тюркских языках и диалектах.

Так, характерное для тюрк. *kök/gök* совмещение значений 'зеленый' и 'светлый, бледный (о коже человека)' (последнее засвидетельствовано напр. в вост.-тюрк. *qïldï yüzümni kökginä* 'лицо мое побледнело'[53], а также в тур. диал. (анадольские говоры) *göwär* – 'побледнеть, потерять цвет'[54]) примечательно тем, что оно соотносимо со значением 'бледный' ст.-болг. зеленъ (в соответствии с лат. *pallidus*) и болг. диал. *зелен* 'землисто-бледный (о человеке)', с.-хорв. *зеленко* то же, рус. *позеленеть* 'побледнеть (о лице)', укр. *зе-*

леніти то же, др.-рус. *зеленъ* при определении цвета лица (см. примечание 38).

Употребление тюрк. *kök/gök* в качестве определения масти коня[55] – только часть засвидетельствованных примеров употребления этого цветообозначения при определении цвета шерсти различных животных, как диких, так и домашних, или оперения птиц с подобной цветовой характеристикой (белки, журавля, кабана, козла, коровы, волка и т.п.)[56]. Примечательно сходство этих примеров с группой сербохорватских цветовых определений и названий животных и птиц сероватого цвета, образованных от цветообозначения *zelen* (коня, козы, собаки, кабана, свиньи, вола, сокола, волка – см. примечание 39), ср. также аналогичные болгарские наименования коня (см. примечание 36), которые следует дополнить такими редкими примерами, как *зелен йелен* в народной песне из Северо-западной Болгарии (ср. *сур елен*, см. ниже), *зелена длака* 'шерсть животных с черными и белыми шерстинками' (СбНУ 7/3, 226), *зелена грана* в тексте *Ага дойде зелената грана, требва да с сади рапката* (Средние Родопы), ср. лексикографическое значение 'ворона'[57], в сущности 'серая ворона'[58].

На калькирование цветообозначения *зелен/zelen* в качестве названия серого цвета указывают и своеобразные тавталогические сочетания: болг. диал. *сив-зелен кон* и *коня сив зеленко*, с.-хорв. *siv zelen soko*. В таких случаях параллельное употребление цветообозначений *сив* и *зелен* порождено противоречием в языковом сознании носителей определенных болгарских, сербохорватских диалектов, порожденным наличием одного и того же цветообозначения *зелен/zelen* для двух довольно различных цветовых понятий – 'зеленый' и 'серый'. Возникает необходимость подтвердить цветообозначением *сив* возникшее путем калькирования значение 'серый' исконного цветообозначения *зелен/zelen*. Условность употребления и, в конечном счете, терминологизация болг. *зелен* в калькированном значении 'серый' вполне очевидна в цитированном выше тексте: *да са живи...сиви воловци, зелени коньовци*[59].

Примечательна сопоставимость тюрк. *kök/gök* 'серый, сероватый', а также 'зеленый' с указанными выше производными от основы *зелен-* в русских говорах и в памятниках русского языка, где представление о мутном, непроглядном – результат специализации представления о сером цвете: ср. рус. диал. *зелен* 'чад, угар, дым', *зеленить* 'мутиться от болезни, усталости и т.д.', ст.-рус. *зеленое вино* 'плохо очищенная домашняя водка' и особенно достоверно документированную синонимию группы русских диалектных названий для некачественной домашней водки и плохого домашнего вина: *зеленая, зеленец, зеленчак = сивуха, сивушина, сивушница, сивак*. Значе-

ние ‘мутный, непрозрачный’ отражено и в болгарском диалектном названии глазной болезни глаукомы *зелено перде* (Архивные материалы Цончева – ДА), буквально ‘зеленая занавеска’ (тур. *perde* ‘занавеска’).

О лингвистическом исследовании сербского лексического материала

Вполне понятно особое внимание М. Ивич к сербским лексическим примерам, которые, как она отмечает, в отличие от соответствующего болгарского материала, “не получили адекватного лингвистического исследования, о чем приходится сожалеть, так как объяснение их подводит к некоторым проблемам, представляющим более широкий лингвистический интерес”[60].

Ценно наблюдение М. Ивич о “согласовании по цвету коня и всадника”, засвидетельствованном в одной записанной Вуком народной песне, в которой описан черный конь, ведомый одетым в черное венецианское сукно всадником с черными усами – *Crnih Mujo*, красный конь, ведомый одетым в красное венецианское сукно всадником с рыжими усами – *Riđih Mujo* и т.д. Чрезвычайно интересно присутствие в тексте указанной сербохорватской песни обеих форм турецкого диалектного гиппологического термина *gök at* в качестве прямого заимствования *đogat*, лексикографическое значение которого ‘bjelac, Schimmel, equus albi’ подтверждается наличием в тексте песни всадника со светлыми усами (*plavi su mu do ramena brci*), и в качестве семантического заимствования *zelen konj = zelenko*, конкретное цветовое значение которого соответствует прозвищу всадника *Smeđih Mujo*. Как само употребление в тексте песни обеих форм заимствования, так и очевидное различие между значениями прямого заимствования *đogat* и соответствующего калькированного названия *zelen konj = zelenko* в этом тексте, без сомнения, являются результатом уже прокомментированного процесса терминологизации. Указанное различие соответствует отмеченному М. Ивич отсутствию особых ограничений по признаку насыщенности (u pogledu otvorenosti/zatvorenosti) цвета в засвидетельствованных значениях вариантов семантического заимствования, определяемого некоторыми лексикографами как ‘беловатый’ (beličast), ср. *zelenko* ‘albinus equus’ (RJA XXII, 750), а другими – как ‘темный, серый’, ср. *zekonja* ‘vol zatvorene, sive dlake’ (Елезовић I)[62]. Отмеченное “цветовое согласование” определяет, по мысли М. Ивич, “среднее место” коня *zelenko* между *vranac* и *đogat*, т.е. *zelenko* в песне означает ‘серый конь’ (siv konj)[63]. Однако фактическая синонимия в тексте *zelen*, служащего определением коня – *zelenko*, и *смеђ* ‘subfuscus’ (Вук), ‘карий; смуглый; гнедой’ (Толстой[2] 886), которым мотивировано

прозвище всадника *Smeđih Mujo*, определенно указывает на то, что значение с.-хорв. *zelenko* в этом случае не ‘серый конь’, а ‘гнедой’ (ср. *смеђ* в словаре Толстого). Такое определение находит подкрепление в одном редком употреблении болг. *зелен* в качестве определения оленя: ср. *зелен йелен* в тексте народной песни из Северозападной Болгарии[64]. Значительно шире засвидетельствовано в болгарском фольклоре употребление в той же функции цветообозначения *сур*, вероятно, доосманского тюркского происхождения, ср. *сур елен,* семантический спектр которого включает разнообразные оттенки серого цвета, в том числе и ‘серо-коричневый’, а также ‘ржаво-коричневый’ и ‘коричневый’[65]. Очевидна сопоставимость с.-хорв. *zelen*, болг. *зелен,* засвидетельствованных в указанных примерах в качестве синонимов с.-хорв. *смеђ* ‘гнедой’, болг. *сур* ‘серо-коричневый’, ржаво-коричневый’, и части семантического спектра тюрк. *kök/gök* ‘зеленый’, а также ‘сероватый’: ‘серо-коричневый’, ‘красно-коричневый’[66].

Ценно предположение М. Ивич о том, что тур. *gök*, вероятно, послужило семантической моделью для сербохорватского цветообозначения *plav* ‘(небесно)синий’ и ‘светлый, светложелтый’ при определении масти коровы или вола и по исключению масти коня[67]. Подобным калькированием, основанным на совмещении значений ‘(светло)синий’ и ‘серый, сероватый’ в семантике тюркского цветообозначения *kök/gök*, можно объяснить и возникновение приведенного Г.Ф. Одинцовым русского гиппологического термина *голубая лошадь* ‘мышастая, пепельно-серая, сизая (лошадь)’ на основе прямых контактов русского языка с каким-то из тюркских языков: ср. у Даля *голубая лошадь* ‘пепельная, мышастая, иногда даже с желтизной’ (Даль^3 I, 914)[68] и приведенные выше татар. *kükät* ‘желтовато-серый конь’, азерб. *gög at* ‘серебристо-серый конь’, кирг. *kök at* ‘серый конь’. Такое же цветообозначение засвидетельствовано и в качестве определения кречета (*кречатъ с красна голубь*), песца (*песцы черные и голубые*), земли (*земля аки голуба*) в русских памятниках XVII в.[69]

Однако остается малоубедительным тезис о “метафорическом значении” исконного с.-хорв. *siv* в качестве определения к *vitez* ‘рыцарь’ в одном фольклорном тексте (ср. *Što velite, vitezovi sivi*? – RJA XV, 88–89: с пояснением “t. j. vojskovođe, sokolovi sivi”) с учетом засвидетельствованных также в фольклорных текстах альтернативных употреблений цветообозначений *siv* и *zelen* в сочетаниях *siv soko* или *zelen soko*, а также с учетом наделения птицы *soko* ‘сокол’ символом смелости, мужественности, бойкости[70]. Осталось незамеченным то обстоятельство, что, несмотря на гипотетичное толкование сочетания *vitezovi sivi* как *sokolovi sivi* (толкование при помощи метафоры?), цветообозначения *siv* и *zelen* (последнее с установленным

самим автором значением 'серый', см. выше), как и прокомментированное выше тавтологическое сочетание *siv zelen* в качестве определения сокола, в действительности определяют реальный цвет птицы. Малоубедительность тезиса о "метафорическом значении" цветообозначения *zelen*, как бы символизирующего смелость, мужественность и бойкость, становится еще более очевидной, если вспомнить уже отмеченное (см. примечание 39) и, несомненно, известное автору употребление в сербохорватском этого цветообозначения для определения цвета ряда домашних животных: козы, собаки, борова, свиньи, вола, которые, по всему видно, никогда не были символом указанных автором качеств "odvažnost, srčanost, ubojitost".

Без анализа полного текста песни из изданного в последней четверти XIX в. малодоступного сборника сербских популярных песен "Osvetnici"[71], трудно выяснить, что означало *siv* в качестве определения к *vitez* 'рыцарь' в выражении *Što velite, vitezovi sivi*? Однако *siv* засвидетельствовано не только в метафорическом, но и в прямом значении 'сияющий, блестящий (о металле)' (см. в RJA XV, 88: s.v. *sivo železo*). А это значит, что оно могло бы быть определением рыцарской брони, которая, охватывая всю фигуру человека, создавала зрительное впечатление – *siv vitez* 'блестящий рыцарь'. Указанное значение могло бы возникнуть на основе калькирования тюрк. *kök/gök* 'зеленый, 'серый, сероватый', а также и 'светлый, блестящий', ср. определение цвета металлических и содержащих металлические части предметов: кирг: *kök kübö* 'блестящая броня', казах *kök süngü* 'блестящее копье', *kök oq* 'блестящяя стрела'[72] и особенно тур. диал. (анадольские говоры) *qoq gruş* 'серебристо-серый куруш (вид монеты)'[73]. Вместе с тем представляется возможным и семантический переход 'светлый' > 'светловолосый и светлоокий, русый' (т.е. *siv vitez* 'русый рыцарь'). Такое значение надежно засвидетельствовано для исконного цветообозначения *сив* в болгарских народных говорах[74]. Несомненно, оно возникло как калька на основе совмещения значений 'серый, сероватый' и 'светлый, бледный (о коже и волосах человека)' в семантике тюрк. *kök/gök*[75], ср. тур. диал. (анадольские говоры) *gökmän* 'цвета пепла (о животном)'[56] и тур. *gökmän* 'blue eyed, blond'[76].

Представляется малоубедительным и тезис о метафорическом значении 'ubojit' = 'смертоносный (об оружии)' исконного цветообозначения *zelen* в ряде традиционных употреблений в сербохорватских фольклорных текстах: ср. не только *zelen mač, zelena sablja, zelena puška, zelen top*, как указывает автор, но и *zelen gadar, zelena ljubarda, zelen šiš, zelen stuc* (RJA XXII, 739–743). Здесь исконное цветообозначение *zelen* употреблено в прямом значении как цветовая характеристика металлического или содержащего металлические части оружия. Верно угаданное Т. Маретичем значение 'сияющий,

блестящий’ во всех этих примерах является тоже калькой, основанной на уже указанном совмещении значений ‘зеленый’, ‘серый, сероватый’ и ‘блестящий’ в семантике тюркского цветообозначения *kök/gök*. Здесь уместно упомянуть и производное от той же основы гипокористическое сербохорватское название по стальному цвету какого-то большого орудия *зељош*, ср. выше *zelen top*.

Малоубедителен и тезис о разветвлении “цветовой символики” в указанном уже тексте сербской народной песни *Zelena mu i sablja i ruka, a bjela mu do pojasa brada...*, сопровождаемый мыслью автора о “неизбежной спонтанной метафорической транспозиции представления о зеленом цвете в сознании человека”, при этом седая борода (с.-хорв. *bjela brada*) воспеваемого в песне султанского везира Чуприлича символизировала разум, опыт прошедших лет (razboritost poodmaklih godina), а определение руки и сабли вельможи цветообозначением *zelen*, по мысли автора, имело значение то ‘доблестный’ (*zelena ruka* = ‘odvažna ruka’), то ‘смертоносный’ (*zelena sablja* = ‘ubojita sablja’).

К сожалению, ни приведенные в поддержку этого тезиса характерные для румынского языка (“как балканского”, отмечает автор) значения *verde* ‘зеленый’, также ‘бодрый’, ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘ловкий’, ‘смелый’[77], ни утверждение об особой функции греч. αἴθων, служившего “определением некоторых видов животных (львов, лис, ястребов, волков) в силу свойственной им склонности к агрессии по отношению к другим живым существам”[78], не могут быть обоснованием неожиданного вывода автора о том, что определение *zelen* в сочетаниях *zelen konj, zelen soko, zelen mač* в сербохорватском фольклоре передавало не цвет, а “способность к эффективной борьбе с противником”. В данном случае М. Ивич снова отступает от собственного вывода, согласно которому *zelen* в сочетании *zelen konj*, засвидетельствованном именно в фольклорном тексте, имеет прямое значение ‘серый’ (см. выше). И хотя в турецком и в ряде других тюркских языков *aq saqal*, буквально ‘седая борода’ (*aq* ‘белый; седой’), получило и метафорическое значение ‘старейшина; уважаемый старик’; значение же соответствующего сербохорватского цветообозначения *bjel* в качестве определения длинной до пояса бороды везира Чуприлича не метафорическое, а прямое. Отмеченное М. Ивич в сюжете песни реальное историческое событие – очередное османское нападение на остров Мальта[79] при участии в нем султанского везира Чуприлича – ставит еще в более конкретные реальные рамки употребление с.-хорв. *zelen* в выражении *zelena mu i ruka i sablja*. Здесь значение с.-хорв. *zelen* тоже прямое, это – семантическая калька тюркского *kök/gök* ‘светлый, блестящий (о металле)’, а также ‘зеленый’, ‘серый, сероватый’ и т.д. Как и в других указанных выше случаях, в этой народной песне определенное художественное

воздействие достигается согласованием или скорее объединением реальных цветовых определений изображаемого объекта. Как "зеленые", т.е. блестящие, представлены не только сабля достопочтенного полководца, но и его рука, которая держит блестящую саблю – ведь по правилам XVI в., к которому относится описываемое в песне событие, эта рука, без сомнения, была одета в металлическую броню.

О переносном значении 'своеобразный, своенравный человек' болгарского сочетания *зелен кон* и его балканском контексте

Отмеченное Ст. Илчевым употребление болгарского сочетания *зелен кон* в переносном значении 'своеобразный, своенравный человек' было приведено в моей предшествующей статье вместе с другими, без сомнения, тоже переносными употреблениями аналогичных сочетаний, засвидетельствованными в двух неродственных языках – русском и румынском:

зеленая лошадь – сочетание, зафиксированное в беллетристике 40-х годов уже минувшего столетия в жаргоне русских моряков крайнего Севера, употребляемое, согласно мнению Г. Одинцова, в качестве обращения к пожилым людям с поседевшими волосами;

cai verzi в румынском фразеологическом сочетании *cai verzi pe pereţi* 'небылицы', буквально 'зеленые кони на стенах'[80].

И хотя *зелен* широко засвидетельствовано в болгарских народных говорах как гиппологическое определение – 'белый или светло-серый с редкими и мелкими темными пятнами', все же оно не способно объяснить редкое переносное употребление сочетания *зелен кон* в значении 'своеобразный, своенравный человек'. Несмотря на высказанное в моей предшествующей статье предположение о возможной связи этого употребления с представлением о редкой и дорогой чистокровной лошади, это переносное значение осталось неясным. Неясным остается и румынский фразеологизм *cai verzi pe pereţi* 'небылицы' при отсутствии данных, подтверждающих употребление румынского цветообозначения *verde* 'зеленый' в качестве гиппологического цветообозначения. Невыясненным по существу осталось и появление редкого русского жаргонного сочетания *зеленая лошадь* 'пожилой человек с поседевшими волосами' (в понимании Г. Одинцова), которое, подобно румынскому фразеологизму *cai verzi*, тоже не засвидетельствовано в качестве гиппологического определения.

Эти обстоятельства позволяют высказать предположение о наличии опосредованного источника в семантическом развитии указан-

ных фразеологизмов. Для решения этой проблемы важно использование не отмеченных до настоящего времени данных, содержащихся в одном опубликованном в начале уже минувшего столетия исследовании И. Папахаджи о параллельных выражениях и речевых оборотах в румынском, новогреческом и болгарском языках и конкретно – приведенная к упомянутому румынскому сочетанию *cai verzi* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’, совершенно точная новогреческая параллель πράσινα ἄλογα ‘Ausschneidereien’, ‘de blaques’[81], т.е. ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’. В своей ранней публикации 30-х годов прошлого столетия Э. Чабей дополнил румынский и греческий фразеологизм употребляемым в его родном диалекте (район Аргирокастро, Южная Албания) близким по значению албанским фразеологизмом *ti do kalë yeshil* ‘du verlangst unmögliches hinzufügt’, т.е. ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’[82]. В более позднем комментарии автор склоняется к тому, чтобы объяснить возникновение упомянутых фразеологизмов как результат наложения фантастического образа из народной сказки – Чабей указал на участие волшебных крылатых коней, белого, красного и зеленого, в системе образов народной сказки из Эпира, представленной под № 26 в собрании Hahn’а “Griechische und albanesische Märchen”: *...und in einen Stalle sah er drej Flügelpferde, ein weisses, ein rotes und ein grünes*[83].

Отсутствие данных о точном языковом (албанском?, новогреческом?) эквиваленте немецкого текста этой сказки, несомненно, препятствует прямому включению в анализ указанных фразеологизмов упомянутых в тексте образов крылатых сказочных коней – не только зеленого, но и белого, и красного – с их неразгаданной пока символикой и неизвестными оригинальными (не переводными) названиями цветовых определений. Однако при сопоставлении этих фразеологизмов, каждый из которых относится к одному из четырех основных языков, составляющих так называемый Балканский языковой союз, отчетливо видно, что их объединяет переносное значение входящих в их структуру сочетаний ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ при прямом значении ‘зеленый конь’ или ‘зеленые кони’, ср. н.-греч. πράσινα ’άλογα ‘небылицы’, рум. *cai verzi* ‘небылицы’, алб. *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, болг. *зелен кол* ‘своеобразный, своенравный человек’. Это переносное значение является по-видимому тем ключевым элементом, на который следует опираться при дальнейшем анализе проблемы, в том числе при определении конкретного источника самого переносного значения.

В связи с этим особого внимания заслуживает н.-греч. ἄλογο(ν) ‘конь’ (димотики), мн.ч. ἄλογα, в составе фразеологизма πράσινα ἄλογα ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’. Оно имеет, как из-

вестно, метафорический смысл и тождественно прилаг. ἄλογος ‘безрассудный, неразумный; бессловесный’, в данном случае имеется в виду конь. По всему видно, что невыясненные до настоящего времени условия развития значения фразеологизма πράσινα ἄλογα ‘небылицы’ могут найти объяснение в безусловной для греческого языкового сознания связи между ἄλογο(ν) ‘конь’ и ἄλογος ‘безрассудный, неразумный, бессловесный’ при калькировании уже проанализированного турецкого диалектного гиппологического термина *gök at*. Только в новогреческом языке могло произойти на основе калькирования тур. *gök* посредством πράσινος ‘зеленый’, специфическое скрещивание на семантическом уровне объективного представления о нереальности по отношению к лошади определения πράσινος ‘зеленый’ с живым исходным значением ‘безрассудное, неразумное, бессловесное (животное)’ народного названия лошади ἄλογο(ν). На основе этого скрещивания могло возникнуть значение ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ > ‘небылицы’. Дальнейшее калькирование новогреческого фразеологизма πράσινα ἄλογα с буквальным значением ‘зеленые кони’ и вторичным – ‘небылицы’, которое отчетливо проявляется в значениях румынского фразеологизма *cai verzi* ‘небылицы’, буквально ‘зеленые кони’, албанского фразеологизма *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’, и болгарского фразеологизма *зелен кон* ‘своеобразный, своенравный человек’, объясняется общепризнанной центральной ролью новогреческого языка в процессах взаимовлияния между языками т.н. Балканского языкового союза.

Из нашего анализа вытекает вывод о неодинаковом происхождении болгарского гиппологического термина *зелен кон*: как гиппологический термин *зелен кон* ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ возник на основе прямого калькирования турецкого гиппологического термина *gök at* ‘железно-серый конь’, а редкое переносное значение того же болгарского сочетания *зелен кон* ‘своеобразный, своенравный человек’ – в конечном счете из того же самого турецкого гиппологического термина, но при специфическом посредстве новогреческого языка. Все это позволяет по-новому подойти к объяснению редкого русского жаргонного сочетания *зеленая лошадь* с гипотетическим значением ‘пожилой человек с поседевшими волосами’. Слабой стороной выдвинутого Г. Одинцовым толкования этого жаргонного сочетания является несвидетельствованность для рус. *зеленый* значения ‘серый (о коне)’, на основании которого могло бы возникнуть значение ‘поседевший’. Единственное известное употребление сочетания в связном тексте, на которое ссылается автор – *Да познакомься же с ним, зеленая лошадь!*, – предполагает скорее всего экспрессивное, чуть

ироническое значение, вероятнее всего – ‘странный человек, чудак’: *Да познакомься же с ним, чудак!* Источником жаргонного фразеологизма *зеленая лошадь* в указанном значении могли быть засвидетельствованные в указанных балканских языках фразеологизмы с соответствующими значениями ‘небылицы’, ‘что-то невозможное’, ‘своеобразный, своенравный человек’. Аргументом в пользу этого предположения является характерная для жизни моряков широта и интенсивность межэтнических и межъязыковых контактов.

О некоторых предшествующих и некоторых новых результатах исследования темы

В связи с конкретными возражениями по поводу ряда определений и выводов М. Ивич представляется необходимым повторить намеченные в моей работе, но оставленные без внимания основные направления в изучении семасиологического феномена **zelenъ* в указанных южнославянских и восточнославянских языках – тем более, что каждое из этих направлений теперь следует признать недостаточно эффективным в качестве единственно возможного направления исследования.

В поисках объяснения, основанного на предполагаемом реликтовом происхождении засвидетельствованных неординарных значений продолжений общеслав. и праслав. **zelenъ*: ‘светлый с темными пятнами’, ‘белый с черными полосами’, ‘серый, сероватый’, ‘мутный’, ‘бледный’, ‘светлый, светлосиний’, ‘блестящий’, привлекают внимание, хотя бы в общем плане, соответствия в семантике родственных ему цветообозначений в других индоевропейских языках: лит. *žĩlas* ‘серый’, лтш. *zils* ‘синий’, *zalli* ‘серый’ (XVI в.) и т.д., ср. семантику и.-е. корня **ghel-* и его вариантов с реконструкцией для глагольных основ значения ‘сверкать, лосниться; мерцать, поблескивать’, включающего представление о чередовании ‘светлого’ и ‘темного’, для цветообозначения – значения ‘желтый, зеленый, серый или синий’ (Pokorny I, 489). Однако дальнейшая конкретизация этого направления исследования наталкивается на трудности.

Объяснение на основе калькирования по чужой модели, конкретно на основе возможного суперстратного тюркского влияния, также принятое в моей статье, теперь следует определить как недостаточно эффективное в качестве единственно возможного объяснения при истолковании изложенных фактов. Мы приходим к мысли, что не следует предполагать калькирование по одной единственной семантической модели, из одного тюркского языка и на одном и том же хронологическом уровне.

Известно, что поиски решений общих и частных историко-этимологических проблем и в болгарском, и в сербохорватском языке

нередко упираются в пресловутую “балканскую” сложность. Поэтому при попытке объяснить специфический спектр семантики цветообозначения *зелен/zelen* в этих двух южнославянских языках несомненного внимания заслуживает принадлежащая М. Ивич идея включения классических языков Балкан из эпохи поздней античности – латинского и греческого – в круг возможных прямых источников влияния, тем более, что с принятием христианства особенно возрастает влияние этих языков с огромным культурно-историческим престижем в славянском мире.

Конкретные возражения, касающиеся определения автором как «один из “конских” цветов» засвидетельствованного у римского писателя II в. Авла Гелия латинского сочетания *color viridis*, а также реконструкции гипотетичного гиппологического термина **equus viridis* в качестве модели для реально засвидетельствованного южнославянского гиппологического термина *zelen кон/zelen konj*, для редкого русского жаргонного выражения *зеленая лошадь* и для румынского фразеологизма *cai verzi pe pereţi*, совсем не исключает возможности определенного влияния так называемой поздней латыни при формировании некоторых специфических значений у продолжений слав. **zelenъ* в старых переводных текстах, как например значения ст.-болг. **зеленъ** в качестве перевода лат. *viridis* в Гомилии Григория Великого XIII в.: **съдравиѥмь тѣлѣсьнымь зеленъ бѣ**. Нет сомнения в том, что ст.-болг. **зеленъ** в этом тексте не может иметь значение ‘zelený; зеленый; grün’, как это ошибочно утверждается в SJS. Очевидно, здесь речь идет о калькировании латинского цветообозначения *viridis* в специфическом значении ‘цветущий, бодрый, сильный’.

Нет основания преуменьшать и возможность греческого влияния при формировании определенных специфических значений продолжений слав. **zelenъ* в старых переводных текстах, ср. употребление др.-рус. *зеленъ* в уже цитированном тексте XI в.: *зеленъ нареченъ лица его ради блѣда*, в котором очевидно отражено значение ‘бледный’ цветообозначения χλωρός греческого оригинала Хроники Георгия Амартола. Того же происхождения и указанное выше ст.-болг. **зеленъ** в Супрасльской рукописи XI в., являющееся переводом лат. *pallidus* ‘бледный’, которое, очевидно, в свою очередь является калькой греч. χλωρός в значении ‘бледный’. Однако нет достаточно надежных указаний на происхождение значения ‘бледный’ в поздних и особенно диалектных примерах, как в случае с указанными выше болг. диал. *зелен* ‘землисто-бледный (о человеке)’, с.-хорв. *зеленко* с тем же значением, где можно предполагать как греческое, так и турецкое влияние, ср. приведенное выше тур. диал. (анадольские говоры) *gowär* в значении ‘побледнеть’.

Но результаты пересмотра предложенного М. Ивич истолкования богатого сербохорватского лексического материала подтвер-

ждают, углубляют и расширяют основанный на специфике семантического спектра тюрк *kök/gök* тезис о возможном суперстратном тюркском влиянии при возникновении ряда особых значений цветообозначения **zelenъ* в некоторых славянских языках:

– Без сомнения, непосредственно со старым западнорумелийским диалектом турецкого языка связано возникновение на основе калькирования болгарского гиппологического термина *зелен кон* 'светлый конь с белыми пятнами; серый конь' с вариантами, как и аналогичного сербохорватского гиппологического термина *zelen konj* с вариантами. Калькирование основано на совмещении значений 'зеленый' и 'серый, сероватый' в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, что засвидетельствовано на диалектном уровне в турецком языке. Нет сомнения в том, что моделью послужил турецкий диалектный гиппологический термин *gök at* 'железно-серый конь', заимствованный в с.-хорв. *đogat*, полукалькой с него являются болг. *зелен ат* и с.-хорв. *zelen at*. Калькирование того же типа представлено как в уже отмеченных тавтологических сочетаниях (ср. болг. диал. *сив-зелен кон,* с.-хорв. *siv zelen soko*), так и в уже проанализированных примерах терминологизации (ср. болг. *зелен* в фольклорном тексте: *...сиви воловци, зелени коньовци,* с.-хорв. *đogat* и *zelen konj* = *zelenko* в тексте записанной Вуком народной песне).

– Так же путем калькирования происходят и засвидетельствованные в основном в фольклорных произведениях употребления исконного цветообозначения *зелен/zelen* для определения сероватого цвета животных и птиц – не только коня, но и оленя, вообще шерсти скотины, вороны в болгарском языке и не только коня, но и вола, козы, борова, свиньи, собаки, волка, сокола в сербохорватском языке. Им соответствуют засвидетельстванные в тюркских языках, в том числе и в диалектах турецкого языка, употребления цветообозначения *kök/gök* для определения сероватого цвета животных и птиц – не только коня, но и буйвола, коровы, кабана, козла, овцы, вообще скотины, волка, белки, журавля. Засвидетельствованные в фольклорных текстах случаи синонимического употребления сербохорватских цветообозначений *zelen* и *smeđ*, болгарских цветообозначений *зелен* и *сур* позволяют предположить, что эти конкретные случаи употребления отражают калькирование тюркского цветообозначения *kök/gök* в его засвидетельствованном значении 'серо-коричневый' или 'красно-коричневый'.

– Калькированием, основанным на совмещении значений 'серый, сероватый' и 'зеленый' в семантическом спектре цветообразования *kök/gök* в некоторых тюркских языках, непосредственно и интенсивно контактирующих с русским языком, можно объяснить и возникновение ряда производных слов от исконной цветообознача-

ющей основы *зелен-*, конкретные значения которых основаны на представлении 'мутный, непроглядный', ср. рус. диал. *зелень* 'чад, угарь, дым', *зеленить*: *зеленит в глазах* 'мутиться от болезни, усталости', но эти конкретные значения – результат более поздней специализации значения 'серый' > 'мутный' > 'плохо очищенный' и 'некачественный', ср. ст.-рус. *зеленое вино* 'плохо очищенная домашняя водка', диалектные названия для некачественной домашней водки или плохого домашнего вина *зеленая, зеленец, зеленчак* и синонимы *сивуха, сивушина, сивушка, сивушница, сивак.*

– Совмещение значений 'зеленый', 'серый, сероватый' и 'светлый, блестящий' в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök* объясняет употребление на основе калькирования сербохорватского исконного цветообозначения *zelen* в значении 'блестящий' в сочетаниях *zelen mač*, *zelena sablja, zelena puška, zelen top, zelen gadar, zelena ljubarda, zelen šiš*, *zelen stuc, zelena ruka* (о покрытой металлической броней руке военачальника), а также в гипокористическом названии большого орудия *зељош.* Им соответствуют уже указанные засвидетельствованные и в диалектах турецкого языка примеры употребления тюрк. *kök/gök* при определении цвета металлических или содержащих металлические части предметов (брони, копья, стрелы, монеты).

– Происхождение на основе калькирования, обусловленное совмещением значений '(светло)синий' и 'серый, сероватый' в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, объясняет, как предполагает М. Ивич, употребление с.-хорв. *plav* при определении цвета коровы или вола, по исключению масти коня, а также и употребление рус. *голубой* в памятниках письменности после конца XIV в. в качестве определения сероватого цвета лошади, кречета, песца, земли, ср. особенно рус. *голубая лошадь* 'пепельная, мышастая, иногда с желтизной' и татар. *kükät* 'желтовато-серый конь'.

– Совмещение значений 'серый, сероватый', 'сияющий, блестящий (о металле)' и 'светлый, бледный (о коже и волосах человека)' в семантическом спектре тюрк. *kök/gök* позволяет искать объяснение на основе калькирования употребления с.-хорв. *siv* в гапаксе *vitezovi sivi* с возможным значением 'блестящий', по цвету рыцарской брони (ср. *sivo železo*), или 'русый' в соответствии с засвидетельствованным в болгарском фольклоре значением исконного цветообозначения *сив* (ср. *сиви ангеле, сиви бошнакини* и т.д.).

– Совмещением значений 'зеленый' и 'серый, сероватый' в семантическом спектре тюрк. *kök/gök* и специфическим посредничеством новогреческого языка при калькировании турецкого диалектного гиппологического термина *gök at* 'железно-серый конь' объясняется возникновение фразеологизмов – н.-греч. πράσινα ἄλογα 'небылицы', буквально 'зеленые кони', рум. *cai vezi* 'небылицы',

буквально ‘зеленые кони’, алб. *ti do kalë yeshil* ‘ты хочешь невозможного’, буквально ‘ты хочешь зеленого коня’, и болг. *зелен кон* ‘своеобразный, своенравный человек’. Объединяющее эти фразеологизмы переносное значение ‘что-то странное, нелепое, невразумительное’ могло возникнуть только в новогреческом народном языке в результате скрещивания на семантическом уровне представления о нереальном по отношению к лошади значении калькирующего новогреческого цветообозначения πράσινος ‘зеленый’ с исходным для новогреческого народного названия лошади ’άλογο(ν) значением ‘безрассудное, неразумное, бессловесное (животное)’.

– Незасвидетельствованность значения ‘серый (о коне)’ для рус. *зеленый*, из которого могло бы возникнуть предполагаемое Г. Одинцовым значение ‘пожилой человек с поседевшим волосами’ редкого русского жаргонного фразеологизма *зеленая лошадь*, и недостаточная убедительность этого гипотетического значения по отношению к единственному известному употреблению в связном тексте *Да познакомься же с ним, зеленая лошадь!*, дают основание предположить отличное от указанного экспрессивное значение ‘странный человек, чудак’, источником которого могли быть фразеологизмы, засвидетельствованные в балканских языках.

* * *

Вероятно, не лишено основания высказывание М. Ивич о том, что проблема “зеленого коня”, а точнее проблема особого семантического спектра продолжений общеславянского и праславянского цветообразования **zelenъ* в некоторых южнославянских и восточнославянских языках, относится “не столько к славистике”. Вопреки мнению автора, указанная проблема относится “не столько” и “к балканологии”, поскольку это – проблема контактов конкретных славянских с конкретными неславянскими языками как на Балканах, так и в других частях Юго-Восточной и Восточной Европы.

И если после всего указанного очевидно, что одна значительная часть особых значений слав. **zelenъ*, засвидетельствованных на разных хронологических уровнях и в разных формах существования привлеченных к анализу конкретных славянских языков, находит впечатляющее соответствие в семантическом спектре тюркского цветообозначения *kök/gök*, то нет сомнения и в том, что лишь непосредственные, интенсивные и продолжительные контакты того или другого славянского языка с тем или иным тюркским языком и развитие на основе этих контактов билингвизма могли породить калькирование того или иного значения указанного многозначного тюркского цветообозначения в рамках одного и того же языка преемника – через *зелен, сив* и *сур* в болгарском языке, через *zelen, siv* и *plav* в сербохорватском языке, через *зеленый, сивый* и *голубой* в рус-

ском языке. Это на первый взгляд озадачивающее обстоятельство в действительности есть не что иное, как проявление сущности билингвизма, порожденное столкновением различных знаковых систем в области цветообозначения. Одновременно оно является ярким отражением специфического семантического синкретизма тюркского цветообозначения *kök/gök* в его реализации в качестве определения представления о цвете светлом, синем, зеленом или сером. Доказательством последнего служат примеры, в которых одни и те же формы этого тюркского цветообозначения в рамках одного и того же языка и даже одного и того же диалекта употребляются для обозначения различных реальных цветовых представлений, ср. тур. диал. (анадольские говоры) *göw* 'трава' и тур. диал. (анадольские говоры) *göw* 'серо-коричневый буйвол'.

Примечания

[1] *Ivić M.* O zelenom konju. Beograd, 1955.
[2] Ibid., 87–101.
[3] *Račeva M.* Zur semasiologisch-etymologischen Behandlung der slawischen Farbbezeichnung **zelenъ* // ZfSl XXIX, 5, 748–753.
[4] В ней проанализирован вклад болгарского лексиколога Ст. Илчева и русского этимолога Г.Ф. Одинцова. Подвергнуто ревизии предложенное Г.Ф. Одинцовым неубедительное толкование редкого русского жаргонного обращения к людям с поседевшими волосами *зеленая лошадь* как отражения культурно-исторического и языкового сходства между русским Севером и южными славянами (в частности, сербами и хорватами). Указано и румынское сочетание *kai verzi pe pereţi* 'небылицы, глупости' при отсутствии в настоящий момент данных, подтверждающих употребление рум. *verde* 'зеленый' как гиппологического цветообразования.
[5] *Илчев Ст.* Из живота на думите. С., 1975, 103.
[6] *Georges K* Lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig, 1843.
[7] *Divković M.* Latinsko-hrvatski rječnik za škole. Zagreb, 1906.
[8] *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.
[9] *Вук Ст. Караџић.* Српски рјечник. Београд, 1935.
[10] *Ivić M.* Op. cit., 88, 93.
[11] Ibid., 92.
[12] Ibid., 93.
[13] Ibid., 94.
[14] Ibid., 95.
[15] Ibid., 95–97.
[16] *Račeva M.* Op. cit., 750.
[17] *Одинцов Г.Ф.* О розовых, зеленых и голубых лошадях // Русская речь 11, 4, 102.
[18] *Ivić M.* Op. cit., 97.
[19] Ibid., 97–98.
[20] Ibid., 99.
[21] Ibid.

[22] Ibid., 100.
[23] Ibid.
[24] Ibid.
[25] *Dürbeck H.* Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen. Bonn, 1977.
[26] Ibid., 38–42.
[27] Ibid., 38.
[28] Ibid., 39.
[29] Ibid., 42.
[30] Ibid., 10.
[31] *Liddell H.G., Scott R* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968.
[32] *Ivić M.* Op. cit., 88.
[33] *Dürbeck H.* Op. cit., 39.
[34] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь 1–2. М., 1958.
[35] *Brenner A* Colour Terms in the Old Testament. Manchester, 1979, 150, 152. Выражаю благодарность ст.н. сотр. доктору М. Алмалеху, оказавшему мне помощь в работе своими компетентными референциями по цветообозначению в библейском иврите.
[36] Ср. болг. народ. *зелен кон* ‘белый или светлосерый конь с редкими и мелкими темными пятнами’ (БТР, Илчев Ст. Указ. соч. 103), *...лети зелен арабски кон ..* (П.Р. Славейков, “Кървава песен”), ‘серый конь’ в народной песне: *дали имаш зелена коня* (из д. Ангел войвода, Хасковско – Ангелов, Вакарелски, Трем на българската народна епика, 1940, 526), ср. далее *хал'ени коне зелени* (в народной песне из д. Зимевица, Софийско – СбНУ 44, 153), *зелено конче* (в народной песне из д. Гинци, Софийско – СбНУ 44, 56), *да са живи... сиви воловци, зелени коньовци* (в обрядовом благословении из д. Долно село, Кюстендилско – СбНУ 50, 44), *оной язди коня зеленога* (в народной песне из д. Бърложница, Софийско – СбНУ 43, 269), *та попита коня сив-зелена* (в народной песне из д. Слатина, Софийско – СбНУ 43, 19), *сив-зелен кон* в народной песне из д. Руслар, Преславско – СбНУ 28/1, 71), *зелен ат: яхнал горд зеления си ат...* (П.Р. Славейков, “Кървава песен”) с производными формами *зеленика* ‘зеленый конь – серый с черным, поэтому кажется зеленым’ (Геров) в народной песн: *Телял вика из Будина града, продава се конче зеленика* (место не указано – Геров), *па извади кончи зиленика* (в народной песне из Гьобел в Малой Азии, переселенцы в Новопазарско – СбНУ 47, 9), *кончи зилиника за триста ялтъна* (в народной песне из Восточной Болгарии – ДА), *зеленаче* с тем же значением, ср. *кончи зилиначи, кончи вперуочи* (в народной песне из Габровско – СбНУ 43, 337), *зеленко* с тем же значением: *що ми цвилиш, сив зеленко* (в народной песне из д. Калугер, Белоградчишко – Народни песни от Тимока до Вита, 1928, 31), *разяри си свити Георги своя коня сив зеленко* (в народной песне из д. Руслар, Преславско – СбНУ 28, 512), *зеленуш* с тем же значением, ср. *па са чуда, па са мая коя коня да возедна, дали коня патонога или коня звездоброя, или кона зеленуша* (в народной песне из Тетевенско – СбНУ 31, 181), с.-хорв. *зелен коњ* = *зеленко* ‘Apfelschimmel; equi albi genus’ с гипокористическими производными формами *зеко, зекаљ, зекан, зекун* (Вук), *zelen at* (RJA XXII, 739).
[37] Ср. ст.-болг. **камєнъ зєлєнъıи** (Бытие 2.12, Григоровичев паримейник XII–XIII вв., Захариев паримейник XIII в.) как перевод лат. *lapis onichion* ‘оникс – полублагородный камень с белыми и черными полосами’ (Vulgata – SJS 12, 669).

[38] Ср. ст.-болг. **зеленъ** (Супрасльский сборник XI в.) как перевод лат. *pallidus* 'бледный', болг. диал. *зелен* 'землисто-бледный (о человеке)' (юго-западные говоры – ДА), с.-хорв. *зеленко* с тем же значением (Толстой[2] 241), рус. *позеленеть* 'побледнеть (о лице человека)', укр. *зеленiти* то же, ср. еще др.-рус. *зеленъ* в Хронике Георгия Амартола XI в.: *зеленъ нареченъ лица его блѣда* (цитируется по: *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975, 38).

[39] Ср. с.-хорв. *зеља = зељо* 'Schimmelochse; bos canus' (Вук), *zekonja* 'кличка вола темной, серой масти' (Елезовић I)), *зелен пас = зељов* 'graulicher Hund; canis canus', *зељуг = зелен вепар* 'grauer Schwein; porcus canus', *зељуга = зелена крмача* 'graue Sau; porca cana' (Вук), *зелена коза = зека* (Елизовић I) = *зеленоша* (Вук), *зелен соко, zelen vuk* в народных песнях из Боснии и Черногории, *зељош* 'название большого орудия' (Вук), ст.-рус. *зелье* 'порох' (XVI и XVII вв. – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 372); последние два названия, несомненно, связаны с метонимическим переносом цвета стали и пороха.

[40] Ср. рус. диал. (пск., твер.) *зелень* 'чад, угар, дым' (Фасмер II, 92, без колебаний отсылает к *зеленый*), *зеленить: зеленит в глазах, очах* безл. 'мутиться от болезни, усталости и т.п.' (смол.), *зеленая* 'водка' (брян.), *зеленец* 'водка, сивуха' (пск., твер.), *зеленчак* то же (нижегор.) (СРНГ 11, 247, 248, 250), ср. далее русские диалектные названия некачественной домашней водки или плохого домашнего вина: *сивуха, сивушина, сивушка, сивушница, сивак* (Даль[2] IV, 181), ст.-рус. *зеленое вино* 'водка, плохо очищенная; сивуха' (XVII в.) и выражения *тма зелена бысть во очию моею* (XV в.), *мраку зелену отъ запада приходящу* (XVI в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 370).

[41] Ср. болг. диал. *зеленак* 'русый человек с синими глазами' (Асеновград – ДА), *зелено бостанче* 'вид синего цветка' (Тиквешко – БЕР I, 631–632), *зелкаво* 'светлосиний цвет' (Гостилица, Дряновско – ДА), последняя форма скорее образована по образцу *синкаво* и *сивкаво*, чем от *зелка* 'кочан капусты'.

[42] *Бахилина Н.Б.* Указ. соч., 46.

[43] *Ivić M.* Op. cit., 91–92.

[44] *Škaljić A.* Op. cit. s.v. *đogat*.

[45] *Ivić M.* Op. cit., 92.

[46] *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

[47] *Clauson G.* An Etymological Dictionary of the Pre-Thirtheenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

[48] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на К, Ḳ. М., 1997.

[49] *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in den Türk-Dialekten. Wiesbaden, 1961.

[50] Ср. напр. вост.-тюрк *kökla-* 'стать зеленым', кирг. *köktä-* 'стать зеленым; покрыться травой', алт. *kök ot* 'зеленая трава', алт., телеут., шорск., *kök* 'зелень', казах. *kögäl* 'светлозеленый' и т.д.

[51] *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 80–82. См. также в соответствующем месте по алфавиту Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 1–6, Ankara, 1939–1952, Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü 1–, Ankara, 1963–.

[52] Ср. также *гьоксулии* 'вид груш' в говоре области Пиянец, Кюстендилско (СбНУ 45, 43, 112), как и, по данным ДА, *зеленак* 'название сорта осенней груши' (д. Абланица, Тетевенско), *зилинак* то же (д. Патрешко, Троянско), *зеленаци* 'вид груш' (д. Гостилица, Ново село Бели Осъм, Троянско).

[53] *Brockelmann K.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, 144, см. и *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 80.

[54] *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 80.

[55] Ср. татар. *kükät* ‘желтовато-серый конь’, азерб. *gög at* ‘серебристо-серый конь’, тур. диал. (анадольские говоры) *gök at* ‘железно-серый конь’, кирг. *kök at* ‘серый конь’ (см. *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 79 с указанием источников).

[56] Ср. др.-тюрк. *kök tayiŋ* ‘серая белка’, *kökiš turna* ‘серый журавль’ (Outadgu Bilig, XI в.), казах. *kök qaban* ‘серый кабан’, *kök tekä* ‘серый козел’, телеут. *kök mal* ‘скотина серой масти’, карач. *kök inek* ‘пепельно-серая корова’, кирг. *kök börü* ‘серый волк’, тур. диал. (анадольские говоры) *gökmän* ‘пепельного цвета (о животном)’, *göw* ‘буйвол серо-коричневой масти’ (см. *Laude-Cirtauta I.* Op. cit., 84 с указанием источников). По-существу с этой группой названий связано и употребление цветообозначения *kök/gök* в качестве определения цвета поседевших от старости волос человека или другой растительности, ср. др.-тюрк *kökčin saqal* ‘поседевшая борода’ (Kutadgu Bilig, XI в.), а также появление на основе метонимии нарицательных обозначений: телеут *kökšün* ‘старик; уважаемый пожилой человек’, тур. диал. (анадольские говоры) *köküm, kuküm, kukum* ‘престарелый человек’ и т.п. (см. *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 79 с указанием источников).

[57] Родопски сборник 5, 1983, 305.

[58] Так называемая *сива врана* (Corvus coronar) – наиболее распространенный вид семейства ворон (Corvidae) на Балканском полуострове.

[59] Та же условность проявляется, например, в болгарском каламбуре “*Сините сливи са червени, защото са зелени*”, где в прямом значении употреблено только цветообозначение *червен*, тогда как *син* и *зелен* употреблены в терминологическом значении.

[60] *Ivić M.* Op. cit., 95.

[61] Ibid., 96. Указанное “согласование по цвету” раскрывает замечательную преемственность в применении некоторых бесспорно древних средств художественного воздействия, уже отмеченных в образной системе Апокалипсиса – тут они свободны от иносказательности, мистики и апокалиптического ужаса, поскольку речь идет об описании одного торжественного свадебного шествия, участники которого вносят в красочную картину праздника неслучайную согласованность вполне реальных цветовых определений своих коней, своей праздничной одежды и – своих усов!

[62] Idib.

[63] Ibid., 97.

[64] Ср. в текст: *Веруй, не веруй, девойкьо, е че ти идат сватове, сватове млади атове, сващице тънки змейчине, зелен ти йелен водаю...* (Народни песни от Тимока до Вита. С. 1928. 106).

[65] В западноболгарских говорах, где записана народная песня о “зеленом олене”, *сур* означает ‘серо-черный’ (Кулско, Видинско, Белоградчишко – Архивные материалы Доковской – ДА), ‘коричнево-черный’ (Габрешевци, Кюстендилско – АИР), ‘коричневый’ (Чокмановци, Белоградчишко – АИР), ‘ржаво-коричневый’ (Доброславци, Софийско – БД II, 107; Берковско, Оряховско – АИР), ‘серо-коричневый’ (Койнаре, Врачанско – АИР).

[66] Ср. тур. диал. (анадольские говоры) *göw* ‘буйвол серо-коричневой масти’, башкир. *kuk burzaj-d-a* ‘grau-brauner Bursaj-Hund’, вост.-тюрк. *kök qoy* ‘красно-коричневая овца’ (см. *Laude-Cirtautas I* Op. cit., 79 с указанием источников).

[67] *Ivić M.* Op. cit., 92.

[68] Ср. далее рус. диал. *голубой* '(о лошадях) имеющих шерсть сиреневого цвета' и текст *Голубая или мышастая масть конская есть та, в которой все волосы пепельного цвета* (*Бахилина Н.Б.* Указ. соч., 194). Гиппологический термин *голубой* засвидетельствован в памятниках русского языка XVI в.: *кобыла голуба*, XVII в. – *кьне мъи голубьш, две кобылы голубы, променил конь голубеп'ѣгъ* (*Бахилина Н.Б.* Указ. соч., 195).

[69] *Бахилина Н.Б.* Указ. соч., 194. Очень интересную в этом отношении параллель представляет указанное И. Лауде-Циртаутас, признаваемое "ошибочным" и возникшее без сомнения на основе калькирования употребление немецкого обозначения *blau* 'синий' в некоторых лексикографических толкованиях тюрк. *kök/gök*, например *kök täyiŋ*, определяемое Томсеном как 'blaues Eichhörnchen' (в сущности у сибирской белки цвет от серого до темно-серого, ср., толкование того же названия как 'серая белка' у Оркуна), казах. *kök qaban*, определяемое Радловым как 'blauer Eber', кирг. *kök tekä* – как 'blauer Bock', *kök börü* – как 'blauer Wolf' (но у Юдахина 'серый волк'), см. *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 84 с указанием источников.

[70] *Ivić M.* Op. cit., 97–98.

[71] "Haĝi Lojina Kraina spomen Sarajevu g. 1878", pjesma od Radovana, u Đakovu 1881 (цитируется по RJA).

[72] *Laude-Cirtautas I.* Op. cit., 82–83.

[73] *Caferoğlu A.* Anadolu Dialektolojisi üzerine Malzeme 1. Istanbul, 1940, 56, 74.

[74] Ср. *сив* 'о человеке, имеющем цвет бело-желтый, близкий к каштановому, русый' (Геров V, 162), 'со светлыми волосами и глазами' (Тагарево, Грудовско – АИР), 'русый со светлыми глазами' (Чепино, Велинградско – БД 5, 208), 'русый' (Казанлък – СбНУ 15, 71), а также употребления *сиви ангеле* 'русые ангели' в тексте народной песни: *Согледа а Господ од небеса, та попрати два сиви ангеле* (Долни Пасарел, Софийско – СбНУ 53, 369), *сиви бошнакини* 'русые боснийки' в тексте народной песни: *Одвъд Етрополе, мамо, бели помакини има, бели помакини, хей, сиви бошнакини* (СбНУ 3, 133).

[75] Результатом недоразумения является, вероятно, значение указанного тюркского цветообозначения, представленное автором как 'svojstvo svetline koje krasi ljudsku kožu i kosu' (*Ivić M.* Op. cit., 78) со ссылкой на мою публикацию (!?).

[76] *Redhouse J.W.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921, s.v. *gökmän*.

[77] Эти значения имеют не балканское, а романское происхождение, ср. лат. *viridis* 'зеленый; молодой; свежий, бодрый; цветущий; сильный', *vireo* 'зеленеть; быть сильным, бодрым, здоровым'.

[78] По мнению автора, греч. αἴθων означало 'светло-желтый, львиный цвет' (!?), в действительности основное значение – 'жгучий, разгоряченный, пламенный', отсюда и заключение Дюрбека о "склонности к агрессии", а цветовые значения 'огненнорыжий" и 'светлый, блестящий' вторичного происхождения.

[79] Османская империя неоднократно нападала на о. Мальта в XVI в., неудачная османская осада крепости имела место в 1564 г.

[80] *Račeva M.* Op. cit., 748–749.

[81] *Papahagi P.* Parallele Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen // Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig 14, 1908, 133, N 137.

[82] *Çabej E.* Parallele Ausdrücke und Redensarten in den Balkansprachen // Revue Internationale des Études Balkaniques 2, 1936, 1–2, (3–4), 227.

[83] *Çabej E.* Miszellen. 3 // Revue Internationale des Études Balkaniques 3, 1937–38, 527–573. Выражаю благодарность проф. д.ф.н. П. Асеновой, обратившей мое внимание на указанные ранние работы Е. Чабея и П. Папахаджи.

Принятые сокращения

АИР – Архив на Идеографския речник на българския език. Катедра по български език на ФСФ. СУ. София.

ДА – Диалектен архив на Института за български език при БАН. София.

Перевела с болгарского *Л.В. Куркина*

А.Е. Аникин

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА НЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (8–20)[1]

8. Блр. *ардá* ‘шум, беспорядок’, *ірдá* (*ірду тварыць* ‘кричать, лаяться’), рус. смол. *ардá* ‘шум, буянство’ считаются балтизмами, источник которых усматривается в лит. *ardà* ‘шум, беспорядок, ругань’[2]. Последнее же входит в семью слов, представленных лит. *ardýti* ‘нарушать разрушать’, *ìrti* ‘распадаться, разрушаться’ и др. (Fraenkel, 15–16), куда относятся и *ardõnė* ‘болото, топь; неуютная большая комната’, *ardỹnė* ‘ругань, ссора’, ср. польск. (< лит.) диал. *ordańa* ‘непорядок, балаган; болото, топь’[3]. Возможность связи блр. *ардá* (в Носович 367 *ордá*) с тюркизмом *ордá* отклонялась из-за семантического несоответствия[4]. Привлечение более широких данных по русской диалектной лексике показывает, что это несоответствие не так очевидно.

Рус., блр. *ардá* ‘шум, беспорядок’ трудно отделить от рус. диал. *ордá* ‘ругань, брань’ (*тут настоящая татарская орда*, вят.), ‘о толпе, ватаге детей преимущественно младшего возраста’ (вят., волог., костр., перм., сиб.), ‘о многодетной семье’ (вят., казан., новосиб., урал. и др.), *ордý творúть* ‘приходить в ярость, неистовствовать’ (смол.), ср. *дети без батьки орду подняли в хате* (СРНГ 23, 332), ‘дети’ том. (Словарь Оби I, 18–19). География и семантика этих слов (ср. указание на толпу, ватагу, множество детей), словосочетание *татарская орда* свидетельствуют в пользу их связи с рус. *ордá* < тюрк. *orda* ‘союз племен, войско, стан, лагерь’.

Блр. *ірдá* могло возникнуть, кстати, из **рда* = рус. смол. *рда* ‘орда (?)’ (*И шел Исус Христос со рдою,* СРНГ 34, 358).

Существенно, что для рус. *ордá* в значении многодетной семьи допускалось происхождение из иного тюркского источника, а именно, близкого казах. *arda* 'семья, множество детей', алт. *arda* 'милое дитя', татар., казах. *ardaq* 'умиротворенный, спокойный' < монг. *ardaγ* 'мягкий, нежный, легко устающий' (Räsänen, 24). Можно предположить, однако, что казах. *arda* само заимствовано из рус. *ардá* = *ордá* 'орда (детей)'.

Принимая в целом литовскую этимологию рус., блр. *ардá*, следует считаться с возможность контаминации этого литуанизма с тюркизмом *ордá*, пережившим в данном случае заметный сдвиг значения.

9. Сев.-рус., перм. *кáрда* 'строение для домашнего скота' было объяснено как опосредованный балтизм, попавший в русские говоры через посредство морд. эрзя *kardas* 'двор' < балт. **garda(s)*, ср. лит. *gar̃das* 'стойло, загон, огороженное место для скота' (лтш. *gar̃ds* 'перегородка для мясного скота, главным образом для свиней', вероятно, литуанизм[5]), праслав. **gordъ* и др.[6] Однако, русское слово происходит в действительности из чуваш. *karţa* 'забор; доска; загон для скота', связанного с башк. диал. *kärtä* 'плетень; огороженное место; хлев' и сходными тюркскими фактами, которые могут быть образованы от тюрк. *kärt-* 'делать зарубки, насечки', хотя не исключено и заимствование из иранского (скифосарматского) источника, родственного осет. *kært* 'двор' resp. упомянутым балт. **gardas*, слав. **gordъ*[7]. Морд. эрзя *kardo*, мокша *kardă* 'загон для скота; хлев' заимствовано из чувашского или из русского (< чуваш.). Но для упомянутого морд. *kardas* 'двор' балтийская этимология остается в силе[8]. Рус. оренб. *гáрда* 'загородка для скота' (СРНГ 6, 139), скорее всего, не более чем фонетический вариант формы *кáрда*, возникший вследствие дистактной ассимиляции *кáрда* > *гáрда* или под влиянием *городúть*. Локальный оренбургский ареал *гáрда* не позволяет видеть в нем балтизм, ср. цитированное лит. *gar̃das*. Напротив, для псков. *гóрды* мн. 'настил из жердей' (Псков. словарь 7, 100) допустимо балтийское происхождение.

10. Др.-рус. *медолазъ* 'время добывания сотов из бортей', орл. *медолáз* 'тот, кто крадет мед', возникшие на основе оборота *медъ лазити* или *лазити медъ* (ЭССЯ 18, 55, s.v. **medolazъ*), находят близкую структурную параллель в лит. *medkõpis* 'время добывания меда' < *medų kõpti* 'вынимать мед (из бортей, ульев)', ср. *kópti* 'лезть, подниматься', *kópti, kõpti* 'доставать мед'. Лит. *kõpti bites*, лтш. *kâpt bites* с тем же значением аналогично др.-рус. *лазити пчел* 'вынимать мед из бортей'[9]. Праслав. **medolazъ* не бесспорно, речь идет скорее всего о древнерусском образовании, которое могло возникнуть под влиянием балтийского субстрата.

11. Блр. диал. *мерд* 'мужчина' квалифицировано как иранизм (ЭСБМ 7, 19), причем не было принято во внимание наличие в опуб-

ликованном З. Зинкявичюсом "Польско-ятвяжском словарике" слова *mard* 'человек'[10]. При любом отношении к этому злополучному документу необходимо учесть объяснение "ятвяжского" *mard*, согласно которому данное слово, будучи связано в конечном счете с иранским названием человека ('смертного': ср. авест. *marəta-* 'смертный' и др.), никоим образом не могло быть усвоено прямо из иранского, но получено через финно-угорское посредство, ср. фин. *marras* 'умирающий, покойник; мужской', коми *mort*, удм. *murt* 'человек' и др.[11] Даже отказывая "ятвяжскому" *mard* в реальности, для блр. *мерд* целесообразно принять посредство некоего балт. **mVrd-* < фин.-угор. < иран.

12. Рус. диал. *мúкать* 'мычать' (вят.), 'говорить нечленораздельно' (курск.) и ряд близких славянских фактов (польск. *mikać* 'мычать' и др.) стали основанием для реконструкции праслав. **mikati* (ЭССЯ 19, 32). Для этой лексемы стоит указать близкую параллель в лит. *mỹkti* 'мычать, стенать, нечленораздельно говорить, мурлыкать; петь без слов, выпрашивать', *mykúoti* 'петь без слов, мурлыкать' (LKŽ VII, 183). И в литовском и в славянских языках речь идет об ономатопеических образованиях.

13. Болг. *мýша* 'колоть, толкать, совать', макед. *муши* 'колоть, накалывать, натыкать' восходят к праслав. **mušiti*, сопоставляемому, наряду с праслав. **muxati* (ср. болг. *мýхам* 'колоть, бодать; пихать, совать, бить и др.), с лит. *mùšti* 'бить, колотить' (ЭССЯ 20, 174, 200)[12]. Перечень балтийских параллелей целесообразно расширить за счет фактов с корневым вокализмом, тождественным славянскому: лит. *maũšti* 'быть пылким', 'бегаться (о корове)', *išmaũšinti* 'выманить, выклянчить' (LKŽ VII, 945; ср. болг. *из-мýшам* 'забодать, исколоть'). Правомерность привлечения последних подтверждается прежде всего рефлексивом *mùštis* 'биться, драться' и 'быть в течке (об овцах, кобыле)', а также многочисленными семантическими аналогиями вроде слав. **biti* 'бить' и **biti sę* 'биться, быть в течке (о животных)'[13].

14. Рус. южн., зап., ряз. *мýлить* 'тереть, нагнетать, жать; надоедать', блр. *мýляць* 'тереть, жать' и аналогичные славянские факты возводятся соответственно к праслав. **muliti*, **mul'ati* с не очень ясными этимологическими связями (ЭССЯ 20, 180–184). Возможно родство с лит. *maulióti* 'брести по грязи', 'проталкиваться, соваться', *maũlinti* 'напяливать, натягивать (шапку) на уши', 'понемногу идти, тащиться', *maũlyti* 'натягивать, нахлобучивать', *nu-maulóti* 'попирать, вытаптывать' (LKŽ VII, 936), связанными далее с лит. *máuti* 'напялить, натянуть, надеть (кольцо, одежду, обувь); стянуть, снять, совать; бить и др.', лтш. *maût* 'натягивать, взнуздывать' (Fraenkel, 421), и.-е. **meu(ə)-* 'двигать, сдвигать' (Pokorny I, 743). Праслав. **mu-l-* и балт. **mau-l-* обнаруживают суффиксальное расширение, пред-

ставленное, например, в семантически близких праслав. **bruliti* 'сбивать (плоды, листья)' и лтш. *braul̦at* 'проводить рукой по лицу' (ЭССЯ 3, 46–47), ср. праслав. **brusiti, *brъsati*, лит. *braũkti* (ЭССЯ 3, 48–49, 55–57). Семантически (и, вероятно, генетически) к праслав. **mul-*, балт. **mau-l-* близко лит. *maũkti* 'стягивать, проводить рукой, обрывая'[14], праслав. **mъknǫti* 'срывать, дергать, тянуть' (ЭССЯ 20, 218–219) и др.

15. Пропущенное в словаре М. Фасмера рус. костр., яросл., твер. *мурá* 'вид кушанья, тюря' получило в ЭССЯ оригинальное объяснение, согласно которому это слово генетически тождественно с.-хорв. диал. *мýра* 'грязь, раскисшая земля', 'вид глины' < праслав. **mura* I, ср. родственное лит. *máuras* 'грязнь, тина' (ЭССЯ 20, 191). К продолжениям **mura* I следует добавить рус. псков., амур. *мурá* 'мелкая трава', псков. 'участок земли с мягкой травой, заливаемый весной во время половодья' (СРНГ 18: 347), а к балтийским параллелям этой праславянской лексемы – лтш. *maura* (наряду с синонимичным *maũrs*) 'трава на доме, вокруг дома; дерн', *mauras zâle* 'мелкая трава без глубоких корней, растущая на больших дорогах'[15], лит. *maurẽ* (= *máuras*) 'водное растение Lemna, ряска', *mauraĩ* мн. 'ряска', 'ил, грязь' (LKŽ VII, 939). Рус. арханг. *мурúна* 'дерн', укр. *мурúна* 'болотце, остающееся после половодья' (< **murina*, см. ЭССЯ 20, 193) находят близкие соответствия в лит. *maurỹnė* 'место, затянутое ряской; грязь, илистая почва', *maurýnas* 'место, где много ряски' (LKŽ VII, 795) от *máuras, mauraĩ*.

Для рус. *мурá* как названия примитивного блюда, тюри недавно было предложено иное, нежели в ЭССЯ, истолкование. Речь идет об одном из редких случаев, когда апеллятив получает довольно правдоподобную мерянскую этимологию. Согласно А. Алквист[16], рус. *мурá* восходит к мерянскому источнику, связанному с фин. *muru* 'крошка', ижор. *muru* 'крошка; кушанье из молока и крошек хлеба' (ср. рус. *крóшка* и *о-крóшка* как название блюда). Слово *мурá* широко известно также в олонецких и других русских говорах (СРНГ 18, 347) и по крайней мере частично может происходить из живых прибалтийско-финских языков. Естественно, что подобное решение выводит рус. *мурá* из числа рефлексов **mura* I.

Не очень убедительным выглядит также включение в круг продолжений этой праславянской лексемы рус., укр., блр. *мурлó* 'харя, рожа' (ЭССЯ 20, 191), которое сопоставимо с лит. *mùrlė* пейор. 'рот, лицо, нос', *mur̃lis* 'короткомордый (о свинье)', *murlià* 'топкое илистое место', *mur̃lyti* 'грязнить, пачкать', *mur̃lynas* 'грязнуля', 'мутный, с осадком'[17]. К этому кругу фактов примыкает, кстати, рус. том. *мурлúнка* 'озеро возле болота, слегка затянутое мхом' (СРНГ 18, 356), которое может быть занесенным в Сибирь балтизмом.

16. Рус. *носовóй табак* 'нюхательный табак' (Даль[2] II, 351; также во владимирских говорах, см. СРНГ 21, 291) включено в число продолжений праслав. **nosovъ(jь)*, производного от **nosъ* (ЭССЯ 25, 211). Такое решение оправдано лишь формально, поскольку значение 'нюхательный (табак)' могло развиться только с распространением на Руси обычая нюхать табак, т.е. не ранее XVII–XVIII вв. Не исключая в принципе исконного происхождения рус. *носовóй* (*табак*), следует, однако, обратить внимание на очень сходные тюркские факты: кирг. *насыбай, наспай,* южн. *нас* 'насвай (табак специального приготовления для закладывания под язык или за нижнюю губу)'[18], узб. *нос, носвой,* туркм. *нас* то же, казах. *насыбай,* татар. *насвай,* чагат. *нас* 'нюхательный табак', уйгур. *нас, насвай, насвал* 'сорт жевательного и нюхательного табака', бараб. *назапай,* алт., телеут., *тазымай* 'нюхательный табак' (Радлов III, 656–657, 930), калм. (< тюрк.) *naswā* то же[19]. Допускалось даже, что бараб. *назапай,* алт. и др. *тазымай* заимствованы из рус. *носовóй* (Räsänen, 351; ср. Радлов III, 930). Но выведение этих и других указанных тюркских форм из русского или сопряжено с большими трудностями, или невозможно. Правильная этимология тюркских слов иная: они восходят к перс. *nās* 'нюхательный табак', 'табак, закладываемый под язык'[20], ср. также тадж. *нос* 'сорт жевательного и нюхательного табака'. Кроме того, следует ориентироваться на источник типа афг., дари *naswār* 'табак, закладываемый под язык' – производное от *nas* с суффиксом подобия, широко распространившееся в иранских языках Памира главным образом в качестве названия табака, закладываемого под язык[21]. Первоначально речь шла, по всей вероятности, о нюхательном табаке, что подтверждается материалом индоарийских языков, ср. непальск., кашмири *nas* 'нюхательный табак', гуджарати *nās* 'вдыхание дыма через нос', далее к др.-инд. *nā́sā* дв. 'нос'[22]. Лениция ауслаутного *-r* в ряде тюркских языков (в диалектах уйгурского, отдельных диалектах или говорах туркменского, узбекского и казахского и др.) привела к появлению форм с *-l* (*насвал*) или *-j* (*насвай*)[23].

Рус. *носовóй* (*табак*) могло быть усвоено из тюрк. (скорее всего, татар.) *насвай* и/или аналогичного слова в русской речи татар и других тюрков, чем, видимо, и объясняется использование слова "насвай" в тюркско-русских словарях. Уместно указать засвидетельствованный в русских говорах Киргизии локальный тюркизм *насвáй* 'жевательный табак' (СРНГ 20, 152–153). Совпадение рус. *насвáй* с *носовóй* < праслав. **nosovъ(jь)* и появление выражения *носовóй* (*табак*) объяснимо как следствие народной этимологии (*нюхать табак* значит "набивать себе нос молотым табаком", ср. речение *набил носища табачищем,* Даль[2] II, 563; IV, 384), которая в данном случае дала эффект своего рода реэтимологизации, т.е. сближения с *нос.*

От *носовóй* в значении нюхательного табака (сюда же, возможно, и кубанское *носовóй* как название некоей травы, см. СРНГ 21, 291) образовано том. *носовúк* 'казак, занимающийся разведением табака' (СРНГ 21, 290), принадлежность которого к рефлексам праслав. **nosovikъ* (ЭССЯ 25, 212) проблематична. Не исключено, что это слово является калькой с тюркского прототипа (в языке бухарцев – переселенцев в Западную Сибирь из Средней Азии) вроде узб. *носвойчи* 'тот, кто занимается изготовлением и продажей наса'.

17. Блр. диал. *нíклы* 'слабый, хилый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 3, 224) естественно рассматривать как рефлекс причастия на *-l-* **niklъjь* (ср. др.-рус. *по-никлыи* 'поникший, опущенный', см. Срезневский II, 1180) от **niknǫti*. Необходимо, однако, определить отношение белорусского слова к литовским отглагольным прилагательным от *nỹkti* 'изчезать, пропадать' – *nyklùs* 'тот, кто склонен исчезать, пропадать', ср. *nyklà* 'тот, кто болезненный, тщедушный, захиревший' (LKŽ VII, 795, 802). Старая трактовка литовских форм на *-us* позволяла видеть в *nyklùs* преобразование исходного **nyklas*, тождественного праслав. **niklъjь*[24]. В пользу такого решения в принципе свидетельствуют индоевропейские истоки славянских причастий на *-l-* и их балтийских параллелей[25]. Не так давно было показано, однако, что дериваты на *-lus* являются литовскими новообразованиями[26]. Оснований для допущения лит. **nyklas* нет. Блр. *нíклы* и лит. *nyklùs* возникли независимо друг от друга, хотя наличествующее в них *-l-* (не говоря о корне) и имеет единое индоевропейское происхождение. Нет оснований и для того, чтобы видеть в блр. *нíклы* литуанизм.

Сходная ситуация mutatis mutandis представлена, например, и в случае с праслав. **mьrlъ(jь)*, причастием на *-l-* от **merti*, **mьrǫ* 'умереть' (ср. чеш. *mrlý* 'умерший' и т.п., ЭССЯ 21, 139), очень похожим на лтш. *mir̃la, mìrla, mir̃la, mirlis* 'болезненный, отощавший человек или животное', *mir̃la* 'небрежный, ленивый человек', *mirlis* также 'убийца', 'очень ленивый человек' (Mūlenbachs-Endzelīns II, 634). Лтш. *mirla* принадлежит к хорошо известной группе восточнобалтийских отглагольных пейоративных названий лиц на *-la* (ср. выше лит. *nyklà*)[27]. Правда, *mirlis* восходит к вост.-балт. **mirl-i̯a-* от **mirla-*, которое может быть тождественно **mьrlъ(jь)*, ср. и близкую лексику – **mьrlo*, **mьrlina* и др. (ЭССЯ 21, 137–140).

18. Данные о праслав. **norьcь* (< **noriti* 'окунать' + суф. *-ьcь*), реконструируемом на основе многочисленных фактов типа др.-рус. *норецъ* 'ныряльщик', 'нырок' (ЭССЯ 25, 197), целесообразно дополнить указанием на генетическое соответствие в лит. диал. *nar̃ikas* 'гагара', производном с суф. *-ikas* от *narìnti* 'погружать, окунать', *narìntis* 'нырять', ср. *narýti* 'окунать' (об этих фактах см. Fraenkel, 493). В свою очередь, параллельное праслав. **norъkъ* (< **noriti* + суф. *-ъkъ*), отразившееся в чеш. *norek* 'водолаз, птица крохаль' и т.п.

(ЭССЯ 25, 197), сопоставимо с лит. *narūkas* 'птица гоголь', которое, правда, образовано не от глагола, а от адъектива *narùs* 'хорошо ныряющий' + суф. *-kas*[28].

19. Блр. диал. *пáстка* 'мышеловка', 'большой рот' истолковано как литуанизм, связанный с лит. *spą́stai* pl. tant. 'мышеловка; западня', ср. *spę́sti* 'устраивать, ставить ловушку, западню'[29]. Однако ни у белорусского слова, ни его коррелятов в рус. смол. *пáска* 'ловушка, мышеловка', 'приманка в ловушке', зап. *пáстка* 'ловушка, западня', Прибалтика, смол., зап., псков. *пáстка* 'мышеловка' (СРНГ 25, 264) нет следов начального *с-* и/или множественного числа. При заимствовании из литовского ожидалось бы нечто вроде рус., блр. **(с)пáсты*. Очевидно, что *пác(т)ка* – деминутив от *пасть* 'зев животного', 'ловушка на животного' (последнее преимущественно в севернорусских и сибирских говорах, но также и в других), ср. псков., смол. *пáстка* 'зев, пасть' СРНГ 25, 264). Обращает на себя внимание, правда, что *пác(т)ка* распространено главным образом в западнорусских говорах, включая говоры в Прибалтике, в том числе в Литве. Однако, как будто нет оснований видеть здесь результат литовского влияния. С точки зрения географии стоит обратить внимание также на рус. новосиб. *пáстка* 'ловушка на медведя' (СРНГ 25, 264). Последнее (как и другие указанные выше факты), кстати, не имеет ничего общего с тюрк. *pas-* = *bas-* 'давить'.

20. Блр. (Витебская обл.) *шля́па* 'мокрый снег с ветром' было вполне рационально объяснено как входящее в тот же ряд, что блр. *хля́па* 'изморозь', *хлóпаць* = *шлю́паць* 'шлепать по грязи', *хлю́па* 'мокрая погода, слякоть' и др. (праслав. **xl'up-*, **xlup-* и др.)[30]. Сюда следует добавить рус. новгор. *шлепьё* 'сырой снег, идущий большими хлопьями', *шля́пиша* 'снег с дождем' и, что менее вероятно, *шáлепа, шáлипа* 'снег с дождем' (Новг. словарь 13, 76, 101–102), где возможна связь и/или контаминация с *лип-*, ср. псков. *залипýха* 'мокрый липкий снег' (Псков. словарь 11, 299). Следует все же считаться с возможностью, что в *шляп-/шлеп-* скрывается адаптированный балтизм, восходящий к источнику типа лит. *šlapà* 'сырая, дождливая погода, слякоть' (LKŽ XIV, 1013), ср. *šlãpias* 'мокрый', *šlàpti* 'мокнуть, намокать', *šlãpdriba* 'дождь со снегом' и др. (Fraenkel, 999–1000). Балтизм такого рода легко мог бы контаминировать с дескриптивной основой *шлеп-* (рус. *шлёпать*, блр. *шлёпаць*) и сходными.

Примечания

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-04-00152а. См. ранее: *Аникин А.Е.* Славянская лексика на неславянском фоне (1–7) // Этимология 1997–1999. М., 2000, 6–12.

[2] *Būga K* Rinktiniai raštai. T. II. Vilnius, 1957, 507.

[3] *Лаучюте Ю* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 52, 81.

[4] *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai // Baltistica. T. V. (1). 1969, 47.

[5] *Sabaliauskas A.* Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 12. Vilnius, 1970, 16–17.

[6] *Лаучюте Ю.* Указ. соч., 112.

[7] *Joki A.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973, 269–270; ср.: Лыткин – Гуляев 118; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997, 527.

[8] Ср.: *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos kilmė. T. I. Vilnius, 1984, 173.

[9] *Eckert R.* Minimale Textfragmente im Slawischen und ihre Entsprechungen im Baltischen // Baltistica IV (2). 1968, 86–90.

[10] *Зинкявичюс З.* Польско-ятвяжский словарик // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984, 15.

[11] *Орел В.Э., Хелимский Е.А.* Наблюдения над балтийским языком польско-"ятвяжского" словарика // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987, 126.

[12] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М., 1973, 11–12.

[13] *Аникин А.Е.* К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. 61.

[14] *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1957, 470.

[15] *Endzelīns J., Hauzenberga E.* Papīldīnajumi un labojumi K. Mūlenbacha latviešu valodas vardnīcai. S. II. Rīga, 1938, 786.

[16] *Ahlqvist A.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia 15. Helsinki, 1998, 22–23.

[17] *Аникин А.Е.* Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (**a- – *go-*). Новосибирск, 1998, 93–94, 106.

[18] Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965, 553.

[19] *Рассадин В.И.* Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983, 78.

[20] Там же.

[21] *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982, 78.

[22] Там же.

[23] Любезное сообщение Н.Н. Широбоковой. См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.,1984, 374.

[24] Ср.: *Otrębski J.* Gramatyka lęzyka litewskiego. T. II: Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965, 59.

[25] *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение славянских глагольных форм на *-l-* // Советское славяноведение. 1981. № 6, 98–99.

[26] *Темчин С.* Происхождение литовских прилагательных на *-lus* по данным внутренней реконструкции // Baltistica. T. XXVIII (2). 1994, 31–47.

[27] *Endzelīns J.* Darbu izlase. S. IV. D. 2. Rīga, 1982. 483.

[28] *Otrębski J* Op. cit., 282.

[29] *Лаучюте Ю.* Указ. соч., 123.

[30] *Петлева И.П. Скласть. Шляпа* // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987, 212–213.

А.Ф. Журавлев

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. *ОЛУХ*

Недостатка в этимологиях этого имени нет: отантропонимическое, из *Олуферий* < *Елевферий* (греч.), – кажется, наиболее популярная; из **волухъ* ‘пастух волов’ как пейоратив; из **оглухъ* ‘глуховатый’; от **волохъ* < *вълхвъ* ‘волхв, кудесник’; заимствование из фин. *ölliskö* ‘дурак’; заимствование из чагат. *алук* ‘растерянность, одурение’ и др. (см. Фасмер III, 136–137). Все эти этимологии, имея бóльшие или меньшие слабости, воспринимаются как неудовлетворительные.

В недавно защищенной кандидатской диссертации Ф.Б. Успенского “Славяно-скандинавские контакты периода христианизации по данным языка” (Институт славяноведения РАН, 2000) выдвинута новая этимология слова *олух*, которое автор, в согласии с общей концепцией своей работы, склонен расценивать как пример укорененности в древнерусской культуре норманнских элементов.

По соображениям Ф.Б. Успенского, *олух* представляет собою ложносуффиксальное преобразование скандинавского имени *Óláfr* (*Олав, Олаф*) и отражение культа первого общескандинавского святого Олава II (Харальдсона), имя которого было известно и на Руси, по крайней мере широко употребимо ее “варяжским контингентом” (в Новгороде Олаву была посвящена церковь), и в Константинополе (см. работы Е.А. Мельниковой). Профанирующее снижение образа “эпонима”, переключение его имени в пейоративы – явление понятное, если не сказать привычное, и не требующее особых обоснований.

Следует, однако, отметить, что Ф.Б. Успенский не отрицает правомерности этимологии Б.М. Ляпунова (из *Елевферий*) и, как будто, допускает культурно-языковые наложения. Если так, то здесь, пожалуй, нужно говорить о своеобразном резонансном усилении двух случаев возможных деантропонимических трансформаций с совпадающими результатами (ср. приводимое диссертантом в качестве параллельного примера имя *Якун*, которое, будучи восточнославянским воспроизведением варяжского *Hákon*, стало восприниматься как гипокористическая форма к *Иаков* / *Яков*). Правда, такого рода соображения должны быть подкреплены хронологическими выкладками и положительными сведениями о почитании св. Елевферия на Руси, которых, увы, очевидным образом у нас недостает (довольно показательно уже отсутствие специальной статьи, которая была бы посвящена этому святому, в трехтомнике “Христианство”).

Здесь мы хотим предложить еще одну этимологическую версию слова *олух*.

Наша лексема может быть сопоставлена с укр. *йолуп, йолоп*, блр.-смол. *ёлуп, ёлоп* 'дурак', "новоросс." *елóп* то же (СРНГ 8, 346, 349) (польск. *jołop, jołap* то же – из восточнославянского), которое до В.В. Мартынова не имело надежной этимологии (см. Berneker I, 308; Фасмер I, 17; Sławski I, 583–584; ЕСУМ 2, 327).

В.В. Мартынов[1] связал эти слова с глаголом **lupiti*, отождествив с его корнем сегмент *-луп/-лоп* в приведенных украинском, белорусском и западнорусском словах; их семантика находит исчерпывающее объяснение в привлечении слов и выражений *лупить глаза, лупіць вочы* 'таращить глаза', *лупоглазый, лупошарый, лупавокі, глазолуп* и т.д. В начальной же их части, *jo-* (*ё-*), обнаруживающейся также в блр. *ёлупіць* 'вытрэшчваць вочы', *ёлуплівы* 'вытрашчаны (аб вачах)', 'дурнаваты', по толкованию В.В. Мартынова, **i̯-* является протезой, "со вставкой *о*-призвука между протезой и последующим сонантом". Другой, параллельной протезой выступает, по Мартынову, и **u̯-*, также потребовавшее эпентетического *-о-*, ср. блр. *валапокі*, рус. смол. *волопокий* 'пучеглазый' (из **волопо-окий*). Необходимость консонантных протез перед с о н а н т о м В.В. Мартыновым не объяснена, и этот момент в его трактовке не выглядит убедительным. Может быть, в вокалическом элементе начального сегмента слов типа *ёлуп* предпочтительнее видеть след префикса **о(b)-*, деэтимологизация которого и повлекла консонантные протезы. Этой версии В.В. Мартынов придерживался в почти одновременной (чуть более ранней) публикации (ЭСБМ 3, 187).

Однако следует пойти дальше. Ничто, кажется, не мешает связать согласный *-х* в слове *олух* (которого специально в этимологической связи с *ёлуп* В.В. Мартынов не касается, он упоминает его по стороннему поводу) с *-sk-* в *луска(ть)* 'шелушить, лупить, обдирать'; ср. *плескать(ся)* – диал. *плёхать(ся)* (СРНГ 27, 134), заонеж. *крёскать* 'бить, ударять' (СРНГ 15, 222) – смол. *крёхнуть* 'сильно и неожиданно упасть с шумом; грохнуться' (СРНГ 15, 239), новгор. *будыскаться* 'бодаться' – волог., яросл. *будыхать(ся)* 'бодать(ся)' (СРНГ 3, 248), чеш. *prskati* 'брызгать, прыскать' – *prchati* 'брызгать' (этимологическое единство которых подчеркнуто тождественностью значений, в отличие, например, от неочевидной близости рус. *порскать* – *порхать*) и под. Звукосочетание *-sk-* в *луск-* должно рассматриваться как расширитель индоевропейского корня **leu-* 'очищать, сдирать кожуру, скорлупу; лупить, облупливать' – ровно так же, как детерминативом к данному корню выступает и согласный *-р-* (**leu-p-* > слав. **lupiti*).

Неоспоримым доказательством такому положению вещей служат параллельные восточнославянские субстантивные образования *ше-луха* (*шелушить*): *ше-лупа*: редкий арготический, по квалификации М. Фасмера (Фасмер IV, 425), префикс *ше-* не даст обмануться. Кстати, сюда же, возможно, относится и слово *шалопай, шелопай*: *ша-/ше-* + *луп-* (с делабиализацией корневого гласного, вызванной деэтимологизацией слова) + суффикс *-ай*, как в *колуп-áй* копун, мешкотный, вялый человек' (Даль² II, 143; СРНГ 14, 200).

Не исключено, что параллелизм *п* : *х*, кроме *ёлуп* : *олух*, а также, с префиксом *ко-*, пар вроде перм. *колýпа* 'содранная с дерева и высушенная кора' : урал. *колýха* 'старая, ветхая одежда' (СРНГ 14, 202; последнее – вряд ли от *колоть* с суф. *-ух-*), можно усмотреть и в словах перм., урал. *лóпа* (в выражении *шиша да лопа* – о глупых людях с нравственными пороками) : псков. (и др.) *лох* 'ротозей, простофиля, дуралей', псков., твер. *лóха* 'глупая женщина, дура, дурища' (СРНГ 17, 130, 160), в корнях *шелеп-* (*шелепнуть* 'ударить кнутом') : *шолох-/шелох-*, семантически ср. *лупить* 'бить, у д а р я т ь' < 'обдирать'.

Таким образом, слово *олух* получает, как мне кажется, достаточно надежную собственно славянскую этимологию.

С ним без заметных формальных и семантических противоречий может быть объединено и болг. *залýх* 'тупица', что и осуществлено, пусть несколько отличным образом (с иной идентификацией корня), в этимологии Роже Бернара[2]. Арханг. *ополýх* 'дурак'(СРНГ 23, 278) может рассматриваться как принадлежащее тому же ряду, с многократной префиксацией (*о(б)-* + *по-*...). К этому же списку, вероятно, относятся контаминированное кашинск. твер. *елуфи́м* 'дурак, болван, остолоп' (СРНГ 8, 349), а также беспрефиксные суффиксальные диалектные формы *лýхмáн, лухмáнка, лухмáнь, лухмéтко, лухмя́га* в значениях 'нерасторопный и простоватый человек', 'неловкий, нескладный, неуклюжий человек', 'необразованный человек, невежда' и под. (СРНГ 17, 208).

Примечания

[1] *Мартынов В.В.* Славянские протезы и этимологическая эвристика // Этимология. 1984. М., 1986, 129 и след.

[2] *Bernard R.* Russe *óлух* 'imbécile, lourdaud' // RES XLV. Paris, 1966. 68.

И.Г. Добродомов

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ОЛУХ*

Русское слово *олух*, зафиксированное языковедами в литературных текстах со второй половины XVIII в., вызывало постоянный интерес языковедов, высказавших множество предположений о его происхождении, начиная с не получившей никакой популярности этимологии Ф.И. Рейфа от арабского الوق *elvèk* ‘дурак; глупый’ (= франц. *sot*)[1]. Даже если и существует названное Ф.И. Рейфом арабское слово الوق *‘алвак* (в современной русской транскрипции)[2] от корня لوق *лвķ* (لاق *лāķа* ‘размягчать’), то все-таки остается совершенно неясным, как оно могло попасть в русский язык и измениться в *олух*.

Также основанная на недостоверном материале этимология Н.В. Горяева: “**Олух-ъ, олуш-ек-ъ** ср. с лат. *al-ū-c-u-s* и *ul-ūc-u-s*, откуда итал. *alocco* и *locco* (‘сова’ и ‘глупец’), в некот. его нареч. *loucch*, исп. *loco*, порт. *louco*, прованс. *locou* (‘глупый’) (у Дица)”[3] – не вызвала ни у кого энтузиазма также и в силу слабости фонетической стороны: как могли измениться романские слова в *олух* – неясно, как и пути их движения в русский язык.

Кроме общих кратких обзоров других неутешительных этимологий слова *олух* в русских этимологических словарях, существует довольно подробный обзор[4] разных версий применительно к этому слову, сделанный В.В. Виноградовым, который практически отверг все собранные им этимологии неутешительными словами: “Но каково бы ни было происхождение слова *олух*, в русском литературном языке оно стало широко употребительным лишь с XIX в.” (с. 951).

Проанализированные В.В. Виноградовым, а также некоторые не учтенные им этимологии были повторно разобраны мной в особой статье[5], поэтому нет надобности снова к ним возвращаться, но следует разобрать здесь только версии, не отраженные в указанных обзорах.

В 2000 г. в Институте славяноведения и балканистики Российской академии наук была защищена кандидатская диссертация Ф.Б. Успенского “Славяно-скандинавские контакты периода христианизации по данным языка”, где была выдвинута совершенно бездоказательная этимология слова *олух*, как возникшего, по его мнению, в результате апеллятивизации и пейоративизации скандинавского имени *Олав* (*Óláfr*), якобы широко известного на Руси[6], что истине, по-видимому, не соответствует. Во всяком случае аутентич-

ными примерами употребления скандинавского имени *Óláfr* на Руси и его соотнесения с загадочным русским именем *Олух* мы, к сожалению, не располагаем, как не располагал ими и Ф.Б. Успенский.

В отличие от славянского открытого *о* [= *а*°], скандинавское начальное *ó* было закрытым звуком, поэтому последнее обычно передавалось на русской почве как *у*, что и имело место в русском языке при обычном оформлении скандинавского личного имени *Óleifr*, *Óléfr* (Ф.Б. Успенский считает его разновидностью имени *Óláfr*) как *Улѣбъ, Оулѣбъ*, причем Ф.Б. Успенский старается подчеркнуть значимость редкой и явно вторичной формы *Олѣбъ*[7]. На Руси скандинавское имя *Óláfr* должно было отразиться как *Улав*/*Улаф* или с протетическим *j* (как в словах с новым начальным *у*- типа *юдоль*, *юродивыи*) **Юлав*, **Юлаф* что и находим в византийских "Советах и рассказах Кекавмена" XI в. в форме 'Ιούλαβον[8], предполагающей славянское посредство, но форма этого имени в византийском источнике Ф.Б. Успенского не интересует.

В построениях Ф.Б. Успенского, основанных на весьма шатком и чисто умозрительном отождествлении старого русского имени *Олух*[9] со скандинавским именем *Óláfr*, весьма важное место занимают рассуждения общего характера без примеров, как бы направленные на рассматриваемое имя: "Говоря о варяжских именах в о о б щ е [разрядка моя. – *И.Д.*] и об интересующем нас имени в частности, трудно не обратить внимания на следующую особенность [чего? – *И.Д.*]: отдельные скандинавские имена прочно входят в русский антропонимический фонд и сохраняются в нем достаточно долго [примеров нет. – *И.Д.*], тогда как другие относительно скоро исчезают, так и не преодолев, по-видимому, стремительного ослабления скандинавского влияния на Руси"[10].

Противоречащие своим фантастическим соображениям факты Ф.Б. Успенский предпочитает просто не замечать, как им остались проигнорированными не столь уж редкие фамилии типа *Алфёров*, *Алферьев*, *Олфёров*, *Олферьев*, *Елеферьев*, *Луфёров* и *Елевтерский* (восходящие в конечном итоге к греческому имени *Елевферий* ('Ελευθέριος)[11], которые мешали бы словам о том, "что имя *Елевферий* вообще было относительно редким", что не соответствует истине, поскольку, по подсчетам Н.С. Лескова в "Полном месяцеслове" есть девять *Еливфериев*[12], чем и объясняется распространенность имени *Елевферий* и его модификаций на Руси.

На этимологические соображения Ф.Б. Успенского откликнулся А.Ф. Журавлев (его заметка публикуется в данном выпуске "Этимологии", с. 117–119), который, не пускаясь в критику явно ошибочных этимологических соображений Ф.Б. Успенского, выдвинул идею о связи чисто русского слова *олух* с синонимичными ему: блр. *ёлуп, ёлоп, ёлупень* (сюда ли *ёлап* 'неплодородная песчаная почва') с

производными *ёлупіць* 'вытрэшчваць вочы'; *ёлуплівы* 'вытращаны (об вачах)', 'дурнаваты'); укр. *йóлоп*, диал. *йолопéга, йóлуп* (производные *йолоповáтий, йолуповáтий*); польск. *jołop*, келецко-варшавское *jełop* и неправильное (nieoprawn е) *jałop*; рус. диал. *елóп* бранно 'дурак, остолоп, олух' (новорос.) – слово употреблено и в толковании: "*Ельман*? м. ярс. *елоп*, дурак, дурень, болван" – Даль[3] I, 1292), *ёлуп* (смол.)[13], причем новейший "Словарь смоленских говоров" (вып. 4. Смоленск, 1985) слова *ёлуп* не фиксирует.

Далее А.Ф. Журавлев развивает предложенную В.В. Мартыновым этимологию загадочного слова *ёлуп* в связи с глаголами *лупить, лускать, лущить* и т.д.[14], хотя уже более века назад Ф.Е. Корш сообщил редакции академического "Словаря русского языка" свою оставшуюся незамеченной весьма остроумную восточную этимологию, о возможности которой проницательно говорил Ф. Славский (może pożyczka orientalna), не зная соображений Ф.Е. Корша: "**Елóп** ⟨...⟩ (Ср. польск. *jołop*, малорос. *ёлоп, ёлуп*: болван, белор. *ёлуп*: с выпуч. глазами, дурак; тюркск. *алып*: великан, богатырь; ср. *болван*, при кирг. *балўан*: богатырь, силач, Ф. Корш). Болван, дурак, остолоп. Новорос. (Д.⟨аль⟩)"[15].

Ф.Б. Успенскому и А.Ф. Журавлеву осталась неизвестной моя специальная статья о русском слове *олух*, где более подробно, чем у В.В. Виноградова, был подведен итог рассмотрения этого слова в существующей (в том числе и в неучтенной у В.В. Виноградова) литературе и сделан вывод о том, что верна тюркская этимология[16], предложенная А.Г. Преображенскому Ф.Е. Коршем: "Корш (письмом) допускает заимств. из чагат. алук *растерянность, одурение*" (Преображенский I, 648) – сурово оцененная М. Фасмером (Unwahrscheinlich auch die Annahme einer Entlehnung aus dschagat. *aluk* 'Verdummung, Verworrenheit)[17] и вслед за М. Фасмером легковесно отвергнутая В. Виноградовым ("Но и эта тюркологическая этимология произвольна и не имеет никакой исторической достоверности") и что именно она заслуживает гораздо более пристального внимания, что проницательно оценил еще в 1935 г. Б.М. Ляпунов: "Жаль, что Ф.Е. Корш не высказал своего предположения в печати"[18].

Действительно, в представленном у А.Г. Преображенского виде соображения Ф.Е. Корша не представляются убедительными, но дело существенно меняется, если мы примем во внимание весь тюркский материал в совокупности.

Чагатайское *алук* имеет хорошие соответствия на тюркской почве, начиная с древнетюркской эпохи: *alïq* 'прихоть, капризы, своеволие', *aluq er* 'грубый, невежественный (или плешивый, лысый?) мужчина'; alïɣ (огуз., кыпч.) 'плохой'[19].

В тюркских словарях и памятниках XIII–XIV вв. соответствия этому слову также обнаруживают колебания: в словаре XIII в.

الغ *алығ* ‘трус, трусливый’, в золотоордынской поэме “Хосрау и Ширин” Кутба الغ *алығ* ‘плохой, низкий, дурной, дурак, слабый’[20].

Уже в памятниках XIV в. встречается также форма *алу* ‘слабый, недостаточный’; слабость’[21].

В старинных чагатайских словарях слово *алуķ* (الق , الوق) в одной и той же цитате из III Дивана Алишера Навои толкуется то как ‘состояние смущения’ (Бадā’и‘ ал-луғат’), то как ‘печальный, расстроенный’ (Абушка), то как ‘дурак, слабоумный’ (Шейх Сулейман), что нашло отражение и в европейских словарях чагатайского языка[22], а также в чагатайском материале сравнительных словарей Л.З. Будагова и В.В. Радлова.

В “Сравнительном словаре турецко-татарских наречий” Л.З. Будагова (т. I. СПб., 1859, 59, 796) для чагатайского даются параллельные формы *алӯғ* (الوغ) и *алӯķ* (الوق) ‘огорченный, сокрушённый, расстроенный; потрясение мозга’, а также الوق *алӯķ* ‘огорченный, смущенный, потерявший рассудок’ и алт. الو *алу* ‘глупый, дурак’.

К концу XIX в. благодаря “Опыту словаря тюркских наречий” В.В. Радлова (т. I. СПб., 1893, 372, 373, 387, 388) было известно, что слово *алуғ/алығ* и близкие формы распространены в современных тюркских языках от Восточной Сибири до Причерноморья: осм.-тур. *алык* ‘глупый, застенчивый, сумасшедший’; леб., шорск., саг., койб., кач., кюэр. *алыђ*, телеут. *алу* ‘глупый’; чагат. *алук* (الوق) ‘печальный, угрюмый; унылый, сумасшедший’.

Широкая известность этого слова в современных тюркских диалектах и литературных языках Европы и Восточной Сибири (гагауз. *алык* ‘сумасшедший, слабоумный, придурковатый’; тур. *alık* ‘слабоумный, придурковатый, дурашливый’; алт. *алу* ‘глупый, дурак’, хакас. *алығ* ‘дурак; глупый’)[23] позволяет думать о его общетюркском характере, причем в соответствии с сравнительно-исторической фонетикой тюркских языков на чувашской почве оно должно иметь облик **улăх* (в более архаичном верховом диалекте **олăх*) или **улă/*олă*.

Сравнительная фонетика тюркских языков дает следующие основания для реконструкции чувашской формы **улăх/*олăх*:

1) тюркский гласный *а* в начальном слоге на булгаро-чувашской почве изменяется в *о* (верховой диалект) или в *у* (низовой диалект);

2) гласный *у* (во втором слоге) изменялся в редуцированный гласный *ă* с сохранением лабиализации;

3) глубокозаднеязычный согласный *ķ* изменялся в *х*, а в кóнце слова часто вообще исчезал, что в результате дало бы более важные для нас и объективно более архаичные формы верхового диалекта **олăх* (или **ола*) с ударением на первом слоге: с конечного слога с редуцированным (бывшим узким) гласным в верховом диалекте ударение перемещается к началу слова[24], отступая от характерного для

тюркских языков конечного ударения, что и отражено в русском *олух*.

Если исходить из реконструированной формы **олă*, то конечный согласный в рус. *олух* придется объяснять как собственно русскую суффиксацию.

Однако чувашский язык не знает реконструированных форм **олăх*, **олă*, соответствовавших бы чагат. *алуқ*, что объясняется сильной обновленностью чувашской лексики новообразованиями и заимствованиями.

Дело в том, что русское слово *луг* 'сенокосное или пастбищное угодье с обильной травой', проникшее в чувашский язык, приобрело в нем облик *улăх/олăх* (ср. также татар. *олык*, мар. *олык*, горномар. *алык*) и вытеснило старое тюркское слово **улăх*/**олăх* заимствованиями, а также разного рода метафорами и фразеологизмами[25].

Тюркское слово проникло и в другие языки: перс. الغ *алиғ* 'изнеженный, женоподобный; постылый, бесчестный, позорный, гнусный'; камас. *alū* 'безумный, сумасшедший'; котт. *ālu*[26] 'глупый, наивный, простоватый; свирепый, несдержанный', чем иллюстрируется принцип неединичности заимствующего языка, состоящий в том, что чаще всего заимствование не ограничивается одним каким-либо языком, а распространяется на ряд соседних языков.

Тюркская этимология для рус. *олух* хорошо обоснована фонетически и семантически, хотя (как и все другие этимологические версии) оставляет открытым вопрос хронологии.

Примечания

[1] *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по алфавиту, или этимологический лексикон русского языка. Т. 1. СПб., 1835. 641.

[2] Его не фиксирует современный "Русско-арабский словарь" Х.К. Баранова (М., 1970).

[3] *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. 238.

[4] *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. 1969. № 1, 20–22. Неточно перепечатано: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, 285–287; *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 950–952 (Есть издание 1999 г. с новыми ошибками).

[5] *Добродомов И.Г.* Мальтретируемый тюркизм *олух* чувашско-булгарского происхождения // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. III. Абакан, 1999, 55–65.

[6] В двух близких версиях этимология сейчас опубликована: 1) *Успенский Ф.Б.* Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова "олух") //

Древнейшие государства Восточной Европы. 1999: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001, 263–280; 2) *Успенский Ф.Б.* Варяжское имя в русском языковом обиходе: К этимологии слова “олух” / Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002, 111–137 (далее ссылки даны по второй публикации).

[7] *Успенский Ф.Б.* / Скандинавы. Варяги. Русь, 119, 135.

[8] Там же, 132.

[9] Которое Б.М. Ляпунов на базе примера двинских грамот приведенного А.А. Шахматовым материала убедительно соотносит с греческим именем *Олуферии* (*Елевферии* – ’Ελευθέριος): *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках // Академия наук СССР. XLV. Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935, 257–261.

[10] *Успенский Ф.Б.* / Скандинавы. Варяги. Русь, 120.

[11] *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989, 32, 46, 48, 49, 51, 348.

[12] *Лесков Н.С.* Генеалогический туман // *Лесков Н.С.* Соб. соч. В 11 тт. Т. 11. М., 1958, 117–121.

[13] ЭСБМ III, 186–187; ЕСУМ II, 327; Sławski I, 583–584; СРНГ 8, 346, 349. Vasmer I, 397 к исходному материалу (Даль^3 I, 1291: *Ело́п* [м.] *нврс.* дурак, дурень, остолоп, болван) добавил из неуказанного источника *ёлоп*, но для обеих форм сохранил помету Даля *Neurussl.*, которая в русском издании почему-то заменена на *южн.* (Фасмер II, 17).

[14] *Мартынов В.В.* Славянские протезы и этимологическая эвристика // Этимология 1984. М., 1986, 129 и сл.

[15] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, т. II, вып. 1. СПб., 1897. 98. К этой статье в словаре есть отсылки: “**Елуфи́м** ⟨...⟩ То же, что елоп (Ф. Корш) – Ср. е р у х и́ л” (стб. 95). “**Ерухи́л** ⟨...⟩ (ср. имя Иерофил). Насмешливое прозвище скупого, прижимистого человека. Покров. (⟨С.П.⟩ Мухан.⟨ов⟩)” (стб. 191).

[16] *Добродомов И.Г.* Указ. соч., 55–56.

[17] *Vasmer* II 265. В русском обратном переводе значение чагат. *алук* приобрело вид ‘поглупение; отупение, растерянность’ (*Фасмер* III, 136–137).

[18] *Ляпунов Б.М.* Указ. соч., 258.

[19] Древнетюркский словарь. Л., 1969, 35, 41, 644.

[20] *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar Leiden, 1894, 53, *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – “Тюркско-арабского словаря”. Алма-Ата, 1970, 83; *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык, т. I. Ташкент, 1966, 45; *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале “Хосрау и Ширин” Кутба, книга 1. М., 1979, 233.

[21] *Caferoğlu A.* Kitâb al-Idrâk li-Lisân al-Atrâk. Endülüslü. Esiriddin Abu Hayyan eseri Istanbul, 1931, 3; *Zajączkowski A.* Studja nad językiem staroosmańskim, I. Wybrane ustępy z anatolijskiego przekładu Kaliły i Dimny. Kraków, 1934, 101.

[22] *Боровков А.К.* Бада̄’и‘ ал-луғат, Словарь Т̣али ‘Има̄нӣ Гератского к сочинениями Алишера Навои. М., 1961, 74; *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь чагатайско-турецкий. СПб., 1868, 27; *Kúnos I.* Šejx Sulejman Efendis Čaɣataj-Osmanisches Wörterbuch. Budapest, 1902, 11: Budala, mejzub, mejnun, bejnı, oinamis – Dumm, Verrückter, wahnsinnig; *Pavet de Courteille.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1870, 35: triste, troublé, qui a la cervel derangée; *Zenker J.Th.* Türkisch-

arabisch-persisches Handwörterbuch. Bd. I. Leipzig, 1866, 92: eingenommen (geistig) von Erstaunen, Bestürzung, Betrübnis, Liebe u.w.; occupé de q.ch.; stupéfait, troublé, attristé, amoureux.

[23] Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, 44; Турецко-русский словарь. М., 1931, 61; Ойротско-русский словарь. М., 1947, 17; Хакасско-русский словарь. М., 1953, 24.

[24] *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 72, 78, 131, 137; *Егоров В.Г.* Чăвашла-вырăсла словарь. Шупашкар, 1935, 301.

[25] См. их перечень в автореферате: *Исаев Ю.Н.* Чувашские эмотивные антропосемизмы и их синонимические ряды (пейоративное синонимическое поле "человек"). Чебоксары, 2002, 12–16, 17–18, 20–21.

[26] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, 116; Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (= MSFOu 130). Helsinki, 1952, 65–66.

А.К. Матвеев

СУБСТРАТНЫЕ ТОПОНИМЫ С ДЕТЕРМИНАНТОМ *-КОНДА* В ПОВАЖЬЕ

В субстратной топонимии бассейна Ваги, крупного левого притока Сев. Двины, наряду с широко распространенными на Русском Севере (РС) структурными типами с формантами *-Уньга, -Уша* и т.п., есть и ряд узколокальных, которые находят соответствия на более южных территориях – в исторических мерянских землях (ИМЗ). Именно вокруг этих наименований завязалась в последнее время оживленная полемика[1]. За пределами научной дискуссии остались, однако, еще некоторые характерные для Поважья топонимические типы. Среди них особый интерес представляют до сих не интерпретированные названия населенных пунктов и угодий с детерминантом *-конда*, которым и посвящена эта статья. Материал извлечен из картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета.

К настоящему времени в Поважье выявлено 18 топонимов с детерминантом *-конда*, в том числе 5 ойконимов (куст деревень *Кы́рконда*, деревни *Па́сконда, Ра́чконда, Со́роконда, Ши́рконда*). Другие названия обозначают луга (*Во́шконда, Е́шконда, Ке́роконда, Ку́мсконда, Ма́йконда, Мё́рконда, Ла́вконда, Шо́рконда*) и поля (*Ва́ськонда, Му́рконда, На́рконда, Пе́чконда, Те́пконда*). Ударение всегда находится на первом слоге. В гласных анлаута и ауслаута колебания не отмечены. Однако в предпоследнем слоге, т.е. в анлауте детерминанта обычно фиксируются как формы с *о*, так и *а* (*Кы́рконда – Кы́рканда, На́рконда – На́рканда* и т.п.), хотя встреча-

ются топонимы только с *о* (*Ма́йконда*) или *а* (*Те́пканда*). Это связано с влиянием постепенно распространяющегося аканья. Но поскольку названия относятся к одному ограниченному ареалу, следует считать, что первоначально детерминант во всех случаях имел форму *-конда*.

Детерминант *-конда* находит объяснение в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *kontu* 'дом', 'усадьба', 'хозяйство', 'имущество', карел. *kondu* 'дом', 'усадьба', 'земельный участок', 'угодье', люд. *kond, kondu* 'двор', 'усадьба', 'поместье' (SKES II, 216). Эта этимология убедительно подтверждается сравнением с реалиями (см. выше), если учесть, что со временем усадьба (отдельный двор) могла стать деревней или даже кустом деревень (как *Кырконда*) и, напротив, "запустеть", но сохраниться как угодье – поле или покос, что и отражено в номенклатуре реалий. В прибалтийско-финской ойконимии названия такого рода обычны, ср. фин. *Kontu, Haudankontu, Rajakontu, Vaarankontu* и т.п.

В субстратной топонимии Европейской части России на детерминант *-канда, -конда* первым обратил внимание Д.П. Европеус, который интерпретировал его на угорской почве как "порог в реке"[2], что сразу опровергается при сравнении с реалиями. Позднее Я. Калима указал на карельские ойконимы *Kontu, Kondu*, а также название населенного пункта *Конда* в Каргапольском уезде Олонецкой губернии (в настоящее время эта деревня входит в состав Няндомского района Архангельской области). Он сопоставлял эти наименования с фин. *kontu,* карел. *kondu* 'дом', 'двор' и т.п.[3] И.И. Муллонен выявила в вепсской топонимии многочисленные следы былого функционирования лексемы **kond* 'крестьянский двор с прилегающим участком земли', ср. названия деревень *Kond, Minankond, Perjankond,* покосов и полей *Ukonkond, Hebokond, Ondrejankond* и т.п., и пришла к выводу, что эта лексема относится к числу типичных топооснов, известных практически всем прибалтийско-финским языкам[4]. Таким образом, прибалтийско-финское происхождение детерминанта представляется несомненным.

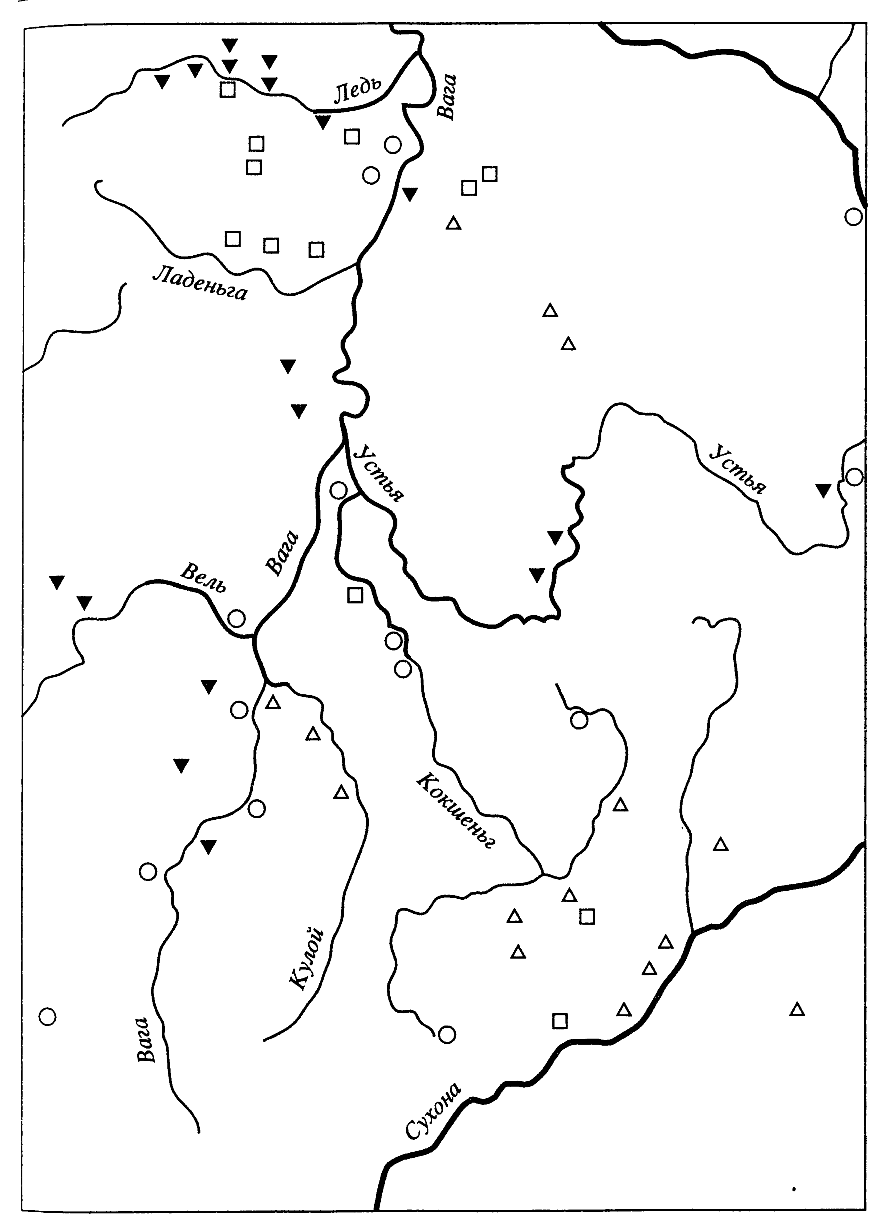
Возникает, однако, ряд вопросов, связанных с распространением топонимов с детерминантом *-конда* на РС и их отношением к прибалтийско-финской топонимии на этой территории.

Прежде всего оказывается, что на РС, кроме Поважья, топонимы с этим детерминантом встречаются чрезвычайно редко. Есть только один четкий рифмованный сегмент из четырех таких названий в Оштинском сельсовете Вытегорского района Вологодской области на южном берегу Онежского озера. Здесь засвидетельствованы названия лугов и полей *Пе́дроконда, Пе́кшоконда* (ср. рус. *Пекша* < *Петр*), *Си́дороконда* и *Я́коконда,* видимо, вепсского происхождения, имеющие в основе христианские имена, заимствованные

прибалтийскими финнами, ср. фин. *Petri, Pekka*, карел. *Pedri, Pedro, Pekka – Петр,* карел. *Sīdari – Сидор*, фин. *Jaakko*, карел. *Joako – Яков*. На всей остальной огромной территории РС выявлено всего три подобных названия: уже упомянутый ойконим *Ко́нда* в Няндомском районе Архангельской области, название луга *Ю́конда* в Каргапольском районе (см. фин., карел. *Jukka* – Иван) и поля *Ча́шконда* в Красноборском районе той же области. Прибалтийско-финская субстратная топонимия распространена на всей территории РС, но наиболее богато она представлена в западной части региона, т.е. как раз там, где названия на *-конда* единичны, тогда как основная масса топонимов на *-конда* находится в центральной части РС. Однако и в Поважье довольно много прибалтийско-финских топонимов, например, с основами *муст-* (фин. *musta*, ливв. *mustu*, вепс. *must* 'черный', ср. *Мустова, Мустовица, Мустозеро*), *ихал-* (фин., карел. *ihala*, ливв. *ihalu, ihal* 'красивый', 'прекрасный', ср. *Ихала, Ихалово, Ихаловская*), *хаб-* (фин. *haapa*, карел. *hoaba*, вепс. *hab* 'осина', ср. *Хабаль, Хабана*). Здесь же зафиксированы два типично прибалтийско-финских ойконима *Ракула*[5]. В Поважье отсутствуют некоторые характерные для прибалтийско-финских субстратных названий детерминанты, например, *-лахта* 'залив', *-пелда* 'поле', но распространены гидронимы на *-ой, -уй* (фин., карел. *oja* 'ручей') и *-сора, -зора, -сар, -сарь* (фин. *saara*, люд. *suar*, вепс. *sar* 'ветвь реки', 'рассоха'). Если нанести на карту названия на *-конда* и прибалтийско-финские топонимы с перечисленными основами и формантами (см. карту 1), получим неожиданный результат: топонимы на *-конда* почти всегда образуют обособленные "рифмованные сегменты" среди прибалтийско-финских названий, а в некоторых случаях (бассейн реки Устья, участок Ваги между Устьей и Паденьгой) вообще не соприкасаются с ними. Смешение заметно только в северной части региона (бассейн реки Ледь), но и в этом случае названия на *-конда* в основном территориально обособлены от прибалтийско-финских наименований. Уже эти ареальные особенности топонимов на *-конда* заставляют задуматься над вопросом, действительно ли они прибалтийско-финские.

Обратимся теперь к основам. Оказывается, почти все основы (16 из 18) имеют исход на согласный звук: 15 характеризуются структурой CVC, одна – CVCC (*Кумс-*) и только две – CVCV (*Керо-, Соро-*). Это свидетельствует о преобладании в основах языка-источника фонетической структуры CVC(C) и о возможности серьезных изменений в ауслауте основ под влиянием начального согласного детерминанта, что, конечно, серьезно затрудняет этимологизацию.

Учитывая значение детерминанта, следует предполагать, что в основах могут быть антропонимы. В нескольких случаях это вполне вероятно, ср. *Васьконда* и рус. *Вася*, карел. *Вася, Тепконда* и рус.

Карта 1. Прибалтийско-финские топонимы

▼ Названия с детерминантом *-конда*, △ с детерминантами *-ой, -уй*,
□ *-сора* (*-зора*), *-сар* (*-сарь*). ○ С основами *Ихал-, Муст-, Хаб-, Рак-*.

Степан, фин., карел. *Терро*. Однако антропонимы, заимствованные из христианского именника, далеко не всегда показательны при лингвоэтнической идентификации, поскольку в финно-угорских языках во многих случаях усваиваются однотипно, ср. карел. *Вася*, мар. *Вася*, *Васи*, коми *Вӑсь*. Нет в названиях с детерминантом *-конда* и часто встречающихся типовых прибалтийско-финских топооснов *вехк-* 'вахта трилистная', *ихал-* 'красивый', 'прекрасный', *муст-* 'черный', *хаб-* 'осина' и т.п. Конечно, можно предположить утрату согласного по типу CVCC > CVC и восстановить основу **мурд* в *Мурконда* (ср. фин., карел. *murto*, эст. *murd* 'бурелом'). Одна из основ типа CVC имеет, казалось бы, надежную прибалтийско-финскую этимологию, ср. *Майконда* и фин. *majava, majaa*, карел. *majoa*, ливв. *majai* 'бобр' или фин., ливв., люд. *maja* 'шалаш', 'избушка', но здесь же в Поважье находим название урочища *Майсогра* с детерминантом, необъяснимым на прибалтийско-финской почве. И это, пожалуй, все. Хотя материал ограничен, основы в ряде случаев, по-видимому, деформированы, среди названий есть антропонимы, этимологические характеристики предположительно прибалтийско-финского топонимического типа должны были быть более яркими.

Поэтому закономерен вопрос: может быть, этот четкий, удаленный от основной зоны прибалтийско-финских названий ареал, распадающийся на группы названий, территориально противопоставленные топонимам прибалтийско-финского происхождения, не содержащий наименований с основами, которые убедительно объясняются из прибалтийско-финских языков, несмотря на типично прибалтийско-финский детерминант, не связан с прибалтийско-финскими языками. Иначе говоря, названия с детерминантом *-конда* восходят к какому-то неприбалтийско-финскому языку РС, в котором, однако, функционировал географический термин – детерминант, типичный для прибалтийско-финских языков.

Естественно сравнить ареал *-конда* с ареалами других топонимических типов Поважья (см. карту 2), в частности, с названиями на *-бал*(V) 'поселение' и *Едьма*, которые предположительно идентифицируются как мерянские, и многочисленными названиями *Синий Камень*, русскими топонимическими индикаторами мери[6]. Сравнение карт 1 и 2 показывает, что ареал *-конда* вписывается в предположительно мерянские ареалы Поважья и что прибалтийско-финские и мерянские наименования в ареальном плане находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Единственное заметное отличие – отсутствие названий на *-конда* в бассейне реки Кокшеньга, по-видимому, связано с тем, что здесь, судя по карте, усиливается прибалтийско-финское влияние и слабее представлены другие мерянские индикаторы, находящиеся в окружении прибалтийско-финских названий.

Карта 2

● Ойконимы на *-бал(V)* ⊕ Едьма ▲ Синий Камень

Это наблюдение позволяет предложить другую этимологическую интерпретацию детерминанта: фин. *kunta* 'община', 'волость', карел. *heimokunda*, ливв. *heimokunda* 'племя', 'род', 'семейство', люд. *heimokund* 'род' и с другим вокализмом саам. норв. *godde* (в *sokkâgodde* 'род', 'родня'), мокша-морд. *końd'ä* 'друг', 'товарищ' (SKES II, 238), ср. также саам. (Йоканьга) *jiemne – końdtɛ* 'округ', 'местность', 'население округа, местности'[7]. Именно это слово обнаружила недавно А. Альквист в мерянских микроойконимах с основой К*und(V)*- на территории центральной мери (*Кунда, Кундыла, Кундынка* и т.п.), которые до сих пор еще часто воспринимаются как апеллятивы со значением 'отдельная часть селения'[8]. Эти названия Альквист считает самыми распространенными показателями мерянской топонимии и связывает их этимологически с фин. *kunta* и другими прибалтийско-финскими, саамскими и мокша-мордовскими данными (см. выше). Ареальная принадлежность к зоне центральной мери действительно позволяет считать названия с этой основой одним из идентификаторов мерянской топонимии.

Ойконимия Поважья особенно показательна, если сравнить ее с наименованиями населенных мест на территории ИМЗ: всем ныне известным мерянским ойконимическим типам находится адекватное соответствие в Поважье. Мерянским названиям населенных пунктов на *-бал, -бол* (*Шухобал, Яхробол*) соответствуют важские ойконимы типа *Кубало, Сорбало,* наименованиям с формантом *-(V)дом, -(V)дам* (*Шельшедом, Шишадам*), предположительно обозначавшим какой-то особый вид поселения или группу поселений, волость[9] – многочисленные важские названия населенных пунктов и урочищ *Едьма*[10], наконец, выявленным А. Альквист центральномерянским наименованиям с основой *Кунд(V)- –* топонимы на *-конда*, при этом варьирование гласных *о-у* (*-конда ~ Кунд(V)-*) получает объяснение в оппозиции саамских и мокша-мордовских форм прибалтийско-финским. Разумеется, между мерянскими названиями Поволжья и топонимами Поважья есть определенные различия. Так, важские топонимы *Едьма* имеют мягкое *д'* и не употребляются в функции детерминанта, тогда как в ИМЗ зафиксированы названия с формантом *-(V)дом, -(V)дам*, а соответствующий географический термин реконструируется в виде **(j)edom* или **(j)edam*. В топонимии ИМЗ не обнаружен формант *-кунда*, соотносимый с выявленной основой *Кунд(V)-*. Имеются различия в вокализме: *-конда ~ Кунд(V)-*. Было бы, однако, наивно рассчитывать на точные корреляции. Повлиять могло многое: удаленность и относительная изолированность территории Поважья, а как следствие этого – возникновение специфических диалектных или даже языковых черт, разное время освоения русскими ИМЗ и Поважья и т.п. Определенную роль могла сыграть даже конкретная семантика: для обозначения отдельной части де-

ревни достаточно было использовать географический термин в функции микротопонима, а для номинирования выселков, хуторов, деревень нужна была дифференцирующая атрибутивная конструкция. Но суть дела не в этих различиях, которые имеют частный характер и в значительной степени объяснимы. Главное – выявление комплекса коррелятивных ареалов: нигде на РС нет ареалов *Едьма* и *-конда*, нигде на РС нет такой концентрации *Синих Камней*. Кроме того, в Поважье есть и ойконимы на *-бал(V)*, которые на РС тоже представлены далеко не везде. Такой комплекс не может быть случайностью. Не является простым совпадением и его аналог в ИМЗ. Выявленные соответствия, во-первых, объясняют специфичность названий на *-конда*, образующих изолированный ареал, который не связан с прибалтийско-финскими названиями этого типа и принадлежит не прибалтийским финнам, а важским мерянам, во-вторых, дают еще один аргумент в пользу связи всех специфических важских названий и топонимии ИМЗ, в-третьих, еще раз подтверждают, что названия на *-бал, -бол* и *-Vдом, -Vдам* в ИМЗ являются именно мерянскими.

Комплекс совпадающих ареалов на одной территории и его коррелятивность с аналогичным комплексом в другом месте обладает большой доказательной силой. Характерно, что А. Альквист, выдвигая разного рода аргументы, опровергающие, с ее точки зрения, мерянские связи важской топонимии[11], обходит самый существенный момент: наличие комплекса одних и тех же признаков в топонимии разных мест не может быть случайностью, если эти комплексы создаются суммой совпадающих ареалов. На РС нет других мест с таким набором мерянских индикаторов. Недифференцирующий, рассматриваемый как прибалтийско-финский изолированный ареал в сгустке изоглосс становится идентифицирующим, но не прибалтийско-финским.

Если названия с детерминантом *-конда* являются важско-мерянскими, становится понятным, почему трудно найти адекватные этимологии основ этих названий в прибалтийско-финских языках. Но тогда, как бы ни были деформированы основы, должны обнаружиться мерянские параллели. Есть два достаточно показательных дифференцирующих случая.

Название *Вошконда* находится близ топонима *Вожбала*, поэтому логично реконструировать более раннее **Вожконда*. Поскольку *Вожбала* уже интерпретировано на мерянской почве, как "Поселение на притоке" (*вож* < мерян. **βož* 'приток')[12], **Вожконда* означает 'Дом (выселок, хутор, семья, род) на притоке'.

Название поля *Печконда* содержит одну из самых распространенных мерянских основ *печ* 'сосна' (ср. в ИМЗ: *Печегда, Печехра* и т.п.).

В других случаях этимология не установлена, но есть убедительные соответствия в топонимии ИМЗ: *Сороконда* и *Сорбало* (Поважье) – *Соренжа, Сорож, Сорохша, Сорохта* (ИМЗ); *Кероконда* и *Кера, Керогда* (Поважье) – *Кера, Керакса, Керома* (ИМЗ); *Нарконда – Наромша, Нарошма* (ИМЗ); *Ширконда – Широкша* (ИМЗ).

В заключение заметим, что в истоке детерминанта *-конда* в равной мере можно представить слово, родственное фин. *kontu* и фин. *kunta*. Любое из них могло быть в составе языка и топонимии важских мерян. Какое именно – трудно определить. Но для лингвоэтнической идентификации в данном случае определяющим являлся специфический ареал, коррелятивный с другими аналогичными ареалами.

Примечания

1 См.: *Матвеев А.К.* Субстратная топономия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996, № 1. *Он же.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998, № 5. *Альквист А.* Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ 1997, № 6. *Она же.* Меряне, не меряне... // ВЯ 2000, № 2, 3.

2 *Европеус Д.П.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей. СПб., 1874, 12.

3 *Kalima J.* Einige russische Ortsnamentypen // Finnisch-ugrische Forschungen. Band XXVIII. Heft 1–3. Helsinki, 1944, 114–116.

4 *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994, 59, 106–107.

5 Подробности см.: *Матвеев А.К.* Древнее население севера Европейской России. Опыт лингвоэтнической карты I // Известия Уральского государственного университета, 13. Гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург, 1999.

6 См.: *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 92–93, 97–99.

7 *Itkonen T.I.* Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. Helsinki, 1958, 139.

8 *Альквист А.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia. T. XV. Helsinki, 1998, 8–10. *Она же.* Меряне, не меряне // ВЯ 2000, № 3, 84, 90.

9 *Попов А.И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия (сборник статей). Л., 1974, 19.

10 *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 98–99.

11 *Альквист А.* Меряне, не меряне... // ВЯ 2000, № 3.

12 *Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен?, 98.

О.А. Теуш

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. *РАДА*[1]

Слово *ра́да* является одним из самых "темных" географических терминов, зафиксированных в диалектах Русского Севера. Основные значения этой лексемы, по данным картотеки Словаря говоров Русского Севера (в дальнейшем – КСГРС[2]): 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее кустарником и/или мелким лесом', 'труднопроходимая лесная чаща на сыром месте'; реже фиксируются значения 'заболоченное место на берегу реки', 'влажный слой почвы'. В СРНГ приводится широкий спектр оттенков двух основных значений: 'болото', 'болото, поросшее мелким (обычно хвойным) лесом', 'болото, поросшее кустарником', 'сухое место на болоте, обычно поросшее лесом', 'часть леса, примыкающая к болоту или тундре', 'низкое сырое место, поросшее травой', 'лужа в болотистой местности' (СРНГ 33, 245), Лексема имеет большое количество дериватов (*ра́дан, ра́дежка, ради́на, ради́нка, ра́дица, ра́дичка, ра́дишка, ра́дка, ра́дник, ра́дови́на, радови́нка, ра́дочка*), варьирующих в семантике основные значения (КСГРС) ср. также *ра́дина* 'болотистое место', *ра́дица* 'небольшое торфяное болото', *ра́дичка, ра́дочка* 'небольшое моховое болотце, иногда поросшее кустарником или мелким лесом' (СРНГ 33, 248–249). Следует отметить имеющее несколько иную семантику *ра́дина* 'старое заросшее русло реки', 'заросшее озеро', 'родник' (КСГРС).

Лексема и ее производные распространены, по данным СРНГ, на Европейском севере России и в Сибири (арханг., волог., олон., КАССР, Коми АССР, печор., сиб.) (СРНГ 33, 245, 248–249)[3]. Подобный ареал типичен для финно-угорских заимствований, каковым слово *ра́да*, изолированное в русском языке и не имеющее параллелей в других славянских языках, скорее всего, является.

В этимологическом словаре М. Фасмера (III, 429) лексема *ра́да* 'болотистое место, поросшее лесом' отнесена к словам неясного происхождения. Здесь М. Фасмер следует за Я. Калимой, который, рассматривая фонетически близкое олонецкое *ря'дега* 'небольшой частый еловый лес', приводит в качестве этимонов карел. *reädä*, фин. *räätä*, род. п. *räädän* 'смешанный лес из ели и сосны' и говорит о том, что это слово не нужно смешивать с *ра́да*, которое выглядит как заимствование, но неясно по происхождению[4]. Сопоставление с карел. *reädä*, фин. *räätä* было, однако, воспринято в качестве этимологии рус. *ра́да* и цитируется, хотя и со знаком "?", в ряде работ[5].

Против этой версии несколько обстоятельств. Во-первых, выведение рус. *ра́да* из карел. *reädä*, фин. *räätä* невозможно в фонетиче-

ском отношении: в русских заимствованиях приб.-фин. *ä* обычно соответствует рус. *'а* или *е*, а приб.-фин. *ää* – рус. *'а*, что установлено Я. Калимой[6]. Передача приб.-фин. *ä* (*ää*) через рус. *а* возникает на почве русского языка и встречается лишь в нескольких фонетических позициях: после заднеязычных (например, рус. *кап* 'наплыв на стволах, ветвях и корнях деревьев, возникающий в местах обильного развития побегов и разрастания тесно сидящих почек' < фин. *kääpä* (местами *kääppä*) 'кап, наплыв дерева; губчатый нарост березы (или другого дерева) на стволе', ижор. *käpä, käppä* 'губка березы (материал трута)', карел. *keäpä* то же[7]) и после твердых шипящих[8]. В случае *ра́да* нет никаких фонетических условий для возникновения из **ряда*, притом что начальное *ря-* сохраняется в *ря́дега* (ср. также *ря́дога, рядо́шка* 'молодой густой лес' (КСГРС)) и обычно для финно-угорских заимствований в севернорусских диалектах (ср. *рям* 'болото, поросшее мелким лесом, кустарником', *ряпоча́га* то же, *ря́чкать* 'стучать, ударять', *ря́мега* 'иней, изморозь' и др. (КСГРС)).

Другая сложность сопоставления *ра́да* с карел. *reädä*, фин. *räätä* – в объяснении семантики. Для прибалтийско-финских слов Н.Н. Мамонтова и И.И. Муллонен приводят следующие значения: карел. *rätü, reädä, räčeikkö* 'молодой густой ельник', вепс. *ŕäde* 'еловая чаща, густой ельник', фин. *räteikkö, räseikkö* 'бурелом, местность, поросшая частым лесом, ивняком'[9]. Семантический переход 'молодой еловый лес; густой лес' > 'низкое болотистое место, поросшее лесом' возможен, но малочастотен, тем более, что в семантике слова *ра́да* сема 'заболоченность' доминирует над семой 'лес', что при исходном 'молодой густой ельник' трудно объяснить. Еще сложнее в этом случае выявить логику развития таких значений, как 'старое заросшее русло реки', 'заросшее озеро', 'родник', зафиксированных у слова *ра́дина*. Семантическая близость[10] лексемы *ра́да* к *болото* особенно ярко проявляется в параллелизме их производных: *подра́дье* 'небольшой редкий лес на болоте', 'сырое место на краю болота' – *подболо́тье* 'топкое место возле болота', 'сырой луг', *сура́да, сура́дка, су́ра́док, сура́дочек, сура́дочка, сура́дье, сура́ток* 'низменное, сырое, болотистое место, иногда поросшее мелким лесом' – *су́боло́ток, су́болотина, суболо́точек, су́болоть, су́болотье* 'небольшое болото', 'низменная, сырая местность возле болота', 'мелкий редкий лес на болоте' (КСГРС).

Иные этимологические версии происхождения рус. *ра́да* еще менее убедительны, чем рассмотренная этимология.

Л.А. Ивашко предполагает в качестве источника фин. *raita*, карел. *raid* 'выгон, пастбище'[11]. Это сопоставление несостоятельно как в фонетическом (неясно, каким образом приб.-фин. *ai* преобразовалось в рус. *а* при обычном *ай*), так и в семантическом отноше-

нии (переход ‘пастбище’ > ‘болото, поросшее лесом’ вряд ли может быть убедительно объяснен).

Предположение Л.М. Михайловой о связи *ра́да* с фин. *raate* ‘вахта трехлистная, трифоль’[12] имеет больше оснований. Действительно, семантический переход ‘болотная растительность’ > ‘болото’ встречается. Сложность в другом: автор восстанавливает трехчленный переход ‘болотное растение’ > ‘болото’ > ‘лес на болоте’, в котором первые два звена достоверно не зафиксированы. Приведенное в словаре Г. Куликовского *ра́да* ‘болотный мох’, записанное в одном населенном пункте (Олон: Чурьега) (Куликовский, 98) и не подтвержденное другими источниками, вряд ли может служить доказательством построения Л.М. Михайловой. Скорее всего, в данном случае мы имеем окказиональное обратное образование по схеме ‘болото’ > ‘мох, растущий на болоте’, ср. рус. *ра́дник, ра́довый мох* ‘мох, растущий на заболоченном месте (*ра́де*)’ (КСГРС). Слабым местом сопоставления Л.М. Михайловой является и попытка связать семой ‘растение’ в общем достаточно далекие друг от друга мох и трифоль. Указаний же на употребление слова *ра́да* в значении ‘вахта трехлистная’ в словарных и полевых источниках нет.

Этимоном рус. *ра́да* не может быть и коми иж. *рада* ‘болотистый лес’, которое само является заимствованием из русского (Лыткин-Гуляев, 239).

Отсутствие надежной этимологии лексемы *ра́да* при наибольшей вероятности ее происхождения из финно-угорских языков позволяет продолжить поиск этимонов. На наш взгляд, слово *ра́да*, несмотря на фонетические различия[13], может быть сопоставлено с карел. ливв. *redu* ‘грязь, слякоть’, люд. *redu* ‘грязь’, вепс. *redu, ŕedu* ‘грязь, ил’; производные: ливв. *reduńi, -ine, -hine, -hińi* ‘грязный’, люд. *redustada* ‘загрязнить’, вепс. *redukaz, redusīne* ‘грязный’, *redustta* ‘загрязнить” (SKES, 773). ср. также ижор. *retu* ‘грязь, слякоть’ (SSA 3, 68), фин. *olla retuperälla* ‘быть запущенным’ (ФРС, 524), фин. *retu syö*, карел. *retusilmä* ‘грязное, немытое лицо; бес, черт; (леса) черт’ (SSA 3, 68). В прибалтийско-финской топонимии ливв., люд., вепс. *redu* ‘грязь’ часто встречаются в названиях низменных болотистых мест, озер с топкими берегами: зал. *Redulakši*, ур. *Redukorbi*, поле *Reduińe*, оз. *Redulamb*, бол. *Reduorg*, пок. *Редушки* и др.[14]. Ср. также в субстратной топонимии Русского Севера: бол. *Редега* (Волог: Ваш), оз. *Редаозеро, Редозеро*, руч. *Редручей* (Арх: Карг; Волог: Выт), б. д. *Редумузь* (Волог: Баб, Кад)[15].

Семантически этимология приемлема. Информанты довольно часто описывают *ра́ду* как грязное место: “*рада – грязное болото, большое, на ём ключи*” (Вил, Лыковская), “*идешь по дороге в лес: место сырое, грязное – вот и рада*” (Холм, Наволочек), “*болота с кочками, а рады-те – это грязь*” (Пин, Пиремень), “*рада лесистая,*

а сыро; есть очень грязные рады" (Холм, Конокса), "*ой, говорят, в какую раду забрались: сырая, зыбкая, грязная*" (Шенк, Ивлевская) (КСГРС). В пользу предложенной этимологии и фиксация слова *ра́да* в значении 'влажный слой почвы': "*лес густой и шастой стоит, а внизу – влажна пошва, пошва и есть рада*" (Холм, Осередок) (КСГРС). В отношении модели ср. русские производные от *грязь: грязь* 'топкое место, болото' (Арханг. словарь 10, 119); 'сырое топкое место' (КСГРС), *грязни́к* 'топкое место' (СРНГ 7, 189), *грязнота́* 'вязкое болотистое место' (Вологодский словарь 1, 133), *грязну́ха* 'сырое топкое место' (КСГРС), *грязо́вье* 'пожня на низменной болотистой местности' (Подвысоцкий, 35).

Абсолютными синонимами приведенных для сопоставления прибалтийско-финских слов являются карел., ливв. *liga*, люд. *l'iga, lige* 'грязь, ил', фин. *lika* 'грязь, слякоть' (SKES, 294). В SKES толкование одного слова дается через другое: ср. ливв. *redu* 'lika, ...', люд. *redu* 'lika', вепс. *redu, ŕedu* 'lika, ...'; ливв. *reduńi, -ine, -hine, -hińi* 'likainen,...', вепс. *redukaz, redusīne* 'likainen' (SKES, 773). Карел., ливв. *liga*, люд. *l'iga, lige* послужили источником рус. *ли́га, лы́га* 'грязное сырое место (по берегу реки, озера, в лесу)', 'лужа' (Волог: Баб)[16], семантика которых очень близка к корпусу значений лексемы *ра́да*.

Подобный переход прибалтийско-финского слова, не имеющего географического значения, в русский географический термин можно видеть также в фин. *liiva* 'ил, грязь, разбавленная кашеобразная или мокрая масса', *liva* 'слизь', карел. *liiva* то же, ливв. *liivu* 'ил', люд. *liv, live* то же (SKES, 294) > рус. *льва*, имеющее наряду с 'лужа', 'яма с водой' значения 'низменное болотистое место', 'сырое грязное место', 'сырое болотистое место в лесу, поросшее кустарником или мелким лесом', 'низкий заболоченный берег', 'заросшее озеро или русло реки', 'ключ, родник' (КСГРС)[17]. Ср. также саам. патс. *n'ieššᴱ*, нот. *neäššᴱ*, йок. *niešše*, норв. саам. *njæšše* 'сор', 'мусор', 'хлам', 'грязь', 'слякоть' > рус. *ня'ша* 'ил, тина', 'жидкая, вязкая грязь' и 'заболоченная низина', 'топкое место на болоте' (КСГРС)[18].

Семантическая модель 'грязь' > 'низкое, сырое, заболоченное место (возможно, поросшее лесом, кустарником)', не отраженная в словарях для лексем *lika, liga, liiva* и *retu, redu* и отражающаяся в заимствованиях из этих источников в русском языке, представлена в других прибалтийско-финских лексических гнездах. Здесь может быть приведен ряд примеров. Фин. *loka* 'грязь, слякоть', ливв. *loga* 'грязь, слякоть, мокрота', люд. *loga* 'слизь, сопля' (SKES, 301; SSA 2, 89) этимологически связаны с вепс. *loga* 'небольшая долина в глухом дремучем лесу; ложбина, овраг, низина; сырое болотистое место', карел. *loka, loga* '(обычно низкий, сырой) покос; грязь, лужа'[19]. От фин. *rapa* 'гуща, густой осадок; грязь, слякость; ил, тина, болот-

ный ил', ливв. *rapa, raba* то же, люд., вепс. *raba* 'гуща, густой осадок' (SKES, 735; SSA 3, 49) производно фин. *rapa* 'водянистая болотистая земля', *rapakko, ropakko, rapeikko* 'лужа, болотистое место', карел., ливв. *rapakko, ropakko* 'грязное место, лужа' (SKES, 735), ливв. *rapeikko* 'грязное сырое место'[20], которые, возможно, являются источником рус. *ра́пага* 'труднопроходимое заболоченное место, поросшее мелким лесом, кустарником' (КСГРС). Близко по модели и являющееся источником рус. *ря́м, ря́ма* 'болото, поросшее мелким лесом, кустарником' (КСГРС)[21] лексическое гнездо, включающее фин. *räme, rämeikkö, rämikkö, rämäkkö* 'болото, поросшее чахлыми деревьями', карел. *räme* то же, *rämeh* 'край болота, поросший молодым лиственным лесом', ливв. *rämeikkö* 'болотистое место; бурелом, чаща; испорченный, плохо растущий лес', *rämiekkö* 'болотистая местность', *rämejikkö* 'частый молодой лес' (SKES, 911; SSA 3, 125), которые этимологически связаны с фин. *rämä, rämy* 'разорванная, плохая вещь, хлам', ливв. *rämä* 'хлам, мусор' (SKES, 912; SSA 3, 126).

Семантический переход 'грязь' > 'низкое, сырое, заболоченное место, поросшее лесом, кустарником' (основное значение лексемы *ра́да*) обоснован экстралингвистически: в отличие от мохового или торфяного болота в местности, поросшей травой, кустарником, деревьями, верхний слой почвы образуется из перегноя, который при заболачивании превращается в грязь. То, что *ра́да* не является болотом, хотя сема 'заболоченность' выражена в большинстве значений, особо подчеркивается в объяснениях информантов: "*рада – сыро-сырое место такое, мокрое, но не болото*" (Холм, Борок), "*только рады есть, а болота нет: рада, она лесная, в ней и морошка есть, её и не сравнишь с болотом*" (Холм, Горка), "*болото болотом, а рада радой*" (Он, Пянтино), "*рада – это не болото: болото большое и чистое, а это такое сырое место, и растет кустарник маленький*" (В-Т, Ошевская) (КСГРС). Формулировка значения *ра́да* в виде 'болото', данная в СРНГ (33, 245), скорее всего, является неточной дефиницией, по крайней мере, более сотни контекстов в КСГРС не дают оснований для выделения такого значения.

Фонетическая сторона предложенного сопоставления рус. *ра́да* с карел. ливв. *redu*, люд. *redu*, вепс. *redu, ŕedu* представляется более сложной. Если это построение верно, то здесь мы имеем дело с соответствием прибалтийско-финского *e* русскому *a*, которое было выявлено А.К. Матвеевым[22]. В диалектах Русского Севера это соответствие усматривается в следующих словах: *ва́гмас* 'сырое место, заросшее лесом; заболоченный лес с буреломом и кустарником' (~ фин. *vehmas* 'зеленеющий, цветущий, обильный, пышный, густой', *vehmasto* 'очень густой лиственный лес или кустарник'), *вахка*

'трилистник' (~ фин. *vehka*, ливв. *vehku*, вепс. *vehk* 'белокрыльник', люд. *vehk* 'трилистник'), *марда* 'рыболовное устройство; верша, мережа' (~ фин. *merta*, карел. *merda* то же)[23]. В топонимии указанное соответствие отражено в основах *Лайб-* (~ фин. *leipä*, карел. *leibä*, ливв. *leibü*, люд. *leib, leibü*, вепс. *leib* 'хлеб'), *Лахм-* (~ фин., карел. *lehmä*, ливв. *lehmü*, люд. *lehm, lehmü*, вепс. *l'ehm* 'корова')[24] и форманте *-палда* (~ фин. *pelto*, ливв. *peldo, pелдo*, люд. *pелд, pелдo* 'поле')[25]. В географической терминологии Русского Севера соответствие прибалтийско-финского *е* русскому *а* установлено также для широко распространенной лексемы *шалга* 'возвышенность, покрытая лесом', 'участок леса', 'густой труднопроходимый лес', 'делянка' и др. (~ карел. *šělgä* 'возвышенность, покрытая лесом')[26]. Ареал этого слова на территории Русского Севера[27] охватывает большую часть Архангельской области (Арх: Вель, В-Т, Карг, К-Б, Мез, Нянд, Он, Плес, Прим, Уст. Холм, Шенк (КСГРС)), за исключением крайнего юго-запада, примыкающего к Белозерью, и в целом укладывается в зону распространения рус. *ра́да* (Арх: Вель, В-Т, Вил, Вин, Леш, Мез, Он, Пин, Плес, Прим, Холм, Шенк (КСГРС)), незначительно выходя за ее пределы. Не означает ли это, что обе лексемы восходят к одному вымершему финно-угорскому языку Заволочья?

В ареале лексемы *ра́да* зафиксировано еще одно загадочное русское диалектное слово – апеллятив *ла́ма* 'болотистое место, поросшее травой, кустарником, мелким лесом', 'сырое место, овраг в лесу', 'большое кочковатое болото', 'топкое место на болоте', 'небольшое озерко в лесу' (Арх: В-Т, Пин) (КСГРС), 'болотистый луг' арханг. (СРНГ 16, 252), встречающийся также в топонимии: *Ла́ма*, поле, пок. (В-Т), пок. (Холм.), поле (Шенк). На первый взгляд, для этого слова напрашивается сопоставление с карел. ливв. *laama* 'заводь в устье реки, где движение воды еще скрыто', фин. *laami, laamu* 'пруд, лужа'[28], однако оно не объясняет всей семантики слова. Для апеллятива *ла́ма* может быть предложена этимология фонетически и семантически близкая к изложенной выше версии происхождения слова *ра́да*. Источником для северно-русского *ла́ма* могла послужить лексема вымершего финно-угорского языка, родственная фин. *lemi* 'сырое болото; сырой луг', карел. *lemi, leme(j)ikkö* 'топь, сырое топкое место на болоте; мох, растущий на топком болоте; грязь, ил; трясина', ливв. *lemi* 'трясина, топь; тина, ил; небольшая лужа; родник', *lemikkö, l'emikkö, lemižikkö* 'илистое грязное место; довольно большое вязкое пространство с трясиной, зыбунами', люд. *lemi, l'emi, lemu* 'ил, трясина, мох на воде (в болоте)', *lemižikk, lemužikk* 'верхний слой мха над водой в болоте, который проваливается под ногами идущих по нему'[29], ср. восходящее к карельскому *lemi* 'олонецкое *ле́ма, ле́мица* 'трясина, зыбун'[30].

Примечания

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 00-15-98836 – поддержка ведущих научных школ).

[2] Картотека хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета.

[3] СРНГ указывает также на фиксацию слова в Калужской области (расположенной далеко от основного ареала), что вызывает большие сомнения, которые, однако, нельзя разрешить, так как в словаре ни контекст, ни источник, откуда взято слово, не приводятся.

[4] См.: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (MSFOu, XLIV), 209.

[5] См., например: *Лыткин – Гуляев*, 239; *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000, 462.

[6] См.: *Kalima J.* Op. cit., 52–53.

[7] *Мищенко О.В.* Названия внешних новообразований на деревьях в говорах Русского Севера II // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. I. Екатеринбург, 2000, 126–130; см. также: *Kalima J.* Op. cit., 53.

[8] См.: *Kalima J.* Op. cit., 53.

[9] *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991, 83.

[10] Речь идет именно о близости, но не о тождестве семантики лексем *ра́да* и *болото*, о чем см. ниже.

[11] См.: *Ивашко Л.А.* Заимствованные слова в печорских говорах // Учен. зап. ЛУГ. № 243. Серия филологических наук. Вып. 42. Л., 1958, 89.

[12] См.: *Михайлова Л.П.* Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986, 82–83.

[13] См. об этом ниже.

[14] *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Указ. соч., 79.

[15] *Матвеев А.К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970, 392.

[16] *Субботина Л.А.* Заимствования в географической терминологии Белозерья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984, 58.

[17] Этимология принадлежит Я. Калиме, см.: *Kalima J.* Op. cit., 157.

[18] Этимологию см. в: *Itkonen T.I.* Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tiedeakatemian Toimituksia. Ser. B. Helsinki, 1931. Bd. XXVII, 55.

[19] *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Указ. соч., 55.

[20] Там же, 79.

[21] Этимологию см.: *Kalima J.* Op. cit., 210.

[22] См. подробнее: *Матвеев А.К.* Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимии Русского Севера // Советское финно-угроведение 1968 № 2, 121–126.

[23] *Он же.* Об одной фонетической особенности севернорусских апеллятивных заимствований из финских языков // Вопросы советского финно-угроведения. Тез. докл. и сообщ.: на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР. Саранск, 1972, 18.

[24] *Он же.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, 427–428.
[25] Там же, 292–293.
[26] *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001; 173; этимологию см. в: *Kalima J.* Op. cit., 244–245.
[27] За пределами Архангельской и Вологодской областей проследить распространение этих слов сложно, поскольку в лексикографических источниках географические пометы даны недостаточно конкретно.
[28] *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Указ. соч., 49.
[29] Там же, 53.
[30] *Kalima J.* Op. cit., 151.

Сокращения

1. Географические названия

Арх – Архангельская область
Баб – Бабаевский район Вологодской области
Ваш – Вашкинский район Вологодской области
Вель – Вельский район Архангельской области
Вил – Вилегодский район Архангельской области
Вин – Виноградовский район Архангельской области
Волог – Вологодская область
В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
Выт – Вытегорский район Вологодской области
Кад – Кадуйский район Вологодской области
Карг – Каргопольский район Архангельской области
К-Б – Красноборский район Архангельской области
Леш – Лешуконский район Архангельской области
Мез – Мезенский район Архангельской области
Нянд – Няндомский район Архангельской области
Олон – Олонецкая губерния
Он – Онежский район Архангельской области
Печор – бассейн р. Печоры
Пин – Пинежский район Архангельской области
Плес – Плесецкий район Архангельской области
Прим – Приморский район Архангельской области
Сиб – Сибирь
Уст – Устьянский район Архангельской области
Холм – Холмогорский район Архангельской области
Шенк – Шенкурский район Архангельской области

2. Обозначения географических объектов

б.д. – бывшая деревня
бол. – болото
зал. – залив
оз. – озеро
пок. – покос
руч. – ручей
ур. – урочище

3. Словари и источники

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета).

ФРС – Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–1995.

В.Н. Субботина

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛ. АРХАНГ. *ВОРИ́ТЬ, ВА́РАТЬ*
(К проблеме взаимодействия заимствованной и исконной лексики)

В архანг. говорах зафиксирован глагол *вори́ть* 'соображать, думать, понимать' (*Боле лихо, дак не вори́т голова-то боле.* Арханг. словарь 5, 87). *Ворить* может быть признано родственным литер. и диал. *вари́ть* 'соображать, понимать' – *голова/котелок варит* (переносное значение от *вари́ть* 'готовить еду'), если принять отмеченную Р.И. Аванесовым особенность – появление неэтимологического *о* вместо *а* в окающих говорах в первом предударном слоге, например *зобо́р, стока́н, долёко*[1]. Такое толкование могло бы быть принято, если бы не был известен глагол *ва́рать*, формально итератив к *ворить: ва́рать* 'соображать, понимать' (*Ницео не ва́раю*), 'соблюдать к.-л. правила, поклоняться ч.-л.' (*Ва́рать – я ничего не ва́раю – ни Бога, ни чёрта, по празникам стирайеш и мойеш – вот это и называйецця ва́рать. А я не ва́раю.* Арханг. словарь 3, 44). Дело в том, что у *варать* обнаруживаются соответствия в южнославянских языках. Это, прежде всего, словен. диал. *varati* 'замечать, наблюдать', с.-хорв. диал. *vàrati* 'беречь, сторожить', 'следить, присматривать', с которыми генетически отождествляются с.-хорв. *vàrati* 'обманывать, мошенничать, жульничать', словен. *varati* 'обманывать, надувать'. В словенском этимологическом словаре М. Сноя эти глаголы признаются заимствованиями, источник – др.-в.-н. *warôn* 'сохранять, сторожить', семантикой которого и объясняется реконструируемое Сноем первичное значение южнослав. глаголов 'смотреть, замечать, беречь, сторожить' (Snoj 705). Семантика 'обманывать, мошенничать' развивается в производных префиксальных глаголах (Brückner 601; Snoj 705).

В русском языке имеется также другой глагол, связываемый исследователями с упомянутой выше южнославянской группой, а именно – *ва́ровать* 'сохранять, защищать'. Русск. *варовать*, как и

укр. *варувáти*, чеш. *varovati*, слвц. *varovat'*, польск. *warować*, словен. *varovati*, с.-х. *вaровати* в этимологической литературе со времен словаря Миклошича рассматривается как германизм (Miklosich 375; Фасмер 1, 275), точнее – как производное с суф. *-ova-* от **vara*, которое заимствовано из герм. **warō* 'внимание' (Snoj 706). Исключением является только трактовка Махека, который считал чеш. *varovati* 'заботиться, остерегаться, почитать' исконным отыменным образованием от **vara* (польск. *wara* 'внимание', Machek[2] 678), родственного упомянутой германской группе. Семантика глагола *варовать* в современных русских говорах не ограничивается упомянутым Фасмером значением 'сохранять, защищать', которое прослеживается также в истории языка. (В словаре Срезневского отмечаются *варовати* 'сохранять, защищать' и *вароватися* 'беречься' (Срезневский 1, 229)). В СРНГ (4, 58) для *вáровать* фиксируется семантика 'поступать сообразно чьим-либо советам, слушаться'. Это значение, скорее всего, развивается из 'охранять'. Также в СРНГ (4, 57–58) выделяется значение 'верить' (печорск., беломор., арханг.). Оно может быть как производным от 'охранять', так и свидетельством сближения лексемы *варовать* с глаголом *веровать* вследствие фонетического сходства. Интересно, что в русском фонетическая близость сказалась на появлении у *варовать* нового значения, тогда как в польском изменилась форма слова: польск. *warować* в 15–16 вв. имело вариант *wiarować*, который Брюкнер объясняет влиянием *wiara* 'вера', отмечая отсутствие такого варианта в других славянских языках (Brückner 601).

Особенно богатый материал относительно семантики *вáровать* представлен в Архангельском словаре. По данным Архангельского словаря и картотеки, у *варовать*, помимо перечисленных выше, выделяются значения 'следить, присматривать' (*Она за внучкой не вáруйет*), 'бояться, остерегаться' (*Мазался я, не вáруют никакой мази* (о комарах), *Дожжа-то самолет не вáруйет; рази только туман, погодьйе если, так и не летит. Они грамотныэ, никого не вáруют, никого не бойацця*), 'соображать, понимать' (*У него семья, а ничего не вáруйет, пьйот. Лист вымáш, она уш ницёго не варуйет, горяце берет*), 'чувствовать' (*Ницё не вáрую как засплю*). Некоторые из этих значений гл. *варовать* могут быть связаны с семантикой исходного германизма (т.е. семантикой охранения) – таким развитием представляются значения 'следить, присматривать' и 'бояться, остерегаться'.

Возникает, однако, вопрос о происхождении значений диал. *варать* и *варовать* 'соображать, понимать' и 'чувствовать'. Только с большой долей сомнения источником этой семантики для *варать* и *варовать* можно счесть значение, полученное из заимствования, – 'сохранять, сторожить' → 'замечать, наблюдать' → 'соображать,

понимать'. Рассматриваемые значения представляют совершенно иную сферу и их происхождение может быть иным.

Видимо, необходимо обратиться к лексике, близкой рассматриваемому глаголу по формальным и семантическим характеристикам, которая могла повлиять на образование этих значений.

Источником семантики ментальной активности могут быть исконно русские образования. Возможно, по крайней мере, влияние двух этимологических гнезд. Прежде всего, *варовать* могло быть соотнесено с лексемой гнезда *варить* 'готовить еду' – *поварóвать* (СРНГ 27, 223): о развитии семантики 'варить, готовить еду' → 'понимать' см. выше.

Другое русское этимологическое гнездо, которое могло повлиять на возникновение у *варовать* и *варать* семантики 'понимать' – гнездо с исходным глаголом *верáть* 'плести, связывать, запирать, поворачивать'. Возможность связи *варовать* с гнездом *верать* обнаруживается в арханг. *вáрвить* 'соображать, понимать': *Што говориш, не вáрвиш несколько* (Арханг. словарь 3, 44). Этот глагол образован от существительного с основой *варв-* (диал. *вáрвина, варóвина*) со значением 'просмоленная веревка' (этимологически это производное от **verti* – *вьрвь* > *вервь*, преобразованное под влиянием *вар* 'смола'). Вероятно, в *варвить* мыслительная деятельность сравнивается со связыванием, увязыванием с помощью веревки (ср. ту же мотивацию в литер. *несвязные мысли, обрывки мыслей*). Кроме того, в гнездо *верать* Л.В. Куркиной включен глагол воронеж., курск. *вáраться* 'делать что-либо слишком медленно и неумело, долго возиться, копаться'[2]. Представляется, что это значение также могло стать источником семантики 'соображать, понимать' (ср. *перебирать в уме*).

Учитывая отмеченную реальность развития семантики ментальной активности в славянских глаголах *варить, варвить, вараться*, можно предполагать, что появление *варовать* и *варать* в значении 'соображать, чувствовать' в архангельских говорах является не просто имманентным развитием унаследованной семантики германизма 'беречь', а скорее результатом влияния омонимичных и паронимичных глагольных основ исконно русского происхождения.

Ср. приведенный выше более яркий случай влияния исконной лексики на семантику германизма – *варовать, варать* 'верить'.

На фоне этих случаев семантических преобразований заимствований в русском языке представляется вероятным подобное же происхождение и семантики южнославянских глаголов 'обманывать, мошенничать', существенно отклоняющихся от глагола-источника. Эти отклонения объясняют обычно развитием семантики в префиксальных производных глаголов (Brückner 601, Snoj 705). Другим объяснением может быть влияние со стороны исконно славянской лек-

сики гнезда **ver-* 'поворачивать, запирать, вязать' (ср. гипотезу Ж.Ж. Варбот об образовании ю.-слав. **varati*[3]), которое в русском языке дало, в частности, *врать* и *вор*.

С глаголом *варать* можно связать как производные некоторые диалектизмы.

Возможно, экспрессивным вариантом к *ва́рать* является арханг. *ва́рдать: Никаково дожжа не ва́рдают; не ва́рдают, в лес ходят* (Арханг. словарь 3, 45), хотя экспрессивное наращение *-д-*, в отличие от широко распространенного глухого варианта *-т-*, встречается редко. В словаре семантика *вардать* определяется как 'соображать, понимать', но, судя по приведенному контексту, значение следует определить 'бояться, остерегаться'. Следовательно, семантика *вардать* 'остерегаться' ближе к исходному германизму, чем к *варать* в русском языке. Также первичная семантика заимствования сохранилась в производном прилагательном *ва́рный* 'заботливый': *У его мать така варна была, принесе сметану, молоко* (Словарь Карелии 1, 164).

Прилагательное *ва́рой* 'способный соображать, находящийся в рассудке' (*Сколько время блажыла, не ва́ра была.* Арханг. словарь 3, 51) также может быть производным от *ва́рать* 'соображать, понимать'. Но ср. и *варить* 'готовить еду' → 'соображать'.

С другой стороны, от исконно русского воронеж., курск. *ва́раться* 'делать что-либо слишком медленно и неумело, долго возиться, копаться' (СРНГ 4, 44) образовано, вероятно, карел. *пова́рать* 'нащупать, отыскать ощупью' (Словарь Карелии 4, 579) – отыскивание, нащупывание в темноте неизбежно медленно и неумело.

Примечания

[1] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949, 64.
[2] *Куркина Л.В. Варакать* // Этимология 1965. М., 1967, 188.
[3] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV // Этимология 1974. М., 1976, 41.

Т.В. Горячева

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

заморо́зить верхушку

В русских говорах Башкирии записано (s.v. *верхушка* в не определенном составителями значении) выражение *заморо́зить верхушку* ‘просватать’ (Словарь Башкирии 1, 60). Что же такое *верхушка* в данном случае? Это может быть верх, вершина законченного дела (сватовства), ср. выражение *купленому золотой верх* (о могарычах) (Даль[2] I, 183). Возможно, также имеется ввиду вершина дерева. Ср. русские народные загадки, где фигурируют золотой верх, золотая верхушка дерева: “Полдуба сухова, Полдуба сырова, Да макушка золотая” (пост, мясоед, Пасха)[1], “Триста орлов, пятьдесят соколов, дерево сухое, верх золотой” (будни, воскресные дни и Пасха”)[2]. В русских свадебных обрядах верхушка дерева, которое “заламывается”, отождествляется с девушкой, которую сватают; так, например, в сибирской свадебной песне (часть свадебного ритуала “бранье”) поется:

Кругом солнце обошло
Рядом бояре ехали
Вершину у рябинушки сломили,
Коням под ноги бросили.
– Топчите, кони, в е р ш и н у ш к у,
Стой, рябина, без верха;
Живи, батюшка, без дочери[3].

Здесь также уместно вспомнить словенский обряд borovo gostovanje, который толкуется как свадьба сосны или свадебный пир сосны, в котором именно в е р х у ш к а срубленной сосны оберегалась от посягательств чужих. Он исполнялся в с. Селе на Горишке в Прекмурье, на границе Словении и Венгрии. Накануне Великого поста молодежь притаскивала срубленное в лесу большое сосновое бревно. До этого *бор* – сосна охранялся ребятами из “своего” села, чтобы чужие не п о х и т и л и верхушку, тем самым осрамив их[4]. Сосну, ель в русских свадебных обрядах замещали елочка, сосенка, какой-либо куст, ветка, которые символизировали “деви́чю кра́соту” и наряжались. Их верхушку часто увенчивали птичье гнęздышко, свеча и т.д. Жених, кладя выкуп, задувал свечу[5]. Интересно, что в русской свадьбе охраняли и требовали также выкуп за обрядовый каравай: “В доме невесты он (охраняющий каравай. – *Т.Г.*) кладет на каравай шляпу, чтобы не украли, в противном случае ему надо выкупать каравай деньгами” (новг. – СРНГ 13, 67).

Сватая, "заламывали" верхушку, иногда веточку. В псковских говорах *зала́мывать* значит 'сватать девушку, получать согласие на брак' (Псков. словарь 11, 285). Интересно, что *зало́мки* м.мн. твер. значат 'ветки, втыкаемые в зимний след зверя, чтобы з а л о м и т ь е м у п у т ь, о с т а н о в и т ь е г о' (Даль[2] II, 596). В донских говорах записана игра в свадебный период под названием *лома́ть ве́тку*: "Пьють и гуляють, а тада *ламають ветку*. Біруть вишнёвую ветку, украшають, как ёлку, канфетами и лентами. Маладёш стараицца здёрнуть с – ветки украшение, а хто а х р а н я и т ь ветку, бьёть кнутом, нидапускаить" (Донск. словарь 1, 62). В среднеуральских говорах *веточку заломи́ть* – 'дать обещание' (Сл. Сред. Урала. Доп. 64).

В связи с охранением ветки, верхушки, видимо, находится и (более древний) фрагмент свадебного обряда – закрывание головы невесты (это также оберег от порчи). Платок, которым закрывают голову невесты, в русских говорах Карелии называется *маку́шка*; "закрыть *макушкой* невесту; как приедут с венчания, на подушку посадят, закрывают *маку́шкой,* платком" (СРНГ 3, 189). В северных деревнях покрывали платком (завешивали) после запоручивания. Это считалось окончательным актом свадебного договора. Девушка после сговора называлась "сговоренка", ходила в темном платке, "внахмурочку"... "до свадьбы на улицу почти не показывается"[6]. Вот описание одежды невесты (Пошехонский р-н Ярославской области), едущей к венцу: "Невеста едет в черном полушалочке. Когда едут к венцу, невесте глаза завязывали, чтобы домой не убежала, дороги не нашла: Вот ее и накрывали шалью"[7]. Обряд покрывания, "завешивания" невесты нашел отражение в фольклоре (фрагмент свадебного обряда – "бранье"):

В огороде цветок, орядили,
В высокий терем,
От солнца цветок,
Он тафтой покрыт,
Стерегут, берегут,
А смотреть не дают[8].

Дружку, шафера жениха (едущих верхом впереди свадебного поезда) называли *вершником*: "*Вершник* – шафер жениха. В свадебном поезде шафера обыкновенно едут впереди всех (в е р ш и н а) и едут верхом" (псков., осташк., твер., олон. – СРНГ 4, 176).

Что же такое *заморо́зить верхушку*? Это, возможно, как и заламывание, – остановка цветения дерева – невесты. Как заломленному дереву не быть дважды зеленому, так и невесте не быть два раза девушкой. Ср. противоположное блр. диал. *гарэ́ць*, имеющее также и значение 'цвести' (ЭСБМ III, 69).

Здесь следует также оговорить возможность существования у выражения *заморо́зить верхушку* первоначального более узкого

значения 'выпить по случаю сватовства', перешедшее в более широкое – 'просватать'. Так, глагол *примора́живать* в вологодских говорах значит 'выпивать по случаю покупки чего-л.' (СРНГ 31, 298). Ср. *вы́пить зави́рки* 'за вином, угощением договориться о свадьбе' (Псков. словарь 6, 32), а также *пропо́й делать* 'просватывать невесту, завершая сватовство выпивкой' (СРНГ 32, 210), в уральских говорах в сочетаниях, относящихся к свадебному обряду, *пропива́ть* означает 'завершать сватовство выпивкою, застольем'. В Вожегодском крае (Тотемский у. Вологодской губ.) *пропива́ние* было вторым названием сватовства[9].

Заморозить в выражении *заморозить верхушку* могло иметь также значение '*захватить' (ср. *захват* – 'повреждение растений утренниками, холодными туманами' (СРНГ 11, 144)) в свою с о б с т в е н н о с т ь, для оберега до свадьбы. Ср. онеж. *понима́нье* – 'отдача невесты жениху перед венчанием', арханг. 'обед, устраиваемый родственниками жениха для родителей невесты' (СРНГ 29, 261), а также *заня́ть невесту* 'выбрать, найти невесту' (Словарь Карелии 2, 165), *за́ймить* 'выбрать кого-н. (в игре, обрядовом действе)': "Парень берет девку, девка парня, стоят, приговаривают: "Ой, за́йми, за́йми, за́йми" (Словарь Карелии 2, 125). Интересно, что в уголовном жаргоне *за́нятая* значит 'беременная', *захвати́ть* – 'забеременеть' (БСЖ 217). В свадебной же терминологии *врата́ пойма́ть* – значит (в русских говорах Алтая) 'смотреть двор жениха' (Алтайск. словарь 1, 175). В Вологодской губернии существовал также обряд "захватывания", который имел место на масляниице, когда справлялись "перегостье", "перегостки", "перегостьба": "В Кирилловском у. тесть ездил за молодыми в среду. Его всегда у зятя угощали ("до пьяна"). В тот же день он уводил молодых к себе в гости... В пятницу, субботу и воскресенье молодые с братом молодухи (за кучера) ехали кататься. За три дня им надо было объехать всю волость. В каждой деревне лошадь останавливали ("захватывают"), заставляя молодых выйти из саней. Выйдя, молодая должна была поклониться на все четыре стороны и два раза мужу, затем снять с него шапку и поцеловать его. После этого снова надеть шапку, опять поклониться ему два раза и на четыре стороны и при этом сказать: "Не осудите люди добрые"! После этого их отпускали"[10].

Интересно записанное в псковских говорах слов *за́пест, а*, м. 'запрет, не позволяющий девушке участвовать в каком-н. танце': "Ра́за два аль три́ мне *за́пест* был хади́ть на лино́ву" (Псков. словарь 12, 32). Ср. *запестова́ть,* сов., кого 'завернуть в пеленки, запеленать' (там же), иначе з а д е р ж а т ь, з а х в а т и т ь, лишить возможности движения. Ср. также *песту́н* – 'самая толстая потолочная балка посередине потолка': "Сваха пришла, поставила табуретку под самый *пестун*, сказала: вишь, раз под пестуном сижу, то за доб-

рым делом пришла" (Элиасов 297). Ср. также зафиксированный в русских говорах Карелии глагол *замну́ть* (*замкну́ть*? – *Т.Г.*), который имеет не только значение 'сжать, стиснуть (о зубах)', но и 'с помощью колдовства как бы запереть деревню, не давать девушкам выходить замуж': "Наверно, деревня-то *за́мнута*, такое колдовство налажено, что никто не выходит замуж" (Словарь Карелии 2, 157). *Моро́зить верхушку* можно трактовать не только как 'захватить, лишить возможности роста, развития', но и 'оградить от внешнего воздействия, лишить общения, задержать'. Ср. блр. диал. *астыва́ць* незак. неодобр. 'долго задерживаться где-н.': "Пашоў к Сяргею да й *астывая* там"[11], яросл. *моро́женый* 'о нерасторопном, неповоротливом человеке' (Яросл. словарь (Липень – няучить) 59), а также русск. жарг. *замёрзнуть* 'притаиться', 'временно прервать связь с сообщниками, прекратить преступную деятельность' (БСЖ 205), угол. *льдина* – 'название одной из преступных группировок, члены которой отошли от соблюдения воровских традиций' (Там же 325–326), жарг. *моро́зить косяк* 'держать сигарету с марихуаной, не куря ее' (Там же 285). Интересно в связи с этим словинское выражение *Ostac na loʒe* 'остаться старой девой' (s.v. *lòd, lodu,* m. 'лед' – Sychta II, 371).

Ср. также жаргонное выражение *тя́пку заморо́зить* (молод. шутл.-ирон.) в значении 'зазнаться, начать вести себя высокомерно' (s.v. *тя́пка, -и,* ж. 'рука', 'человек, находящийся в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения', 'затяжка при курении' – БСЖ 607). Здесь *тя́пка*, вероятно, имеет значение 'рука', ср. англ. *cool hand* 'беззастенчивый' (s.v. *cool* 'прохладный, свежий'). Ср. также антонимичное *теплая рука* в пословицах "*Теплая рука* тороватого, холодная скупого". "Подать милостыню *теплою рукою*, благодушно" (Даль[2] IV, 399). Ср. также русское диалектное выражение *отдать те́плым рука́м* 'передать близким людям, в надежные руки' (Словарь Карелии 4, 288). "Теплая" рука – рука родного, близкого человека, родственника. Интересно, что выражение *горя́чая кровь* (*крови́нка*) в псковских говорах значит 'родной по крови человек', а также служит как ласковое обращение к собеседнику: "Ой, *кроф* ты мая́ *гарячя*, што маю́ жызнь спаминать!" (Псков. словарь 7, 145). Обычай свахи греть руки у печи во время сватовства также, возможно, признак желания п о р о д н и т ь с я. "Невеста (в Белозерском уезде Вологодской губ.) после благословения при выходе из избы (чтобы ехать к венцу. – *Т.Г.*) причитала: "Прощайте сусиди, сусидушки!", а потом обязательно дотрагивалась до печки, т.е. прощалась с родным очагом. При этом она замечала: если печка теплая, то свекровь будет добрая"[12]. Интересно, что в уголовном жаргоне существует выражение *печи щупать* в значении "готовиться к грабежу' (БСЖ 433). Ср. также шуточную присказку: "На его бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришел да р у к и п о г р е л" – о даль-

ней родне (Даль[2] III, 158), контекст, приведенный s.v. *горе́ть* в Псковском областном словаре: "Какая он мне рода. Рей (овин. – *Т.Г.*) гарел, да я погрелась – вот какая рода" (Псков. словарь 7, 106).

В русских свадебных обрядах существует также "обжигание рук". "Обжигают руки" родственники (мать жениха) при подаче каких-либо кушаний (обычно каши). Вот как описывается встреча молодых после венчания в Конаковском районе Калининской области: "После венца – на санки и везут к жениху. Родители – отец и мать выходят встречать у порога. Родители благословляют. Приносят три ложки молока. Жених хлебнет и невеста. Кашу мать несет, кричит: "Ой, руки ожгла", сваха достает полотенце"[13]. В псковских говорах s.v. *зате́м* в значении 'после того, потом' также приводится такой контекст: "Саберуть (на свадьбе) студен, вина. Затем накладу кашу и крицю: "Ой, руки абажгла" (Псков. словарь 12, 174). На второй день свадьбы ... утром "будили молодых, горшки об дверь били, ведрами гремели, рубчатым валиком", "мать горшок несет и бьет: "Ой, жарко!" Ей надо полотенце"[14]. В рязанских говорах выражение *ру́ки обжечь* значит: 'в свадебном обряде – первым прикоснуться к невесте после заплетания косы, когда новобрачные одновременно смотрятся в зеркало' (СРНГ 35, 239). Существовал также обычай при свидании парня с девушкой, согласно которому парень "греет руки" за пазухой девушки (обычно "свободного поведения") (Москва, Московская обл.). Ср. *па́зушник, -а,* м. 'грубый волокита' (СРНГ 25, 151), а также *большая па́зуха* – 'в свадебном обряде название одного из дружек': "Насыпает на тарелку из-за пазуха урюк и подносит всем – дружка большая пазуха" (Ср. нижн. теч. р. Урал – СРНГ 25, 150). Грели руки и после похорон у печи: "С похорон домой, так руки к печи". "С проводов покойника надо руки погреть (чтобы не занести домой смерти)"[15].

Может быть, *заморо́зить верхушку* – охранять верхушку (невесту) не только от посягательств извне, но также и порчи? Ср. близкое семантическим укр. диал. (торун.) *γasiti vódu* 'способ снятия порчи'[16], жарг. воен. *гасить* 'прятать в тайник'[17], жарг. угол. *туши́ть* 'скрывать краденое' (БСЖ 605). В связи с этими приведенными примерами интересно русск. диал. *зажига́ть* 'начинать что-н. делать (в обряде гадания)'. "Кому вода *зажига́ть*, тот и первой" (Словарь Карелии 2, 122). Холод – отсутствие опасности, оберег? Ср. жарг. *хо́лодно*, неизм. 'сигнал к началу какого-л. противоправного действия: все готово, о п а с н о с т и н е т' (БСЖ 652).

А.В. Гура пишет о том, что "символика Брака раскрывается в наборе оппозиций некоторых семантических признаков: чет – нечет, сырой – сухой..., горячий – холодный (сват греет у печи руки для удачного сватовства; с.-в.-р. *горячая* – сваха, согревающая брачную постель, *дело холодить* – медлить с заключением Брака)"[18]. Оппо-

зиция горячий – холодный символизирует и соотношение названий мужских и женских гениталий, см. загадку (пермские говоры): "Студененька дырочка, Горяченька пырочка" – замочная скважина и ключ[19].

В связи с этим представляется возможным привести еще одно толкование выражения *заморо́зить верхушку* 'просватать', в котором слово *верхушка* может быть эвфемистическим названием женских гениталий. Ср. семантически близкое *передо́к* 'живот (о женщине)' (Перм. словарь 2, 86), жарг. 'женские гениталии' (БСЖ 428), если считать, что оппозиции верхний – нижний и передний – задний могут взаимно замещать друг друга. Возможно и здесь *заморо́зить верхушку* первоначально имело значение воздействия холодом с целью оберега невесты, которая, как считает А.В. Гура, "более уязвима для злых сил, ей в отличие от жениха приходится переходить на чужую сторону, в новую семью"[20].

Девушка, в отличие от женщины обладает ритуальной чистотой, а холод и чистота, стыд взаимосвязаны. Ср. среднеуральское выражение *заморо́зить шары* в значении 'утратить чувство стыда, делать что-либо без стеснения': "Заморозила шары-те и ташшит, а она сделат, она така" (Сл. Сред. Урала. Доп. 181), а также русск. диал. *глаза́ зябнут* 'стыдно' (Мордов. словарь 1, 112), перм. *обмороженные глаза* 'о наглом, бесстыдном человеке' (Перм. словарь 1, 161), жарг. угол. *отморозить глаза* 'обнаглеть', 'завраться', 'зазнаться' (БСЖ 127), *отморо́женный* угол. неодобр. 'хитрый' (Там же 406), 'не признающий ни правил, ни авторитетов и не боящийся опасности; способный на все, безрассудный и беспощадный'[21].

Значения 'морозить' → 'прятать, охранять, оберегать' противопоставлены в русской лексике значениям 'жечь' → 'красть, похищать, обманывать, быть в опасности'. Ср. у Даля s.v. *огонь*: "Неправедная нажитая прибыль – *огонь*. Неправедная деньга – *огонь*. У старца (нищего) отнять, *огонь* в дому держать (сумою пахнет, или не спасенье нажить" (Даль[2] II, 644), в арестанском жаргоне *ого́нь, огня́* – 'вор в колонии; человек, ворующий у сокамерников', 'преступник – оборванец', 'физически ослабевший, обессилевший человек' (БСЖ 394), жарг. *жара́* 'тюремное заключение' (там же 180), угол. *нажа́рить* неодобр. 'обмануть' (там же 373), мол. жарг. *наже́чь, -жгу́, -жжёт*, сов., кого с чем. неодобр. 'обмануть, обхитрить кого-л.' (там же 370), карт. *поджог, -а,* м. 'появление нового, неизвестного шулера в клубе', 'игра в карты между незнакомыми шулерами' (там же 445), диал. пск. *жи́гли* ж. мн. 'плутни, шашни' (Даль[2] IV, 537). Ср. также угол. *сжига́ть, -а́ю, -а́ет*, несов., кого 'неосмотрительными действиями выдавать соучастников', мол. неодобр. 'ставить под удар, предавать кого-л.', жарг. *сжига́ться, -аюсь, -ается* несов. 'терпеть крах, неудачу' (БСЖ 536).

К этому можно добавить укр. диал. *зажи́гайец'а* в значении 'созревает (о жите, пшенице)' (АУМ 3, 99) – противоположное, возможно, *заморо́зить верхушку*, если это – 'остановить рост, цветение', а также *горячи́ться* 'держать на кого-н. зло, ненависть': "А кто́ каг г о р е ч и́ ц ц а н а м о л о д у ю, фсю́-ту свадьбу ове́рнут волками" (Арханг. словарь 9, 385) при *заморо́зить верхушку* – м.б. 'оберегать от порчи'.

Интересно, что в одной из севернорусских деревень – Тихманьге «сохранились воспоминания о проверке "честности" невесты после брачной ночи. Жениха, вышедшего из спальни, спрашивали: "Вот лед ломал или прямо в пролубь пал?" Жених должен был отвечать. Если лед ломал, значит молодая была "честной"»[22]. Ср. в связи с этим упомянутое выше выражение *Ostac na loʒe* в значении 'остаться старой девой' (s.v. *lŏd, lodu*, m. 'лед' – Sychta II, 371).

В вологодских говорах записан свадебный обряд *красова́нье* "состоящий в том, что с окончанием причета "невесту сажают на с т у - ж у" (sic!), покрывают одеялом и оставляют в избе одну" (СРНГ 15, 197).

В свадебных песнях отражен также мотив холода, мороза, охватывающего невесту, разлучаемую с родителями; так, в свадебной песне Сибири (этап свадьбы – бранье) поется:

Воскикала лебедь на тихих заводях,
Заслышала лебедь невзгоду над собой, –
Будут морозы крещенские.
Заплакала Татьянушка в высоком терему, –
Придет к ней разлучник[23].

В Торжковском районе Калининской области утром в день свадьбы... "сряжают невесту... Невеста воет, пока ее одевают:

Ня в шубушку меня одеваете,
Ня покрывалом-то меня покрываете,
А морозом-то меня осыпаете.
Миновалась-то моя воля вольная,
Жизнь веселая да девичья"[24].

Этот же мотив холода, замерзания и в зимних гаданиях: "На прорубь бегали, мачут волосы, если надвое замёрзнет, выйдет замуж"[25]. Как уже упоминалось выше, женщина, в отличие от девушки, ритуально "нечистая"; *нечистой* и *горячей* считали беременную женщину в Полесье, а также женщину или девушку в период месячных очищений. Вот запись, сделанная в Забужье: "Её (роженицу) считают "нечистой", несущей в себе жар (отсюда и одно из ее обозначений *гарача* – Старые Яриловичи), способной сжечь все, к чему бы она ни прикоснулась, "бо под нэй зэмля гарыть"[26]. Г.И. Кабакова приводит также следующее поверье: "Менструальная кровь жарче огня, и

"нечистой" женщине достаточно обойти вокруг дома, охваченного огнем, чтобы потушить пожар"[27].

К проявлениям оппозиции горячий – холодный в сфере свадебной и эротической терминологии можно добавить некоторые примеры: так, вечеринка молодежи 14–16 лет в новгородских говорах называется *кипято́к* (Новг. словарь 4, 42), валдайское выражение *куде́лину сжигать, сжечь*, трактуется так: 'это свадебный обряд, в процессе которого "жених сжигает куделю на прялке невесты в знак того, что вопрос о свадьбе решен"' – "Уже куделина сожжена" (валд. новг. – СРНГ 15, 397). В пермских говорах s.v. *пальмо́* 'горящий пучок лучины' записан такой контекст: "Раньше везут невесту в Касиб – бежим смотреть. Лучину ломать, зажигать. Если невесту не покажут, дак прямо пальмами в сани швырнут. Если не откроют покрывало, прямо пальмо с пламенем и швырнут" (Перм. словарь 2, 73). Н.Ф. Сумцов приводит записанный в Олонецкой губернии обычай, при котором после рукобитья, когда сваты уехали, на середину невестиной избы выходит ворожея – старуха и несет в руках головню с огнем, нашептывая таинственные слова; она делает горящей головней круги на тех местах, где сидели сваты; это для того, чтобы "жених не отказался"[28]. Интересно также записанное в русских говорах на территории Мордовии выражение *первый зной* в значении 'помолвка' (Мордов. словарь. Д-И, 109), если *зной* здесь 'жар', т.к. *зной*, например, в орловских говорах – 'погода с низкой температурой воздуха, холод'[29].

В связи с выражением *заморо́зить верхушку* (где *верхушка*, возможно, vulva) можно рассмотреть и выражение, записанное в Шатровском районе Курганской области, *подо́л замёрз* в контексте "Как жо? *Подол замерз* жанихов-то было" в значении 'много' (Лютикова 122). К выражению *подо́л замёрз* в значении 'много' приводится только контекст с описанием сватовства женихов, что наводит на мысль о первоначальном ином смысле выражения. Ср., однако экспрессивное выражение *под моро́зом* в значениях а) 'кто. Могучий, крепкий'; б) 'что. Очень большой и до предела наполненный'. Здесь приводится опять-таки один контекст и связан он со свадебной семантикой. "В Сибири богато жили, невесте мать приданого сундук под морозом наготовит" (Сл. Сибири 2, К-Н, с. 293). Ср. также жаргонное *лавьё стынет* шутл. 'денег очень много', s.v. *лавьё, -ья* угол., мол. 'деньги' (БСЖ 306). Однако, существует и обычай *отмораживать приданое* – 'выкупать вином и брагой приданое невесты' (Перм. словарь 2, 58).

Интересно также в связи с выражением *подо́л замёрз* следующий обычай у парней и девушек (Касимовский район Рязанской области в 30-е годы): парни наряжались "стариками", приходили на посиделки, плясали, забавлялись с девицами, потом парни вывола-

кивали их на улицу и тут, задирая им подол, натирали снегом между ног, или "деды" брали девушку за ноги, держа при этом юбку колоколом и насыпали снег туда лопатой "до п о л". В ряде случаев девушке напихивали, "намя́кивали" снегу за пазуху и под п о д о л. Все это обычно происходило в течение святок, либо масляницы, то есть в период наиболее активного бытования игр "в свадьбу или в женитьбу"[30]. Обычно толкования катания по снегу связывают со значениями очищения ("девок чистить", "девок солить, чтобы не портились" и т.п.), авторы исследования отмечают, что "за забавами такого рода несомненно скрывается брачно-посвятительский смысл". Они отмечают также, что в деревнях Марьинского с/с Вожегодского района "катание" устраивали на Крещение, после демонстрации девушками невестами нарядов "на ледышке"[31]. Связь подола, полы женской одежды со сферой сексуальных отношений довольно прозрачна. Ср. значения фин. *helma* 'пола, подол' и 'лоно', а также *helma/synti, -knin* 'прелюбодеяние'[32]. Ср. также выражения *подол не чистый у кого-л.* – 'намек на супружескую неверность, на развратное поведение', записанное в говорах Среднего Урала, а также *быть с грязным подо́лом* 'иметь плохую репутацию', записанное там же (СРНГ 28, с. 116). В.И. Даль приводит примету s.v. *подол* – "Если у девки часто подол мокрый или в грязи, то муж будет пьяница" (Даль[2] III, 192). Выражение *попа в подоле держать* значит 'помнить о девичьей чести' (Перм. словарь 1, 212). Г.И. Кабакова в своей монографии "Антропология женского тела в славянской традиции" приводит такие сведения, относящиеся к 1710 г. (на Волыни...) "...в местечке Выжва Ковельского уезда вдова Опраска Вовчыха, бросившая в реку труп своего новорожденного ребенка, была выставлена у позорного столба, высечена, ей был отрезан п о д о л рубахи, после чего она была изгнана из села"[33]. Интересно, что в русских святочных обрядах существовала особая церемония рассматривания парнями вышивок и тканых узоров на девичьих рубахах, называемая "смотр подольниц". Она осуществлялась как на посиделках, так и на крещенских гуляньях и "являлась своеобразным публичным обсуждением готовности девушки к замужеству". Проходила она так (д. Арганово, Пирогово Сямженского района): "трое – пятеро парней, вооружившись лучиной, обходили девушек и осматривали их "поподольницы". Парень, держащий лучину, подойдя к девушке, спрашивал ее: "Как молода приготовилась? Есь ли поподольница?" Вместо ответа она загибала сарафан и выставляла поближе к свету край подольницы. Если та была красивой, кричали: "Ой, эта хоро́ша. Хороша поподольница!" – а если нет, то: "Ой, эта, робята, худая! Не годицца взамуж!" – Над этой смеялись"[34].

Пола́, как и подол, также была связана с коитусом. Так, Н.Ф. Сумцов приводит такие сведения: "Прикрывание женихом не-

весты полой платья, по окончании венчания в конце XVII столетия, по словам Корба, соблюдалось в Московской области, в конце прошлого столетия у донских казаков и в настоящее время в Себежском уезде Витебской губернии"[35]. Мокрый подол, пола – следствие коитуса: "в песенном сборнике XVIII в. записана песня:

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Теща к зятю боса пришла,
Она в полог к зятю нага легла,
Поутру встала, сама мокра:
– Зять – злокоман, не ты ли пошутил?
Не ты ли пошутил, подол намочил?"[36]

Интересно, что на святочных гаданиях обливали косяк: "Косяк водой облевают на святках. Жених привидится во сне, скажёт: Наштё о б л и л а п о л у - т о" (Перм. словарь 2, с. 19 – s.v. *косяк обливать*).

Наряду с выражением *заморо́зить верхушку* в сфере русской свадебной терминологии существует выражение *заморозить ворота*: 'свадебный обычай: не пускать соседей на свадьбу': "На свадьбе *ворота заморозим*, и пока много народа не соберется, не открывают" (Красноярский словарь[2] 103). Ср. также выражение *двери приморо́зить* (соликам. перм.), которое обозначало рождественский шутливый обычай примораживания дверей (домов, где есть невесты). Здесь также семантика задержки, запрета, оберега, если учесть сакральное значение дверей, ворот в славянской мифологии.

На молодежных посиделках, в играх существовал обычай *замораживания* (остановки) прялки парнем с целью добиться поцелуя девушки; фразеологизм *заморо́зить пря́лку* записан в псковских говорах в значении 'остановить работу прялки до тех пор, пока девушка не поцелует парня и тем самым "разморозит" колесо прялки': "Замора́жывают пря́лки, тада́ цалу́ю, а если цалава́ть ня будят, падажгут куде́ль. Астанави́ли пря́лку и тре́буют цалавацца. Гаваря́т м а р о с, знацыт цалу́й" (Псков. словарь 11, 334). С этой же целью на святках "приморaживали санки": 'святочный обычай – придерживать санки с молодыми на ледяной горке, пока они не поцелуются' (арханг., СРНГ 31, 298). Здесь также ритуальный запрет (холод) сменяется ритуальным разрешением (тепло – поцелуй). В свадебной терминологии существует также (в архангельских говорах) выражение *проморáживать рыжики*, которое означает 'много раз целовать жениха по требованию парней перед катанием с горки (о невесте)' (СРНГ 32, 189). *Рыжик* в псковских говорах – 'тот, кому изменили в любви, дружбе' (СРНГ 35, 304–305). Выражение *делать ры́жики* – 'нарушать верность в любви, изменять' (пск., арханг. – там же). Ср. также антонимичное выражение *жечь рыжики* 'делать известной измену одного из влюбленных, сжигая гребенку, бумагу в присутст-

вии всех': "Вот зажгу́т гребёнку на гуля́нке, ана́ я́рка гари́т, и у де́фки или у ма́льца шшо́ки гаря́т ат стыда́, што им жгут рыжики" (Псков. словарь 10, 218). Так, в семантическое поле огня, жара входят значения не только 'воровство', coitus, но и 'любовная измена'. См. выше сжигание кудели парнем, которому отказали в поцелуе s.v. *замо́розить пря́лку*. *Промораживать рыжики* – возможно – 'закреплять верность в любви'.

В псковских говорах записано также выражение *ерши* (*ершей*) *морозить* в значениях 'сидеть, стоять с милым (милой) где-н. вне жилого помещения – в сенях, на крыльце, на улице', 'хватать женщину за груди' наряду с выражениями *на ерши́* 'на любовное свидание', *на ершах стоять* (*сидеть*) 'быть на любовном свидании, усиленно любезничать' (Псков. словарь 10, 134); в русских говорах Карелии записано выражение *пойти* (*вытащить*) *на ерши́* в значении 'совершать прогулку с девушкой, гулять' (Словарь Карелии 2, 28). *Ершей морозить* – вероятно, развернутое вторичное выражение по отношению к выражению *на ерши*, возможно, под влиянием общей любовной и свадебной семантики холода. Ср., впрочем, выражение *ерши по телу встали* – 'мороз пробежал, гусиной шкурой подернуло' (Даль² I, 522), а также *Ершовый ветер* – 'северный ветер' (Ярослав. словарь 4, 37). В русских говорах Карелии записано выражение *Еро́шки* (*еро́шка*) *иду́т* (*хо́дит, пойду́т, забе́гали* и т.п.) 'о пупырышках, появляющихся на коже от страха или холода' (s.v. *еро́шка* – Словарь Карелии 2, 28). Здесь следует также отметить, что молодежные игры – знакомства, посиделки (в данном случае – любовные свидания) часто берут свое начало в играх детских. Так, слово *е́рша* в русских говорах (карельск.) служит названием игры и "палки, которой играют в детской игре": "Палку в руку да в *е́ршу* играли, *е́рша* – палка, палку поставишь, заостришь и кидаешь, кто дальше, кто хорошой" (Словарь Карелии 2, 28).

Однако, вероятнее всего, выражение *пойти на ерши* в значении 'совершать прогулку с девушкой, гулять' сначала значило 'идти ловить ершей'. Связь рыбной ловли с сексуальной сферой также имеет место в славянской традиции; так, женщине сон о рыбе мог сулить беременность[37]. В Полесье есть поверье о том, что "лещ и окунь снятся к рождению мальчика, плотва и щука – девочки, а мертвая рыба означает мертворожденного"[38]. В псковских говорах записано выражение *лови́ть рыбу* – 'на сельской вечеринке ловить упавшее веретено у девушки, которая прядет' (за это следовало поцеловать парня), а также – *ры́бку полови́ть* 'провести ночь с мужчиной' (СППП 68). Ср. жарг. *рыбку жарить* – 'совершать половой акт' (БСЖ 517). О связи со свадебной терминологией и семантикой говорят выражения *пого́да холостя́я* 'погода, когда, несмотря на благоприятный ветер, рыба не ловится' (СРНГ 27, 299), *с моло́душ-*

кой приехал (кто-либо) – 'о том, кто совсем не поймал рыбы' (Там же 18, 229), *вдóвая сеть* 'рыболовная снасть, вытянутая без рыбы или с незначительным количеством рыбы': "*Вдова сеть* пришла, нет у ей в животе ничего" (Сл. русского Севера II, 38), а также название окуня – *сват*: "*Сват* и провожатый, это окунь и плотва" (новг. – СРНГ, 36, 216). Ср. еще к выражению *ершей морозить* 'хватать женщину за груди' – название женских грудей *налúмы* (Там же 20, 17).

С выражением *пойти на ерши* ср. выражение *пойти на чучела* – 'пойти после посиделок гулять с парнями, провожать друг друга' (новг., СРНГ 28, 362), первоначально, видимо, – пойти на охоту с чучелами? Ср. *охотиться* (*в чужих дачах*) – 'волочиться'[39].

В пермских говорах записано выражение *дýет на ложку* 'о благоприятном ходе сватовства' (СРНГ 8, 274, s.v. *дуть*). Возможно, это свернутое выражение, первоначальное – *сват* (*сваха*) *дýет на ложку*? Ср. аналогично свернутые и потому особенно темные, требующие дополнительного пояснения пословицы, приведенные Далем *не крепок задом* (т.е. 'не держит слово')[40], *на попятный двор* (т.е. 'отпереться, отказаться')[41], *язык на сговоре* (т.е. 'условие заключено')[42], *тронута, сыграна* (в шашечной игре)[43].

Ложка, согласно этнографическим исследованиям, довольно широко использовалась в гаданиях, в семейных и календарных обрядах, а также в народной медицине. В Вятской губернии существовал обычай, согласно которому на свадьбе связывали вместе ложки жениха и невесты, говоря: "Как эти ложки связаны крепко-накрепко, так бы и молодые друг с другом связаны были"[44]. Чтобы приворожить того, кто нравится, ложку парня или девушки, используемую в любовной магии, п р и ж и г а л и[45]. Ложка, по свидетельству этнографов, ассоциировалась обычно с женским началом[46]. Так, согласие просватанной девушки в северных русских говорах носило название *поварёшка*, значащее еще и просто 'ложка' (Словарь Карелии 4, 580). С.М. Толстая отмечает, что "в разных районах Полесья знаком бесчестия молодой служила дырявая ложка, которую давали матери (иногда и отцу) невесты. Иногда, узнав о нечестности молодой, дружка специально дырявил ложку, "чтобы она текла", и давал ее родителям невесты"[47]. Очевидно, все же, что ложка ассоциировалась с женским лоном. В псковских говорах записано выражение *замешкался что пест в ложках* – шутл.-ирон. 'О знатном, важном, именитом человеке, случайно попавшем (или задержавшемся) в обществе простых, ниже его по рангу людей' (СППП, 110). Здесь, возможно, обыгрывается мотив коитуса, при том, что пест и ложка – мужские и женские гениталии. "Ряд функционально сходных предметов домашней утвари, как, например, маслобойка с ее пестом и узкой кадкой", по мнению Н.И. Толстого, "символизируют по народным понятиям, фаллос и вульву, а их действие – коитус"[48].

Часто на свадьбах жениху и невесте дают всего одну ложку. Ср. записанное в пермских говорах выражение *с одной ложки есть* – 'находиться в близких, дружеских отношениях' (Перм. словарь 1, 250 s.v. *есть*). Интересны некоторые гадания, связанные с ложкой, например, записанное в пермских говорах святочное гадание, называемое *кружать ложки*, которое состояло в следующем: "В кадцу наливают воду, спускают деревянные ложки, каждой ложке д е в - к у (разрядка моя. – *Т.Г.*) назовут и ложки покружают. Котора ложка отходит от всех, та девушка замуж и выйдет" (Там же 1, 441). На Среднем Урале при гаданиях с ложкой, считали выпуклую ее сторону "мальчиком", а вогнутую "девочкой": "Кашу ячневу сварят, съедят, а потом мать ложку какой ела за себя бросит. "Мальчиком" кверху упадет – мальчик будет, "девочкой" – девочка"[49]. Даль свидетельствует о том, что, в частности, к Новому году замораживали воду в ложке: пузыри, к долгой жизни; ямка сверху, к смерти (Даль[2] II, 263). По свидетельству П.Г. Богатырева, в Закарпатье существовала игра *в ложку* – "Парни, каждый с девушкой, попарно рассаживаются в кружке. Девушка обходит круг и обращается к одному из парней: "Ты отпустишь девушку?" Тот отвечает: "Нет". Тогда она ударяет его по руке ложкой. Парень говорит: "Я ее отпускаю". После этого он должен поцеловать ту, которая сидит рядом с ним. Та уходит, а обходившая круг садится к нему"[50]. Интересно не до конца ясное выражение, записанное в русских говорах Карелии, *ло́жка идет*: "О безудержном веселье: пыль столбом, дым коромыслом": "Раньше соберемся, поем, только *ло́жка идет*" (Словарь Карелии 2, 268).

Ложка использовалась в медицинской магии: (Полесье) «...ложкой покойного крестят грыжу со словами: "Як умёр дзядзька Василь, дык каб и мая грыжа умерла"»[51], служила также оберегом, так, на русском Севере (в селе Тихманьге) – "Беременной (которую также называли "поносна", "пузатая") запрещалось посещать похороны, иначе родившийся ребенок будет недолговечен, а по мнению других, у него будет плохая жизнь. Если беременная все же идет на похороны, она должна положить за пазуху деревянную ложку в качестве оберега"[52].

В псковских говорах записано выражение *волна бьет ложку чью* в значении: "Кто-л. чувствует себя лишним, подвергается притеснениям в новой (?) семье": "В маей сямьи ня бу́дет тваю́ ло́жку вална бить" (СППП 22). Это, как нам кажется, очень близко выражению *дует на ложку* (дует попутный ветер, к удаче?). Так, глагол *поддуть*, записанный в северных русских говорах, значит 'повезти, выпасть удаче': "*Поддуло* вам, машина попалась" (Словарь Карелии 4, 627). Ср. также "Не подуйте на нас холодным ветром" – 'не обижайте' (Даль[2] 1, 503). Возможно и иное объяснение, подсказанное

жарг. *продуться* в значении 'закончить какое-л. дело, работу' (СМЖ 311), т.е. сватовство заканчивается, идет к концу?

Также возможно, как уже говорилось выше, *дует на ложку* – свернутое выражение *сват? (сваха?) дует на ложку*. Сват (сваха) дует на ложку, согревает холодное, замороженное? Ср. глагол *отдува́ть* в значении 'согревать, оживлять дыханием', записанный в русских говорах: "Мороз пригрозил: – Постой, мужик, я тя заморожу! А ветер: – А я тебя *отдую*" (Афанасьев) (СРНГ 24, 169).

Вообще глагол *дуть* обозначает и действие оберега, лечения. Так, упомянутый выше глагол *отду́ть* в свердловских говорах значит 'лечить домашними или знахарскими средствами': "Старуха одна тут, так она травьями *отдувает*" (Там же, запись 1981 г.). Афанасьев писал о дуновении, как средстве против болезней и нечистой силы, используемом народными знахарями: "Наши знахари, произнося заговоры против разных болезней и на изгнание нечистой силы, дуют и плюют по три раза через левое плечо, или на все четыре стороны: "покуда я плюю, потуда-б рабу божьему хворать!" Слюна и дуновение, как символы дождя и ветра, почитаются целебными и предохранительными от злых духов средствами и в Германии и у новых греков" (ПВСП I, с. 397). И. Сахаров так описывал действия знахаря перед свадьбой – "Знахарь осматривает все углы, притолоки, пороги, читает наговоры, поит наговорною водою, д у е т н а с к а т е р т и, вертит кругом стол, обметает потолок, оскабливает вереи... и т.д."[53]

Если действительно, ложка ассоциировалась с женским лоном, то это дает возможность привести еще одно толкование выражения *дуть на ложку*. Дело в том, что, по мнению А.В. Гуры, одним из символов коитуса является вдувание, наряду с продырявливанием. Ср. частушку: "Соловей *задул* кукушке", где речь идет о коитусе[54]. В связи с этим получает, возможно, свое объяснение выражение, записанное в вологодских говорах: *обдуть местечко* в значении 'получить возможность (выйти замуж)': "И твои дочки еще не *обдули местечко*' (о выходе замуж – участь их еще неизвестна") (СРНГ 22, 25). Ср. жарг. угол. *дуть* в значении 'совершать половой акт с кем-л.' (БСЖ 173). Ср. также ярославское выражение *старое м е с т о* 'женские половые органы' (СРНГ 18, 130).

бочка арестантов

Выражение *наговори́ть (насказа́ть) со́рок бо́чек арестантов* прост. ирон. в значении 'очень много насказать о чем-л. неправдоподобном; наговорить с три короба' рассматривается в Словаре русской фразеологии (авторы – А.К. Бирих, М.В. Мокиенко, А.И. Степанова), причем слово *арестант* (записанное Г.И. Куликовским в

олонецких говорах, в значении ‘мелкая сушеная рыба’) этимологически сближается с бытующими в рыболовной лексике словами *арестéга, аростéга, оростéга, оростúга, оростя́га*, широко известными в архангельских говорах в значении тонкая веревочка с крючком на конце, прикрепленная к длинной веревке и используемая для ловли рыбы на леску: «Слово арестант, видимо, первоначально означало “рыбешку, пойманную на арестегу”, совмещая с этимологическим и обычное значение слова *арестант* ‘заключенный‘». *Наговорить сорок бочек арестантов*, по мнению авторов, – “рыбацкая шутка, первоначально означавшая “нарассказать всяких небылиц о якобы огромном улове”[55].

В белорусском языке также существует выражение *бочка арестантов* в литературном языке и в говорах, в частности, гродненских – *бóчку арыштантаў* ‘много (наобещать)’ (Сцяшковіч. Слоўн. II, 579), оно рассматривается в “Этимологическом словаре фразеологизмов” И.Я. Лепешева, где приводится этимологическая версия (этимология В.М. Мокиенко), изложенная выше. Лепешев также называет этот фразеологизм каламбурным образованием, приводя ряд выражений того же свойства: блр. *вярзци грушу на вярбе, не коз воз, выдраць лысаму валоссе, сам не свой*, укр. *(наговорити) сім мішків гречаної вовни і всі неповні*[56]. Этот перечень можно продолжить: русск. (диал.) *насказать три четверга на неделе* ‘много наговорить, наболтать’, *насказать воробья (журавля) на стене* ‘много чего-л. наговорить, рассказать небылиц’ (Перм. словарь 1, 569), *наврáть тузóв и барáнов* ‘наговорить всякого вздора’ (Словарь Карелии 3, 304), *наговорúть мех кулакóв* ‘сказать много ненужного, пустого’ (Смолен. словарь 5, 127), русск. аргот. *мясные пирожки с яблоками* ‘черт знает что, ерунда какая-то, шутл. комментарий по поводу любой абсурдной ситуации’[57], молод. шутл. или неодобрит. жарг. *нести голландию* ‘лгать, завираться; пустословить’ (“Возможно, ассоциативно-фонетическая контаминация с *галиматья*”. – БСЖ 131), а также блр. *рэшата бобу* ‘вздор, глупость’[58], укр. *сім мішків гречаного Гаврила* ‘наговорить, наплести много лишнего, глупого’[59]. Возможно, слово *арестант* входит в выражение *насказать сорок бочек арестантов* в его прямом значении – ‘заключенный’, ср. выражение *наговорить роту солдат*, записанное в новгородских говорах в значении ‘наговорить, нарассказать много чего-л.’ (Новг. словарь 5, 135).

Не исключено также, что мелкая сушеная рыба названа словом *арестант* в его прямом значении ‘заключенный’, ср., возможно, новг. *незакóнники* мн. ‘молодь рыбы, мальки’: “*Незаконники* – мелкая рыбешка, которую не разрешают ловить” (Новг. словарь 6, 42). Ср. также *матрóсик* ‘окунь’ (Ярослав. словарь 6, 36), новг. *кресть-я́нин* ‘рыба судак’ (Новг. словарь 4, 145); интересно название заклю-

ченного, арестанта – *еле́ц краситый* (вят., s.v. *елец* 'рыба Leuciscus leuciscus baicalensis сем. карповых' – СРНГ 8, 340), а также аргот. *щука, -и* , ж. 'крупный преступник, махинатор'[60].

С другой стороны, возможно и трактование слова *арестант* в рассматриваемом нами выражении как названия мелкой сушеной рыбы. Ср., возможно, блр. диал. *сем бочок ёселеў* 'очень много': "Мар'я тожэ наговорыла б *сем бочок ёселеў*" (Турауcкi слоўнiк 5, 27), а также приведенное выше блр. *рэшата бобу* 'вздор, глупость'. Этимология олон. *арестант* 'мелкая сушеная рыба', на наш взгляд, требует уточнений. В Псковском областном словаре s.v. *выпускать* приведен такой контекст: "Маленьких-та *рясто́нцэф* сно́ва в о́зира на́да выпускать" (Псков. словарь 6, 42). Слово *ресто́нец* здесь, видимо, значит 'малек' и может восходить к незасвидетельствованному **рест* в том же значении. Эта форма, возможно, позднее фонетическое преобразование праслав. **nerstъ*, продолжения которого – русск. *не́рест* 'метание и оплодотворение рыбами икры', диал. *не́рест* 'икромет у рыб' (Куликовский 65), *на́рост* и *наро́ст* 'оплодотворенная икра рыб и лягушек' (Литва, пск., Чудское, Псковское и Ладожское озера, Эстония, волог., Латвия), 'м а л е к' (Чудское, Псковское и Ладожское озера), а также сербохорв. *nerast* 'виды рыбы', *rîst* 'рыбья икра' (ЭССЯ 25, 9). Сюда же еще сербохорв. *nerast* 'горчак Rhodes sericeus amarus'[61], а также сербохорв. диал. *мри́јес, -ста* м. и *-сти* ж. 'мелкая, только что родившаяся рыбка в нерестилище или вообще в воде' (Ћупић Д. – Ћупић Ж. Речник Загарача 235). Ср. также сербохорв. *mrijesnica* 'мелкая рыба' (RJA VII, 59), укр. диал. *мересни́ця* 'вид мелкой рыбы' (Колесник) – производные с суф. *-ica* (субстантивация прилагательного) от **nerstьnъjь* (ЭССЯ 25, 11).

Аналогично с некоторыми указанными выше продолжениями праслав. **nerstъ/*norstъ* претерпели изменения и восходящие к **nerstiti* (от **nerstъ/*norstъ*) укр. диал. *рѐстиц'ц'а* 'откладывает икру (о рыбе)'[62], сербохорв. *rístiti se, rîsti* 'метать икру' (ЭССЯ 25, 8), русск. диал. *ростовать* 'метать икру' (Барсов I, XVI (Словарь)).

Интересно, что в псковских же говорах словом *зароже́нец, -нца* называется маленькая рыбка, недавно вышедшая из икры, малек (Псков. словарь 12, 96).

Рыба густера носит записанное в говорах территории, прилегающей к Белому озеру, в 1916 г. название *реста́*, ж. (СРНГ 35, 75). Если это не преобразование слова *густера*, то *реста́* также может быть отнесено к праслав. **nerstъ*.

Гипотетически восстанавливаемое **рест* 'малек' под влиянием возможно, искаженного *реста́н* 'недисциплинированный человек, хулиган', записанного в свердловских говорах (СРНГ 35, 75), трансформировалось в **рестон*, а затем, в *арестант*, благодаря народной этимологии, и стало обозначением мелкой рыбы и мелкой сушеной рыбы.

Примечания

[1] *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т. 1. Кн. II. СПб., 1838, 103.

[2] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. Т. 1. М., 1993, 86.

[3] Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981, 190.

[4] *Толстой Н.И.* Дополнительные суждения о реконструкции праславянской фразеологии // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999, 57–58.

[5] Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985, 101, 144, 149.

[6] Обрядовая поэзия / Составление, предисловия, примечания, подготовка текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М., 1989, 354.

[7] Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья, 114.

[8] Обрядовые песни русской свадьбы Сибири, 244.

[9] Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. редактор И.В. Власова. М., 2001, 482.

[10] Там же, 570.

[11] *Гайдукевіч І.М.* Некалькі слоў з мясцовай гаворкі // Народнае слова. Мінск, 1976, 65.

[12] Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века, 542.

[13] Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья, 263.

[14] Обрядовая поэзия, 473.

[15] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. Т. 3, 590.

[16] *Николаев С.А., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. С грамматическим очерком и образцами текста. М., 2001, 83.

[17] *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000, 72.

[18] *Гура А.В.* Брак // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995, 249.

[19] Русский эротический фольклор / Ред. А.И. Топорков. М., 1996, 428.

[20] *Гура А.В.* Невеста // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995, 317.

[21] *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. Сленговые слова и выражения 60–90-х годов. М., 1997, 157.

[22] *Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А.* Этнолингвистическое описание севернорусского села Тихманьги / Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001, 268.

[23] Обрядовые песни русской свадьбы Сибири, 177.

[24] Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья, 205.

[25] *Востриков О.С.* Традиционная культура Урала // Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Народный календарь. Вып. 1. Екатеринбург, 2000, 53.

[26] *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001, 100.

[27] Там же, 199.

[28] *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов / Избранные труды. М., 1996, 145.

[29] *Макушева О.А.* Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1997, 18.

[30] *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Свидание с предком (пережиточные формы ритуального брака в святочных забавах ряженых) // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Составитель А.Л. Топорков. М., 1996, 287.

[31] Там же, 288.
[32] Финско-русский словарь / Под ред. О.В. Кукконен, Х.И. Лехмус и И.А. Мендрос. М., 1955, 71.
[33] *Кабакова Г.И.* Указ. соч., 154.
[34] *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Указ. соч., 291–292.
[35] *Сумцов Н.Ф.* Указ. соч., 30.
[36] Русский эротический фольклор, 43.
[37] *Гура А В.* Рыба // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А–Я. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2002, 416.
[38] *Кабакова Г.И.* Указ. соч., 207.
[39] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. I. М., 1994, 776.
[40] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. Т. 2. М., 1994, 776.
[41] Там же.
[42] Там же, 687.
[43] Там же, 682.
[44] *Топорков А.Л.* Ложка // Славянская мифология. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2002, 284.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] *Толстая С.М.* Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре, 198.
[48] *Толстой Н.И.* Гениталии // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995, 495.
[49] *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала // Этногеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2000, 107.
[50] *Богатырев П.Г.* Игры в похоронных обрядах Закарпатья // Секс и эротика в русской традиционной культуре, 503.
[51] *Кабакова Г.И.* Указ. соч., 266.
[52] *Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А.* Указ. соч., 269.
[53] *Сахаров И.* Русское народное чернокнижие. Сказания о знахарстве // Сказания русского народа. Изд. 3. Т. 1. СПб., 1841, 56.
[54] *Гура А.В.* Коитус // Славянские древности. Т. 2. М., 1999, 526.
[55] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии // Историко-этимологический справочник. СПб., 1998, 55–56.
[56] *Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981, 25.
[57] *Елистратов В.С.* Словарь русского арго // Материалы 1980–1990-х гг. М., 2000, 261.
[58] *Юрчанка Г.Ф.* Слова за слова. Мінск, 1977, 35.
[59] Фразеологічний словник української мови / Укладачі: В.М. Білоноженко, В.О. Винник, І.С. Гнатюк і інш. Кн. 2. Київ, 1993, 809.
[60] *Елистратов В.С.* Словарь русского арго, 365.
[61] *Усачева В.В.* Материалы для словаря славянских названий рыб. III. Семейство Cyprinidae // Этимология. 1974. М., 1976, 111.
[62] *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови // Правобережне Полісся. Київ, 1979, 130.

Е.Л. Березович

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ФОРМУЛ (‘ТИПУН ТЕБЕ НА ЯЗЫК!’)

В настоящих заметках рассматриваются русские диалектные идиомы, содержащие недоброе пожелание, которое, как правило, является реакцией говорящего на какие-либо негативно оцениваемые вербальные действия адресата. Диапазон таких действий весьма широк: приставания с расспросами, надоедливое нытье, плач, повторение одного и того же, брюзжание, слишком громкий голос или крик, употребление обсценной лексики, неумеренные похвалы (которые могут быть расценены как попытка сглазить, навести порчу), негативное содержание высказывания, доходящее до оскорбительного или кощунственного. В литературном языке и просторечии этим формулам соответствуют призывы замолчать (*замолчи, заткнись* и т.п.) или выражение *типун тебе на язык*. Грубо-просторечное *заткнись* может быть реакцией как на формальную, так и на смысловую сторону вербальных действий адресата, и выполняет только конативную функцию. Что касается выражения *типун тебе на язык*, то здесь конативная функция по происхождению восходит к магической: эта формула произносится с целью своеобразного вербального оберега и в ответ на возмутительный, кощунственный смысл речей, и в качестве реакции на более “легкое”, но негативное для слушателя содержание высказывания (например: – *Сегодня будет снег с дождем. – Типун тебе на язык!*). Русские диалектные идиомы с соответствующей семантикой не очень многочисленны, однако они представляют определенный интерес с точки зрения их мотивационных особенностей.

Представим материал, собранный по русским диалектным словарям, а также неопубликованным лексикографическим источникам. При подаче материала не приводится значение, поскольку в источниках оно иногда опускается (тогда источник ограничивается фиксацией самой формулы, подразумевая прозрачность выведения семантики из внутренней формы) или подается весьма обобщенно, ср. дефиниции типа “бранно”, “бранное выражение”, “восклицание, выражающее крайнюю степень неудовольствия, неодобрения, возмущения” (в этих случаях появляется проблема выделения интересующих нас идиом из всего набора бранных формул: семантика высказывания может быть уточнена с помощью контекста или же благодаря прочитываемому во внутренней форме выражения указанию

на "локус" негативного воздействия – *глотка, язык, хайло* и т.п.). По ходу представления материала даются справки относительно мотивировки более или менее ясных фактов; трудные в мотивационном отношении случаи комментируются отдельно.

Васи́ха тебе на язык! арханг. (ЛК ТЭ). ~ Ср. *восса́, восся́* 'болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка)', 'болячка с ранкой посредине с болевыми ощущениями в одной точке' (СРНГ 5, 145–146), *восца́* 'упорный, иногда гнойный лишай, накожная язва на людях и на скоте' (Даль[2] I, 252), *вассся́* 'зуд' (Сл. Сред. Урала 1, 67), *во́сса* 'болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (обычно в ступнях и ладонях)' (ЛК ТЭ) и др. Все вариантные формы такого рода, по мнению В.А. Меркуловой, восходят к праформе **obsьca*, которая образована от глагола **sьcati* 'мочить' (вернее – от его приставочной формы **obsьcati*); с точки зрения мотивации следует учесть свойства реалии (мокнущий гнойный лишай)[1]. Вариантные формы из этой группы имеют традицию использования в составе негативных вербальных формул (являющихся не только негативной реакцией на вербальные действия адресата, но и имеющих более широкую пейоративную семантику – вроде *черт тебя побери*), ср.: *чтоб те восса села!* (СРНГ 5, 145).

Вищипи те го́рло. карел. (СРНГ 7, 41).

Во́лос бы сел на язык тебе (во́лос бы тебе сел)! арханг., волог. // Волос бы сел на язык тебе! Думай, что говоришь-то (арханг.) // // Кто-то говорит напраслину, в общем, врут на человека, говорят: волос бы тебе сел! (волог.) // *Красный тебе волос!* арханг. *Волосе́ц красной!* арханг. *Воло́сьи тебе в хайло́!* арханг. // Говорю ему: "Волосьи тебе в хайло! Ха-ха-ха!" // *Волости́ тебе!* арханг. *Волосци́ бы тебе!* арханг. (ЛК ТЭ). ~ Ср. *во́лос* 'водяной червь волосатик' ("По поверью, это животное забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь *во́лос, во́лость* или *во́лости*, выражающуюся опухолями, краснотой или даже колотьями"); 'гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв' и др. (СРНГ 5, 57); ср. также многочисленные вариантные формы *волосе́й, во́лосень, волосе́нье, волосе́ц, во́лости* и т.п., обозначающие водяного червя и/или различные причиняемые им болезни (СРНГ 5, 58–63; ЛК ТЭ). Характерно появление в этой лексической группе слова *волоса́тик* 'нечистый дух, черт' (СРНГ 5, 58), отражающего регулярный переход 'название нечистой силы' ⇔ 'обозначение болезни'. Следует также отметить, что слова, составляющие данную группу, нередко используются в составе бранных формул с обобщенным значением, ср.: *волосатик ты изныряй* (СРНГ 123, 159), *волосатик бы тя взял; во́лости тя возьми* (СРНГ 5, 58, 62) и т.п.

Жа́ба! яросл., влад., ворон. // Где ты была, Дуняха? – Ездила в Бродово. – Пошто? – По самопряху. – Нет, скажи и вправды – по-

што? – Да я говорю тебе, што по прялку. – Нет, обманываешь! Побожись-кось! – Жаба! Отступись ты от меня Христа ради" (яросл.) // *Жáба бы тебе на язык-от!* яросл. *Жáба (жáбы) тебе, ему в рот.* свердл. *Жáба те сядь!* олон., ряз. *Жаб тебе засади!* ворон. (СРНГ 9, 49). *Жáба садится тебе!* волог. // Если кто ревет, собака залает или заведет все одно и то же на весь-то вечер, так и говоришь: жаба садится тебе! // (ЛК ТЭ).

Жёви тебя бы съели! волог. // Если кто кого ругает, а другой отговаривается: "Жёви тебя бы съели! – отговоришься" // *Жёвли сели!* волог. // Говорят "Жёвли сели!", когда человек говорит не то, если спрашивают вопрос серьезный, а он демагогию разводит, не может себя сдержать // *Жёвли тебе сядь!* волог. *Жёвье тебе седь!* волог. *Жёвьи бы тебе сели!* волог. // Кто-то говорит напраслину, в общем, наврут на человека, – говорят: "Волос бы тебе сел! Жёвьи бы тебе сели!" // *В жёвью тебя седь!* арх. // Когда ругаемся, дак скажем: "В жёвью тебя седь!" – нехорошее слово // (ЛК ТЭ). *Желвáк тебе в горло!* олон. *Желвáк тебе в рот!* перм. (СРНГ 9, 102). *Жёлви бы тебе сели!* арханг. // Жёлви бы тебе сели хорошие! – чё заарандау-то? // (ЛК ТЭ). *Жёлви тебе (те) в рот.* волог. *Жёлви седь!* новг. (СРНГ 9, 103). *Жёлви сели бы тебе на язык!* волог. // Жёлви сели бы тебе на язык! Ишь, что пророчит! // (Вологодский словарь 2, 81). *Жёлги бы тебе (ему) сели (село)!* волог. // Если человек много болтат, то ему говорят: "У, жёуги бы тебе сели!" // // Скажет неладное какое слово, так говоришь: "Сели бы тебе жёуги!" // // Жёлги бы тебе село! – ругачество такое, какая-то болезнь неизлечимая // // Сидит да болтает – жёлги бы ему сели! // *Жёлги седь!* волог. // Когда ребёнок много кричит, корова ревёт, то говорят: "Жёуги седь!" // *Жёлги тебя*! волог. // Когда кричит громко или ругается кто, ему говорят: "Жёуги тебя, замолчи!" // (ЛК ТЭ). ~ Ср. *жёлви, желвú* и др. 'нарывы, волдыри, желваки', 'гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)', 'распухшие гланды' и т.п. (СРНГ 9, 102–103; ЛК ТЭ).

Желнá тебя колонú! волог. // Говоришь плохое против Бога да против человека – ну, жеуна тебя колони! Жеуна-то в лисе дятеу. Скажет кто лишнее: "Ну, жеуна тебя колони!" // (ЛК ТЭ).

Засадú (засадь) тебе (те) (горло). Ряз., тул., курск., ворон., донск., твер. (СРНГ 11, 17). *Засадú тебе кадык-то.* ряз. (СРНГ 11, 17). *Кабы тебе засадило!* Бранно. Чтоб ты замолчал. пск., твер. (СРНГ 11, 17–18). ~ Ср.: *засадúть* 'наполнить мокротой (горло)' курск. (СРНГ 11, 17).

Змей (змеишшо) (тебе, ему, вам и т.п.) в хайло. сев.-прикам. (Прокошева, 40).

Кипýн тебе на язык. карел. (Словарь Карелии 2, 348). ~ Ср. *кипýн* 'белый пузырь на языке' новгор. (Новг. словарь 4, 42). Ана-

логичные факты зафиксированы в говорах Полесья: ср. слова *кiпун, кiпотень*, функционирующие в составе вербальной формулы с изучаемой семантикой[2]. Очевидно, *кипун* < *типун*, ср. подобную мену в случаях *клиль* < *тлиль, кина* < *тина* (ЛК ТЭ) и др. Менее вероятна производность от *кипеть.*

Кляп бы тебе в рот! волог. ("В ругательстве говорят; т.е. желают, чтоб ему клином разинули рот, как прежде преступникам во время наказания их кнутом"), ленингр. (СРНГ 13, 331). ~ Ср. литер. *кляп*, а также *кляч в горле встал* 'об ощущении комка в горле' при *кляч* 'чурка' (Словарь Карелии 2, 379).

Кол бы тебе в горло! карел. (Словарь Карелии 2, 396). *Кол бы тебе в кáдку!* карел. (Словарь Карелии 2, 310). *Кол в хайло!* перм. // Ежли уж матюшатся с большиё матери, дак им скажут: кол вам в хайло! // (Перм. словарь 1, 403). *Колом тя в горло (по горлу)!* пск., твер. (СРНГ 13, 110). ~ Ср. *кáдка* 'горло' (Словарь Карелии 2, 310).

Корочýн тебе на язык! новгор. (Новг. словарь 4, 117). ~ Ср. *корочун* 'тяжелая болезнь', 'злой дух, нечистая сила' (Новг. словарь 4, 117), а также *карачун* 'внезапная, неожиданная смерть', 'злой дух, черт, демон' и др. (СРНГ 13, 75). Это слово является производным от **korčiti* 'шагать' с суф. *-unъ* (т.е. исходно 'шагающий, приходящий'); спектр значений, в котором оказываются соотнесенными семантические сферы 'болезнь', 'смерть', 'злой дух, демон', 'святочный обряд, коляда' и др., можно считать характерным для лексики такого типа[3].

Корх тебе седь на язык! арханг. // Не к добру чего скажешь: "Корх тебе седь на язык!" // (ЛК ТЭ). ~ Ср. *корх* 'коршун'; 'типун на языке куриц'. арханг. (ЛК ТЭ).

Леснóй в рот. свердл. (Сл. Сред. Урала 2, 93). ~ Ср. *леснóй* 'леший' (Сл. Сред. Урала 2, 93).

Нож ему в ад (глотку). перм. (СРНГ 21, 268). ~ Ср. *ад* 'пасть, горло, глотка, рот' (СРНГ 1, 203–204).

Сулемá на язык тебе! волог. (ЛК ТЭ). ~ Вторичное заимствование *сулема* дает в говорах широкий набор значений, среди которых 'несъедобная пища, отрава; приворотное зелье; мусор' (ЛК ТЭ) и др. В составе рассматриваемого выражения, скорее всего, функционирует *сулема* 'отрава' (ср. *сулемовый настой* 'которым крестьяне, лечась, частенько отравляются' [Даль[2] IV, 359]); фиксируются и другие негативные вербальные формулы с использованием *сулемы: сулема тебе в руки; сулема его побери* (ЛК ТЭ).

Трѐсья тебе (ему, ей) на язык! // Тресья бы тебе на язык-от села, чтоб не обалтывала меня, бессовестная // сев.-прикам. (Прокошева, 102). ~ Ср. *трéсся, тряссá* 'гнетучка, кумоха, лихорадка' волог., юж., вост. (Даль[2] IV, 439), *трéсья* 'беда, неприятное происшествие' волог. (ЛК ТЭ). Обозначения лихорадки используются в

других негативных вербальных формулах: *трясца́, тря́сье тебе!* (Даль[2] IV, 439), *тресь ее побери!* (Прокошева, 102), *трясучка тебя истряси* (СРНГ 12, 266).

Червь под язык тебе! арханг. // Червь под язык тебе! – все неладно говоришь // // Червь тебе под язык! – помолвка была такая; а кто скажет "Волос тебе под язык!" // // Червь под язык тебе! Скажешь ты про мою корову, така хороша, скажут, червь под язык тебе, чтобы не изурочила, а то скотина прикоснёт // (ЛК ТЭ).

Чивера тебе на язык! перм.[4] ~ Ср. *чи́веретъ* 'худеть, сохнуть' пск. (Опыт, 257), *ча́веретъ, ча́вретъ, иаври́ть* 'блекнуть, вянуть, чахнуть, сохнуть; хилеть, хизнуть; загнивать' (Даль[2] IV, 508) и др. (об этих глаголах см. [ЭССЯ 4, 32]).

Чи́рей бы тебе на язык! волог. (ЛК ТЭ). *Чире́й вам в рот!* олон. (Куликовский, 133). ~ Ср. *чирей тебе в костыч* (кафтан)! (СРНГ 15, 86).

Чтоб тебе глотку закла́ло! новосиб. (Новосиб. словарь, 171).

Чтоб тебе язык напя́ло (вытянуло). донск. (Донской словарь 2, 168).

Шишепота (шишепотишше) те на язык![5]

Язвина тебе в рот. сиб. (Фразеол. сл. Сибири 160).

Изучаемые формулы реализуют различные структурные модели, нередко пересекающиеся в основных звеньях. Набор элементов, которые могут использоваться в составе этих моделей, таков: *орудие негативного воздействия – негативное воздействие – объект воздействия* (адресат проклятия) – *локус.*

Позиция **адресата** наименее интересна, здесь обычно выступает местоимение 2 л. ед.ч., реже – 3 л.

Локус воздействия означивается словами, называющими органы ротовой полости и смежные с ними: *ад, горло, кадка, кадык, рот, хайло, язык.*

Наиболее разнообразна лексика, называющая **орудие негативного воздействия** (неодушевленное или персонифицированное). Здесь выделяются следующие группы (многозначные лексемы вроде *корочун, волос* и др. будут поданы условно в составе той группы, куда следует отнести основное – хотя бы по критерию частотности – значение слова):

– названия заболеваний, болезненных повреждений (чаще кожных – язв, нарывов и т.п.): *васиха, жёлви* (*желвак, жёлги* и др.), *кипун, тресья, чивера, чирей, шишепота, язвина*;

– названия животных: пресмыкающиеся *(волос, змей, червь)*, земноводные *(жаба)*, птицы *(желна, корх)*;

– названия мифических существ: *корочун, лесной*;

– обозначения предметов, которые могут использоваться для нанесения увечий, отравления и т.п.: *кляп, кол, нож, сулема.*

Меньшим разнообразием отличаются характеристики самого́ **негативного воздействия** (соответствующая позиция в составе формулы нередко оказывается незаполненной). Эти действия либо подаются безлично *(выщипать, закласть, засадить, *напять)*, либо приписываются перечисленным выше "субъектам" *(колонуть, сесть, съесть)*.

Охарактеризовав в общем виде своеобразие лексики, функционирующей в составе изучаемых формул, представим некоторые комментарии мотивационного характера.

Думается, что следует особо выделить "жабьи" идиомы. Семантическая связь 'жаба' → 'рот'[6] весьма устойчива как в русских говорах, так и в славянских языках в целом и разработана с разных сторон: имеют языковую экспликацию функциональные мотивы 'хватающая ртом', 'жующая', "портретный" мотив 'имеющая большой уродливый рот', а также "сценарный" мотив, приписывающий жабе способность залезать в рот человека. Последний проявляется на языковом уровне в наименованиях различных болезней, болезненных выпуклостей, локализующихся чаще всего во рту, в горле, в области шеи[7], а также во внутренней форме идиом типа *жабу тебе в рот*[8]. Наличие анатомического и функционального мотивов укрепляет и поддерживает сценарный мотив, создавая номинативный материал, который может быть "повернут" различными способами.

С "жабьими" формулами перекликаются выражения, в состав которых входит слово *желвак*, а также активно варьирующиеся *жёлви, жёвьи, жёвли* и т.п. Базовой для этих вариативных форм следует считать лексему *жёлви* с исходной семантикой 'комок, бугорок, ж е л в а к', восходящую к **žel-* (< и.-е. **ghel-*, который выступает в разных названиях шишек, желваков, камешков) с расширением *-й* > *-у*[9]. Варьирование данной формы обусловлено как деэтимологизацией, так и контаминационными процессами – например, аттракцией к *жевать* (ср. варианты *жёви, жёвьи, жёвли*). Такая аттракция обусловлена не только формальной близостью этих слов (усугубляемой типичным для севернорусской фонетики произнесением [ў] на месте [л]), но и имеет содержательную подоплеку – представление о том, что разного рода опухоли на языке (в частности, типун на языке куриц) могут "н а ж е в ы в а т ь с я", ср. эту идею в контексте к слову *пи́пыш* 'типун на языке куриц' // *пипыш у кур быват, наедают они себе, н а ж ё в ы в а ю т* // волог. (ЛК ТЭ) (в поле аттракционных сближений такого рода оказывается и *жёлвить* 'есть, принимать пищу' арханг. [ЛК ТЭ]).

Весьма интересны птичьи образы, функционирующие в составе вербальных формул *желна тебя колони* и *корх тебе седь на язык*.

Образ желны (черного дятла) живо восстанавливается языковым сознанием из соответствующей идиомы (ср. контекст // Говоришь плохое против Бога да против человека – ну, *жеуна тебя колони!* Жеуна-то в лисе дятеу. Скажет кто лишнее: “Ну, *жеуна тебя колони!*” //), однако появление этого образа имеет, как представляется, не столько внеязыковую, сколько внутриязыковую мотивацию. Рассматривая внутриязыковые предпосылки следует, во-первых, обратить внимание на лексему *жёвна (жёвня)* ‘опухоль на языке куриц, типун’ волог. (ЛК ТЭ), для которой можно предполагать производность от *жевать*; семантически такая версия поддерживается упоминавшимся выше представлением о том, что типун “нажёвывается” курицами. Возможно, первичная форма *жёвна* подверглась аттракции к *желна* ‘дятел’ (вероятность такой аттракции подтверждается тем, что данные лексемы в говорах Русского Севера могут быть омофонами, ср. *жёлна* ‘черный дятел, желна’ арханг., волог. [ЛК ТЭ; СРНГ 9, 108] при явлении нейтрализации [в] и [л] в [ў]). Дополнительной смысловой поддержкой процесса аттракции становится представление о прожорливости желны, о ее свойстве постоянно “жеваться”, которое отражается, к примеру, в лексеме *желна́* ‘обжора; тот, кто беспрестанно ест, “жуется”’, *желни́ть* ‘беспрестанно есть, “жеваться”’ арханг., влад. (ЛК ТЭ; СРНГ 9, 108). Во-вторых, базой для аттракции к названию черного дятла мог стать другой омофон, ср. зафиксированную на территории Русского Севера лексему *желна́* ‘болячка’ карел. (Словарь Карелии 2, 46) (это слово, возможно, родственно *желуни́ца* ‘воспаление, гангрена’, которое, по мнению В.А. Меркуловой, восходит к **želunъ* ‘желчный’ < **želъ* ‘воспаление; горечь’[10]). Такая аттракция, как и предыдущая, имеет не только фонетическое, но и смысловое обоснование: наименования болезней, как было показано выше, активно функционируют в составе изучаемых вербальных формул. В-третьих, процесс аттракции мог быть спровоцирован не омофоничным, но тоже фонетически близким словом типа *желвь* и проч. (см. выше), являющимся обозначением опухоли горла, желвака, etc.[11] Факты такой аттракции отмечены А.В. Гурой: “Созвучием слов *желна* и *желвы* определяются некоторые коннотации, присущие образу дятла. Так, карпат. украинцы запрет убивать дятла (укр. *жовна*) объясняют опасением подхватить золотуху (укр. *жовны*), а русские парят и прикладывают траву “дятлевник” к воспаленным железам *(желвам)* на шее”[12]. Независимо от того, что является базой аттракции, следует предполагать, что при создании идиомы *желна тебя колони* происходит “оживление” образа птицы (наведенного, по-видимому, народно-этимологическими сближениями), когда ей приписываются обычные для дятла действия – стучать, колотить. Нельзя исключать

и существования внеязыковых факторов, обусловивших соотнесение представлений о типуне и дятле. Такие факторы могут быть аналогичны тем, что сработали при появлении другой "птичьей" формулы – *корх тебе седь на язык*.

В образе коршуна (*корха, коршака* и др.) ведущим мотивом является хищность. Непосредственная опасность для домашней птицы, исходящая от коршуна, обусловливает использование этого образа в составе бранных формул типа *коршáк тебя бей; коршáк тебя задери; коршáк тебя возьми* (СРНГ 15, 33). С точки зрения семантической типологии показательна фиксация аналогичных вербальных формул, например, в венгерском языке, ср.: *hogy a kánya vinné el* 'дьявол его возьми' (букв. "чтоб коршун унес его")[13]. Можно думать, что формула, обозначающая вербальный запрет, возникла в результате весьма типичного для изучаемого пласта идиоматики семантического сдвига: как было показано выше, смыслы 'черт побери!' и 'типун на язык!' нередко соседствуют в одном блоке вербальных формул и вполне обратимы. Однако фиксация слова *корх* 'типун на языке куриц' в архангельских говорах вне соответствующей формулы позволяет предположить и несколько иной ход семантического развития.

В плане типологии любопытно, что весьма редкая связь значений 'опасная, хищная птица' и 'типун' известна румынскому и молдавскому языкам: молд. *кóбе* – 1) типун (птичья болезнь); 2) фолькл. птица, которая криком предвещает беду (ворон, филин, сова, кукушка)[14]; рум. *cóbe* – 1) болезнь кончика языка птиц, типун; 2) птицы (кукушка, ворона и др.), которые своим криком предвещают несчастье[15]. Если словари современного румынского и молдавского дают такой порядок значений, то исторические словари румынского языка первичным для слова *cóbe* считают значение 'зловещая птица': 1) птица (сова, филин, кукушка, ворон и др.), которая возвещает несчастье); 2) любой предмет или явление, который предвещает несчастье; 3) несчастье; 4) болезнь у куриц и гусей, вызванная нехваткой воды, типун и др.[16] Первичность "птичьего" значения подтверждается этимологически: данное слово квалифицируется как заимствование из славянских языков, ср. ст.-слав. **кобь** 'гадание по птичьему полету или по встрече', др.-рус. *кобь* 'гадание по полету птиц; предзнаменование, колдовство и др.', при этом значение 'типун' считается региональной романской новацией (высказывается предположение, что его появление можно объяснить тем "жалким" звуком, который издает курица, больная типуном)[17]. Славянские лексемы являются продолжениями корня **kob-*, к гнезду которого относятся также наименования хищных птиц, ср.: болг. *кóбъц* 'сокол', слвц. *kobec* 'хищная птица Falco columbarius', русск. *кóбец, кóбчик* 'малый ястреб',

диал. *ко́бчик* ‘род ястреба’, укр. *кібець* ‘кобчик’ и др. (ЭССЯ 10, 101–102). Таким образом, румынский факт говорит о существовании семантического перехода *зловещая птица → типун на языке птиц*, направляемого, по всей видимости, семами ‘несущий опасность’, ‘зловещий’ (приведенная выше версия, которая связывает эти значения через идею звука, издаваемого больной курицей, малоубедительна): несмотря на то, что птичий типун является, казалось бы, незначительной “болячкой”, он тяжело переносится курами (*Хоть маленький пипчик, а куры быстро дохнут* [ЛК ТЭ]) и воспринимается как грозный знак, несущий серьезную опасность (ср.: *Сегодня пипыш к курам, а завтра беда к людям* [ЛК ТЭ], польск. *Drze pypeć wiosce niejednej niebodze, nahałasuje i naczyni strachu* [Варшавский словарь V, 449]).

Изложенное заставляет думать об устойчивой связи представлений о хищной (зловещей) птице, пророчащей беду, и вербальной угрозе – реакции на кощунственные слова. Тем самым создается мотивационная база для объяснения идиомы *корх тебе седь на язык*, а также смысловая поддержка – в данном случае внеязыковая мотивация, дополняющая собственно языковую – для интерпретации выражения *желна тебя колони*. Отметим, что представления о коршуне и желне, а также о вороне и кукушке, фигурирующих в приводившихся выше романских примерах, отличаются известным сходством: в славянских народных верованиях коршун и ястреб относятся к тому же разряду нечистых и зловещих птиц, что и представители семейства вороновых; черный дятел и кукушка предвещают скорую смерть или покойника; существует обрядовая параллель коршуна-ястреба и кукушки, ср. превращение кукушки в ястреба или коршуна; ястреб и коршун как нечистые и зловещие птицы нередко наделяются демоническими свойствами (в представлениях славянских народов, к примеру, в хищном ястребе скрывается черт; ср. русское выражение *черт коршуноватый*) и т.п.[18]

Говоря о мотивационном субстрате, который обусловливает взаимосвязь значений ‘птица’ и ‘типун на языке’, следует также напомнить, что образы различных птиц вообще устойчиво соотносятся со сферами, связанными с ротовой полостью, речью, ср.: *галки в рот влетели* ‘кто-либо остался обманутым’ (СРНГ 6, 114), *живы сороки изо рта летят* ‘о лживом человеке’ (Словарь Карелии 2, 56), *ворона в рот залетит* ‘о невнимательном человеке’ (ССРЛЯ II, 677), *птичка в роте у кого-либо* ‘о том, кто много говорит,.болтает’ (ЛК ТЭ), *дать дрозда* ‘делать выговор, устраивать разнос’ (ССРЛЯ IV, 478–479), *курятник разинуть* ‘внимательно слушать, раскрыв рот’ (Словарь Прииртышья 2, 85) и т.п. Этот образный материал стимулирует возможности создания новых номинативных

конфигураций, эксплуатирующих связь *птица* ⇔ *рот, речь*. Необходимо отметить и существование такого номинативного поворота данного материала, как мотив "клевания за язык", ср. *клюнуть в язык* 'сказать что-то некстати, не подумав' (ЛК ТЭ), серб. *ујела га пчела за језик* 'о пьяном человеке, который заикается, лепечет' (РСА VIII, 705).

Еще одна мотивационная предпосылка, обусловливающая связь представления о типуне и птичьих образов, заключается в том, что последние могут использоваться для обозначения разного рода пятен, в том числе болезненных[19], ср.: *галки* 'у торговцев крупами в дореволюционной России – темные пятна на гречневой крупе' (СРНГ 6, 114), *ласточка* 'болезнь (какая?)' *(Вот теперь трахомы называют, а мы называли ласточкой. Она вроде золотухи, нарывает на затылке)*, 'темное пятно на нёбе лошади' ("Якобы признак того, что лошадь проживет не более 7 лет, а если кобыла, то никогда не будет жеребиться") (СРНГ 16, 283)[20].

Наконец, с точки зрения языковой типологии следует привести также упоминаемую В.М. Мокиенко (без комментариев) связь значений 'типун' и 'синица' в венгерском языке (*pintyöke, cinke*)[21].

Заканчивая рассмотрение птичьих образов при обозначении типуна на языке, отметим, что множественность мотивационных ходов, движимых как когнитивными факторами, так и сугубо техническими внутриязыковыми обстоятельствами, создает, на первый взгляд, ситуацию "этимологического агностицизма", которая скрывает реальный генезис языкового факта. Однако эта ситуация создается скорее не субъективно, будучи привнесенной исследователем, а объективно – как отражение истинного положения при рождении такой языковой единицы, которая связана с реализацией магической функции языка (особенно это касается идиомы *желна тебя колони*).

"Птичья" тема неминуемо выводит на проблему происхождения самого слова *типун*. Эта лексема не рассматривается Ж.Ж. Варбот в ряде ее работ, посвященных продолжениям глагола **tipati* и родственных ему **tepti*, **tьpati* и др.[22], для которых восстанавливается первоначальное значение 'касаться, надавливать; ударять; бить, колотить'. Исключение *типуна* из этого гнезда мотивировано, вероятно, существованием версии о связи этого слова с нем. *Pips* 'типун, болезнь птиц' из лат. *pitūīta* 'густая слизь' (Фасмер IV, 60 – с замечанием "что не является удовлетворительным"). Действительно, обозначения типуна (болезни птиц) с начальным звукокомплексом *pip-/tip-* и под. во многих германских, романских и славянских языках возводятся в ряде этимологических исследований к латинскому источнику, ср., к примеру, этимологии англ. *pip*, нем. *Pips*, франц. *pépie* из

вульг.-лат. **pīppīta*, связанного отношениями диссимиляции с *pīttīta*, восходящим к клас.-лат. *pituīta* 'смола деревьев' и 'слизь' (Picoche, 379; Klein, 1188); болг. *пипетница*, с.-хорв. *popita* из итал. *pipita*, имеющего далее описанные выше связи (БЕР 5, 249; Skok III, 9) и др. При этом в тех же языках существуют многочисленные слова на *pip-/tip-*, связанные с "птичьей темой" и имеющие семантику писка или клевания, ср. рус. диал. *тúпнуть* 'клюнуть' (Даль[2] IV, 405), серб. *пипати* 'обдирать, облупливать, щипать', хорв. *pipac* 'клюв', чеш. *tipati/pipati* 'пищать (о птицах)', англ. *pip* 'пищать, чирикать', 'разбивать скорлупу', франц. *pépier* 'щебетать, чирикать, пищать' и мн. др. Это обстоятельство заставляет некоторых авторов отказываться от латинской версии и говорить о связи наименований *типуна* со словами звукоподражательного происхождения[23]. Не пытаясь решать вопрос о происхождении иноязычных обозначений типуна на *pip-/tip-* (особенно романских, где связь с латинским источником наиболее вероятна), укажем, что русское слово *типун*, как представляется, все же должно занять свое место среди продолжений **tipati*. Это мотивируется существованием в гнезде **tipati* (**tьpati* и др.) тех смысловых линий, которые релевантны для комплекса представлений о типуне, ср. идею "нажевывания" типуна (например, польск. *ćpać* 'много, медленно, постоянно есть, жевать' < **tьpati*[24]) и клевания (рус. диал. *тúпка* 'клюв', *типáть* 'клевать' (ЛК ТЭ), а также приводившееся выше слово *тúпнуть*). Тогда внутренняя форма слова *типун* – "тот, кто клюет" ("активность" словообразовательной модели понятна с учетом тех представлений, о которых речь шла выше; ср. *корочун, лизун* и т.п.). Следует вспомнить также о реализующих "птичью тему" многочисленных звукоподражаниях вроде *тип-тип-тип* 'подзывные слова для кур', *тúпеньки* 'курицы', *тúпки* 'цыплята' и под. (Новг. словарь 11, 38), которые могут быть связаны с **tipati* – тоже звукоподражательным по происхождению – через идею клевания (хотя нельзя отрицать и возможности их независимого образования).

По крайней мере, рассмотренный выше комплекс русских диалектных вербальных формул со значением 'типун тебе на язык' помогает уяснить специфику народных представлений, связанных с речевыми запретами, а также специфику мотивационных отношений в соответствующей группе лексики.

Примечания

1 *Меркулова В.А.* Народные названия болезней. II (на материале русского языка) // Этимология 1980. М., 1982, 156.

2 *Никончук М.В., Никончук О.М., Мойсієнко В.М.* Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001, 30.

[3] См.: ЭССЯ 11, 56–58; *Валенцова М.М. Карачун* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999, 468–469.

[4] *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999, 397.

[5] Там же.

[6] Наличие этой связи позволяет отрицать версию о заимствованном или мотивационно неясном характере рус. диал *жаба* 'рот' (см., например: *Меркулова В А.* Слав. **žab-*; праслав. **žarovъjь* 'высокий, прямой' // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, 76–78; *Плевачева Г.* К слав. **žabrъjь* // Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968, 93).

[7] Факты такого рода широко представлены в славянских языках, что позволило В.А. Меркуловой реконструировать общеславянское **žaba* 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных' (*Меркулова В.А.* Слав. **žab-*..., 72). Важно учитывать и дополнительные факторы, мотивирующие названия таких болезненных выпуклостей: это, во-первых, мотив "раздувания" (и связанный с ним мотив тяжелого дыхания: при опухолях горла может появляться одышка); во-вторых, мотив "бугристости" кожного покрова.

[8] Подробнее см.: *Березович Е.Л.* К интерпретации некоторых диалектных дериватов рус. *жаба, лягушка* // Общеславянский лингвистический атлас: Исследования и материалы. 1997–1999 (в печати).

[9] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991, 116.

[10] *Меркулова В.А.* Восточнославянские этимологии II // Этимология 1982. М., 1985, 39–40.

[11] Такая аттракция возможна в ряде славянских языков, см. обзор славянских орнитологических наименований, восходящих к **žьlna*, в работе Г.П. Клепиковой: *Клепикова Г.П.* Значения славянских орнитологических названий, восходящих к **ŽЬLNA* // Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 106–114.

[12] *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997, 714–715; *Он же. Дятел* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999, 171.

[13] *Országh L.* Magyar-angol szótár. Vol. I. Budapest, 1969, 974.

[14] Молдавско-русский словарь. М., 1961, 291.

[15] Dictionarul limbii romîne literare contemporane. Vol. I. Bucureşti, 1955–1957, 477.

[16] Dicţionarul Limbii Române, întocmit şi publicat după îndemnul şi cheltuiala Maiestăţii Sale Regelui Carol I. T. I, p. II, f. 1. Bucureşti, 1914, 25.

[17] *Tiktin H.* Dicţionar Român-German. Vol. I. Bucureşti, 1903, 379.

[18] *Гура А.В.* Символика животных..., 542, 548, 554–555, 705–707, 714.

[19] Ср. также, к примеру, факты украинского языка, где образ ласточки и сороки используется для обозначения веснушек: *ластовиння (Хто має ластовиння на виду, то, побачивше вперше весною ластівку, ... умываєтьcя, щоб не було того ластовиння) (Гринченко II, 346); сороче работине, ластовече работенйе* (*Никончук М.В., Никончук О.М., Мойсієнко В.М.* Поліська лексика народної медицини..., 64) и др.

20 При этом восприятие типуна как пятна на языке тоже имеет языковую верификацию, ср., например, данные словенского языка, где слово *pika* имеет, в числе прочих, значения ‘типун’ и ‘пятно’.

21 *Мокиенко В.М.* Образы русской речи..., 398.

22 См.: *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV // Этимология 1974. М., 1976, 32–36; *Она же.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // Этимология 1982. М., 1985. 29–31; *Она же.* О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1988, 68–69.

23 Ср., к примеру, версию Ст. Младенова, изложенную в (БЕР 5, 250).

24 *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI..., 29.

Принятые сокращения

ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания, г. Екатеринбург).

Прокошева – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.

А.Б. Пеньковский

*СЕБЕ НА УМЕ**

Дубовый листок оторвался
от ветки родимой...

М Ю. Лермонтов

Выражение *себе на уме* широко используется в живой разговорной речи и в отражающих ее литературных текстах для характеристики человека по таким признакам душевно-психического склада, как замкнутость или скрытность, за которыми могут стоять хитрость или лукавство, недоброжелательность или отчужденность, расчетливость или самоуглубленность и т.п. “Скрытен, хитер, имеет задние мысли” – так объясняет значение этого оборота Большой академический словарь (ССРЛЯ 13, 551); “скрытен, хитер,· имеет заднюю мысль” – повторяет словарь” С.И. Ожегова (Ожегов, 652); “скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений” – подтверждает “Фразеологический словарь” (Молотков 494) и приводит

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 01-04-00-132а).

следующие примеры его употребления: "Это человек опытный, *себе на уме,* не злой и не добрый, а более расчетливый; это – тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться" (Тургенев, Певцы); "В ту пору он держался в стороне от товарищей и слыл среди них за человека *себе на уме*" (М. Горький. Мужик); " – Четвертый год живу с тобой, матушка, душа в душу, а каковы твои сокровенные помыслы касательно дел важных – не ведаю. Ты *себе на уме,* матушка" (В. Шишков. Емельян Пугачев) и др. Таковы же свидетельства, извлекаемые из текстов более позднего времени: "Иногда Юрова разбирало сомнение: может, старик его просто-напросто дурачит? Прикидывается слепым и глухим, а сам – *себе на уме*? И знай посмеивается над их доверчивостью..." (А. Яхонтов. Крот); "Вообще Куник Глебову не нравился. Он был какой-то очень молчаливый, неприветливый... и *себе на уме*" (Ю. Трифонов. Дом на набережной); "– Тот типус! *Очень себе на уме*! скользкий, увертливый..." (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); "...незадолго до события у Королькова, человека замкнутого, нелюдимого, что называется "*себе на уме*", была отобрана немецкая листовка-пропуск..." (Литературная газета, 1 июня 1988 г.); "...руководитель видит порой выход в том, чтобы подлинные свои решения не афишировать, оставаться, что называется, "*себе на уме*", а на поверхности оставлять примитивные документированные решения и пояснения к ним..." (Правда, 10 ноября 1988 г.) и др. под.

Во всех таких случаях говорящий, приписывая тому или иному лицу признак *себе на уме,* не только характеризует его соответствующим образом, но и дает ему сдержанно отрицательную оценку. И поскольку *себе на уме* – к а ч е с т в е н н ы й признак, он может быть измерен по степени его интенсивности (*слегка, немного, немножко* или, как в приведенном выше примере из Ю. Домбровского, *очень себе на уме*) и даже, если исходить из высказываний типа "Не верю я вашему Невскому. Уж *слишком* он *себе на уме*" (М. Осоргин. Невеста), соотнесен с некоторой средней – умеренной – степенью его проявления, что свидетельствует, по-видимому, о наличии в нашем подсознании нормы этого признака, превышение которой исключает возможность доверия и вообще положительного отношения к его носителю. Ср. еще: "Сын ⟨Хрущева⟩ говорит, что Брежнев *был хитрый и злопамятный. Но Хрущев тоже был себе на уме. Два сапога – пара. На весах бы друг друга не перетянули*" ("Собеседник", 1988. № 51. С. 5).

Показательно, что такая характеристика-оценка дается обычно "за глаза" тому, кто ее не слышит, не участвуя в диалоге, третьему лицу, о котором говорят в его отсутствие, или – реже – в качестве упрека адресуется собеседнику, как в цитированном ранее тексте В. Шишкова, но едва ли может быть использована говоря-

щим по отношению к самому себе. Можно сказать, пускаясь в самоанализ: "Я человек замкнутый, и поэтому у меня так трудно складываются отношения с товарищами по работе". Можно, оправдываясь, признать: "Да, вы правы, я скрытен, но не потому, что таю за душой что-нибудь недоброе...". Ср.: "Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, когда и с которого конца начать..." (Н.В. Гоголь – А.С. Данилевскому, 1 апреля 1844 г.). Но, по-видимому, невозможно ни при каких обстоятельствах сказать: "*Я, знаете ли, себе на уме...*"

* * *

Себе на уме принадлежит к тому типу устойчивых, застывших, употребляющихся в готовом виде фразеологических оборотов, значение которых не может быть выведено из значений составляющих их единиц. Степень связности элементов этого фразеологического целого настолько велика, что ни одно слово в его составе нельзя ни опустить, ни заменить каким-нибудь другим. Нельзя сказать ни **тебе (мне, ему, ей, им) на уме*, ни **себе в уме*, ни **себе на душе* или **себе на сердце*. Нельзя даже изменить здесь порядок слов: не **на уме себе*, а *себе на уме*. Только так и никак иначе.

Однако такая мертвая жесткость и неподвижность его состава и абсолютная невыводимость, немотивированность его значения не могут быть изначальными. Когда-то – в более или менее отдаленном прошлом – составляющие этот оборот слова должны были иметь самостоятельное значение, а значение целого не могло не быть рационально осмысленным. Но первоначальный смысл, как и в истории многих других фразеологизмов, забылся, и нам необходимо понять, как это могло произойти, чтобы восстановить, воскресить и объяснить его.

Известно, что многие осмысленные сочетания слов утрачивали первоначально прозрачное значение и превращались в застывшие обороты в связи с тем, что отдельные слова в их составе по тем или иным причинам выходили из общего употребления. Так, например, ушло из языка слово *баклуша* (мн.ч. – *баклуши*), и поэтому сочетание *бить баклуши*, в котором оно продолжало употребляться, превратилось в застывший оборот с невыводимым значением 'лениться, бездельничать'. То же произошло в таких случаях, как *точить лясы* – 'болтать', *задать стрекача / стречка* – убежать', *турусы на колесах* – 'болтовня, небылицы, вздор, глупости', *попасть, -ся впросак* – 'оказаться по оплошности в трудном положении' и т.п. Очевидно, что к выражению *себе на уме* это объяснение не подходит: все три его элемента – местоимение, предлог и существительное – сохраняются в языке и свободно употребляются независимо друг от

друга, как равным образом и две его смысловых части – *себе*, с одной стороны, и *на уме* – с другой.

Предложно-падежное сочетание *на уме* (как и его вариант *в уме*) используется для обозначения того, что разного рода мыслительные действия, а также чувства и переживания человека замкнуты в сфере его сознания и не получают внешнего выражения в произносимом или писаном слове. Так *быть (иметься) на уме* значит 'быть, иметься в мыслях, в сознании' (ср. пословицы *У голодной куме всё хлеб на уме; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* и т.п.); а *держать на уме (в уме), иметь на уме (в уме) что-либо, кого-либо* значит 'думать, помнить о чем-либо, о ком-либо'. Ср.: "С превеликою охотою мы благословляли путь всем прочим, мимо нас идущим полкам и желали им в походе приобресть славу и иметь всякое благополучие, а сами и *на уме не имели* досадовать на то, что не будем иметь счастия быть с ними..." (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); "Литвинов *держал одно в уме*: увидеться с Ириной" (И.С. Тургенев. Дым). То же в конструкциях с эллипсисом глагольного компонента в высказываниях типа *У него (у нее, у них, у тебя) на уме (в уме) только девочки (мальчики, развлечения, футбол)*, где важна именно идея не выраженной и не выражаемой в слове концентрации мыслей и чувств на том или ином предмете.

В ином – инструментальном – повороте то же самое имеет место в выражениях типа *в уме* (в старом русском языке также *на уме*), т.е. 'в мыслях, мысленно', *решать задачи* (*производить математические действия, вести расчеты и подсчеты, прикидывать, взвешивать, сопоставлять, замечать, отмечать* и т.д.). Ср.: "*Всё сие замечал я на уме*, дабы приобщить потом к описанию крестьян свои замечания..." (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); "Сядешь на охотничьи дрожки и едешь шагом, кормя ястреба и *пересчитывая в уме затравленных перепелок*" (С.Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника); "*Счет своим богатствам* Зоя Васильевна *вела только в уме, не осмеливаясь довериться бумаге...*" (А. Адамов. Час ночи).

Этот последний пример особенно интересен и важен, потому что позволяет воочию видеть, как совершается переход от обозначения того, что естественно находится внутри сознания человека и не выходит вовне, к обозначению того, что намеренно скрывается, утаивается и не выпускается наружу. Поэтому и *держать на уме* может обозначать не только 'думать, помнить', но и 'скрывать, утаивать в мыслях': "Карп ясно понял, что Аксен неспроста отказывается от денег, что верно *держал на уме* какое-нибудь намерение" (Д.В. Григорович. Пахатник и бархатник); "Его лукавая, насмешливая улыбка все сбивает с толку, и не знаешь: правду говорит или глумится, свое *дер-*

жит на уме" (Д. Фурманов. Мятеж). Ср. поговорку "*Два пишем – три в уме*", которая используется и в своем прямом, формульно-арифметическом значении, и переносно – как выражение лукавого сокрытия некоторой части чего-либо (от доходов до правды-истины).

Очевидно, что это значение скрываемой мысли, утаиваемых замыслов или намерений и есть то самое значение, которое входит в целостный смысл интересующего нас оборота *себе на уме*. Но в таком случае естественно возникает вопрос о том, какой вклад в смысловое целое этого оборота вносит его первая часть – местоимение *себе*.

* * *

Возвратное местоимение *себе* (оно не имеет формы именительного падежа, и начальной для него считается форма винительного – *себя*), помимо основного – возвратного – значения (ср.: *лечить себя, вредить себе* и т.п.), используется еще для передачи нескольких других типовых смыслов. Так, например, оно может указывать на то, что действие – вместе с его объектом – замыкается во внешней жизненной сфере того, кто его производит. Ср.: *купить себе костюм, приготовить себе обед*.

Но существует еще одна группа словоупотреблений слова *себе*, представленная высказываниями типа *Поплакала она себе в уголке да и пошла; Он идет себе, никого не замечая; Ему показывают, что время истекло, а он говорит себе и говорит* и т.п. Наши словари, констатируя, что такое *себе* изменяет своей местоименной природе и функционирует в качестве частицы, приписывают ему "значение свободного, независимого действия" (Ожегов 651; МАС IV, 67) или функции "подчеркивания свободы протекания действия", "его совершения в свое удовольствие или в своих интересах" (ССРЛЯ 13, 549)[1].

Едва ли, однако, такие определения справедливы. Ибо свобода свободе и независимость независимости рознь. Есть свобода и независимость в м и р е и есть свобода и независимость о т м и р а. Говоря младшему, присутствующему при беседе взрослых: "*Ты сидишь здесь и сиди себе и молчи себе в тряпочку*", старший, конечно, предоставляет ему "свободу" остаться, но при этом лишает его права голоса. Какое уж тут "собственное удовольствие" и какие "собственные интересы"! Полученная таким образом "свобода" – это свобода о т ч у ж д е н н о г о. Именно это значение – значение с а м о о т ч у ж д е н и я или о т ч у ж д е н и я д р у г о г о – и несет местоименная частица *себе*. На самом деле она указывает на то, что субъект действия – по собственной воле или по доброй / недоброй воле другого (действуя в своих интересах или не преследуя никаких

интересов, получая удовольствие или не получая его – все это зависит от меняющихся ситуаций и отражающих их контекстов!) – з а м ы к а е т с е б я в с в о е м д е й с т в и и и, б у д у ч и п о л н о с т ь ю з а х в а ч е н и п о г л о щ е н и м, о т ч у ж д а е т о к р у ж а ю щ и й м и р о т с е б я или, з а м ы к а я д е й с т в и е в с е б е, с е б я о т ч у ж д а е т о т в н е ш н е г о м и р а, или же о т ч у ж д а е т с я м и р о м и, оказываясь объектом отчуждения, з а м ы к а е т с я в с е б е и в с в о е м д е й с т в и и.

Вот несколько показательных контекстов: "Он ⟨граф Б⟩ стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. "Вам, кажется, теперь не до смерти, – сказал я ему, – вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать" – "*Вы ничуть не мешаете мне,* – возразил он, – *извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно...*"..." (А.С. Пушкин. Выстрел, 1); "Помилуй, – сказала я однажды, – *охота тебе вмешиваться не в наше дело.* Пусть мужчины *себе дерутся* и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и *им дела нет до Бонапарта...*" (А.С. Пушкин. Рославлев); " – Вот! – сказала Лиза, – господа в ссоре, а слуги друг друга угощают. – *А нам какое дело до господ*! – возразила Настя, – к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а *старики пускай себе дерутся, коли им это весело...*" (А.С. Пушкин, Барышня-крестьянка); "И табор свой с классических вершинок / Перенесли мы на толкучий рынок, / И там *себе мы возимся в грязи,* / Торгуемся, бранимся так, что любо..." (А.С. Пушкин. Домик в Коломне); "С мечети божьей лишь мулла седой / Ему ⟨Акбулату⟩ смеясь кивает головой – / И говорит: "Куда спешишь, мой сын? / Не лучше ли гулять в широком поле? / Черкес прямой – всегда, везде один / И служит только родине да воле! / ⟨...⟩ / Но, если б он послушался меня, / Жену бы кинул – а купил коня!" / – *Молись себе пророку,* злой мулла, / *И не мешайся* так в дела *чужие.* / Твой верен глаз – моя верней стрела: / За весь табун твой не отдам жены я!.." (М.Ю. Лермонтов. Аул Бастунджи).

Этот свойственный частице *себе* семантический комплекс "замкнутость во внутреннем мире / отчужденность от мира внешнего" передается также подкрепляющей и усиливающей ее сопровождающей глагольной частицей *знай,* генетически – формой императива глагола *знать,* древнейшее этимологическое значение которого – "в н у т р е н н е е г л у б и н н о е з н а н и е" в противопоставлении идее "в н е ш н е г о, и з в н е п о л у ч а е м о г о з н а н и я", носителем которой является глагол *ведать.* Ср.: *знать не*

знаю и ведать не ведаю, что значит исконно" сам не знаю и от других не слышал". Как определяют наши словари, *знай / знай себе* (в сочетании с глагольными формами) – "не обращая внимания ни на кого, ни на что" (ССРЛЯ 4, 1291; Ожегов 215; МАС I, 617).

Отсюда лишь один шаг до того значения, которое нас занимает. Это значение представляет собой указание на то, что действие мысли, речи или чувства замыкается во внутреннем мире, в сознании человека, не получая внешнего выражения в каких-либо действиях или в слове. Для выражения этого значения русский язык располагает целой серией местоименных оборотов, включающих формы возвратного местоимения *себя.* Среди них – широко употребительное сочетание *про себя* (ср.: *думать, говорить, вздыхать, тосковать, радоваться про себя*) и такие устаревающие или устаревшие (выходящие или уже вышедшие из употребления) обороты, как *внутри себя, с собой* (*сам с собой, наедине с собой, наедине с самим собой*), *в себе* (*сам в себе, в самом себе*) и др. Ср.: "Сам губернатор, *чувствуя внутри себя* всё превосходство умственных способностей председателя, отозвался о нем, как о человеке необыкновенном" (А.И. Герцен. Кто виноват?); "[Соррини] ...Не засмеешься ты, когда скажу, / Что и старик любить умеет сильно; / И в том признаешься невольно ты... / Любить! смешно, как *это слово /Употребляю я с самим собою...*" (М.Ю. Лермонтов. Испанцы, 2, 1, 1830); "Пьер *решил сам с собою* не бывать больше у Ростовых" (Л. Толстой. Война и мир); "Я возражал решительно, хотя *наедине с собою* понимал, что был неправ, даже очень неправ" (И.И. Панаев. Воспоминания); "Я *радуюсь в себе,* читая ваши письма..." (Н.И. Новиков – А.И. Кошелеву, 21 января 1812 г.); "В самом деле, – сказал я *сам в себе,* – ведь я сего не искал и не желал нимало..." (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения). Ср. также использование архаического оборота *сам в себе* как средства стилизации в новейшем переводе Евангелия: "И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников *сказали сами в себе*: Он богохульствует" (Мф. 9.9 // В мире книг, 1988. № 12. С. 25).

В этом синонимическом ряду находит место и беспредложная форма дательного падежа возвратного местоимения *себе,* которая используется преимущественно при глаголах мысли и речи для указания на то, что внутренняя речь или мысль имеют адресатом не какое-либо внешнее лицо, а самого говорящего: "Если бы, часто *думаю себе,* появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти 24 версты от Петербурга до Цар⟨ского⟩ С⟨ела⟩" (Н.В. Гоголь – В.А. Жуковскому, 10 сентября 1831 г.); "Ну, – *подумал я себе,* – дело плохо, надо убираться подобру-поздорову..." (П. Боборыкин. Соседка); «"Я сама виновата. Я раздражительна, я бессмысленно ревни-

ва...” – *говорила она себе*» (Л. Толстой. Анна Каренина). Ср. также варианты с подчеркивающе-усилительным распространителем *сам* (*-а, -и*): “Я дворянин, – *сказал я сам себе,* – я не создан терпеть унижения” (Д.И. Фонвизин. Разговор у княгини Халдиной); “А ты, мой друг, *говорил я сам себе,* – ступай-ка себе скорей в свое любезное Дворяниново” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); “Впредь, – *говорил я самому себе,* – должно мне быть осторожнее...” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...)

Во всех рассмотренных выше случаях выражается то значение внутреннего – скрытого или скрываемого – рече-мыслительного действия, которое обычно передается с участием образующих параллельный местоименному обширный синонимический ряд наречий и наречных оборотов, таких, как *мысленно, в мыслях, в душе* (ср. устар. *в духе*), *в глубине / тайниках души, внутренне* и др.[2] Ср.: «Он поворачивается на бок, с головой укутывается шинелью, *мысленно говорит*: “Надо было подпустить его, отвести удар, сшибить прикладом...”» (М. Шолохов. Тихий Дон); “Нет, – *говорит он в мыслях,* – я им этой радости не доставлю...” (П. Романов. День ушедший); “[Ноэми] ...Когда ж произношу его названье, / Хотя бы *в мыслях только я сказала* – / Фернандо!.. то краснею...” (М.Ю. Лермонтов. Испанцы, 3, 1) «”Ну, слава Богу, все кончилось”, – облегченно *говорит он в душе* и засыпает...” (В. Крестовский. Брат и сестра); “Чего только *не передумал я в глубине души* в эти дни, если бы ты знал...” (Г.С. Батеньков – А.В. Поджио, 25 января 1822 г.) и т.п. Ср. также устар. *в духе*: “Сколько раз *думал я в духе* все бросить, от всего отречься...” (М.М. Сперанский – Е.М. Сперанской, 21 марта 1813 г.); “Нет, – *говорил я в духе,* когда сон бежал глаз моих, – я не уступлю, я не поддамся...” (В.Л. Пушкин – И.И. Дмитриеву, 16 марта 1813 г.) и др. под.

В этом же ряду находится и устаревшее *на уме*: “Я делал вид, что внимательно его слушаю, улыбался, кивал ему головой, а сам *думал на уме* только о том, как бы сбыть этого скучного гостя…” (Записки князя Д.В. Мещерского, 1832).

* * *

Мы вернулись, таким образом к сочетанию *на уме,* и, следовательно, можем утверждать, что форма возвратного местоимения *себе,* принадлежащая местоименному синонимическому ряду, и сочетание *на уме,* принадлежащее наречно-именному синонимическому ряду, объединяются общим для обоих этих рядов смыслом, отсылающим к внутренней сфере сознания человека, в которой замыкаются речь и мысль, не получая выхода вовне и не реализуясь ни в физическое действие, ни в произносимое и/или писаное слово. Различие же между ними состоит в том, что *себе,* как и другие члены ме-

стоименного ряда, только у к а з ы в а е т на эту сферу, тогда как *на уме,* как и другие члены наречно-именного ряда, эту сферу н а з ы в а е т и (при всей неопределенности и расплывчатости таких ее участков или зон, как ум, мысли, душа, дух, сердце и др.), дифференцируя, конкретизирует.

Именно поэтому оказывается возможным объединение членов двух этих рядов – местоименного и наречно-именного – в составе одного высказывания. Такое объединение может осуществляться либо в целях усиления-подчеркивания, либо в целях уточнения и конкретизации.

В качестве яркого экспрессивно-усилительного средства, создающего эффект экстатического напряжения речи, этим приемом широко пользовался Ф.М. Достоевский. Ср., например, некоторые случаи такого объединения-нанизывания в языке его романа "Братья Карамазовы": «– Стойте, стойте, запишите так: "В буйстве он виновен, в тяжких побоях, нанесенных старику, виновен". Ну там еще *про себя, внутри, в глубине сердца своего* виновен...»; "Этот поступок он всю жизнь свою считал *глубоко про себя, в тайниках души своей* – самым подлым поступком всей своей жизни"; "Он сам твердо помнил, что *в душе своей* тогда же шепнул *про себя*: "А ведь вздор, не поедешь..." и мн. др. под.

Широкое распространение явлений такого рода в старом русском языке середины XVII – начала XIX в., как об этом свидетельствуют многочисленные фактические данные, должно, по-видимому, объясняться по-другому – как отражение неустойчивости и колебаний в долго и трудно складывающихся нормах литературного выражения. Ср., например, *думать, говорить (сказать) размышлять мысленно в себе, в мыслях сам с собой, в духе про себя, в душе себе самому* и т.п. Ср.: "Господи! – думал я тогда и *в мыслях говорил сам с собою,* – куда же мне идти и где искать спасения?.." (Д. Головин. Записки, 1819); "Я слушал его и *думал себе в душе,* что никогда не обращусь к нему более ни с какою нуждою" (И. Плещеев – А.М. Кутузову, 14 марта 1798 г.); "Положение мое показалось мне слишком трудным, и я *стал размышлять в себе на уме,* кого и кого я мог позвать себе в помощь" (Воспоминания Н.А. Мятлева, 1822 г.); и мн. др. под. Ср. в стилизации: "Да, я помню, я теперь понимаю..., как он при этом обреченно к ней склонялся, как будто он там что-то такое *втайне про себя уже наметил...*" (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Именно в этом ряду фактов находит свое законное место и наш оборот *себе на уме,* представляющий собой по происхождению объединение местоименного и наречно-именного показателей внутреннего протекания мысли – речи: "Ну, что же, – *сказал я себе на уме,* – придется начать все сначала..." (К.А. Полевой – Н.А. Полевому,

14 февраля 1820 г.); «...он очень занят принцем Прусским, ездил с ним часа три по городу; Москва ему очень полюбилась. Воротились в пятом часу домой и Волков, к досаде не самолюбия, не честолюбия, но желудка проголодавшегося, не был принцем удержан обедать и должен был идти в трактир. “Молчи же, принц, *сказал себе на уме комендант,* – я тебе за эту заплачу”...» (А.Я. Булгаков – К.Я. Булгакову, 10 сентября 1820 г.).

В первом из этих примеров представлено исходное состояние: *себе на уме* здесь – это свободное сочетание двух близких по значению показателей внутреннего протекания речи, каждый из которых может быть опущен без ущерба для целого. При этом форма *себе,* управляемая глаголом речи, выражает значение внутренней сферы речевого действия через указание на адресат речи, которым является сам говорящий.

Во втором высказывании исходное состояние, сохраняясь внешне без изменений, внутренне поколеблено и сдвинуто. Внутренняя речь обращена говорящим к самому себе как клятвенное обещание и в то же время адресована другому как обещание-угроза. Именно в такого рода контекстах и происходило, как можно предполагать, наполнение оборота *себе на уме* такими связанными с отрицательной оценкой смыслами, как недоброжелательность, хитрость, злоумышление и т.п. Форма возвратного местоимения *себе,* будучи знаком автоадресации, в то же время уже готова здесь к тому, чтобы освободиться от этого значения, став чистым показателем внутренней сферы речевого действия. Все сочетание поэтому как будто остается еще свободной связью двух его частей, однако опустить вторую из них уже нельзя. Прикрепленное к глаголу речи (*сказал*), это сочетание вполне готово от него оторваться. Ср. здесь возможность такой интерпретации, как “...сказал комендант, будучи себе на уме...”

Такому отрыву *себе на уме* от глаголов мысли-речи и превращению его в застывший фразеологический оборот с оценочно-характеризующим значением способствовали, как можно предполагать, несколько различных факторов. Среди них можно было бы отметить: 1) достаточно легко реализуемую возможность эллипсиса глаголов мысли-речи (ср.: “Стоит царский дворец на Неве-реке, / Перед ним лежит площадь белая, / А на ней стоит царь-гранитный столп. / 〈...〉 / На столпе том стоит ангел родственный. / Загляделся родной на старинный свой дом / *И себе на уме*: “Благодарствуй, брат! / Хорошо-высоко ты поставил меня / Наводнений, огня не терпеть мне здесь...”» (З.А. Волконская, Песнь невская, 1837); 2) чрезвычайную перегруженность синонимического ряда местоименных показателей внутренней мысли-речи, а также 3) долгую конкурентную борьбу предлогов *в* и *на* с винительным и предложным падежами, завершившуюся во многих случаях вытеснением из языка оборотов с

предлогом *на* (ср. *на ту пору – в ту пору, принести на жертву – принести в жертву* и т.п.) или их фразеологизованным разграничением, а также некоторые другие. Когда все эти факторы объединились, появился оборот *себе на уме,* который сегодня уже не помнит, на какой ветке он вырос.

Примечания

1 См. также: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. II. М., 2000, 574.

2 Подробнее см.: *Пеньковский А.Б.* Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // Норма в лексике и фразеологии / Отв. ред. Л.И. Скворцов, Б.С. Шварцкопф. М., 1983.

М. Якубович

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ В НАЗВАНИЯХ ЭМОЦИЙ

В настоящей статье рассматриваются типы семантической мотивации названий эмоций. Статья является частью более развернутого исследования, в котором предпринята попытка изучения источников разных видов мотиваций. Исследование проведено на материале славянских и неславянских языков. В настоящей статье проанализирована основная часть мотиваций – мотивации, связанные с физиологией человека.

1. Частым источником обозначений злости и гнева являются названия частей тела. Приведенные ниже слова базируются на названиях внутренних органов тела или на названиях субстанций, выделяемых этими внутренними органами.

Праслав. **sьrditi sę* ‘сердиться’, производное от праслав. **sьrdь* ‘сердце’, к нему примыкает алб. *zemëroj* ‘сердиться’ от *zemër* ‘сердце’, последнее, однако, может быть семантической калькой с.-хорв. *srditi.*

Польск. *rozjuszyć się* ‘рассердиться’, производное от *jūcha* ‘кровь’.

Праслав. **ętriti sę* ‘растравлять, бередить, способствовать гноению’, перен. ‘сердиться’, производное от праслав. **ętro* ‘печень; внутренности’ < и.-е. **en-tro* ‘внутренности’ (Słownik prasłowiański VI, 102–103).

Лат. *stomachari* 'досадовать, негодовать', производное от *stomachus* 'желудок', перен. 'дурное настроение, досада, раздражительность'.

Польск. *żołądkować się* 'сердиться', образованное от *żołądek* 'желудок', представляется семантической калькой с латинского оригинала.

Др.-греч. *χόλος, χολή* 'желчь', перен. 'раздражение, злоба', н.-греч. *χολιάζω* 'вызывать гнев, огорчение'. Как возможная семантическая калька с греческого определяется лат. *cholera* 'желчь', ставшее источником романских слов, обозначающих 'гнев' (фран. *colère*, итал. *collera*, испан. и португ. *cólera*), ср. также англ. *gall* (первично 'желчь', потом 'огорчение, обида') и продолжения праслав. **žьlčь* 'желчь', переносно 'злость' во всех славянских языках.

Англ. *spleen* 'селезенка', перен. 'дурное настроение', заимствованное из лат. *splēn* то же < др.-греч. *σπλήν* то же (Onions 855).

Можно думать, что первоначально эмоции считались следствием изменений, происходящих в определенных частях организма, а именно в сердце, в печени, в крови.

2. Другую группу составляют названия, основанные на внешних симптомах переживаемых эмоций.

Изменение цвета кожи стало основой лат. *pallere* 'становиться бледным', перен. 'бояться, страшиться, тревожиться', лат. *livere* 'быть синеватым', перен. 'завидовать', лат. *rubor* 'красный цвет', перен. 'стыд, стыдливость'.

Трепет, дрожь, оцепенение стало основой семантической мотивации прежде всего обозначений страха, ужаса, беспокойства, волнения. Лексемы, обозначающие физиологическую реакцию, употребляются переносно как обозначения эмоций, напр. рус. *трепетать*, польск. *drżeć* 'дрожать', с.-хорв. *jéziti* 'содрогаться', *strép(j)eti* 'дрожать, цепенеть, деревенеть', нем. *schaudern* 'дрожать, содрогаться', франц. *trembler* 'трястись, дрожать', итальян. *tremare* с тем же значением. Для всех приведенных выше слов наряду с исконным значением характерно тоже значение 'бояться, беспокоиться', которое в современных языках может считаться основным.

Особенный интерес представляют слова, имеющие давнюю письменную традицию, что позволяет проследить все этапы семантического развития. В этом плане греческий и латинский языки дают самый надежный материал. Приведем некоторые примеры.

Др.-греч. τρέμω 'дрожать, трястись от холода, от страха', производное τρομος 'дрожать от страха'; н.-греч. τρέμω наряду с исконным значением 'дрожать' имеет значение 'бояться'; в дериватах τρόμαρα 'ужас, страх, испуг', τρομάζω 'страшить, пугать' физиологическая семантика стёрлась;

Лат. *tremere* 'дрожать, трепетать'; продолжения этого глагола во французском и итальянском языках (франц. *trembler* 'трястись,

дрожать', итальян. *tremare* то же), помимо инновационной, сохранили первичную семантику; в дериватах, сложившихся на почве отдельных языков первичная семантика утрачена, ср. итальян. *tremarella* 'опасение, тревога'. По мнению некоторых этимологов (Bloch–Wartburg 164), франц. *craindre* (< др.-франц. *criembre*) 'бояться' восходит к реконструированному галльск.-роман. **cremere*, которое считается дублетом лат. *tremere*. Последнее, заимствованное в албанский, стало источником гл. *tremb* 'бояться, испугаться, беспокоиться' (Meyer 436).

Как физиологические, так и эмоциональные значения можно найти также в лексическом гнезде, к которому принадлежит лат. *pavor* 'страх, ужас': *pavitare* 'дрожать; лихорадить', 'бояться', *paveo* 'дрожать, бояться'. Это гнездо является источником обозначений страха в романских языках (франц. *peur*, исп. *pavor*, ср. итальян. *paura*). Однако допускается возможность и другого направления семантического развития. По данным "Этимологического словаря латинского языка" (Walde–Hofmann II 266), приведенные глаголы восходят к лат. *pavire* 'ударять, утаптывать, утрамбовывать'. Не исключено, что названными действиями, вызывающими состояние дрожи, непосредственно мотивированы значения 'пугаться', но при этом вполне допустим переход значений 'вызывать дрожь' и 'дрожать' > 'пугать' и 'пугаться'.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа удается выявить сходные мотивации в языках с более поздней письменной фиксацией, ср. гот. *af-slauþjan* 'пугать', для которого принимается родство с нем. *schlottern* 'трясти, дрожать' (Feist 9–10, Kluge[23] 729).

Кроме слов, происхождение которых не вызывает серьезных сомнений, в этимологической литературе, затрагивающей вопросы происхождения названий чувств, можно встретить гипотезы, основанные на сравнениях с иноязычными эквивалентами. В этом отношении показательны следующие примеры.

Лат. *terrere* 'устрашать, пугать, приводить в ужас', с точки зрения словаря Вальде–Хофманна (Walde–Hofmann II, 674–675), основано на и.-е. **teres-* 'дрожать' (ср. др.-инд. *trasati*, др.-греч. *τρέω*).

Др.-норв. *hraeddr* 'пугать' продолжает и.-е. корень **kret-* 'трясти' (Falk–Torp 928). В данном случае в качестве первоначального восстанавливается значение 'приводить в дрожь'.

Др.-греч. глагол φρί σσω со значением 'подниматься дыбом, щетиниться, быть шероховатым, ерошить, топорщить, иметь гусиную кожу, дрожать, трепетать, содрогаться', производное существительное φρίξ, -κός 'дрожь, волнение, рябь, зыбь', н.-греч. φρίσσω со значением 'дрожать' (особенно от страха); существительное φρίκη – 'дрожь, озноб, содрогание, ужас'. Фиксируются также существительные, заимствованные без первичной физиологической семантики в другие языки (алб. *frikë* 'беспокойство, страх', рум. *frică* 'страх').

Лат. *horrere* характеризуют значения ‘щетиниться, вставать дыбом, коченеть’ и ‘приходить в ужас, бояться, страшиться’, в романских языках продолжения лат. *horror* (франц. *horreur*, итальян. *orrore*, исп. *horror*) обозначают страх, ужас, отвращение. С тем же латинским глаголом связаны и названия ненависти. По мнению Чоранеску (Cioranescu 877), лат. *horrere* является источником рум. *uri* ‘ненавидеть’ и алб. заимствования *urrej* то же (ср. Meyer 459). Иного мнения Чабей: источником могло быть не латинское слово, а алб. *urrej* (Çabej II, 485).

Почти все из приведенных выше названий относятся к проявлениям чувства страха, ужаса, беспокойства. Реже встречаются обозначения других эмоций, мотивированные физиологической лексикой. Удивляет почти полное отсутствие названий отвращения, которые были бы мотивированы словами со значением ‘дрожь, озноб; оцепенение, окоченение’, хотя состояние отвращения может сопровождаться теми же физиологическими реакциями.

Внешне не так заметны сопутствующие эмоциям симптомы напряжения мускулов. Основанные на этих симптомах названия чувств составляют менее компактную группу. Диапазон эмоций здесь шире, чем в рассмотренной выше группе.

Состояние, связанное с напряжением мускулов, стимулировало переносное употребление таких названий, как рус. *напряжение* и польск. *napięcie* от *napiąć* ‘натянуть’. Эмоциональное значение вторично по отношению к физическому.

Представляется, что ту же мотивацию имеет словен. *togóta* ‘вспыльчивость, ярость, бешенство’, производное от прилагательного *tôg* < праслав. **tǫgъ* ‘твердый, натянутый’. В словенских диалектах это слово имеет значение ‘болезнь у домашних животных, похожая на эпилепсию’ (Pleteršnik II, 673). Хотя с праслав. **tǫg-* связаны названия и других эмоций (словен. *tóga*, рус. *туга*, болг. *тъга* ‘печаль’), представляется вполне вероятным независимое развитие семантической деривации в словенском языке.

Хотелось бы упомянуть и швед. *fasa* ‘испуг’, которое кажется связанным с дат. диал. *fas* ‘судорога, спазм, схватка’. Автор “Этимологического словаря шведского языка” (Hellquist 201) толкует шведское слово в связи с др.-дат. *fas* ‘атака’. Вполне допустимо предположение о промежуточной ступени ‘припадок, приступ’ в семантической эволюции слова.

Возвращаясь к рассмотренной выше группе мотиваций, связанных с дрожью, кажется оправданным включить сюда и названия, основанные на обозначениях холода. Как известно, понижение температуры тела вызывает физиологические реакции, характерные для некоторых эмоций, прежде всего мы имеем в виду дрожь. В этом нас убеждает и анализ фразеологических сочетаний. Однако следует за-

метить, что в этой группе при казалось бы ожидаемой мотивации названий страха семантикой холода все же преобладают названия других эмоций и прежде всего названия отвращения.

Весьма примечательны продолжения праслав. глаголов **mьrzěti*, **mьrziti* и **mьrznǫti* и дериваты от этих продолжений. Первичным для этих глаголов, связанных чередованием гласных с **morzъ* 'мороз' (ср. ЭССЯ 21, 159–166), обычно считается значение 'мерзнуть'. Продолжения инхоатива **mьrzn ǫti* относятся прежде всего к физическому ощущению холода, продолжения **mьrzěti*, **mьrziti* – к эмоциям отвращения, ненависти или антипатии. При сравнении продолжений этих глаголов в разных славянских языках обнаруживается, что значение 'отвращение' появилось ранее других зафиксированных эмоциональных значений.

Подобное семантическое развитие наблюдается и в др.-греч. στυξ 'проникающий холод; ненависть, отвращение', ср. производные στύγος 'ненависть', στυγέω 'чувствовать отвращение, ненависть', у которых значения 'холод', 'чувствовать холод' уже не встречаются.

Словен. *stud* 'отвращение' < праслав. **studъ* на фоне других продолжений праславянского имени, обозначающих чувство стыда, является собственно словенской семантической инновацией. Заметим, что праслав. **studъ* этимологически связано с вышеупомянутым др.-греч. στύξ.

Холод как мотивация чувства страха находит отражение в с.-хорв. *зебња* 'беспокойство', производном от *зепсти* 'чувствовать холод', перен. 'чувствовать страх'.

Несколько загадочной выглядит мотивация холодом в случае праслав. **stydъ*: **studъ* 'стыд', которое, как сказано выше, продолжает и.-е. корень *stoud-*. Такая семантическая мотивация удивляет потому, что в данном случае не наблюдается реакций, свойственных проявлению холода. Характерная реакция – покраснение, появление румянца, вызванное расширением кровеносных сосудов – ассоциируется больше с повышенной, чем с пониженной температурой тела. Такую же мотивировку наблюдаем в исп. *bochorno* с основным значением 'жара, духота, румянец', употребляемом переносно в качестве названия стыда. За отсутствием более убедительного объяснения полагаем, что название **stydъ*, **studъ* основано на вторичном явлении, связанном с чувством стыда, – на чувстве оцепенения. В отличие от покраснения, которое нельзя скрыть от глаз наблюдателя, возникающее при эмоции стыда ощущение оцепенения кажется внутренним, ощутимым только лицом, испытывающим данную эмоцию. В пользу этого объяснения говорят названия близкого стыду чувства стеснения, смущения, которое часто мотивировано такими понятиями, как 'связывать, стеснять', подразумевающими ощущение оцепенения.

Вполне понятна и очевидна мотивация рум. *ruşine* 'стыд', связанного с *roşu* 'красный' или лат. *rubor* 'красный цвет, румянец', переносно 'стыд', а также исп. *rubor* с тем же значением.

Покраснение лица стало мотивацией не только для обозначения чувства стыда. В литовском языке представлен гл. *rusti* 'сердиться, рыдать', производный от прилаг. *rudas* 'рыжий'. Кажется несомненным, что название мотивировано покраснением, которое появляется во время плача или гневного возбуждения. Другие названия основаны на таких органических явлениях, как ускоренное дыхание, одышка. Именно поэтому др.-греч. ϑυμός 'дыхание' переносно обозначало гнев. Аналогичные отношения характеризуют алб. *duf* 'гнев, ярость', восходящее к с.-хорв. *дух* 'дыхание', лтш. *dusmas* 'гнев', производное от *dust* 'тяжело дышать'.

Для чувства гнева характерны мотивации, которые в когнитивной литературе обычно рассматриваются как результат метафорического употребления названия сосуда. Сущность метафоры в том, что тело человека представляется как сосуд, а испытываемые телом эмоции как кипящая жидкость, которая ищет выхода из сосуда.

С нашей точки зрения, такое понимание мотивировано повышением кровяного давления в состоянии сильного гнева. Повышенное давление крови вызывает чувство внутреннего нажима. Именно этим объясняется и тот факт, что мотивация многих названий базируется на глагольной семантике 'подниматься вверх, кипеть, бродить', 'разбухать, надуваться', 'не помещаться в чем-нибудь; выходить из чего-нибудь'. Подтверждением чему могут служить следующие примеры.

Польск. *wzburzać się* 'подниматься, кипеть', 'волноваться, возмущаться', др.-греч. ἀγανακτέω 'бродить (о вине)', перен. 'сердиться, возмущаться, волноваться; горевать, сетовать', чеш. *nakvašovat se* 'ферментировать, бродить', перен. 'сердиться, беситься'.

Др.-греч. ὀργάω 'разбухать, становиться зрелым', перен. 'быть охваченным страстью', отсюда ὀργή 'темперамент, страсть, гнев, возмущение'.

Словац. *fúkat'* 'дуть', *fúkat' sa* 'надуваться', перен. 'сердиться, возмущаться; кичиться, чваниться', англ. *huff* 'сердить, раздражать', относимые к глаголам звукоподражательного происхождения с восстанавливаемым исходным значением 'дуть, надувать' (Onions 451), ср. также рус. *дуться*, с.-хорв. *дурити се* 'дуться'. Заметим, что для глаголов со значением 'дуть' можно допустить и другой вид мотивации – внешний вид надувающего щеки человека.

Из сравнительного анализа родственных языков, а в случае с албанским диалектом, можно извлечь следующие примеры.

Польск. *wściekać się* 'бесноваться' из праслав. **vъz-tekti*, для которого реконструируется значение 'подниматься вверх'.

Праслав. **duriti sę* 'подниматься вверх, кипеть': словац. *durit' sa* 'сердиться', с.-хорв. *дурити се* 'надуваться', польск. *durzyć się* 'быть влюбленным'.

Алб. гег. *mleff* < *mllë* 'ярость, бешенство, злость' тождественно диал. тоск. *mëllë* 'вздутие, опухоль' (Çabej 1, 352–3), что дает основание предположить, что значение гегского варианта вторично.

Нидерл. *verbolgen* 'раздраженный, негодующий' от **belgen* < прагерм. **belg-a* 'разбухать, вздуваться' (Franck 30).

Если исходить из данных последнего издания "Этимологического словаря немецкого языка", то нем. *Wut*, др.-в.-нем. *wuot* 'ярость' восходят к и.-е. **wat-* 'дуть, раздувать', что дает основание думать, что ту же мотивацию имеет германское название ярости (Kluge[23] 900).

Приведенные примеры имеют иную природу и тем самым отличаются по своей природе от примеров, рассмотренных в связи с лексикой, выражающей чувство страха. Названия страха мотивированы обозначениями внешних реакций, заметных окружающим, таких, как дрожь, гусиная кожа и др. В случае гнева имеем дело с внутренней реакцией, ощутимой в основном тем лицом, которое является субъектом эмоции. Внешние признаки гнева, напр. покраснение лица, редко выступают в качестве мотивирующих. Тем не менее список может быть расширен, если привлечь и названия, основанные на значениях 'гореть, пылать'. Ср.:

кашуб. *gořëc są* 'сердиться' < праслав. **goriti se* 'гореть, пылать' и восходящее к тому же глаголу с расширением суф. *-l-* чеш. *horlit se* 'возмущаться, сердиться';

польск. *zaperzać się* 'сердиться', связанное с *perzyna* (ст.-польск. *pyrzyna*) 'пепелище', и в.-луж. *pyrić so* 'пылать, дымиться, куриться', перен. 'пылать от гнева, сердиться' являются продолжениями праслав. **pyrěti* 'пылать', основанного на и.-е. **peuōr-*/**pūr-*/ : **pŭr-* 'огонь' (Pokorny I, 828).

Нельзя не упомянуть здесь и гипотезу о генетической связи праслав. **gněvъ* с гл. **gnětiti* 'разжигать' (Słownik prasłowiański VII, 176–179). Но, как известно, существуют и другие точки зрения на происхождение основного обозначения гнева в славянских языках (ср. Sławski I, 304; ЭССЯ 6, 168–170).

Несмотря на то, что представленные выше примеры составляют очень разнообразную картину, кажется вполне справедливым мнение, согласно которому физиология человека является основной мотивационной базой эмоциональной лексики. Следует подчеркнуть тот факт, что именно так образованы названия эмоций, определяемые психологами как начальные, свойственные людям на каждом этапе развития, среди них первое место занимают страх и гнев.

Б. Островский

СОХРАНИЛИСЬ ЛИ В БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ ОКРЕСТНОСТЕЙ МОГИЛЕВА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СРЕДНЕГО И МУЖСКОГО РОДА ОСНОВ НА *-ĭ-?

Проводимые уже более века в широком масштабе замечательными языковедами исторические и сравнительные исследования славянских языков дали много не подлежащих сомнению выводов и решений. В предпринимаемых в настоящее время детальных исследованиях остается все меньше места для сенсационных открытий. Некоторое поле для последних предоставляют исследователям работы из области истории лексики, поскольку появляющиеся время от времени новые диалектные словари нередко позволяют верифицировать более ранние выводы, особенно на тему первоначального территориального распространения конкретной лексемы или определенного словообразовательного типа, иногда они также дают более широкую, чем прежде, основу для реконструкции наиболее вероятной (достоверной) фонетической или морфологической праформы слова (принадлежность к соответствующему типу склонения).

В ходе моей работы над проблемой развития и эволюции славянской[1] флексии основ на *-ĭ- (главным образом субстантивной) имело место как раз настолько волнующее событие, что я хотел бы о нем рассказать.

Во время одной из бесчисленных, но при этом необыкновенно интересных встреч со множеством диалектных словарей и монографий я наткнулся на прямо-таки поразительный, с моей точки зрения, материал. Содержит его “Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны” И.К. Белькевича (редакторы Н.В. Бирилло и А.А. Кривицкий) (далее – Бялькевіч) – один из многих эксцерпируемых мною словарей белорусских диалектов. В этом словаре, содержащем около 20 тысяч слов и представляющем лексический фонд восточного белорусского говора окрестностей Могилёва в третьем десятилетии двадцатого столетия, находим следующие записи:

гаць, *-і* н. ‘гаць, грэбля’ (‘гать, плотина’) (Бялькевіч 134);
ярь, *-і* н. ‘яравыя пасевы’ (‘яровые посевы’) (Бялькевіч 509).

Квалификаторы, помещаемые около существительных, указывают на их грамматический род, следовательно сокращение “н.” около приведенных выше слов должно информировать нас об их принадлежности к категории существительных среднего рода (ср.: н.=назоўнік ніякага роду, Бялькевіч 15). Насколько одна из этих помет могла некоторым образом вызывать определенные сомне-

ния, настолько две привели меня в некоторое удивление и даже изумление. Ибо здесь следует напомнить, что до сих пор ни в одном памятнике славянской письменности и ни в одном славянском языке (будь то в литературном или в его диалектах) не обнаружено прямых свидетельств наличия существительных среднего рода основ на *-ĭ-[2].

Несколько иначе выглядит ситуация с существительными мужского рода основ на *-ĭ-. Процесс ассимиляции этой категории существительных, представленной ограниченной в количественном отношении группой слов, существительными, продолжающими старую флексию основ на *-*jo*, имел место уже в историческую эпоху. По этой причине процесс происшедших здесь изменений оказалось возможным восстановить на основе анализа конкретных данных, содержащихся в памятниках письменности. Исключительно полезными в этом вопросе оказались также диалектные факты. Сейчас не время для подробных отступлений, однако эту мысль следует завершить одной констатацией: существительные мужского рода, восходящие к старому склонению на *-ĭ-, оказались (почти бесследно) вытеснены из системы славянских языков. Кроме немногочисленных исключений.

На связь именно с этой, теперь уже необычайно редкой, категорией слов указывают квалификаторы м. = назоўнік мужчынскага роду (Бялькевіч 15), помещенные около четырех существительных, содержащихся в словаре могилевского говора. Они таковы:

асéць, *-і* м. 'сушыльня ў гумне [з падвальнай печчу]' ('род сушильни в риге') (Бялькевіч 59);

дроб, -і м. 'дроб' ('дробь (ружейная)') (Бялькевіч 157);

пéчынь, -і м. 'печань' ('печень') (Бялькевіч 326), а также

пóвыль, *-і* м. 'поваль, павалены лес' ('поваленные деревья, дрова' (Бялькевіч 334).

Если ограничиться исключительно этими данными, можно было бы провозгласить тезис о сохранении довольно внушительной группы существительных уже почти полностью отмершей категории, восходящих к праславянскому склонению основ на *-ĭ-, причем не только мужского рода, но и (что особенно интересно!) среднего. Дополнительным аргументом, свидетельствующим в пользу такого заключения, мог бы быть факт сосуществования всех приведенных здесь "архаичных" слов в одном и том же говоре. Это обстоятельство, как могло бы казаться, должно лишь повысить степень вероятности выдвинутого предположения. Однако, с другой стороны, результаты имеющихся до сих пор исследований (отсутствие реально засвидетельствованных в славянских языках существительных среднего рода и отмирание категории существительных мужского рода в склонении основ на *-ĭ-) заставили нас провести более внимательный анализ этих фактов.

К счастью, словарь Белькевича не ограничивается приведением сухих грамматических сведений и снабжением отдельных заглавных

слов квалификаторами, но приводит также примеры их употребления в контексте. Так приглядимся же к ним внимательнее.

Существительное *гаць* иллюстрируется следующим примером: **Ету** *гаць* толькі б пераехыць, а там будзіць добрыя дарога (Бялькевіч 134), слово *ярь*, в свою очередь, приводится в двух контекстах: Пайду пыгляжу, як-то *ярь* сёліта красуецца, а также Покуль што атпачываем: жыта дыжалі, а *ярі* няма **сьпелай** (Бялькевіч 509). Примеры употребления четырех остальных слов таковы: Аўса нысадзілі **цэлую** *асець*, Малыя пыдлазьзя ў **тваей** *асеці*, а также **Поўную** *асець* снапоў нысадзілі (Бялькевіч 59), Паедзім у лес, нысыбіраім *повылі* на дровы, а также Столькі насеклі лесу, цяпер нада **ету** *повыль* сыбіраць (Бялькевіч 334), Купіў сабе *дробі*, як гарох; порых маю, цяперь будзіць чым стрыляць (Бялькевіч 157) и наконец Сяньня матка зваріла **кароўській** *печынь* (Бялькевіч 326).

Приведенные примеры предоставляют в наше распоряжение довольно много новых, необычайно существенных сведений, и именно благодаря им в большинстве случаев мы можем внести коррективы в сделанные ранее предположения. Итак, значительная часть приведенных в словаре Белькевича родовых квалификаторов представляется ошибочной. Это утверждение формулируется исходя из представленных фактов, то есть на основе определяющих отдельные существительные местоимений или прилагательных, выполняющих в этих словосочетаниях функцию определения. Такие сочетания как **ету** *гаць* или *ярі* **сьпелай** не могут оставить даже тени сомнения в том, что мы имеем здесь дело с существительными женского рода, а не – как внушают нам квалификаторы – среднего.

Среди представленных выше четырех остальных слов по меньшей мере два являются в действительности существительными женского рода, а не – как нужно было бы думать на основании помещенного около них квалификатора – мужского. Об этом неопровержимо свидетельствует согласование в данном сочетании слов. На основании анализа такого сочетания мы можем безошибочно установить грамматический род существительного, так как находящееся рядом с ним определяющее слово должно в данном случае согласоваться по категории рода. Таким образом, примеры **тваей** *асеці* и **поўную** *асець*, а также **ету** (!) *повыль* безошибочно указывают на женский род представленных в этих сочетаниях существительных.

Дело значительно усложняется, когда на основании контекста мы не можем делать вывода о грамматическом роде слова, как это имеет место в случае с существительным *дроб*. Единственный помещенный в словаре восточной Могилевщины контекст употребления слова – купіў сабе *дробі* – дела до конца не проясняет. Разумеется, основываясь на нем, мы можем однозначно определить падеж и число интересующего нас существительного (мы имеем здесь дело с родительным

падежом единственного числа), но мы не в состоянии однозначно определить, имеем ли мы здесь дело с существительным мужского рода (как следовало бы судить по помещенному около слова квалификатору “мужской род”) или, может быть, все-таки с существительным женского рода (учитывая представленные выше погрешности), так как флексия склонения на *-ĭ- в данном падеже была идентичной для существительных обоих родов. Представленные в некоторых славянских языках соответствия мнимого могилевского архаизма (континуанты той же самой праславянской формы **drobь*) зафиксированы в женском роде[3]. Однако это не должно означать, что именно они непосредственно сохраняют первичный род праслова, поскольку, как известно, во всех славянских языках в результате процессов унификации и упрощения системы флексий произошло вытеснение из системы первоначальных существительных мужского рода основ на *-ĭ-. Некоторые из них, сохраняя первичный грамматический род, пополнили ряды существительных, восходящих к старому склонению основ на *-*jo*- (главным образом существительные, обозначающие виды животных и растений), в свою очередь, другие, а именно те, для которых фактор рода не был важным критерием классификации мира, оставаясь в том же самом склонении, изменили род на женский[4]. Так является ли могилевское существительное *дроб* континуантом сохранившейся в здешних говорах архаичной формы мужского рода славянской лексемы, или мы имеем здесь дело, скорее, с явлением иного рода (ошибкой автора или редактора или же опечаткой), – на этот вопрос мы не можем дать однозначного ответа. Если принять во внимание столь, надо сказать, многочисленные погрешности при ранее представленных словах этой группы, а также отсутствие возможности установить грамматический род белорусского диалектного *дроб* на основании контекста, можно было бы – почти со стопроцентной уверенностью – признать и эту лексему существительным женского рода, продолжающим старую флексию основ на *-ĭ-.

Однако в выясняющуюся – могло бы показаться – картину мнимых существительных основ на *-ĭ- в могилевских говорах вносит немалую сумятицу единственный, но весьма существенный факт. Так вот, последнее из нашей группы существительное – *печынь* – было употреблено с определением **кароўськiй** (прилагательное мужского рода), что указывает на правильность помещенного около него квалификатора “м.”, а приведенное окончание -*i*, свойственное старому родительному падежу единственного числа, убеждает нас, что в этом конкретном случае мы действительно можем иметь дело с существительным, продолжающим старое склонение мужского подтипа существительных основ на *-ĭ-.

Это последнее заключение позволяет присоединить могилевские говоры к совокупности тех уже немногочисленных славянских

диалектов, в которых до нынешнего времени сохранилось архаичное мужское склонение существительных, восходящее своими корнями к старому склонению основ на *-ĭ-.

Эту констатацию, сделанную после внимательного анализа данных и сравнения следующих из него выводов с более ранними заключениями, только отчасти можно назвать исследовательским успехом.

Ибо определенные сомнения остаются по-прежнему, а это не дает чувства полного удовлетворения проведенными исследованиями. Продолжает беспокоить вопрос, на каком уровне возникли описанные выше погрешности или неточности. Являются ли они делом рук автора, недосмотром со стороны редакторов тома или, может быть, типографским упущением, что, по моему убеждению, учитывая сравнительно большое количество ошибок одного и того же типа, наименее вероятно, но не исключено. Чтобы выяснить истину, надо было бы добраться или до рукописи автора, или до замечаний редакторов тома. Пока это не будет сделано (а задача это нелегкая, и не знаю, выполнимая ли вообще), будет невозможно дать однозначный ответ на продолжающие беспокоить нас вопросы.

Хотя словари и являются неиссякаемым источником, а диалекты – сокровищницей чрезвычайно редких, а часто – прямо-таки исключительных в разных отношениях (будь то в фонетическом, морфологическом или словообразовательном) слов, но задача лексиколога или этимолога – следить за тем, чтобы осмотрительно и умело пользоваться этим изобилием. Некритическое принятие помещенных около отдельных заглавных слов ошибочных квалификаторов или сведений, имеющих неясный для нас источник, – что я старался в этой статье показать – могло бы привести к неправильным выводам. В конечном результате получилось бы хотя и непреднамеренно, но искаженное изображение исследуемого фрагмента языковой действительности.

Ответ на поставленный в заглавии вопрос "сохранились ли в белорусских диалектах окрестностей Могилева существительные среднего и мужского рода основ на *-ĭ-?" может, таким образом, быть утвердительным лишь наполовину. Нет ни малейших оснований для того, чтобы доискиваться существительных среднего рода в исследуемых говорах. Зато несомненно, что до нашего времени сохранились следы старого мужского склонения основ на *-ĭ-, о чем бесспорно свидетельствует существительное *печынь* (< **pečenь*) и – может быть – *дроб*.

Примечания

[1] Особенно восточнославянской.

[2] Имеются лишь определенные следы, указывающие на наличие, по меньшей мере в древнейший период бытования славянской общности, существительных среднего рода основ на *-ĭ-. Одним из них является существительное **sьrdьce* (со структурным суффиксом *-kă*, наслоившимся на исходную форму **sьrdь*, ср. лит. *širdìs* f., однако следует обратить внимание на то, что в литов-

ском категория среднего рода утрачена). Другим таким существительным среднего рода основ на *-ĭ-, по мнению С.Б. Бернштейна (*Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, 254–255), могло быть праслав. слово **dobь*. О деталях см.: *Ostrowski B.* Prasłowiańska deklinacja *-ĭ-tematowa w świetle danych innych języków indoeuropejskich // Studia etymologica Brunensia 1. Brno, 2000, 96–98.

3 Соответствующий славянский материал см.: ЭССЯ 5, 121 (s.v. **drobь*) и Słownik prasłowiański IV, 248: *drobь* (s.v. *drobъ* 2: *drebъ*: *droba* f.: *drobь*).

4 В отдельных языках (а иногда даже в пределах одного и того же диалекта) функционируют параллельно (или же функционировали некогда, пока не победила одна из них) формы как мужского, так и женского рода одного и того же слова. Это свидетельствует о борьбе между двумя данными тенденциями.

Перевел с польского *А.А. Калашников*

А.К. Шапошников

ТРИ АРЕАЛА АРИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Этой работой автор надеется открыть серию публикаций о различных группах языковых реликтов из Северного Причерноморья. Репертуар языковых реликтов этого ареала необычайно богат. Здесь отмечены древние географические, родоплеменные и собственные имена кельто-иллирийского, фракийского, прабалтийского, греческого, тохарского, армянского, германского и общеславянского происхождения.

Уже сейчас достаточно известны многочисленные языковые следы туранской (восточно-иранской) и арийской (индоарийской) принадлежности в Северном Причерноморье. Индоарийские языковые реликты выбраны лишь ввиду значительной разработанности и готовности к публикации данного языкового материала.

Северный Кавказ (Maeotis Sindica)

Ареал реликтовой индоарийской ономастики на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье был определен уже в XIX в.[1] В XX столетии эта тема разрабатывалась такими крупнейшими языковедами как П. Кретчмер[2] и О. Трубачев[3].

Уже описанный прежде синдо-меотский ономастический материал, сам по себе способный служить неопровержимым доказательством факта пребывания носителей индоарийских диалектов на Северо-западном Кавказе, в Прикубанье и Приазовье, изрядно дополняется примерами заимствованной апеллятивной лексики индоарийского происхождения в северокавказских (абхазско-адыгских [черкесских] и восточно-кавказских) языках и в осетинских диалектах.

Проблема влияния индоарийского синдо-меотского языка на существующие ныне языки региона не получила еще всесторонней и глубокой разработки. Однако некоторые шаги в этом направлении уже проделаны.

Наиболее исследован вопрос индоарийского языкового субстрата в абхазско-адыгских (черкесских) языках. В работах Г.А. Климова и Б.Г. Джонуа[4], А.К. Шагирова и О.П. Дзидзария[5], А.К. Погодина[6], Н. Трубецкого[7], Ж. Дюмезиля[8], Х.У. Бейли[9] выявлен слой заимствованной индоарийской лексики в северо-западно-кавказских языках:

Абхазско-адыгские формы	**Индоарийские формы**
ачьэ, ажэ, дза, дзъа, дзы, дзъы ‘козел, коза’	*āja-, ajā* ‘козел, коза’
адзыс, адзышъ, ажэс, адзар, адзъар, ажар собир. ‘козлята’	*ájra-* ‘пастбище, выгон’
ейхъа, айхъа ‘железо, топор’	*áyah* ‘руда, железо, топор’
ачъы, шы ‘лошадь’	*áçva-* ‘конь, лошадь’
арадзны, аразны, рызна, тыжъыны, дыжъан, дэсвэны ‘серебро’	*árjuna-* ‘светлый, белый’
бый ‘овца’	*ávi-* ‘баран, овен’
бысым, пшвма, апшвма ‘гостеприимец, хозяин’	*paçumat* ‘богатый скотом’
бугъа ‘козел’	*buka-, buga-* ‘козел, коза’
Заранг (Старая Кубань)	*jaraṇa-, jaraṇ̥-ga* ‘старый’
йэбэ ‘ячмень’	*yáva-* ‘ячмень’
йез ‘медь’	*áyas* ‘руда, медь, бронза, железо’
кIата, аката ‘рыболовная сеть’	*káṭa-* ‘циновка, рогожка’
кыт, акыта ‘селение’	*kota-, kuta-* ‘укрепление’
моцIцI ‘месяц’	*mās* ‘месяц, луна’
мучIор ‘борода’	*çmáçru-, çmaçar* ‘усы, борода’
нысэ ‘невестка, сноха’	*snuṣa-* ‘сноха, невестка’
апса, апшъа ‘цена, стоимость’	*paçu-* ‘мелкий скот’
сэ, шъэ, шв ‘сто’	*çatá-, çat-* ‘сто’
санэ ‘вино’	*çaṇa-* ‘конопляный’
тэп ‘уголь, жар’	*tapa-* ‘жгучий, горячий, жар’
уасэ, ауаса ‘овца’	*vasná-* ‘покупная цена (в овцах), стоимость’
уэшъ, уэшьы, гвашв, (ай)гвышв, гьэсвэ ‘топор-колун’	*vāçi-* ‘нож, кинжал, топор, секира
уыды, уыд, ‘ведьма колдунья, колдун’	*vidyā, vídyā* ‘чародейство, колдовство’
хьялы ‘клин’	*kīla-* ‘колышек, клин’
ца ‘зуб’	*dát* ‘зуб’
шъэджашъ(э) < шъэгьашъ(э) ‘огромный, громадный’	*sāhasa-* ‘сильный’, *sājasa-* ‘огромный, большой’

Замечены также случаи осознанного калькирования реликтовой индоарийской ономастики адыгскими и тюркскими формами:
адыг. *Туа-псы* ‘Две реки’ калькирует индоар. **do-ab-* ‘две реки’.
адыг. *Псыж* ‘старая (река)’ калькирует индоар. **jaraṇ-ga-* ‘старая река’.
татар. *Кирпили* (**Кюпрюли*) ‘Мостовая’ калькирует индоар. **sitaka-* ‘мостовой, имеющий плотины’.

Обращаясь к проблеме арийско-восточно-северокавказских языковых контактов, отметим очевидную предварительность и слабую убедительность существующих разработок[10]. Работа над этой интересной проблемой еще далека от желаемой завершенности.

При изложении восточно-северокавказского языкового материала мы вынуждены пользоваться системой правосточно-северокавказской реконструкции С.Л. Николаева и С.А. Старостина, не имеющей пока независимой верификации и статуса общепринятой.

В ряде работ С.А. Старостина и С.Л. Николаева[11] отмечаются случаи заимствований из некоего древнего индоиранского языка (индоевропейского диалекта?) в восточно-кавказском праязыке. Некоторые из них представляются нам весьма вероятными индоарийскими языковыми проникновениями:

Правосточнокавказские формы	**Индоарийские формы**
**uaran-, uaral-* ‘верблюд’	др.-инд. *vāraṇá-* ‘дикий; слон’
**velθi* (?) ‘войлок, бурка’	др.-инд. *válça-* ‘отпрыск, побег, ветвь (волос)’
werse* (war-*?) ‘бычок, теленок, самец’	др.-инд. *vṛṣa-* ‘самец, бык’
**wVtVrV* ‘детеныш до года’ (правост.-кавк. вокализм не поддается убедительной реконструкции)	др.-инд. *sa-vatara-* ‘имеющий того же теленка’
**maidwV* ‘вид напитка из патоки, патока’ (м.б., корни **maid-* и **med-* – разные?)	др.-инд. *mádhu* ‘мед’, при авест. *maδu* ‘вино из ягод’

В работе С.А. Старостина 1988 г.[12] эти изоглоссы трактуются как «более или менее поздние “индоевропеизмы” в северокавказских языках». Мы бы указали на их очевидное индоарийское фонетическое оформление. Похоже, этот языковой материал относится ко II тыс. до н.э.

В аварском, даргинском, лакском, табасаранском, агульском, арчинском, годобском, ботлихском, бацбийском, чеченском, ингушском языках также отмечены некоторые лексические проникновения из индоарийских языков в работах П.К. Услара, А.К. Погодина[13] и А.К. Шагирова[14]:

Сев.-вост.-кавк. языки:	**Индоарийские языки:**
арси, арс, арцу, арс, гlарац, дети 'серебро'	*árjuna-* 'светлый, белый'
ачlа 'лошадь'	*áçva-* 'конь, лошадь'
гьанса 'горная индейка'	*hańsá-* 'гусь, лебедь'
цlуку; цlоко 'коза; козлиная кожа'	*chāga-, chagā* 'козел, коза'
рос 'муж, мужчина'	*ṛṣa-bha-* 'бык, самец'
нус, нусдур 'невестка, сноха'	*snusa-* 'сноха, невестка'
цlцlука 'свинья'	*saukara-, sūkara-* 'относящийся к вепрю, вепрь'

Примечательно также название лезгинского обряда вызывания дождя *пешапай*, которое возводится к индоар. *viç-* 'брызгать, кропить' и *apa-*, *pāya-* 'вода'[15].

Давно известны многочисленные индоарийские лексические инфильтраты в осетинском языке. Представим далеко неполную подборку подобных лексических проникновений индоарики в осетинских диалектах:

осет. *æxsæv-* 'ночь' сопоставимо с др.-инд. *kṣap-* 'ночь'; слово подверглось фонетической адаптации;

осет. имя бога домашнего скота *Æfsati* в словосочетании *æfsatijy fos* 'скот Афсати' справедливо сопоставляют с др.-инд. теонимом *paçu-páti* 'владыка домашнего мелкого рогатого скота'; имя также подверглось фонетической адаптации;

осет. корнеслово *bæl-* в композите *bældæræn* 'первое воскресенье на Востоке' сопоставляют с др.-инд. *bhālam* 'блеск';

осет. *marγ* 'птица' (скиф. **marga-, Marga-stana*) сопоставимо с др.-инд. *mṛgá-* 'дичь, животное, птица', 'мифическая птица Семург';

осет. *mært.* 'мера сыпучих тел' сопоставимо с др.-инд. *mātram* 'мера, количество, размер, величина, метрическая единица' (ср. др.-греч. μέτρον);

осет. *mil, mel* 'сажа, черное пятно' сопоставимо с цыганск. самоназванием *millele* 'черные, черномазые' в первую голову, а уж затем с др.-инд. *mála-* 'грязь', *malin* 'грязный, темный, черный';

осет. имя бога праздника всего рода Наф *Naf* сопоставимо с др.-инд. *nápat-* 'потомок';

осет. собирательное наименование героического рода (племени) нартов *Nartæ* восходит не к монгольскому прототипу, как привыкли думать многие, а к др.-инд. *nar-* 'человек, муж, мужчина, герой';

осет. *naræg* 'тонкий, узкий, тесный, теснина; ущелье' сопоставимо с др.-инд. *nāraka-* 'яма, пропасть, преисподняя, ад, подземное царство';

осет. сакральный термин *nyvond* 'приношение' отражает индоар. форму *ni-bandha*, родственную композиту *paçu-bandha* 'жертвоприношение скота';

осет. название сосуда (большой чаши) *qalac* сопоставимо с др.-инд. *kaláça, kalaṣa* 'вид сосуда – горшок, кувшин, кружка' или *kalaçi* 'маслобойка';

осет. прилагательное *ræmon* 'сдержанный, спокойный' сопоставимо с др.-инд. *ramana-* 'радующий', авест. *raman-* 'мир, покой';

осет. *osæ, us* 'жена, женщина, баба' продолжает прототип др.-инд. *yoṣa, yoṣan, yoṣana* 'молодая женщина, жена, девушка, самка';

осет. *ræz, iræz* 'летовище, летнее пастбище' имеет тот же этимон, что и др.-инд. *vrajá-* 'стоянка пастухов, загон для скота' (ср. хазарский топоним Вараджан);

осет. наименование культового напитка *rong* возводят, без достаточных, впрочем, на то оснований, к др.-инд. *prāṇá-* 'дыхание, дух, энергия, сила' (скорее к индоар. **prāṇá-ga-* 'рождающий силу, энергию', ср. др.-инд. *prāṇa-da* 'дарующий жизнь');

осет. *sæγ, sæγæ* 'коза' восходит к индоар. *chāga* 'коза';

осет. *sæn, sænæ* 'вино' неотделимо от др.-инд. *çaṇa* 'конопляный';

осет. *sæftæg* 'копыто' представляет собой расширенную суффиксами *-ta-ka-* индоар. основу *çaphá-* 'коготь, копыто животного';

осет. *særd, særdæ* 'лето, летом, год' гомогенно др.-инд. *çarad-* 'осень, год';

осет. *sela* 'круглый плоский камень в детской игре' из др.-инд. *çila-* 'камень, скала', *çaila-* 'каменный'; ср. значение аналогичного картвельского заимствования;

осет. *siqæc, seqæc* 'точильный камень' сопоставим с др.-инд. *saikati* 'щебень', ср. *saikatá-* 'береговой песок';

осет. прилаг. *stur, istur* 'большой' связано напрямую с др.-инд. *stura* 'огромный, мощный', *turá-* 'сильный, крепкий' или *sthūlá-* 'прочный, сильный, могучий, толстый, дородный';

осет. имя летнего месяца *susæn, sosæn* 'июль' гомогенно др.-инд. *çoṣana* 'засуха, сухость, осушение, сушь'; ср. аналогичное картвельское заимствование **Śauš-eti* – историческая область *Саушети*;

осет. термин *sik'it, siqit, syqyt* 'вещество земли, земля' сопоставим с др.-инд. *sikita-, sikata-, saikatá-* 'щебень, щебенка, песок, береговой песок'; ср. др.-инд. топоним *Sikayavati* 'щебенистая местность', таврический реликтовый топоним *Sikita* (*Nikita*) и дакийский топоним *Sicidava*;

осет. *tæn, tænæ* 'тело, бок, нижняя часть живота' неотделимы от др.-инд. *tanú* 'тело, талия';

осет. название породы дерева *tærs, tærsæ* 'Fagus silvatica, Fagus orientalis, чинар' сопоставимо с др.-инд. *tarṣa-, tṛṣā* 'жажда' или *tṛṣú-* 'твердый, шероховатый';

осет. прилагательные *turæj turnæ* 'быстрый, скорый' сопоставимы с др.-инд. *turá-* 'быстрый';
осет. *tæryn* 'молодой' сопоставимо с др.-инд. *táruṇa-* 'молодой';
осет. *tærxon* 'суждение, юр. определение' ближе всего к др.-инд. *tarkana-* 'суждение'; индоар. прототип сохранен письменностью таримских саков в форме *ttarkana*;
осет. *tæx* 'речная стремнина, бурный поток' соответствует др.-инд. *tak-* 'насильственно увлекать, торопить', *táku-* 'спешащий, торопящийся';
осет. *tæxsæg* 'плотник' ближе всего к др.-инд. *takṣaká-* 'дровосек, плотник';
осет. *tomar* 'стрела, дротик, копье' неотделимо от др.-инд. *tomara-* 'дротик, метательное копье';
осет. прилаг. *tuxwast* 'сильный' содержит др.-инд. прич. наст. вр. *vaṣṭi* от глаг. корня *vaç-* 'домогаться, хотеть, страстно желать, любить' (?);
осет. мифологическое имя *Wæjyg* сопоставимо с др.-инд. и авест. теонимом *Vāyú* 'ветер, бог ветра'.

Вышеприведенный перечень слов индоарийского происхождения в осетинском языке является результатом поверхностного обозрения корпуса "Историко-этимологического словаря осетинского языка" Абаева (Абаев 1–4) и специальный работ[16] по осетинскому фольклору и языку. Уверен, что этот список в дальнейшем будет значительно расширен и уточнен. Однако и представленного материала вполне достаточно, чтобы утверждать положение об ареальном контактировании праосетинского с индоарийским на Северном Кавказе и в Приазовье.

Сопредельное Закавказье

Однако реликтовая индоарика обнаружена не только на Северном Кавказе. Интереснейшим ареалом реликтовой индоарийской ономастики является Закавказье. Давно замечены некоторые топонимы региона с определенно др.-инд. параллелями:
имя города *Пицунда* сопоставимо с др.-инд. топонимом *Pithunda*;
античный кавказский топоним Κουκούνδα сопоставим с инд. именем города *Khukhundo*;
имя реки *Кура* (др.-греч. Κύρος, лат. *Cyrus*) сопоставимо с др.-инд. именем *Kuru* 'родоначальник племени *Kaurava*' и др.-иран. царским именем *Kuruš*, которое в свою очередь свидетельствует о близком знакомстве древних персов с индоарийской мифологической традицией;

имя одного из притоков Куры (др.-греч. Κάμβυζον, лат. *Cambuzus, Cambusus*) является ни чем иным, как др.-инд. *Kambhoja* (*Kambhuja* ‘рожденный из раковины’), ср. др.-иран. царское имя *Kambujiya*;

имя реки *Аракс* (др.-греч. Ἀράξης,- ου или -εο) сопоставимо напрямую с др.-инд. *ārakṣa-* ‘охранение, пограничная охрана’ (река Аракс издавна считалась границей Ирана и Турана); *Аракс* напрасно возводят к авест. *Rangha* или бундахишн. *Arak*; перед нами очевидный результат адаптации индоарийской праформы;

имя гор *Coraxici montes* (Mela) сопоставимо с др.-инд. *Kuru-kṣe-(tra)* ‘владение Куру’;

имя исторической области Грузии *Триалети* (*Trial-eti*) можно реконструировать как индоар. **tri-ala* ‘триада, тройка или Триречье’ и сопоставить с др.-инд. *Pancala* ‘название народа, страны и государства’, соответствующим, возможно, *Pañca-nada* ‘Пятиречье, Пенджаб’;

имя исторической области Грузии *Туалети* (др.-греч. Δουάλοι, лат. *Duali*) в долинах Арагвы и Куры можно реконструировать как **dvala-* ‘Двуречье’; ср. др.-инд. *Doab* и сходные топонимы *Trial-eti, Pancala*, **Haftal*;

имя исторической области Грузии *Саушети* толкуется из индо-иран. **çausa-*, др.-инд. *çoṣa, çoṣana* ‘сухость, засуха, осушение’;

имя местности и порта в районе современного Новороссийска в античных лоциях ’Επτάλου λιμήν, ‘Επτάλοι λιμήν; Σπατάλοι λιμήν можно реконструировать как индо-иран. дублет **saptala*: **haftala* нечто вроде ‘Семерка; Семиречье’; возможно и тохарское посредство в передаче прототипа – ср. тох. *spat* ‘семь’;

имя крупнейшего города современной Колхиды (Грузия) *Кутаиси* можно возвести к др.-инд. форме *kuta-isya* ‘имеющий укрепления’.

Данные реликтовой ономастики ареала значительно пополнились обнаруженными лексическими заимствованиями из индоарийского праязыка и диалектов в картвельских языках[17].

Отметим факт диалектной окраски одного и.-е. заимствования пракартвельского хронологического уровня (IV–III тыс. до н.э.!), которое имеет предполагаемый антецедент типа праиранского (с уже спирантизированным консонантом): пракартв. **uγ* ‘ярмо’ < и.-е. диал. (праиран.) **i̯ug-* ‘ярмо, иго’.

Среди индоевропеизмов грузинско-занского хронологического уровня (II тыс. до н.э.) количественно преобладают формы, имеющие явно выраженные индоарийские антецеденты. Представим список форм, признанных убедительными:

Грузинско-занские формы:	**Индоарийские формы:**
**band-* ‘сплетать, связывать’	индо-иран. **band[h]-* ‘связывать’
**bandx-* ‘связывать, сплетать’	др.-инд. *bandh-* ‘связывать’
**γwal-* ‘стоять (о засухе, жаре)’	др.-инд. *jval-ati* ‘пылает, горит’
**guda-* ‘бурдюк, сума’	др.-инд. *gudá-h (gudám)* ‘прямая кишка’
**dıqa-* ‘глина, почва’	др.-инд. *deha-* ‘тело, глинобитная стена’
**txaz-*: *txz-* ‘сплетать, сочинять’	др.-инд. *takṣ-ati* ‘отесывает, обрабатывает дерево; создает’
**lip-* ‘мазать(ся); лепить’	индоар. **lip-* ‘мазать, намазывать’
**sxal-*: *sxl-* ‘срывать(ся) с места’	др.-инд. *skhal-ate* ‘оступается, спотыкается’
**suš-* ‘иссушать, сохнуть’	др.-инд. *çuṣ-, çuṣyati* ‘сохнет, вянет’
**prut-*: *prt(w)-* ‘фыркать (о лошади)’	др.-инд. *proth-ati* ‘фыркает (о лошади)’

Позднейший пласт “доисторических” картвельских индоевропеизмов также содержит немало индоарийских заимствований достаточно ранней эпохи.

Представим список весьма вероятных сопоставлений:

груз. *ačva* ‘лошадка’	др.-инд. *áçva* ‘лошадь’
груз. *dag-* ‘жечь (каленым)’	др.-инд. *dah-, dahati* ‘жечь, гореть’
мегр. *rdo* ‘время, срок’	др.-инд. *rtú-h* ‘время, период; порядок’
груз., занск., сван. *krox-, krux-* ‘наседка’	др.-инд. *krka-* ‘петух; курица’
мегр. *reka* ‘галечник’	др.-инд. *rekā-h* ‘вынос, (речной) нанос’
груз., мегр., сван. *saraza* ‘пчелиные соты’	др.-инд. *sāraghá-* ‘получаемый от пчелы; мед; пчелиный’, *saraghā* ‘пчела’
груз., мегр. *sila* ‘песок’	др.-инд. *çilā* ‘камень, осколок скалы’
груз. *srute* ‘протока, пролив’	др.-инд. *srut, sruti* ‘текущий, исток’
груз. *trp-* ‘наслаждаться, удовлетворяется’	др.-инд. *trpyati* ‘насыщается, получает удовольствие’
груз. *[pard-]: prd-* ‘продавать, торговать’	индо-иран. **para-da-* ‘передавать, отдавать’
груз., мегр., лаз. *parto* ‘широкий’	др.-инд. *prthú-* ‘широкий’
груз. *prta* ‘крыло, перо’	др.-инд. *pattra-* ‘крыло, перо’
сван. *wase* ‘нутряное сало’	др.-инд. *váça-* ‘растопленный жир’

Как следует из вышеприведенного языкового материала[18], картвельские языки на протяжении длительного времени контактировали с индо-иранским в доисторический период, а наибольшее число

заимствованной лексики картвельских языков происходит из неких индоарийских диалектов.

Анализ синдо-меотских языковых реликтов позволяет прийти к заключению о принадлежности этого языка к флективному типу с характерной полифункциональностью грамматических морфем, наличием фузии, фонетически не обусловленными изменениями корня.

Насколько позволяет судить реликтовый синдо-меотский материал в греческой и латинской передачах, звуковой строй меотского языка напоминал древнеиндийский с некоторыми специфическими ареальными чертами.

Синдо-меотским звукам соответствуют следующие древнеиндийские:

**b = b, bh*;	**c = c, ch*;	**m = m, ṃ*;
**d = d, ḍ, dh*;	**ź = j, jh, g, gh, h*;	**n = n, ṇ, ń*;
**g = g, gh, h*;	**s = s, ṣ*;	**l = l, ĺ, r*;
**p = p, ph*;	**ś = c, ç*;	**r = r, ṛ, ŕ*;
**t/th = t, ṭ, th*;		**i = y*;
**k/kh = k, kh*;		**v = v*.

Особо отметим отсутствие псилозы, отсутствие придыхательности у звонких согласных, слабую придыхательность глухих смычных (колебания в текстах k/kh, t/th; но *p, видимо, без придыхания), слабую артикуляцию *v, артикуляцию аффрикат типа ч-ц, дж-дз (*ś, *ź).

Гласные звуки также имеют соответствия в др.-инд.: *a/o = a, ā; *u/o = u, ū; *i/e = i, ī; отметим отсутствие различия долгих и кратких фонем, тенденцию более широкого образования этимологически узких *i, *u в виде *e, *o.

Характерной специфической чертой меотского языка является его система аблаута, которая выявляется при сопоставлении с древнеиндийской: первой ступени др.-инд. аблаута соответствует вторая или третья синдо-меотского, а второй ступени др.-инд. аблаута определенно соответствует первая или третья синдо-меотского.

Др.-инд.	Синдо-меот.	Др.-инд.	Синдо-меот.
-a-	**-i-*	*-u-/-au-*	**-o-*
-e-	**-ai-*	*-i-: biti*	**-ia-: bitia*
-ai-	**-i-*	*-u-*	**-va-*
-o-: somaka	**-au-: saumaka*	*-ar-*	**-ar-, -ir-, -ur-*
-au-	**-u-*	*-ra-*	**-r-, -ra-*
-ya-	**-i-*	*-al-*	**-li-, -al-*
-va-	**-u-*	*-am-*	**-a-*
-i-, -a-	**-a-*	*-an-*	**-a-*
-i-/-ai-	**-e-*	*-a-*	**-am-, -um-*
		-a-: pathi	**-an-: panti*

“Оканье” и широкие варианты узких гласных несколько затемняет общую картину аблаутных соответствий. Вариативность первой-второй и второй-третьей ступеней аблаута в этимологически тождественных корнях можно приписать диалектным различиям в пределах синдо-меотского языка.

Словообразовательные и словоизменительные морфемы немногочисленны, но весьма показательны:

Флексии:

*-*a*- ‘собирательной множественности’
*-*i*- ‘притяжательности’

Префиксы:

**abi*-, **obi*- ‘к, против’, ср. др.-инд. *abhi*-
**ake*-, *aki*- ‘по соседству, по близости, вблизи’
**ap(a)*- ‘от, прочь, удаление от’
**para*- ‘прочь’
**pari*- ‘вокруг, около’
**(u)p(a)*- ‘наверх, наружу, под, рядом’
**ni*- ‘вниз, внутрь’
**au-/o*- ‘у, близь’
**vina*- ‘без-’, деприватийный префикс
**asam*- ‘отрицание признака или качества’
**ard-/ardin*- ‘пол-, полу-’

Суффиксы:

*-*ak(a)*- ‘именной, деятеля’
*-*ik(a)*- ‘именной, прилагательного’
*-*in(a)*- ‘именной, прилагательного и деятеля’
*-*t(h)ar*- ‘именной, деятеля, творца’
**ia*- ‘именной, прилагательного’
*-*t(h)r(a)*- ‘именной, орудия и места’
*-*t(h)av(ia)*- ‘именной, прилаг. ж. рода’
*-*i*- ‘именной, женского рода’
*-*t(h)i*- ‘именной, женского рода’
*-*an(a)*- ‘отыменных прилагательных’
*-*a/it(h)a*- ‘отыменный, собирательной множественности’
*-*vat/-bat/-mat*- ‘именной, принадлежности’
*-*ma*- ‘принадлежности, притяжательности’

В реликтовом ономастическом материале замечен типично индоарийский расширитель основ -*p*- (**us-pa*-).

Уместно также высказать предположение о сложном характере распространенного в этнонимии суффиксального комплекса -*mata* (Σαυρομάται, Συρμάται, Σαρμάται, Ἰξομάται, Ἰαξαμάται), состоящего из суффикса притяжательности **ma*- и показателя собирательной множественности *-*ta* (из суффикса *-*t*- и флексии *-*a*). Этот комплекс не тождественен суффиксу *-*vat*-, соответствующему др.-инд. -*vat*-, -*vant*-, а имеет ареальную природу.

Отметим также отсутствие в реликтовом языковом материале следов др.-инд. расширителя основ -*tva*. Это явление определяет характер передачи синдо-меотских рефлексов с иными оформителями, соответствующими древнеиндийским.

В частности, широкое распространение (под влиянием праосетинского?) получил именной показатель собирательной множественности -*ta (solata)*.

Скудность языкового материала не позволяет сделать заключения по поводу парадигм словоизменения, структур малого и большого синтаксиса. Случаи словосложения позволяют реконструировать модель “определение + определяемое” с соединительным гласным (**su-varna*; **tur-(a)-amba*; **mai-a-sara*).

Возвращаясь к лексике синдо-меотских диалектов, отметим ее преобладающую онимическую природу. Большая часть словоформ дошла в греческой и латинской передаче туземной ономастики. Незначительное количество слов, некогда заимствованных в черкесский и осетинский языки, отражают преимущественно апеллативный слой лексики семантического поля “хозяйственно-бытовая лексика”.

Приведенного выше материала достаточно для вывода о родстве синдомеотских и индийских языков в генетическом плане. Остаются слабо исследованными проблемы типологической ориентации синдо-меотского языка и особенностей его ареальных характеристик.

Каковы же мифологические соответствия синдо-меотскому глоттогенезу? Мы усматриваем предков синдо-меотов в мифологических героях Пандавах, которые после победы на поле Курукшетре (знаменитый могильник Триалети в Грузии?) и царствования в Айодхе (Арапха?), ушли в Заснеженные горы. Греческое мифологическое соответствие предкам синдо-меотов – племя гениохов (“возниц”), происходившее от двух аргонавтов, возниц Диоскуров. Датируются эти мифологические события первой третью второго тыс. до н.э., ближе к XVIII в. до н.э.

Завершая рассмотрение Северокавказского ареала индоарийских языков древности, мы подошли к временам историческим. Уместно было бы здесь же уделить некоторое внимание малоизвестному историческому явлению – синдо-меотским языкам и их носителям.

Синдо-меотские языки – ныне мертвые языки этносов античного Прикубанья, Приазовья и Низовий Дона, бытовавшие с конца второго тыс. до н.э. по III в. н.э. в указанном регионе, а с середины III в. н.э. по XV в. – на Таврическом полуострове. Эти реликтовые языки попали в поле зрения античных писателей и науки нового времени.

Общего названия этноса-носителя этих языков, по-видимому, не существовало. Европейская наука оперирует этнонимом “меотский” в приложении к племенам синдов, дандариев, торетов, агров, аррехов, тарпетов, обидиакенов, ситтакенов, досков, аспургиан, иксоматов, псессов, фатеев, койтеев, тюкандитов, псеханов и некоторых других по традиции, восходящей к античным авторам и этнической номенклатуре, зафиксированной в эпиграфике Боспорского царства[19].

Однако, ввиду несомненного негреческого характера этнонимов Μαῖται, Μαιῆται, Μαιῶται можно предположить существование некоего самоназвания, отражающего осознание родственности и культурной общности вышеперечисленных племен, аналогично постепенно утвердившемуся этнониму "эллины" в среде древнегреческих племен.

Сам этноним Μαῖται, возможно, связан этимологически с наименованием переднеазиатского политического образования середины II тыс. до н.э. *Maitanni, Mitan(n)i.* Эти формы суть гибридные имена, в которых некая основа **maita-*: **mita-* оформлена хурритским суффиксом *-nni.*

Др.-греч. формы Μαιῶται, Μαιῆται образованы по законам греческих этнонимов от названия Азовского моря Μαιῶτις, -ιδος, отражавшего индоар. форму **maia-vati* 'относящийся к Майе'.

Едва ли этноним Μαῖται осознавался как самоназвание всей совокупности племен ввиду их разных исторических судеб, стадий культурного развития и государственной принадлежности. Не случайно, поэтому, и существование помимо обобщающего "все меоты" отдельных племенных этнонимов, большинство из которых имеют вид самоназваний. Эти различные племенные самоназвания, фигурирующие в эпиграфических и исторических свидетельствах, отражали племенные формы самосознания.

Античный ареал меотского языка можно обозначить как Кубано-Приазовский. Его диалектное членение, вероятно, соответствовало этническим подразделениям (племенам), оставившим локальные группы меотских археологических памятников.

Древнейшими надо признать наименее известные диалекты племен, обитавших по долинам рек Уруп, Фарс и Белая. Из них, вероятно, происходят индоарийские заимствования в черкесском и осетинском языках.

На рубеже эр в дельте Дона образовался островной меотский диалект (иксоматский).

Характерными ареальными чертами меотского языка является утрата оппозиций звонких и звонких придыхательных, глухих и глухих придыхательных согласных, отсутствие церебральных согласных, преобладание I и III ступеней аблаута, тенденция к фрикативизации глухих смычных согласных как продолжение тенденции к развитию придыхательности (**k* > **kh* > **x*).

Языковые и культурные контакты меотов могут быть прослежены с трудом и очерчены пунктиром из-за явной недостаточности имеющегося языкового материала.

В западном направлении (Тамань, Приазовье, Дон) носители меотских диалектов активно контактировали с населением Боспора Киммерийского, издавна гетерогенным, оставившим субстратно-адстратные следы в синдской и меотской ономастике.

Можно выделить субстраты нескольких типов: праармянского типа *Hypanis*, *Tanais*, "скифо-фракийского" типа Γάργαζα, Παιρισάδης, Ραδαμσάδης, Θαγιμασάδης, Σπάρτοκος, Ροιμετάλκος, Σάτυρος, Κότυς, Κομοσαρύη, Νοτισαρύη, Μαδύης, греческого типа Κῆποι, Φαναγορία, ῾Ερμονάσσα, Γοργίππία etc.

Немаловажную роль сыграла эллинизация части меотских племен боспорскими греками. Особенно сильному воздействию грекоримской цивилизации подверглись синды, фатеи и йаксаматы, долго входившие в состав Боспорского царства.

В Подонье меоты активно контактировали с соседними сармато-аланскими племенами, о чем свидетельствует большое число праосетинских по происхождению имен в эпиграфике Танаиса. Соседство и симбиоз меотов и сарматов в Прикубанье уже упоминались. Они стали источником индоарийских лексических проникновений в осетинском языке.

С первых веков н.э. на Кавказском хребте появляются и поселения черкесских племен. Некоторые из них попали в поле зрения античных географов – имена двух городов на Кавказском хребте II века ᾿Αβούνις и Νασούνια, похоже, содержат адыгское слово **unī-(унэ)* 'дом' и могут быть истолкованы как 'дом Абы' и 'дом Насы'. Наглядным подтверждением языковых контактов меотов с черкесами служат вышеприведенные индоарийские заимствования в абхазско-адыгских языках.

Синдо-меотские языки в целом следует отнести к бесписьменным языкам, хотя синды и танаиты (иксуматы) могли освоить греческое письмо в процессе симбиоза с эллинами. Связных надписей (текстов) синдо-меотского языка пока не обнаружено. Весь комплекс меотийских реликтов существует либо в виде заимствований в других языках, либо в виде лексических вкраплений в древнегреческих текстах (ономастика, глоссы).

Исследователи, впрочем, отмечают известную степень адаптации греческого письма к передаче туземной меотской ономастики. Поэтому нельзя полностью исключать возможности обнаружения в будущем связных эпиграфических текстов на синдо-меотских языках.

Подавляющее большинство меотских языковых реликтов может быть отнесено к индоарийской подгруппе индо-ирано-дардо-кафирской группы индоевропейской семьи.

Попав в северо-западное Предкавказье из Закавказья и передней Азии, предки меотов длительное время проживали достаточно изолированно в высокогорных речных долинах, контактируя лишь спорадически с соседними племенами Кобанской археологической культуры (праосетинами?), проживавшими в верховьях рек Кяфара, Тиберды и Кубани, а также племенами Закавказья (Колхиды).

По мере расширения ареала меотских диалектов, их носители пришли в соприкосновение с догреческим населением Боспора и древнегреческими колониальными диалектами Фанагории, Гермонассы, Кеп, Горгипии.

В областях Кавказского хребта соседями меотов стали носители абхазско-адыгских (черкесских) языков.

В VII–VI вв. до н.э. по стране меотов прокатились волны киммерийских и скифских миграций. С IV в. до н.э. по III в. н.э. меотийские племена относительно мирно уживались в прикубанских селениях с кочевниками закубанских степей – сираками и сарматами (предположительно восточно-иранскими по языку).

В III в. н.э. меоты вступили в прямой контакт с носителями германских диалектов (готами-тетракситами) и, составив с ними военно-племенной союз утигуров, более тысячелетия селились чересполосно с ними и аланами на Таврическом полуострове.

К сожалению, точная локализация расселения многих меотских племен на данном этапе их изучения еще не возможна. Известно лишь, что синды расселялись на Тамани и в окрестностях Анапы. Далее по берегу Черного моря следовали территории иксибатов, торетов, тарпетов, керкетов, агров. В долине реки Кубань от низовий к верховьям обитали дандарии, фатеи, псессы, досхи, аррехи, обидиакены и др. меотские племена. По нижнему течению реки Кирпили, вероятно, селились ситакены, а на островах Донских устий – иксоматы (йаксаматы).

Судя по результатам археологических и исторических изысканий[20], с меотскими племенами сопрягаемы в первую очередь Таманская, Причерноморская, Приазовская, Абинская, Кирпильская и Донская локальные группы так называемых "меотских памятников", относящихся к более поздним этапам меотской археологической культуры. Синхронные им, а главное, явно предшествующие им памятники прото- и раннемеотских периодов (800–400 гг. до н.э сосредоточены преимущественно в высоких предгорьях западного Кавказа, в долинах горных рек Урупа, Лабы, Фарса и Белой.

Именно там, на путях и горных перевалах, ведущих из Закавказья, складывался, по мнению археологов, меотский культурный комплекс (ядро меотской археологической культуры), распространяясь постепенно в среднее течение Кубани, а затем уж к ее низовьям и в приморские области. Давно уже замечена связь и явная зависимость комплексов Кобанской (праосетинской?) и меотской археологической культуры с комплексами Закавказья и Лурестана (Иранского Нагорья). Там, как полагают, и скрыты истоки генезиса северокавказских культур конца бронзового – начала железного века[21].

Палеоантропологические определения на материалах меотских могильников позволяют отнести меотов к южной группе европеоидной расы.

Основой хозяйства меотов являлось земледелие. А в IV–III веках до н.э. меоты производили львиную долю боспорского хлебного экспорта. В зависимости от местности меотские племена относились к хозяйственно-культурным типам горных ручных земледельцев (*raupaka-) и скотоводов горной зоны (*avinda-), скотоводов горной зоны и пашенных земледельцев (*krsti-) поймы Кубани.

Они возделывали знаменитую в античном мире легкую пшеницу, ячмень (*i̯ava-), рожь, полбу, просо, чечевицу, коноплю (*śana-) и лен. В употреблении были серпы (*srni-) и зернотерки (*girau-, *saikati-).

Второе место в хозяйстве меотов принадлежало скотоводству. Ими разводился крупный рогатый скот (*go-, *gav-), кони (*aśva-), овцы (*avi-), козы (*aźa-, *caga-) и свиньи (*saukara-, *sūkara-). Верховой конь имел особое ритуально-сакральное значение и являлся одновременно мерилом богатства и социального статуса.

Широко было распространено рыболовство (*khapha-). При помощи плетеных сетей и неводов (*kata-) с грузилами, рыболовных крючков ловили сома (*makhara-), севрюгу, белугу, осетра (*antakaia-), судака, сазана и стерлядь. Товарная рыбозаготовка осуществлялась в специальных рыбозасолочных приспособлениях. Античный мир высоко ценил рыбопродукты, икру (*khapha-i̯ar-), произведенные на Боспоре и в Меотиде.

Охота занимала подсобное место в деле заготовки продуктов питания (*śaśa-, *gansa-, *sukara-). Примитивное пчеловодство также было известно меотам (*madu-, *saraga-, *saraźa-).

Высокого развития достигло ремесло (*taksan, *taksaka-) меотов. Производство серо-глиняной керамики (*kaba-, *kalaśa-) было направлено не только на внутренний, но и на внешний рынок. Широко экспортировались и изделия меотской металлургии (*ai̯as, *ai̯ah, *vaśi-, *raźuna-, *śibri-), особенно зеркала-подвески и фибулы. При этом меоты работали полностью на привозном сырье (импорт с территории Кобанской археологической культуры).

Торговля велась меотами в трех основных направлениях – с Боспорским царством, с Кавказом и со Степью. В греческие города Боспора поступали с Меотиды зерно, продукты животноводства и рыболовства в обмен на тонкую лаковую посуду, стекло, ювелирные изделия, украшения (бусы, перстни-печатки, зеркала), вина, благовония и ткани (*vanitika-).

С кавказскими племенами велся обмен зерном на металлургическое сырье. В сарматские степи поставлялись зерно, керамика и металлические изделия в обмен на продукты скотоводства.

В социальном плане меотские племена находились на разных стадиях развития. В то время как отдельные племена находились на средней ступени варварства, другие переходили с высшей ступени варварства к цивилизации.

По мнению некоторых исследователей, синды перешли к ранней цивилизации и государственности еще до включения их царства в состав Боспора. С IV в. до н.э. западные меотские племена были вовлечены в сферу боспорской эллинистической цивилизации.

У границ Боспора все время происходили передвижения меотских племен, отчасти планируемые боспорскими царями, отчасти – в результате столкновений, восстаний и вредоносных действий соседних племен.

Так, после трехсотлетнего проживания на реке Кирпили на рубеже эр меоты были переселены оттуда в дельту Дона. Письменные источники сообщают о двукратном переселении племени йаксаматов.

Неясны и обстоятельства исчезновения меотов из Прикубанья и Приазовья в III в. н.э. Похоже, процесс этот был постепенным – в начале III в. исчезло население Краснодарской и Усть-Лабинской групп меотской археологической культуры, достигшее к тому времени значительного экономического и культурного развития (не они ли основали крепость Сугдайа в 212 г. н.э.?). Приазовские группы меотской археологической культуры также исчезли раньше середины III в. В середине III в. прекращается жизнь на поселениях Ладожской группы, что связывают с готским нашествием.

Бóльшая часть меотских племен переселилась вместе с готами и аланами в предгорную и южнобережную Таврику (последняя треть или четверть III в. н.э.), где и сохраняла свою языковую и этническую самость до периода развитого Средневековья.

Во времена Золотой орды и Оттоманской порты реликтовые индоарийские этносы всего Циркумпонтийского региона были постепенно ассимилированы (татар. "курбет") или уничтожены. Некоторая часть их вошла в состав этнической общности украинских цыган (татар. "чингене"). Однако очень долгое время реликтовая индоарийская ономастика сохранялась в Приазовье и Крыму, дожив местами до XVIII–XIX вв.

Переходя к рассмотрению комплекса семиотических систем меотских этносов, отметим некоторые особенности их народной архитектуры и погребальной обрядности.

Меотские погребения состоят из грунтовых могил южной ориентации. Трупоположение – вытянутое на спине. Сопровождающий инвентарь – разнообразных видов сосуды с напутственной пищей (иногда миска подкладывалась под голову погребенного), орудия труда и оружие. Некоторые могилы сопровождались захоронением верхового коня со сбруей.

Саманно-камышовая народная архитектура сводилась к простым, подквадратным в плане, со скругленными углами, жилым постройкам (**auka-*, **matha-*).

Стены имели небольшой наклон внутрь помещений. Пол был обычно глинобитный, стены имели в основе камышовые щиты (*kata-), плоскости которых скреплялись горизонтальными пучками камыша, а основания укреплялись в специальных канавках. Затем камышовый остов стен обмазывался глиной. Крышу (*sālā-) накрывали также камышом и кугой, выпуская ее над стенами в виде стрехи.

В центре помещения устраивался открытый очаг – углубление, ограниченное глинобитным бортиком. У задней стены жилища иногда устраивалась большая хлебопекарная печь, сложенная из сырцовых кирпичей. Около очага находилась неглубокая яма для ссыпки золы. Вдоль стен тянулись глинобитные лежанки. Окон, судя по всему, не было.

Отметим огромную роль, которую играли в быту меотов камыш, тростник и куга (*danda-, *iksu-; ср. онимы типа 'Εξομάται, Δανδάκη, Δανδάριοι – 'камышовые арии'), а также особо заботливое отношение к очагу и золе (*tapa-).

Северное Причерноморье (Scythia Taurica)

Исследованного прежде индоарийского ономастического материала из Скифии и Таврики достаточно, чтобы усомниться в представлении о преобладающей ираноязычности скифов и поставить вопрос о времени и обстоятельствах проникновения на указанную территорию носителей индоарийских диалектов.

Особую проблему представляют лексические проникновения и заимствования из индоарийских диалектов в финно-угорских языках. Традиционные научные схемы этнолингвистических характеристик скифской историко-культурной общности не учитывали ряд показательных примеров, не укладывающихся в рамки праиранского и восточно-иранского языкового состояния[22].

Считается, что часть заимствований не имеет особых признаков для определения того, когда и из каких индоиранских диалектных групп восприняты данные слова в финно-угорских. Эта часть арийских языковых проникновений в финно-угорских языках и являлась шатким основанием для постулата о Северно-причерноморской прародине всех арийских языков.

На проверку оказывается, что все эти лексические проникновения относятся к вполне оформившимся либо индоарийским, либо иранским диалектам.

Некоторые из ранних заимствований в финно-угорские языки можно определенно выводить из индоарийских диалектов по фонетическим признакам[23]:

фин.-угр. *aiva 'только' ближе к индоар. *aiva > др. инд. eva 'так, едва, только, еще, именно';

фин.-угр. **säptä* ‘семь’ восходит к индоар. **sapta*, а не к общеиран. **hapta* > **hafta*;
волж.-фин. **sasar* ‘младшая сестра, двоюродная сестра, племянница’ ближе к индоар. **svasar*, нежели к общеиран. **hvahar* ‘сестра’;
фин.-угр. **s’asra*: **sasra* ‘тысяча’ восходит к диал. индоар. числительному **(sa)-źasra*, близкородственному др.-инд. *sa-hasra(m)*, или представляет собой результат стяжения индоар. праформы **sa[h]asra-* (ср. авест. *hazangrəm* < **hazahra-m*);
фин.-угр. **s’ata* ‘сто’ ближе к индоар. *çata-*, нежели к общеиранск. **sata-* ‘сто’;
фин.-угр. **s’uka* ‘ость, щетина’ восходит к индоар. *çuka-* ‘ость злаков, жало’;
манс. *sor*, удм. *sur* ‘пиво’ восходит к индоар. **suru-* ‘хмельной напиток’ (ср. др. инд. *sūra* ‘сома, стекающий с пресса’ и авест. *hura*, пехл. *hur*);
морд. эрзя *sed’* ‘мост’ толкуется из др.-инд. *sétu-* ‘плотина, дамба, мост’ (индоарийск. **saitu-*, но ираноарийск. **haitu-*);
перм. **med* ‘плата’ ближе др.-инд. *modha-* ‘добыча, вознаграждение’, нежели к иран. *mizda-* ‘плата’; особенности отражения вокализма корня позволяют предполагать относительно позднее время заимствования (после перехода реликтового **mauda-* в **mod-*);
фин.-угр. **tarna* ‘трава, осока, сено’ сопоставимо с др.-инд. *tŕṅa-* ‘трава, стебель, соломинка, солома’;
венг. *gyantár, gyanta* ‘янтарь’ восходит к индоар. **yan-t[a]r-* ‘имя деятеля или орудия’ (от глагольного корня *yam-* ‘держать, сдерживать, соединять’), ср. др.-инд. *yantar* ‘возница’, *yantram* ‘запор, связь’.

Обозрев приведенные лексические примеры, можно заметить, что засвидетельствованные заимствования из арийских языков в финно-угорских дают примеры с *s* в самых разных позициях, в которых в общеиранском оно должно было переходить в *h* (в анлауте перед гласным, в группе *sv-*, в интервокальной позиции, перед *r*, в исходе слова – окончание *-as*?). Особое отражение (*s’*) получают палатализованные смычные *j* и *ç*.

В балтийских и восточнославянских языках выявлено достаточно раннее заимствование из индоарийского субстрата Северного Причерноморья, а именно, название янтаря. Русское слово янтарь (стар. *ентарь*), лит. *jentaras*, (литер.) *gintãras*, лтш. *dziñtars* восходят к арийск. **yantar*, имени деятеля или орудия от глагольного корня *yam-* ‘держать, сдерживать, соединять’, ср. др.-инд. *yantar-* ‘возница’, *yantram* ‘запор, связь’.

Название объясняется магнитным свойством янтаря. Уместно напомнить читателю о том, что некогда добыча янтаря велась в Северном Причерноморье (так наз. Днепровская янтареносная провинция).

Праслав. **sьrebro* и прагерм. **silbr-*, обозначающие серебро, берут начало в индоар. **śi[r]br[i]-* (ср. др.-инд. *çubhra-* 'красивый, светлый'), отмеченном в реликтовой ономастике Прикубанья (ср. Σιβριάπα, 'Εβριάπα 'светлая вода')[24].

Индоарийские заимствования в восточнославянских языках случались и позднее. К примеру *Карна* в строке "За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ" (Слово о полку Игореве)[25] толкуется из др.-инд. *karúna* 'жалкий, плачевный, грустный, печальный'.

Все выше изложенное позволяет утверждать, что носители индоарийских диалектов, расселяясь с промежуточной прародины на Ближнем Востоке и в Закавказье, обитали на обширных Северно-причерноморских территориях, где контактировали с прафинно-уграми, славянами и балтами лесной и лесостепной полос Восточной Европы вплоть до Карпат и Урала.

Подунавье (Getica)

Наконец, существует древний Придунайский ареал реликтов индоарийских идиом, чему подтверждением служит наличие древней индоарийской ономастики в исторических областях Добруджа, Мунтень, Бессарабия.

Здесь уместно вспомнить, прежде всего, странный этноним Σιγύννοι, известный еще Геродоту, – так отец истории обозначил кочевое племя за Истром, живущее в повозках, переезжающее с места на место на низкорослых лошадках, имеющее одежду и обычаи мидийские и само себя считающее переселенцами из страны мидийцев.

Этноним Σιγύννοι практически неотделим от совр. нем. *Zigeuner*, слав. *цыгане* (**cygane*), турец. *cingene* и является древним аллоэтнонимом цыган. Самоназвание этноса – *romale* 'люди, человеки' и *kale, millele* 'черные, цвета сажи; черномазые'.

Название жителей нижнего течения Дуная Γραυκῆνοι толкуется как суффиксальное производное (*-k-*) от индоар. падеж. формы *girau* 'на горе'.

Название притока Дуная *Hornad* в Словакии толкуется как **Gьrnadь* 'горная река', ср. др.-инд. *giri-nadi* то же.

Карпатский топоним *Нитра* толкуется из индоар. *netra-* 'руководство, управление; глаз'.

Личное имя собственное Σιρδουχάνσος Βουτουνάτος (г. Варна, III в. н.э.) сопоставимо с др.-инд. *srdhú-* 'podex, сердитый', *hamsá-* 'лебедь, гуси', *hansá-* 'гусь, лебедь, фламинго'. Второе имя также трактуется из др.-инд. *būtha-nātha-* 'повелитель духов, демонов'.

Вошедшие во многие европейские языки наименование рыбной икры нем. *der Kavier*, франц. *le caviar*, исп. *el caviar*, англ. *caviar, caviare* восходит к цыг. *hav* 'рыба' и *yaro* 'яйца, икринки'. Примечательно, что областью активного производства этого продукта издавна были Приазовские побережья и Подонье. Эта изоглосса неожиданно пронизывает все три ареала индоарийской речи в Северном Причерноморье.

Кроме того, древними соседями индоариев и туранцев в Подунавье некогда были родственники современных кельтских народов. Это соседство обыкновенно относят к I тыс. до н.э.

Особый интерес в этой связи представляют некоторые кельто-индоиранские лексические схождения (заимствованные слова из индоиранских языков?). Тот же источник имеют и некоторые падежные суффиксы и предлоги.

Ниже представлены наиболее очевидные кельто-индоиранские изоглоссы:

Кельтские формы:	**Индоиранские формы:**
inge (+Acc.) 'за исключением'	*anga* 'только что'
anaid, anid 'остается'	*aniti* 'дышет'
anocht 'ошибка'	*anukta-* 'несказанный'
**esjo-*	*asya-, asyah*
dron (**drunas*, **drunos*) 'твердый'	*dāruná-* 'твердый, прочный'
dau, dou- 'два'	*dvau* 'два'
*-*bi* (Dat. Pl.), *-ebo*	*-ebhih* (Instr.)
**eisom*	*esam*
**coxos, coss, coes* 'колено, нога'	*kakṣah* 'подмышка'
crenaid; *prynu* 'покупать'	*krinati* 'покупает'
cruim, cruimther; *pryf*; *precv* 'червь'	*krmih* 'червь'
setid, seididh: chwythu 'бормотать'	*kṣvedati* 'бормотать, скрипеть'
co: cw, cwd 'где'	*ku, kuha* 'где'
magus, mag, maez, maes 'поле'	*mah* 'великий', *mahi* 'земля'
moind, monadh, mynydd, meneth, menez 'холм, гора, возвышенность'	авест. *mati* (из **m̥ti-*) 'горная вершина'
nau (f. a-stem) 'судно'	*nauh, navah* 'корабль'
roth (m. o-stem) 'колесо'	*rathah, raθa* 'колесница'
sruth (u-stem); *ssrwd* 'поток'	*srutah* 'течение'
-thes (2 sg.)	*-thah* (2 sg.)

Прочие примеры языковых схождений кельтских и индоиранских языков перечислены в фундаментальном труде Турнейсена[26] и этимологическом словаре древнеирландского языка[27].

Давно спорят филологи о происхождении древнеирландского юридического термина *aire* (свободное благородное сословие). Некоторым видится и здесь индоиранский источник типа слова *arya-*[28].

Эти языковые свидетельства позволяют предположить древнее

соседство и контактирование носителей (некоторых) кельтских и индоиранских диалектов в смежных ареалах (Малая Скифия?) на нижнем Дунае и в Прикарпатье.

Одна фонетическая изоглосса ареального характера связывает древнеирландский и карпатский языковые ареалы: аналогичная дифтонгизация этимологических долгих **e* > *ea/ia*, **o* > *oa/ua* в древнеирландском и дакороманском. Это языковое явление также может служить косвенным указанием на исходный ареал некоторых кельтских инноваций.

Затем миграции кельтоязычных племен занесли языковые элементы индоиранского облика далеко на Запад Европы.

Некоторые отличия цыганского языка в области фонетики от прочих индоарийских языков помогают понять переходные языковые состояния этой подгруппы и некоторые фонетические особенности синдо-меотских звуков. Цыганскому языку присущи такие явления:

1) оглушения звонких аспират *kh* < **gh*; *th* < **dh*; *ph* < **bh*;
2) ослабленная аспирация согласных *c* < **c*, *ch*; *t* < **t*, *th*; *b* < **bh*;
3) отсутствие церебральных согласных *r* < **ṭ*, *ḍ*, *dh*; *st* < *ṣṭ*.

(Ср. фонетические особенности синдо-меотских диалектов на с. 207).

В области морфологии развились древние традиции:

1) замена именной флексии агглютинацией,
2) сохранение косвенной основы и прямого падежа имени,
3) отсутствие форм винительного и местного падежа у неодушевленных имен.

В целом уже давно известно, что ареалом формирования и развития цыганских диалектов был обширный балканский языковой союз[29]. Это соображение особо важно для опровержения широко распространенного мнения о происхождении цыганского этноса и языка из областей северо-западного и центрального Индостана[30].

Цыгане, сохраняющие невероятно архаичный быт и уклад времен странствий телицы Ио, являются одним из древнейших насельников именно Европы, особенно ее Придунайских областей, хранителями и передатчиками многотысячелетней индоевропейской традиции.

Завершая обзор трех восточноевропейских ареалов индоарийских диалектов – Синдо-Меотского, Скифо-Таврического и Сигинно-Гетского, отметим огромную важность их выявления для сравнительно-исторического языкознания и для истории этногенеза всей группы индоарийских языков[31].

Эти реликтовые индоарийские языковые ареалы свидетельствуют о распаде индоарийско-дардо-кафирской группы и.-е. праязыка вне Индостана и о дальнейшем развитии нескольких индоарийских диалектов вне основного индоарийского ареала в Индии, где ныне проживают потомки родов и племен, родственных меотским, скифским и гетским индоариям (пандавам?).

Примечания

[1] *De Saint Martin V.* Recherches sur les populations et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847; *Idem.* Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. T. I. Paris, 1850; *Lassen Chr.* Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie, Ethnographie und Älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig, MDCCCLXVII.

[2] *Kretschmer P.* Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ, 1928; *Idem.* Inder am Kuban // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. 80. Jahrgang, 1943, n. I–XV. Wien, 1944.

[3] *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

[4] *Джонуа Б.Г., Климов Г.А.* К индоиранизмам в абхазском языке. Рукопись статьи для журнала Известия АН СССР. Серия Литературы и Языка, 1–11.

[5] *Шагиров А.К., Дзидзария О.П.* К проблеме индоарийских, праиндийских лексических заимствований в северо-кавказских языках // ВЯ. 1985. № 5; *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1–2. М., 1977; *Он же.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / Отв. ред. В.И. Абаев. М.: Наука, 1989, 154–166.

[6] *Погодин А.* К вопросу о влиянии и.-е. языков на кавказские // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. IV.

[7] *Troubetskoy N.* Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional // BSLP. T. 22, f. 5. Paris, 1921.

[8] *Dumezil G.* Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques // Annali d'Instituto Orientale di Napoli. Sezione Linguistica. V. Roma, 1963.

[9] *Bailey H.W.* Excursus Iranocaucasicus // Acta Iranica. Encyclopédie permanent des études iraniennes. 2-me série. Leiden, 1975.

[10] *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889, 107, 159, 176, 208.

[11] *Николаев С.Л., Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985, 74–94.

[12] *Старостин С.А.* Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–163, особенно 113–114.

[13] *Погодин А.* К вопросу о влиянии и.-е. языков на кавказские // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. IV. 52–53.

[14] *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков... 154–157.

[15] *Селимов А.А.* Лезгинское обрядовое Пешапай // Доклады на 3-й Всесоюзной конференции по ономастике Кавказа. Телави, 1983.

[16] *Knobloch J.* Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepik. 1. Der Sonnenheld; 2. Religiose Volkskunde der Osseten (Stichwörter zur Volkskunde und Religiosgeschichte aus V.I. Abaevs Historisch-etymologischem Wörterbuch der ossetischen Sprache). Heidelberg, 1991, 72.

[17] *Климов Г.А.* Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
[18] Там же.
[19] *Страбон.* География в 17 книгах / Перевод, статья и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1994, (кн. 9, гл. 11, 10–11, 14); Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
[20] *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
[21] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.
[22] *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986, 5–9.
[23] *Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
[24] *Трубачев О.Н.* Серебро // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, 95–102.
[25] Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 “Рус. яз. и лит.” / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990, 165.
[26] A Grammar of Old Irish by Rudolf Thurneysen. Revised and enlarged edition / Translated from the German by D.A. Binchy and Osborn Bergin. With Supplement. School of Celtic Studies, Dublin Institute for Advanced Studies. Dublin University Press Ltd, 1993. 704 (особенно 664–665).
[27] Lexique étymologique de l’Irlandais Ancien / Edited by J. Vendryes et al. Dublin & Paris: Dublin Institute for Advanced Studies and Centre National de la Recherche Scientifique [A (1959), B (1981), C (1987), MNOP (1960), RS (1974), TU (1978)].
[28] Полемику по поводу этимологической связи термина *aire* и индоиранского слова *arya* см.: *Шкунаев С.В.* Древнеирландская юридическая терминология. Л.: Наука, 1989, 46–47.
[29] Основы балканского языкознания. Языки Балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки) // Отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1990, 125–248.
[30] *Герман А.В.* Библиография о цыганах. М., 1930; *Вентцель Т.В., Черенков Л.Н.* Диалекты цыганского языка // Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976; *Miklosich F.* Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. T. 1–12. Wien, 1872–1880; *Calvet G.* Lexique Tsigane. Paris, 1982; *Sailey R.* Vocabulaire fondamental du Tsigane d’Europe. Paris, 1979.
[31] *Елизаренкова Т.Я.* Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974; *Чаттерджи С.К.* Введение в индоарийское языкознание. Пер. с англ. М.: 1977; Языки Азии и Африки. Т. 1. Индоарийские языки. М., 1976; Т. 1, кн. 2. Дардские языки. М., 1978.

В.П. Калыгин

ЭТНОНИМИКА И ТЕОНИМИКА ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ[1]

Среди многочисленных кельтских этнонимов выделяется довольно значительная группа племенных названий, образованных (или связанных иным образом) от имен богов (мифологических персонажей). Эта группа выглядит весьма внушительной при сравнении ее с соответствующим италийским или славянским материалом. Предлагаемые этюды на эту тему не претендуют на полный охват всей проблематики, но дают представление о положении дел в этой области.

Племя Dārini ~ др.-ирл. Dáire

Птолемей указывает на северо-востоке Ирландии племя Δαρίνοι. Позднее примерно на этом месте обитали Darini, а еще позднее Clann Dáirine[2]. Это имя прилагалось также к племени Corcu Loígde, обитавшему на юге острова в районе современного Корка и являвшемуся ответвлением племени Érainn. Corcu Loígde считали себя потомками Lugaid, одного из пяти сыновей Dáire[3]. В христианские времена сочинители генеалогий продолжили линию до Ith'a, одного из первых Сыновей Миледа, прибывших, согласно этнологическому мифу, в Ирландию (см. ниже), и Bregaind'a, мифического предка "праирландцев". Dáire неоднократно появляется в различных ипостасях в так наз. "доисторической" части генеалогий, где помещены – часто вместе с библейскими персонажами – полузабытые языческие божества, и в сагах. В саге "Похищение коров Регамны"[4] он описывается следующим образом: *fer mor i comair in charpad, funa forptha imbi 7 gaballorg findchuill fria ais ic imain nam-bo faithi* 'огромный муж был рядом с ней (с богиней войны и разрушения Морриган. – *В.К.*) в колеснице, короткое одеяние было на нем и вилообразная палица из орешника была у него сзади, гнал он впереди себя корову'. Дайре, несомненно, представляет собой древнее божество, причем некоторые черты указывают на его связь с культом быка. Так, Dáire mac Fíachnai в эпопее о похищении быка из Куалнге предстает как владелец космогонического быка Donn Cúailnge. Такую трактовку этого мифологического персонажа поддерживает и этимология слова *dáire* < **dhāryo-*, образованного от глагола *dairid* 'случаться (о быке), осеменять, оплодотворять' < **dhr(H)-i-*. Этноним *Darini/Dáirine* образован от имени архаического божества, которое, хотя и встречается в сагах и "ученой" литературе, но занимает явно периферийное место среди ирландских богов. В типологическом

плане можно было бы указать на то, что на континенте были племена, названия которых были образованы от слова, обозначающего 'быка', в частности Taurisci, Taurini, последнее в словообразовательном плане идентично Darini.

Племя Nemetes ~ галльск. Nemetona и др.-ирл. Nemed

Античные авторы отмечают на левом берегу Рейна в пограничной зоне между Галлией и Германией племя Nemetes. Цезарь сообщает, что неметы участвовали в коалиции германских племен под руководством Ариовиста против римлян вместе с Harudes, Marcomani, Triboci, Suevi и др. (Bel. Gal. I, 51). Тацит также упоминает неметов среди германских племен: *Ipsam Rheni ripam haud dubie Germanorum populi colunt: Vangiones, Triboci, Nemetes* 'на том же берегу Рейна живут несомненно германские народы: вангионы, трибоки, неметы? (Tac. Germ. 28). Центром земли неметов был населенный пункт Noviomagos (совр. Speyer). Хотя римские авторы не сомневаются в том, что неметы принадлежат к германским народам, с лингвистической точки зрения этот этноним – кельтский, в германских языках соответствующее слово имеет иной фонетический облик, например, др.-сакс. *nimides* 'священная роща'.

На континенте имеется группа топонимов, производных от основы *nemet-*. Часть из них очевидно отражает *nemeton* в значении 'святилище' (обычно в качестве второго компонента композита): *Dru-nemeton* 'дубовое святилище', *Ver-nemeton* 'большое святилище', *Medio-nemeton* 'срединное святилище'; но есть лексемы, допускающие иную интерпретацию: *Nemeto-briga, Nemeto-durum, Nemetacum.* В словообразовательном плане как будто ничто не мешает толковать их как 'укрепление Немета' и т.п.

Общекельтские лексемы *nemeto-, nemeton-* восходят к индоевропейскому корню **nem-* 'священный' (лат. *nemus* 'роща', греч. νέμος то же, др.-инд. nāmas- 'поклонение' – Pokorny 764). Надо отметить, что значение 'роща, лес' устойчиво присутствует в кельтских языках: Silua quae uocatur nemet 'лес, который называют *nemet*'[5]. Первоначальным считается значение 'поляна, на которой происходят культовые действа'[6].

В Галлии мужское божество *Nemetos как будто не засвидетельствовано, есть только богиня, именуемая Nemeta или Nemetona. Сопровождающий ее мужской персонаж (посвятительные надписи в римской Галлии и Британии часто обращены к божественной супружеской паре) предстает лишь в interpretatio romana как Mars: MARTI ET NEMETONAE (CIL XIII, 6131); LOVCETIO MARTI ET NEMETONAE (RIB 140). Археологически и эпиграфически Nemetona засвидетель-

ствована как покровительница племен Nemetes и Treveri. В частности, последняя надпись была выполнена по заказу некоего Перегрина из племени Треверов, давших название современному Триру в Германии. Что скрывается за Марсом, сказать трудно, поскольку однозначных соответствий в interpretatio romana не существовало.

В Ирландии, кроме слова *nemed*, обозначавшего 'святилище' и как юридический термин социальную группу, наделенную некоторыми правами и привилегиями (ср. название трактата Bretha Nemed, которое можно передать по-русски как "Суждения о правах благородных"), известен мифологический персонаж Nemed. Nemed – в ирл. этногоническом мифе вождь третьей волны насельников Ирландии. Он прибыл в Ирландию из Скифии (по другой версии – из Испании, которая в древнеирландской мифологии служила эквивалентом потустороннего мира). Подобно своему предшественнику Партолону, он расчищает 12 равнин и озер, дает названия местностям и трижды побеждает фоморов, злобных демонических существ, и заставляет их выкопать два укрепления (rígráth). Немед вместе со значительной частью своего народа погибает от чумы. После смерти Немеда его народ попадает в зависимость от фоморов. Женой ирландского Немеда была Маха[7]. Структурирование этногонического мифа в Ирландии и его кодификация происходят в раннесредневековое время, когда христианство уже сильно потеснило язычество, поэтому трудно сказать, какими функциями обладал Немед в собственно языческой традиции и какова была его теология. Но в любом случае следов Немеда в Ирландии и Неметоны в Галлии достаточно, чтобы постулировать существование божества и соответствующего теонима, давшего посредством довольно распространенных словообразовательных процедур этноним, известный в латинизированной форме *Nemetes* (у галлов было бы **Nemeti*). Поскольку племя оказалось в зоне интенсивных кельто-германских контактов, оно было германизировано и во времена Тацита могло представлять собой одно из многочисленных смешанных племен.

Племя Brigantī ∼ галльск. Brigantia, др.-ирл. Brigid

Несколько лет назад В.К. Витчак опубликовал в двух выпусках "Этимологии" очень интересные статьи о славянских этнонимах **bьrzьti* и **vętiti*[8]. Мне хотелось бы пристальнее рассмотреть соответствующий кельтский материал, который, может быть, позволит несколько иначе взглянуть на происхождение этих этимологических гнезд.

Помимо этнонима, распространенного на континенте (Βριγάντοι у Страбона 4, 6, 8) и на Британских островах (*Brigantes* у Тацита

(Agricola 17, 2) в Британии и Βρίγαντοι у Птолемея (II, 2, 6) в Ирландии, где позднее фиксируется племя *Uí Brigti* < **Brigēddīī* < *Brigantī*), отмечается некоторое количество топонимов, среди которых *lacus Brigantinus*, совр. Bodensee, населенные пункты *Brigantio(n)* на юго-востоке Галлии (совр. Briançon-sur-Durance), Βριγαντίου κώμης (Strabo 4, 1, 3), а также *Brigantion* (латиниз. *Brigantium*) в Реции и Галисии; древнебретонский ороним *Brient* < **brigentio-s* и гидроним *Brigentia* в районе Кобленца.

Форма этнонима *Brigantī/Brigantīī* и предшествующая ей *Brigantioi* указывает на то, что он (этноним) является производным от имени богини, которая в Ирландии известна как *Brigit* < **bhr̥ĝhn̥ti*, а в Британии и на континенте в (латиниз.) форме (*dea*) *Brigantia*. Собственно говоря, производность заключается в том, что *Brigantīī* является формой множественного числа от теонима **Bhr̥ĝhn̥ti*. Все производные так или иначе указывают на производящую i-основу: *Brigant-i-no-s lacus*, *Brigant-i-co-s* (имя батава у Тацита Hist. 2, 22), *Brigant-i-no-magos* (совр. *Brigançon* в деп. Var), *Brigant-i-on* и др. У нас нет оснований полагать, что словопроизводство шло в обратном направлении[9].

Интерпретация реконструируемой для теонима праформы **bhr̥ĝhn̥ti* как причастия, может быть, не совсем правомерна, принимая во внимание то обстоятельство, что древнеиндийские имена *br̥hánt-* 'высокий', *mahánt-* 'великий', *r̥hánt-* 'малый' и некоторые другие, имеющие ударение на суффиксе, являются прилагательными, а не причастиями[10]. К этому можно добавить, что глаголы, образованные от корня **bhreĝh-*, либо позднего происхождения, либо ареально ограничены (Pokorny 140–141). Соблазнительно видеть здесь индоевропейский суф. **-e/ont*, переводящий имена инактивного класса в имена активные: хетт. *uttar* 'слово' ~ *uddanant-* 'слово как активное начало'[11], но история этого суффикса в кельтских языках, включая общекельтский, практически неизучена и было бы рискованно предполагать, скажем, для общекельтского ситуацию, подобную хеттской. А. Мейе отмечал, что "формы с нулевой ступенью корня обозначали само действие, выраженное данным корнем, и в древнейшие времена, по-видимому, саму внутреннюю силу, присущую этому действию. Такого рода слова могли иметь культовую значимость"[12]. Подмеченная А. Мейе морфосемантическая закономерность, действовавшая в индоевропейском праязыке, вполне пригодна для объяснения в данном случае.

В некоторых ирландских текстах, в частности во "Второй битве на Маг Туйред"[13] встречается "усеченный" вариант имени Бригиты – *Brig*, сопоставимый с хеттской формой имени архаической богини *ᵈPar-ga /br̥gā/* (Королев)[14]. Ирландская форма предполагает **brigi-s* < **bhr̥ĝhi-s* (**br̥gā* дало бы **breg*, которое, возможно, отраже-

но в названии одной из сакральных столиц Ирландии *Brega*). Вероятно, с "кратким" именем связаны топоним (или этноним?) в посвятительной надписи из Иберии MATRIBUS BRIGEACIS (CIL ii, 6328 (Peñalba de Castro)), где *-eac-*, по-видимому, передает суф. *-iaco-*, имевший притяжательное значение, а также название племени *Brigiani*, жившего в Альпийской Галлии и поклонявшееся богу Brigantos (ср. надпись, происходящую с той же территории DEO BRIGANTU) и гидроним *Bray*, приток Лауры, < **brigia*.

Тем самым, мы имеем возможность рассматривать **brigi-s* и **briganti* как архаизм, сохранившийся в кельских языках. Разумеется, эту пару нельзя рассматривать как свидетельство о наличии инактивного и активного классов в общекельтском, скорее эти два слова уже утратили такого рода признаки и сохранялись лишь благодаря консервативности религиозного словаря.

В связи с этим возникает вопрос об отношении *Brig/Brigit/Brigantia* и соответствующих этнонимов к группе лексем, обозначающих 'возвышенность, холм' в кельтских языках – др.-ирл. *brí*, валл. *bre*, галльск. *briga* < **br̥gā* < **bhr̥ĝhā*, широко представленных в кельтской топонимике. Представляется, что исходная мотивировка 'возвышенная, высокая' вполне соотносится с функциями и локусом соответствующей богини, как мы можем их себе представить на основе ирландских и шотландских данных*.

Вслед за А.А. Королевым и Ю.С. Степановым[15] можно реконструировать для индоевропейского праязыка имя богини **Bhr̥ĝhn̥ti*. На востоке индоевропейской области это слово представлено в хеттском как теоним, а в индо-иранских языках как эпитет богини *Arədvī Sūrā Anāhitā* – *bərəzanti* 'высокая'. Эта индоевропейская лексема в качестве этнонима засвидетельствована преимущественно на западе индоевропейского ареала. Материал, на мой взгляд, позволяет предположить, что и теоним и этноним существовали в индоевропейское время. Для последнего мотивировка могла бы иметь вид 'высокая (богиня)' → '(народ) высокой (богини)'. В формировании этнонимов на ранней стадии заметную роль играли теонимы. У кельтов это вполне очевидно: богиня *Ériu* дает название стране (Ирландия) и соответственно народу (первоначально это одно из племен, населявших остров); *Dumnonii*, название племени на юго-западе Британии,

---

Древнеирландская богиня Brigit связывалась с огнем и светом, с одной стороны, и с плодородием, деторождением и здоровьем, с другой стороны. В Римской Британии Бригантия отождествлялась в рамках interpretatio romana с Sulis Minerva, покровительницей целительных источников в Aqua Sulis (совр. англ. Bath); отметим также что бритт. *sulis* родственно др.-ирл. *súil* 'глаз' < **sūli-*, нулевая ступень от и.-е. **swel-* 'солнце'. Во время праздников, посвященных Бригите, участники церемоний одевались в белые одежды. Все это позволяет отнести Бригиту–Бригантию к числу божеств, приуроченных к **светлой** части универсума.

образовано от имени бога или богини **Dumnon-* < **dubnon-*, от и.-е. **dheubh-* ‘черный, темный’.

Если верна реконструкция для индоевропейского праязыка **bhr̥ĝhi-* ~ **bhr̥ĝhn̥ti-*, то мы имеем дело с весьма интересным явлением, суть которого состоит в том, что имя богини предстает в двух формах – краткой, отчасти совпадающей со словами для **возвышенностей** и обозначающей некую “внутреннюю силу” или сущность, и “распространенной”, содержащий суффикс, который актуализирует эту внутреннюю потенцию, превращая ее в некое активное начало. Что касается этнонима, производного от имени божества, то его первоначальная форма оказывается формой множественного числа теонима. Едва ли стоит объяснять этот факт примитивным тотемизмом. По-видимому, мы имеем дело с практически неисследованными процессами самоназывания этносоциальных групп в индоевропейском обществе. Показательно, что этнонимы, восходящие к **bhr̥ghn̥ti-*, засвидетельствованы в ареале, охватывающем Британские острова, Галлию, Альпийскую область, Балканы и Славию. Как отметил К.Т. Витчак в упоминавшихся в начале нашей статьи работах, ареал распространения **bhr̥ĝhn̥tī̆* совпадает с ареалом распространения этнонима **wenHtī̆* (Veneti, Вятичи и др.) и, добавим, практически не выходит за пределы “древнеевропейских” языков. По своей семантике **bhr̥ĝhn̥ti-* синонимично **albhio-* ‘белый, светлый’, давшему в кельтских языках теоним **Albion-* и этноним, формально идентичный топониму, – *Albion(es)* ‘жители Альбиона’.

Племя Nerii и бог Nerios

Племя Nerii (Nerī̆) засвидетельствовано на северо-западе Иберийского полуострова (Ptol. Geographia II 6. 22) в пределах римской административной единицы Conventus Lucensis, относившейся при Диоклетиане к провинции Callaecia. По подсчетам Э. Лухана ономастика этого региона на 30% кельтская, но в топонимике присутствуют лузитанский и “древнеевропейский” слои. Судя по латинским надписям, для северо-восточного угла Иберийского полуострова теонимика была общей для кельтов-каллаиков (Callaeci, позднéе Gallaici) и для лузитанов[16]. По-видимому, территории, занятые кельтами, не представляли собой сплошного массива, а культурное взаимодействие между гетерогенными этносами было в высшей степени активным. О принадлежности этого племени к кельтам говорят Плиний (Plin. Nat. Hist. IV 111: Celtici cognomine Neri) и Страбон (Strabo III 3.5). О принадлежности к кельтам свидетельствует и форма этнонима, которая по фонетическим критериям вполне соответствует галльскому теониму *Nerios*. Это божество упоминается в нескольких надписях (CIL XIII 1371-9), происходящих из города

Neriomagus (совр. Néris-les-Bains, dép. Allier), находившегося на территории Аквитании и имевшего второе название Aquae Neri(i). Сведений о функциях этого божества нет. В островных кельтских языках континентальной основе *ner(i)-* соответствуют валл. *ner* 'герой', др.-ирл. *ner* 'кабан'. Последнее, по мнению Ж. Вандриеса, является "spécialisation d'un ancien nom du 'mâle'"[17].

Галльскому теониму фонетически точно соответствует имя героя ирландской саги Echtra Nerai "Приключения Неры" *Nera* < **Neryo-s*. Нера, воин из Рат Круахан, в ночь на самайн оказывается в потустороннем мире (сиде), где он встречается с женщиной-сидой, которая предупреждает его о готовящемся вторжении потусторонних сил. Нера возвращается в обычный мир, держа в руке "плоды лета" (toirthe samruid), чтобы убедить царскую чету в том, что он действительно был в сиде. Через год он возвращается в сид и выводит оттуда свою жену с ребенком и свое стадо. В долине Круахан произошел бой между бычком, родившимся от коровы сына Неры и Бурого, космогонического быка ирландской мифологии, и Белорогим. Последний победил бычка. Этот бой стал прообразом схватки Белорогого (Findbennach) и Бурого (Donn, Dub), космогонической битвы темного и светлого начал. Сага о Нере сложна текстологически и в смысле ее мифологического истолкования[18]. Трудно сказать, какое древнее божество или герой стоят за, по-видимому, поздней эпической фигурой Неры; можно лишь предположить, что мы имеем дело с мотивом хождения в иной мир и спасением скота. Этот мотив присутствует в саге "Похищение стада Фроэха": герой отправляется в дальние страны (Шотландия, Альпы), чтобы вернуть свой скот. Едва ли сходство мотивов может быть достаточным доводом, чтобы отождествлять Фроэха и Неру, как предлагает Г. Олмстед[19]. Собственно кельтский материал мало что дает для реконструкции мифологемы или мотивировки имени героя/бога. Этимологически кельтские лексемы восходят к и.-е. **ner-*, которому приписываются два значения: 'жизненная сила' и 'мужчина, человек' (Pokorny 765).

За пределами кельтских языков засвидетельствовано производное от этого корня – теоним *Neriō, -iēnsis*[20], обозначавший сабинскую богиню, которую римляне призывали в молитвах вместе с Марсом. Это слово толкуется римскими грамматиками как virtus et fortidudo[21]. *Neriō* можно рассматривать как наращение суффикса на назальный на *i*-основу – *Ner-i-on-* и, тем самым, италийское образование, формально близкое к тематизированному кельт. *nerio-*. Параллельная отыменная форма теонима *Neria,* приводимая Геллием[22], вполне может быть сближена с кельт. *nerio-* по формальным признакам и истолкована как 'наделенная, обладающая (жизненной) силой', поскольку речь идет о бо̄гине, связанной с плодородием. В первом приближении "общим знаменателем" кельтских и ита-

лийских форм могло бы быть божество, наделенное (и наделяющее?) жизненной силой, обеспечивающее материальное благополучие: для италийского божества – плодородие земли и скота (аналог раннего Марса), для кельтского – спасение скота (в ирландской версии). Разумеется, предложенное решение не может претендовать более чем на рабочую гипотезу[23].

В Gallia Belgica мы встречаем этноним *Nervii*, обобзначавший, если верить Тациту и Страбону, германский народ[24]. В зоне контактов кельтов и германцев, которая проходила к востоку от Рейна, во многих случаях трудно определить этническую принадлежность племен (и соответственно этнонимов). Возможно, Тацит, как, впрочем, и в ряде других случаев, ошибается, поскольку город, который строится на земле нервиев, носит кельтское название (латиниз.) *Bagacum*, от галльск. *bagos* 'бук', не сохранившееся в островных кельтских языках. Окружали нервиев кельтские племена – Remi, Atrebati. В историко-этническом плане нет серьезных оснований считать нервиев германцами; возможно, это кельтское племя испытало сильное воздействие со стороны соседей германцев, что вполне естественно[25]. В этимологическом плане этноним *Nervii* может быть объяснен как суффиксальное образование на *-w-*, широко распространенное в галльском языке, от корня **ner-*, о котором шла речь выше. Фрагментарность исторической и лингвистической документации таково, что мы не можем выяснить детали номинации и безапелляционно утверждать о родстве нервиев и нериев (хотя бы как этнонимов), но едва ли можно все списать на случайные совпадения.

Племя Iverni ~ ирландская богиня Ériu

На юге Ирландии античный географ Птолемей отмечает этноним Ἰουέρνοι/*Ivernī*, который сохранился до наших дней в названии страны *Éire*. По-древнеирландски остров назывался именем богини Ériu. В дошедших до нас мифопоэтических текстах Эриу занимает периферийное положение в пантеоне. В средневековом трактате о происхождении ирландцев Lebor gábala Érenn "Книга взятия Ирландии" Эриу появляется навстречу высадившимся Сыновьям Миледа, непосредственным "предкам" ирландцев, и требует, чтобы пришельцы назвали остров ее именем. Высадке "праирландцев" предшествовали весьма драматические события.

После продолжительных странствий Сыновья Миледа обосновались в Испании. Там с башни, построенной Бреганом, Ит (*Ith* 'жир') увидел однажды зимним вечером остров и отправился туда с небольшой группой соплеменников. Высадившись на острове, он встречает трех царей Mac Cuill 'сын орешника' Mac Cécht 'сын плу-

га' (?) и Mac Gráine 'сын солнца', делящих наследство. По их просьбе Ит произносит "суждение": Denaid rechtge chóir, daig maith in ferand i n-attrebthai. Imda a mess 7 a mil 7 a chruinecht 7 a íasc. Is mesraigthe a thess 7 a úacht "Правьте надлежаще, ибо вы живете в хорошей земле. Обильна она плодами, медом и пшеницей. Умеренна в ней жара и холод"[26].

Цари убили Ита, заподозрив его в намерении захватить страну. Сыновья Миледа организуют карательную экспедицию, которая превращается в переселение. При высадке Сыновья Миледа встретили сопротивление Племен богини Дану, народа магов и волшебников, населявших остров. Их противодействие снимается заклинаниями одного из вождей пришельцев Аморгена Белоколенного. Эти заклинания составляли, по всей видимости, вербальную часть ритуала доместикации пространства, воспроизводящую акт творения посредством называния вещей:

Ailiu iath n-Erenn,	*Молю землю Эриу,*
Ermach muir mothach,	*бегущее море [быть] обильным,*
Mothach sliab srethach,	*обильный склон прекрасный,*
Srethach caill cithach,	*прекрасный лес, полный влаги,*
Cithach ab essach,	*полноводная река водопадная,*
Essach loch lindmar...	*водопадное озеро многоводное...*

Лейтмотивом этой и двух других поэм является плодородие. Впервые в повествовании о Сыновьях Миледа тема плодородия появляется вместе с Итом. Его имя восходит к **ītu-* < и.-е. **pī-tu-* от **pei(ə)-* 'питать; быть жирным, плодородным'; к форме с кратким *i* восходит нарицательное *ith* 'зерно' < **pi-tu-* (ср. др.-инд. *pitu-daruḥ* 'вид сосны', др.-греч. πιτύς 'сосна', лат. pitūita 'слизь; жидкость, вытекающая из дерева' и др.-инд. *pitú-* 'сок, напиток'). Ступень с полной огласовкой корня **pei-tu* дает др.-ирл. *íath* 'земля, страна'. К этому же корню относится имя другого персонажа *Iar* (арх. *Iër*) < **ivero-s* < **pi-wer-o-*; с тем же суффиксом др.-греч. πῖαρ 'жир' < **pi-wr̥-*. Основа **piwer-* имеет особое значение для ирландской мифологической ономастики: к ней восходит имя богини-эпонима Ирландии *Ériu* < **iveriū* (*n*-осн., gen. sg. Érenn < **iverionos*) < **piwerion-* 'плодородная, жирная', а также греческий хороним Πιέρια (ср. др.-греч. м.р. πίων, ж.р. πίειρα, др.-инд. *pīvarī* 'жирный, обильный').

Тема плодородия, таким образом, имеет этимологический и нарративный аспекты. Что касается dramatis personae, то, за исключением Эриу, они не фигурируют в других мифах, их имена упоминаются иногда в архаических частях генеалогий.

Тема плодородия появляется в начале первого аморгенова заклинания и в виде глагола *áiliu*, который вызывает трудности при переводе. Обычно его передают как 'просить, взывать, умолять' и т.п. *Áiliu* связывают с валл. *iawl* 'молитва', др.-греч. ζῆλος 'рвение' и

далее к и.-е. **ya-/yo-*, который Ю.С. Степанов интерпретировал как ‘наделять жизненной силой’[27]. Краткая степень корня представлена в др.-ирл. *ailid* ‘кормить, воспитывать’, родственном лат. *alō* ‘питаю’. Анализ Ю.С. Степановым этого этимологического гнезда позволяет по-новому взглянуть на историю и особенности употребления др.-ирл. *áiliu*. Интересующий нас глагол появляется в начале особого класса поэм (который так и называется *áiliu*), содержанием которых является доместикация различных пространств и объектов – дома, воды, пива и т.д.

В наиболее древних поэмах этого класса *áiliu* может быть понят как ‘наделять жизненной силой, вызывать к жизни’; такая интерпретация делает данный класс текстов более понятным и снимает трудности при переводе. Когда обращаются к божеству с какой-то иной просьбой, используют депонентный глагол *ad-muiniur* (и.-е. **men-*), как, например, в поэмах класса cétnath n-áisse ‘песнь о [долгой] жизни’:

Admuiniur secht n-ingena [trethan]	*Взываю к шести дочерям [океана],*
dolbte shâthi macc n-áesmar...	*которые прядут нити сыновей долгой жизни...*

Если в рамках эксперимента записать в реконструкции первую строку аморгенова заклинания *áiliu íath nÉrenn*, то получим следующее: **yālyu eitum iveryonos*. Если записать эту строку в еще более ранней форме до падения **p-*, т.е. до выделения пракельтского, то получим **yālyō *peitum *piweryonos*. В результате этого “эксперимента” мы имеем в реконструкции восьмисложник с аллитерацией, которая вполне укладывается в древнеирландские правила. Этот стих в концентрированном виде выражает тему плодородия и жизненной силы **yā-*, **pei(ə)-*. Проецировать этот реконструкт на уровень индоевропейского праязыка было бы нелепо, но нельзя не заметить, что ни в древнеирландском, ни даже в протогойдельском вся эта группа слов, восходящая к **pei(ə)-*, не мотивирована и их взаимосвязь не очевидна. Следовательно, скопление этих имен вокруг темы плодородия едва ли может быть случайным. По-видимому, мы имеем дело с осколками древнего мифа, который возник тогда, когда словообразовательные связи, обусловливающие взаимную мотивированность, еще существовали, т.е. в период до падения *P*.

Сколько-нибудь детальная реконструкция исходного мифа трудно осуществима. Можно лишь попытаться представить себе какие-то общие черты сюжета. Видимо, в основе мифа лежала та же идея, что и в ритуале сакрального брака царя с богиней земли, воспроизводящем космогонический акт: группа персонажей, имена которых кодировались производными от корня **pei(ə)-*, соотносимых тем или

иным образом с богиней плодородия, с Terra Mater, противостоит группе, стремящейся к обладанию плодородной землей и жизненной силой.

Примечания

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 01-06-80338 "Этнонимика древних индоевропейцев".

[2] *de Bernardo Stempel P.* Prolemy's Celtic Italy and Ireland // Ptolemy. Towars a linguistic atlas of the earliest Celtic place-names of Europe. Edd. D.N. Parson and P. Sims-Williams. Aberystwyth, 2000, 101.

[3] *O'Rahilly T.* Early Irish history and mythology. Dublin, 1976, 81; *O'Brien M.A.* (ed.) Corpus genealogiarum Hiberniae. Vol. 1, Dublin, 1976, 256.

[4] *Windisch E.* Táin bó regamna // Irische Texte, Bd. 2, Leipzig, 243 (список по рукописи Yellow Book of Lecan).

[5] *Whatmough J.* The dialects of Ancient Gaul. Cambridge (Mass.) 1970, 166.

[6] *Delamarre X.* Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Paris, 2001, 197–198.

[7] Древнеирландский теоним *Macha* точно соответствует слав. *Mokošь*: *В П. Калыгин.* К этимологии древнеирландского теонима Macha // Linguistica et philologica. Сб. статей к 75-летию проф. Ю.В. Откупщикова. СПб., 1999, 57–74.

[8] *Витчак К.Т.* О первоначальных венетах // Этимология 1986–1987. М., 1989; *Он же.* Из проблематики древнейших славянских имен. 1. Этноним Fresiti у Баварского географа и его локализация // Этимология 1988–1990. М., 1992.

[9] *Rivet A., Smith S.* The place names of Roman Britain. Princeton, 1979, 278–280.

[10] *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976, 119; *Thumb A., Hauschid R.* Handbuch des Sanskrit. II. Teil: Formenlehre. Heidelberg, 1959, 98.

[11] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, 222 сл.

[12] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, 268.

[13] *Stokes W.* The second battle of Moytura // Revue celtique, vol. 12, 1891, § 124; *Gray E.* Caith Maige Tuired. The second battle of Mag Tuired. Naas, 1982, 119].

[14] *Королев А.А.* Brigit – древнейшая богиня индоевропейцев? // Язык и культура кельтов. Материалы 2-го коллоквиума. СПб., 1993.

[15] *Королев А.А.* Там же; *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997, 92–94.

[16] *Luján E.R.* Ptolemy's Callaecia and the language(s) of the Callaeci // Ptolemy. Towars a linguistic atlas of the earliest Celtic place-names of Europe. Edd. D.N. Parson and P. Sims-Williams. Aberystwyth, 2000.

[17] *Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Paris, 1960, N 10.

[18] *Thyrneysen R.* Die irische Helden- und Königsage. Halle, 1921, 311 ff.; *Cary J.* Sequence and causation in *Echtra Nerai* // Ériu 1988, vol. 39, 1988.

[19] *Olmsted G.* The Gods of the Celts and the Indo-European. Budapest, 1994, 210.

[20] Это слово имеет не совсем ясную просодию: *Radke G.* Die Götter Altitaliens. Münster, 1965, 229–31.

[21] *Radke G.* Op. cit., 1965, 229.

[22] Idem. 231.

[23] Едва ли есть серьёзные основания связывать *Nera* и *Nerios*, равно как и *Neria*, с греческим теонимом Νηρεύς в рамках корня **ner-*, хотя бы по фонетическим причинам.

[24] Ср. *Tac.* Germ. 28: Treveri et Nervii circa affectationem Germanicae originis ultro ambitiosi sunt…

[25] На границе кельтов и германцев было какое-то количество племен, втягивающихся то в одну этническую группировку, то в другую: так, во времена Цезаря и позднее в районе совр. Вогез и Шварцвальда фиксируется племя Nemetes, которое римляне относят к германцам, но этимологически этот этноним является кельтским.

[26] *Koch J.T.* Ériu, Alba and Letha: when was a language ancestral to Gaelic first spoken in Ireland? // Emania. Bulletin of the Navan research group. 1991. № 9.

[27] *Степанов Ю.С.* Баба-Яга, Янус, Ясон и др. К вопросу о "нестрогом" сравнительно-историческом методе // ВЯ, 1995, № 5, 3–16.

А. Лома

К ЭТИМОЛОГИИ КАВКАЗСКОГО НАЗВАНИЯ ПЛУГА

"Историко-этимологический словарь осетинского языка" Василия Ивановича Абаева – одно из больших достижений этимологической лексикографии двадцатого столетия, незаменимое не только в изучении его непосредственного предмета, но и прошлого и быта осетин в целом, а также в разного рода исследованиях по иранистике и индоевропеистике[1]. Нами он используется в качестве богатейшего источника и надежного справочника в продолжительных поисках языковых следов причерноморских иранцев, скифов и сарматов. В отличие от преобладающего мнения, разделяемого самим Абаевым, мы считаем осетинский непосредственным преемником сарматского, но не и скифского языка, все-таки допуская наличие в сарматском, а посредством его и в осетинском, скифского лексического субстрата, проявляющего ряд характерных фонетических признаков. Самым бесспорным из них, так что и сам Абаев не мог не учесть его, кажется осет. *t* из индоиран. **ć* (т.е. **tś*), которое в скифском, как и в древнеперсидском, дало ϑ там, где в исконно осетинских словах ожидалось бы *s*, напр. *fœrœt, rœtœn, talm*[2]. Особенно подозрительны относительно скифского происхождения те осетинские слова, в которых *t* стоит в анлауте перед гласным или в (изначально) интервокальной позиции, а не восходит к (редкому) глухому придыхательному индо-иран. **th*, поскольку древнеиранское *t* в тех же позициях в осетинском перешло в *d*. Одним из таких слов с неизвестной этимологией является ирон. *gūton*, дигор. *goton* 'плуг' с соот-

ветствиями в ряде кавказских языков: арм. *gutcan*, курд. *kotan*, азерб. *kotan*, груз. *gutani*, абхаз. *a-k'₀atàn*, авар. *kutan*, удин. *kotan*, дарг. *gutan*, вейнах. *gwota*, балкар. *gotan* (Абаев I, 527). Абаев обсуждает его как "общекавказское слово неизвестного происхождения", не имеющее этимологических корней ни в одном из перечисленных языков[3], но потом рассуждает следующим образом: "...почти во всех этих языках слово обозначает особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты, в отличие от обычной сохи, для которой имеется другое, оригинальное название. Если в конце видеть формант *-an*, то **kut-* могло быть племенным названием, указывающим на происхождение данного вида орудия. Может быть, **kut-* из **skut-* 'скиф'? В этом случае название **skutan*, **kutan* 'скифский (плуг)' можно было бы связать с известной легендой скифов о получении ими плуга с неба" (Абаев I, 527 с лит.).

Эта этимология маловероятна; кажется, что она исходит из – Абаевым принятого – марровского толкования греческого термина Σκύθαι 'скифы' на основе предположительного множественного числа *skuta* < **skul-ta* (где *-ta* из -ϑνα?), якобы изначальной формы скифского самоназвания *skul(a)-*[4]. Но ввиду ассирийских свидетельств вроде *ašgūzai*, *iškūzai* ясно, что первичная, раннескифская форма термина была *skuδa-*, откуда, в свою очередь, произошли и поздн. скифская *skula-* (Σκύλης), мн. *skulata* (Σκόλοτοι) и греческая Σκύθης, первая с характерным для скифского переходом δ > *l*, а последняя, по всей вероятности, через фракийское посредство, поскольку в фракийском в рамках своего рода передвижения согласных чужое (*ð*) могло потерять свою звонкость и перейти в (*þ*)[5]. Такое, с суммой всех данных и с историко-географической реальностью согласующееся, объяснение едва ли допускает возведение кавказского названия плуга к скифскому имени, даже и при факультативном характере начального *s-* в последнем[6].

Близкие по звуковой форме обозначения плуга, сошника отмечаются в индоарийском: др.-инд. *kūṭa-* n., *kūṭaka-* n. ... 'сошник, лемех; часть плуга', *kuṭaka-* n. 'плуг без дышла', с продолжением в хинди *kūṛ* 'body of a plough'. Ввиду созвучных тамильских слов *kozu-* 'железный прут, сошник', мал. *koṛu*, кан. *kuṛu*, *guṛu* 'сошник, лемех', Барроу и вслед за ним Майрхофер приняли дравидское происхождение целого гнезда[7], но позже сам Барроу отказался от своей прежней этимологии и выступил с новой, индоарийской этимологией этих и некоторых других слов (вед. *kū́ṭa-* 'молот (?)'), относящей их к и.-е. корню **kū-* 'бить, ударять' в нов.-в.- нем. *hauen* и т.п.[8], которую принимает Войтилла[9]. Правда, это только "Wurzeletymologie", как ее трактует Майрхофер (Mayrhofer. Aitindoar. I, 384), определяя теперь слово неясным (Mayrhofer. Aitindoar. III, 116: "Nicht klar"). Префиксальное сложение *nikuṭa-* 'массивная деревянная часть плу-

га', как будто свидетельствует о продуктивности основы и понимании ее этимологического значения индоариями. Наблюдается формальное и семантическое сходство вышеприведенных названий сошника и плуга с др.-инд. *kūṭa-* n., *koṭi-* f. 'острие, пик'. И это гнездо представлено в дравидском, а наличие в данных словах церебрального в интервокальной позиции является показателем их неисконности и скорее субстратного или среднеиндийского происхождения (обзор толкований см. в: Mayrhofer. Aitindoar. III, 116; 124).

Однако дело не такое простое из-за существования в древнеиндийском параллельных форм с собственно индоарийском звуком *-ś-* на том же месте: *kuśi-* f., *kuśa-* n., *kuśika-* m.n. 'лемех', точнее 'железное острие лемеха', поскольку в источниках это орудие определяется, как сделанное из железа (*lohajaḥ*)[10]. Кажется, что основное значение было '(металлический) клин, гвоздь', ввиду очевидно родственного *kuśā-* f. 'гвоздь' и того факта, что в ряде европейских языков обозначение сошника восходит к слову именно со значением клина, гвоздя[11]. Если исходить из основной идеи чего-то острого, колющего, сюда можно было бы отнести и др.-инд. *kuśá-* 'трава', в ритуалах Сутр обозначение святой травы Poa cynosuroides, отличающейся остроконечными листьями, ср. *kuśā́gra-* 'the sharp point of a blade of Kuśa gras', и как прилаг. 'острый', 'остроумный (sharp, shrewd)'[12]. Есть основания предположить вместе с Петерссоном в вышеприведенных и некоторых других др.-инд. словах, вроде *kūṣṭā-* 'торчащий конец чего-то', наличие и.-е. корня **keuḱ-* 'колоть, быть острым', до сих пор не засвидетельствованного в других и.-е. языках[13].

Церебральный *ṭ* является аллофоном палатального *ś* (< и.-е. **ḱ*) в ряде корней и основ, но только в абсолютном конце слова или на морфологической границе перед согласным[14], в то время, как в выше приведенных словах *kūṭa-*, *kuṭaka-* и т.д. он обладает фонемным характером. Следовательно, в рамках древнеиндийской фонетической системы данные формы нельзя соотносить с формами, содержащими *-ś-* вроде *kuśī-* 'сошник'. Поскольку они все-таки кажутся едва ли отделимыми друг от друга, нам остается искать их взаимосвязь на каком-то более глубоком уровне. Поскольку древнеиндийскому *ś* в древнеиранском соответствует, как известно, не только авестийское *s*, но и древнеперсидское, а, по нашему мнению, и скифское ϑ, допустимо предположить, что есть такие древнеиранские заимствования в индоарийском, в которых церебральный *ṭ* отражает именно др.-иран. щелевой ϑ из и.-е. **ḱ*. Такая субституция кажется довольно вероятной из-за отсутствия в древнеиндийском соответствующего звука; иноязычное (*þ*) воспринималось как более близкое глухому церебральному зубному *ṭ* чем, пожалуй, придыхательному *th* или простому зубному *t*[15].

Возведение диалектного индоиранского обозначения лемеха к корню **kauć-/*kuć-*, отраженному в части древнеиндийского ареала и, предположительно, в каком-то с ним соприкасающемся древнеиранском диалекте, дает возможность предложить новую интерпретацию здесь рассматриваемого кавказского названия плуга, выдвигая на первый план иранские идиомы, в которых оно засвидетельствовано, а именно курдский и осетинский.

Взаимоотношение форм осет. *gūton / goton*, курд. *kotan* исключает возможность, что они независимо друг от друга унаследованы из общеиранского; в частности, *-t-* в той и в другой форме не возводимо к одному древнеиранскому звуку. Осет. *-t-* восходит к более древнему -ϑ-, отражающему индо-иран. **th* или, в словах собственно скифского происхождения, к и.-е. **ḱ*, тогда как в курдском эти звуки развивались иначе: и.-е. **ḱ* > общеиран. **ć* > курд. *s*, ср. курд. *hesin* 'железо', наряду с перс. *āhan* < **āϑan*; индо-иран. **th* > общеиран. *ϑ > курд. *h* > *ø*, ср. курд. *pān*, наряду с перс. *pahan*, осет. *fætæn*, все из **paϑana-* 'широкий' (ср. Абаев I, 464; 481). Скорее надо предположить, что слово из осетинского перешло в другие языки в древнеосетинской форме **kōtān*, которая, в свою очередь, восходила бы к скифской **kauϑāna-*, где -ϑ- < **ḱ*, возводимой к тому индо-иран. корню **kauć-/kuć-* 'острый', которым и объясняются рассмотренные выше др.-инд. названия лемеха.

Из семантики корня видно, что данный тип сошника должен был отличаться особенной остротой; по всей вероятности, это был железный лемех, являющийся отдельной частью плуга, которая стала предметом торговли, ввоза. Об этом свидетельствуют значения большинства др.-инд. слов, а также их фонетические формы, указывающие на их иноязычное происхождение. Производный характер скифской праформы **kauϑāna-* и преобладающее значение ее отражений в кавказских языках внушает предположение, что она изначально обозначала плуг, снабженный лемехом особого типа, а потом, согласно приведенному выше определению Абаева, "особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты", используемое в обработке лесостепного чернозема, представляющее для скифов большое культурное достижение, золотое изображение которого их цари чтили как подарок богов, упавший с неба. Именно в этом употреблении слово и могло быть заимствовано сармато-аланскими предками осетин, в чьем языке, пожалуй, существовало свое, с востока принесенное обозначение железного сошника **fsana-* (ирон. *ᵆfsæn*, дигор. *æfsæn*, ср. Абаев I, 480 сл.), восходящее к **spana-* 'железо'.

Сопоставление кавказских названий плуга и сошника с древнеиндийскими допускает, за исключением случайного созвучия, и другую возможность интерпретации – заимствование слова в кавказ-

ские и индоарийские языки из общего субстрата, вследствие языковых и культурных связей между прото-дравидийцами, носителями хараппской цивилизации, и эламцами Передней Азии, а, возможно, и доарийским населением городов Средней Азии. Все-таки это с хронологической точки зрения кажется менее вероятным. Слово должно быть довольно древним, но его проникновение связано со сравнительно поздней технологической инновацией; и в осетинском, и в древнеиндийском существуют более древние обозначения плуга, в том числе, более ранние заимствования, ср. мундскую этимологию др.-инд. *lāṅgala-*, встречающегося уже в одной из ранних мандал Ригведы. Лучшее знакомство с лексикой иранских языков могло бы оказать помощь при разрешении этой и многих других такого рода дилемм. В этом смысле возлагаем надежды на новый "Этимологический словарь иранских языков", первым выпуском которого В.С. Расторгуева и Д.И. Эдельман недавно обрадовали научную общественность[16].

Примечания

[1] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка (далее: *Абаев*). Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989.

[2] В связи с этим явлением Абаев в 1945 г. писал о "древнеперсидских элементах в осетинском языке" (см.: *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 138–143); в 1968 – "о перекрестных изоглосах" (Этимология 1966. М., 1968, 253).

[3] Еркерт считал слово заимствованным в осетинский из армянского; Хюбшманн на это возражает, что арм. *gut'a* не засвидетельствовано в арм. литературе (*Hübschmann H.* Armenische Grammatik. Erster Teil: Armenische Etymologie. Leipzig, 1897, 398). Миллер отнес его к грузинским культурным заимствованиям в осетинском (*Miller W.* Die Sprache der Osseten // *Geiger W., Kuhn E.* Grundriß der iranischen Philologie. Bd. I, Abt. 1. Straßburg, 1895–1901, 10).

[4] *Абаев В.И.* Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 363–364.

[5] Ср.: *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ 1992, № 5, 52 сл.; *Лома А.* Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // Studia Etymologica Brunensia 1. Praha, 2000, 343.

[6] Ссылаясь, пожалуй, на **kula-* рядом с *skula-* в Κολάξαϊς < **(s)kuδa-xšaya-* 'царь скифов' (?).

[7] *Burrow T.* // Transactions of the Philological Society. Oxford, 1945, 93; *Mayrhofer* I, 251: "Wohl dravidisch", ср. и 220).

[8] *Burrow T.* Spontaneous Cerebrals in Sanskrit // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 35. London, 1971, 550.

[9] *Wojtilla Gy.* The Sanskrit Terminology of the Plough // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1988. T. XLII, 2-3, 325–388, ср. особ. 333.

[10] В сборниках Яджурведы это же слово, в форме двойственного или множественного числа *kuśī-*, обозначает какой-то предмет из металла, употребляемый в ритуале, но его точное значение спорно. Согласно Дебруннеру, это

был железный гвоздь (в связи с пракр. *kusī-* f. 'a tool made of iron') (*Wackernagel J. / Debrunner A.* Altindische Grammatik II, 2. Göttingen, 1954, 384); согласно Рау – 'ein nutzmetalles Stäbchen' (*Rau W.* Metalle und Metallgeräte im vedischen Indien [Abh. d. Geistes- und Sozialwiss. Kl. Jg. 1973, № 8]. Wiesbaden, 1974, 35, прим. 18); согласно Каланду, наоборот, – 'металлическая пластинка' (*Caland W.* Acta Orientalia 1928, 6, 146; одобрительно *Hoffmann K.* Aufsätze zur Indoiranistik, Bd. 2, Wiesbaden 1976, 396); Майрхофер не высказывается (ср.: *Mayrhofer* Altindoar. I, 380).

11 Ср. греч. ὀφνίς, лат. *vōmis, -eris,* ст.-в.-нем. *waganso,* нов.-в.-нем. бавар. *Wagensun,* ст.-исл. *vangsni,* ст.-прус. *wagnis* 'лемех, сошник' со ст.-в.-нем. *weggi, wecki,* англосакс. *wecg,* ст.-исл. *veggr,* лит. *vãgis,* лтш. *vadzis* 'клин, гвоздь' (и.-е. **u̯og^{u}h-*, см.: *Pokorny* I, 1179 сл.).

12 С последним значением можно сравнивать *kúśala-* 'ловкий', но семантика этого прилагательного более разветвлена (также 'выгодный, хороший' и т.п.), и существуют другие возможности его этимологического определения.

13 *Petersson H.* Arische und Armenische Studien (Lunds Univ. Årsskrift Avd. 1, Bd. 16. No. 3). Lund, 1920, 18; по Майрхоферу такой корень "к сожалению, совсем неизвестен" (*Mayrhofer* I, 247, ср. и 245; *Mayrhofer.* Altindoar. I, 379). Ср. однако слав. **kъs-/*kys-/*kvas-*, семантический переход 'острый' > 'кислый' хорошо известен (напр. лат. *acidus* 'выгодный, хороший', наряду с *acus* 'игла', *acūmen* 'острие', все из и.-е. **aḱ-* 'острый'), а *s* в этом корне, пожалуй, лучше объясняется из и.-е. **ḱ* чем из **ts*, что почти общепринято, ср.: *Трубачев О.Н.* ЭССЯ 13, 154 сл.

14 Ср.: *Wackernagel J.* Op. cit. I, § 149.

15 Сюда возможно было бы отнести и плохо засвидетельствованное слово *kuha-* m. 'массивная деревянная часть плуга', как параллельное иранское заимствование с характерным для среднеперсидского развитием **ḱ* > ϑ > *h*. Войтилла пытается соотнести его на внутрииндоарийском уровне с синонимичным *kuḍa-* (*Wojtilla Gy.* Op. cit., 331 сл.), которое, в свою очередь, могло бы быть фонетическим вариантом формы *kuṭa-*.

16 Обозначение плуга в восточноиранском языке йигда *katā* едва ли возможно сравнивать с осетинским *gūton/goton,* вопреки *Cornillot F.* De Skythes à Kolaxaïs // Studia Iranica 1981, 10, 7 и сл., ввиду различия в корневом вокализме; впрочем, сохранение интервокального *t* в йигда указывает на позднее заимствование.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Studia etymologica Brunensia 1. Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Euroslavica, 2000. – 375 c.

Рецензируемый сборник содержит материалы конференции (Брно, сентябрь 1999 г.), посвященной юбилею Эвы Гавловой – выдающегося специалиста в области славянского и индоевропейского языкознания, до недавнего времени руководителя одного из значительных этимологических изданий современности – "Этимологического словаря старославянского языка". Широкий круг участвующих в сборнике ученых из разных стран, в том числе ряда виднейших славистов-этимологов, – показатель высокого авторитета Э. Гавловой и чешской этимологической школы. В сборник вошло более 50 статей по разным вопросам этимологии и смежных лингвистических дисциплин. Бóльшая часть этих публикаций так или иначе связана с праславянской проблематикой – происхождением праславянского языка, его контактами с другими языками, реконструкцией лексического фонда, сравнительно-исторической грамматикой и т.п. В настоящей рецензии из-за недостатка места рассматриваются в основном статьи этого рода (названия статей для краткости даются лишь там, где это удобно для изложения).

Посвященная юбилею Э. Гавловой статья Ф. Славского (с. 13–15) стала одной из последних прижизненных публикаций выдающегося польского слависта. Указывая на методологическую значимость трудов юбиляра, он отмечает характерную для нее "комплексную" этимологическую обработку всех данных о слове и подчеркивает важность таких ресурсов этимологии, как история слова и данные архаичных периферийных диалектов. Эти мысли дополняются наблюдениями о происхождении и структуре польск. *winowajca,* праслав. **měsęcь,* **luna.*

О.Н. Трубачев ("Из лексических комментариев к поискам прародины славян") излагает наблюдения, возникшие при знакомстве с этимологическим словарем албанского языка В.Э. Орла. Обнаруживается не менее двух десятков албанских лексем, ориентированных по их этимологическим связям не на южно-, а на западно- или восточнославянскую лексику: алб. *triskë* 'кусок дерева, стружки' при праслав. зап., вост. **trěska* 'щепка' и т.п. О.Н. Трубачев предлагает объяснять подобные факты исходя из отстаиваемой им концепции "древнего совокупного обитания на Среднем Дунае **всех славян**, а не только одних южных" (с. 21). Правда, он упоминает и другую возможность интерпретации случаев типа *triskë,* а именно, их понимание как "частных выпадений из общей безусловно южной принадлежности славизмов албанского" (там же). Бесспорный тезис о диалектной сложности праславянского не устраняет самой возможности того, что южнославянские параллели хотя бы части рассматриваемых в статье албанских слов могли быть утрачены (подобные утраты обычны).

В итоговой части исследования А. Ломы о скифских элементах в праславянском (с. 333–350) приводится около сорока предполагаемых праславянских “скифизмов”, бóльшая часть которых ранее таковыми не считалась. Оставляя в стороне скифскую часть реконструкции Ломы, следует заметить, что предлагаемые им новые скифские этимологии славянских слов, вопреки его мнению, явно проигрывают славянским этимологиям тех же слов. Представление о “скифизмах” дает словац. диал. *ložit'*, с.-хорв. диал. *ložȉt* ‘разжигать огонь’ < праслав. **ložiti* – якобы из скиф. **lag-*/**laž-* (< ? и.-е. **deg-* ‘гореть’), но в действительности, конечно, из праслав. **ložiti* ‘класть’, ср. рус. *рас-кладывать костёр*. Праслав. **bьrdo* ‘холм, гора’, конечно, не из скиф. **bṛδ-* ‘высокий’, но метафора от **bьrdo* ‘часть ткацкого станка’. Предположение Ломы о том, что скиф. **sānya-* = ‘повозка с собачьей упряжкой (у северных соседей скифов)’, букв. ‘собачья (повозка)’, было источником праслав. **sani* ‘сани’ (< ? *‘сани с собачьей упряжкой’) заставляет задуматься, как и зачем славяне заимствовали у скифов название чуждого и тем и другим транспортного средства. А. Лома оценивает теорию Г. Хольцера о наличии в праславянской лексике киммерийского пласта как очень гипотетичную (с. 335, прим. 4). Однако его собственная “скифская” теория не более убедительна.

Г. Риков предлагает три славяно-германских лексических сопоставления (с. 351–356): ст.-слав. оунии ‘лучше’, ц.-слав. оунити ‘хотеть” – др.-исл. *Aunmundr* (имя собственное) и др. (праслав. **u-nъ* – герм. **au-na-*, адъектив на *-no-* от того же корня, что в др.-инд. *ávaḥ* ‘милость, помощь’); праслав. **strǫkъ* ‘стручок, стебель’ – др.-исл. *stranga-* в сложении *strangaviðr* ‘ствол дерева’, норв. диал. *strange* ‘палка’ (< и.-е. **stronko-* от **stre-n-k-* < ? **(s)terk-*/**(s)tṛk-*, ср. укр. *(с)торчáти* ‘торчать’); праслав. **strǫka* (с.-хорв. *стру̏ка* ‘прядь, нить’ и др.) – др.-исл. *strengr* ‘веревка, канат’ < прагерм. **stranʒi-*.

Г. Хольцер (“Балто-славянская лексика в звучаниях 600 г. н.э.”) предлагает новые основания балто-славянского лексического сравнения, приуроченные к переломному для развития праславянского языка периоду. Предлагаемая им фономорфологическая транскрипция заметно отличается от используемой в праславянских словарях и, что весьма существенно, является симметричной: с балтийской стороны привлекаются факты, с которых сняты такие фонетические напластования, как латышская *l*-эпентеза, развитие лит., лтш. *ō* > *uo*, *ę̄* > *ie*, действие закона Лескина и т.п. Примерами предлагаемых Хольцером “Lautungen” могут служить следующие (в скобках даются реконструкции, используемые в ЭССЯ): праслав. **ačī* (**oči*) – лит. **akī́* > *akì* ‘глаза’, праслав. **ōšī* (**uši*) – лит. **ausī́* > *ausì*, праслав. **awičejnā* (**ovьčina*) – лит. **awikēnā* > *avikíena* ‘баранина’, праслав. **dūmī* (**dymi*) – лит. *dúmai*, лтш. **dūmaj* > **dūmi* ‘дым’. Специалисты, вероятно, могут оспорить детали, но в целом предложения Г. Хольцера вполне рациональны.

Исследование Р. Эккерта (с. 145–152) посвящено восточнославянским устойчивым речениям (преимущественно фольклорным) типа летописного *розутиlизути робичича* и их параллелям в латышском фольклоре – *kājas aut*, букв. ‘обуть ноги (в знак покорности)’, *kāju āvejiņa*/*-ņš* (уменьш.), букв. ‘обувательница/-ник ног’. Восточнославянские имена деятеля, аналогичные лтш. *āvejiņa*/*-ņš*, судя по данным Р. Эккерта, не зафиксированы, но, воз-

можно, еще отыщется рус. **роз-уя* (наподобие *швея* при лтш. *šuveja*[1]), ср. нечто похожее в вят. *розу́й* 'неряшливый человек' (СРНГ 35, 166).

Статья Р. Орра о славянских рефлексах и.-е. **ag-* 'гнать' (с. 311–316), по существу, заранее обречена на неудачу, поскольку опирается на крайне сомнительные и по методике, и по результатам труды Р. Анттилы, посвященные "глобальному" анализу индоевропейских корней и "перегонке" балто-славянских слов в прибалтийско-финский[2]. Выявляемые Орром вслед за Анттилой "лакуны" в звеньях мнимых славянских рефлексов и.-е. **ag-* (вместо правильного **ag'-* у Анттилы) не могут претендовать на убедительность: рус. *я́года*, *я́глая (земля)*, праслав. **naglъ* с "*N*-mobile" и др.

Справедливо напоминая о существовании резервов этимологизации, связанных с "нерегулярными фонетическими и морфологическими преобразованиями", Ж.Ж. Варбот предлагает основанное на использовании этих резервов новое истолкование ряда славянских фактов (с. 45–50), в частности, праслав. **gǫstъ(jь)* 'густой' < ? **gut-tъ(jь)* с *-u-* > *-ǫ-* под влиянием **čęstъ(jь)* 'частый', ср. *густой лес = чаща*. Для одной из этимологий может быть предложена альтернатива: рус. олон. *огунять* 'поправиться' не из **ob-gutnǫti*, а фонетический вариант к **окунять*, ср. *вы́кунеть* 'обрасти шерстью; возмужать', сев.-рус. *оку́не́ть* 'обрасти волосами, шерстью' (СРНГ 23, 174).

Отнюдь не возражая против самой возможности ложной декомпозиции как явления славянского словообразования, приходится, однако, констатировать, что ни один из приводимых В.В. Мартыновым примеров (с. 157–162) на это явление в праславянском не может быть признан вполне надежным: **gněvь* 'гнев' < **o-gněvati* < **ognь* 'огонь'; **strěla* 'стрела' < **o-strěti* < **ostrъ* 'острый' и др.; в **g-nězdo* усматривается протетическое *g-*, что тоже не очевидно.

Основной целью многих статей является обоснование этимологии определенных славянских слов. Некоторые из толкований в той или иной степени гипотетичны (ср. ниже знак "?"), на что указывают сами их авторы: ст.-слав. **брякъ** (исходно 'пир') ? < др.-булг. **bork* < тюрк. *bor* 'вино' (Л. Мошиньский, с. 79–90); болг. Шумен *гамо́тя* 'ворчать' < праслав. **gam-*, ср. рус. *гам* и др. (Т. Тодоров, с. 123–126); праслав. **gъrdъ* 'гордый, страшный и др.' (исходно 'гневный'?) < ? и.-е. **g^{u}her-* 'горячий', ср. лтш. *gur̃ds* 'усталый, утомленный' (Л. Кралик, с. 305–310); ст.-чеш. *řěpicě* 'вид посудины' < *řap* 'посудина, желобок' (+ суффикс *-icě*) < праслав. **rępъ* 'трубка' (Х. Карликова, с. 117–120); чеш. *chatrč*, ст.-чеш. *katrč* 'домишко', словац. (диал.) *kotrč* 'хибарка, лачуга', *koterec* 'хлев' < ? праслав. **kot(e)rьcь*, ср. **kotьcь* 'закут' (И. Рейзек, с. 329–332).

Гипотезу о происхождении этнонима *čech* 'чех' (ср. ЭССЯ 4, 33–35) из усеченного *čeledín* 'слуга' Й. Кноблох подкрепляет ссылкой на толкование (В. Махек) праслав. **čel'adь* < **če-* (префикс с усилительным значением) + **lēud-*, ср. лит. *liáudis* 'народ' (с. 227–228). Трудно согласиться, что оно является "вполне убедительной этимологией" (с. 227). Не убеждает объяснение чеш. *břečťan* 'плющ' и т.п. (ср. **brъščl'anъ/-enъ* в ЭССЯ 3, 59) из и.-е. **bhereg'h-* 'высокий', откуда будто бы и лат. *frāxinus* 'ясень' (В. Колари, с. 51–56). Кашуб. *potema* 'пир, забава', выводимое Х. Поповской-Таборской из **pot-ima* < ? балто-слав. **pŏtu-* < и.-е. **pō(i)-/*pī-* 'пить', ср. лит. *puotà*

'пир' < 'возлияние' (Х. Поповска-Таборска, с. 75–77), сталкивается с контрверсией, предложенной В. Смочиньским при обсуждении ее доклада: *potema* < н.-нем. *pôte maken*[3].

Некоторые из чешско-силезских этимологий В. Шаура (с. 247–251) позволяют дополнить лексический материал праславянской реконструкции, например, силез. *rojit'* 'ругаться' < **rojitu (sę)* 'роить(ся)'. Сходные дополнения – но на специфическом материале русских арготических названий похмелья, водки, пьяниц – предлагаются в статье К. Лешбер (с. 217–222), например, рус. *боду́н* 'похмелье' (ср. с *бодуна́*) < ? **bodunъ*, к **bosti* 'бодать'.

Серией из 8 этимологических этюдов (происхождение праслав. **ędro* 'ядро', **kъ̆lbъ* 'сустав', **lěto* 'лето', **lisъ/-a* 'лис/-а', **loza* 'лоза', **modrъ(jь)* 'голубой', **morvьjь* 'муравей', **nepъtyr'ь* – вместо **netopyr'ь* 'нетопырь'), возникших по преимуществу при работе над "Этимологическим словарем старославянского языка", В. Блажек отвечает на адресованные этому словарю упреки в недостаточной оригинальности (с. 357–364). Ответ убедителен, хотя конкретные этимологии и вызывают ряд сомнений. Возведение праслав. **ędro* к **en* 'в(нутри)' + **dr(u̯)o-* 'дерево' опирается на лтш. *īdrs* 'сердцевина', греч. (Гесихий) ἔνδρυον. Однако, подлинно ли *īdrs*? Реальные же лтш. *idrs, idra* 'гнилая сердцевина дерева' не могут быть связаны с **ędro*. Сложные сопоставления праслав. **lěto* с итало-кельтским материалом (лат. *latus* 'сторона' и др.) абсолютно неубедительны. Предложенное Блажеком описание этимологических связей (особенно албанских, балтийских) праслав. **loza* подлежит серьезным коррективам на основании трудов В.Э. Орла и А.В. Дыбо[4].

И. Рейнхарт предлагает этимологии 4 старочешских слов: *movitý* 'могущественный, состоятельный; подвижный'; *povlovný* 'мирный, приветливый'; *šetřiti* 'принимать во внимание, рассматривать'; *tbáti* 'заботиться' (с. 105–115). Толкования двух последних слов совершенно новые: *šetřiti* < **chět-* (< **ksoi̯t-* < и.-е. **skoi̯t-*, ср. лит. *skaitýti* 'считать, читать') > праслав. южн., вост. **sět-* > ст.-слав. по-сѣтити; *tbáti* < *tba* 'забота' < праслав. **tъ-ba* < и.-е. **teu̯-* 'защищать'. В случае с *tbati* считавшаяся вторичной форма на *t-* оказалась реликтом, пролившим свет на происхождение широко распространенных форм на *d-*: польск. *dbać*, укр. *дба́ти* и др.

Привлекая данные периферийных славянских диалектов, М. Фурлан обосновывает реконструкцию праслав. **ovьcь* м.р. наряду с **ovьca* ж.р. 'овца', а также древнюю грамматическую, недиминутивную функцию *-ko-* в этих лексемах (с. 163–171). Х. Плевачева исследует возможные продолжения фитонима **odolěnъ* (с. 267–269). Сходные задачи в связи с праслав. **smyk-* решает Л. Димитрова-Тодорова, отталкивающаяся от анализа болгарских диалектизмов типа *смикове* 'шерстяные полоски (украшение)', *сми́ква* 'вид веревки' (с. 173–175). Некоторые из приводимых ею фактов, в том числе рус. *смык* 'смычек', не исключают **sъ-myk-*, что стоило бы оговорить.

Новое истолкование орнитонима **bьrgъlězь, *bьrgъlъ* Х. Дейкова предваряет описанием шести моделей номинации поползня (с. 235–245). Исходной формой признается **bьrgъlъ*, трактуемое как дериват от **berg-/*bьrg-* 'беречь' ('птица, берегущая свое гнездо'), что близко к одной из описанных моделей, а именно, к названиям типа болг. *зида́рка*, букв. 'строитель (гнезда)'.

Анализ определенных тематических групп славянской лексики под различными углами зрения осуществляется и в ряде других статей сборника.

Е. Русек дает сводку сведений о географии, истории и происхождении (чаще неясном) адъективов в значении 'красивый' (с. 137–143). В статье П. Вальчаковой (с. 261–265) рассматриваются некоторые названия выпечки и мотивирующие их глаголы – **gъbati* 'сгибать', **krǫtiti* 'крутить' и др. Тут же привлекаются заимствования вроде рус. *стрýдель*, но о мотивированности можно говорить лишь в отношении их источников, ср. нем. *Strudel*, букв. 'водоворот' (метафора по сходству).

Работа К. Херей-Шиманьской об индоевропейских элементах в славянской анатомической терминологии (с. 177–182) интересна прежде всего отраженными в ней разработками из еще не опубликованных томов "Праславянского словаря". Судя по статье, в VIII томе, как и в предшествующих, не учитываются результаты исследования А.П. Непокупного[5], в том числе обоснование диалектных схождений между праслав. **griva* и лтш. *grĩva* (не *gri va*, как у К. Херей–Шиманьской).

И. Яньшкова ("Отражение жизни и представлений славян в названиях можжевельника") описывает типы мотивации исследуемых фитонимов, попутно делая ряд интересных наблюдений о параллелизмах наподобие макед. *смрделика* – нем. *Stinkholz*. Интересуясь концептуальными и этнографическими импликациями анализа лексики, И. Яньшкова, пожалуй, несколько переоценивает "когнитивные" возможности описываемых ею мотиваций. Так, мотивация 'можжевельник' < 'пахучее растение' (ср. выше *смрделика*) указывает на свойства можжевельника, но еще не на представления о нем славян. Исследовательница привлекает польск. диал. *kadyk* и близкие балтизмы, но если у них и может быть мотивация, то лишь народно-этимологическая, ср. *kadzić* 'кадить'. Утверждать, что прус. *kadegis* 'можжевельник' отражает "ритуальную практику окуривания" не совсем осторожно, поскольку балтийская лексема, по всей вероятности, прибалтийско-финского происхождения (Топоров. Прус. яз. I-K 115–116). Неубедительны аргументы И. Яньшковой в пользу первичности значения 'ветвь' у праслав. **xvoja*/*-jь* 'хвоя', опирающиеся на предложенное В. Махеком спорное сближение с др.-инд. *vayā* 'ветвь'. Весьма существенна в то же время выделенная И. Яньшковой мотивационная доминанта – перенос названий хвойных деревьев на можжевельник. Уместно упомянуть в этой связи удм. *сусьпу* 'можжевельник' < 'кедр', ср. коми *сусnу* то же (Лыткин-Гуляев 267).

Л.В. Куркина ("Понятие границы в системе пространственных представлений древних славян") анализирует существенный фрагмент праславянской картины мира, включающий концепты 'межа' (**medja*), 'знак присвоения' (**znamę*) и т.п., формирование которых связывается с "ранней формой земледелия" (с. 134). При общем правдоподобии этого вывода он как будто не срабатывает в случае с праслав. **mětiti* 'помечать': принимаемое в статье сближение с гот. *maitan* 'рубить, резать' проблематично фонетически (слав. *-t-* и гот. *-t-*).

В ряде статей сборника доминирует проблематика сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Г. Шустер-Шевц излагает уточненный вариант его собственной теории происхождения праслав. **x*/*ch*

(с. 23–36). Основной тезис автора в том, что и.-е. **k'* дало в праславянском не только **s*, но и **x*. Примеры, которые можно расценить как прямые подтверждения этого тезиса (вроде праслав. **xoldъ* и лит. *šáltas* 'холодный') немногочисленны и небесспорны. Исходя из допущения, что всякий случай развития и.-е. **k'* > праслав. **x* имеет внутриславянские корреляты с рефлексами и.-е. **(s)k* или **g* (и **g'*), Г. Шустер-Шевц тем не менее привлекает обширный материал. Так, сближение н.-луж. *chołuj* 'плуг', рус. *кол* и польск. *golina* 'ветвь без листьев' оказывается – несмотря на отсутствие каких-либо указаний на и.-е. **k'* – подтверждением того, что начальный согласный в н.-луж. *chołuj* и в реконструируемом Г. Шустер-Шевцом праслав. **xal-/*xol-* восходит к и.-е. **k'-*. Подобная аргументация, конечно, неубедительна. В своих этимологических процедурах Г. Шустер-Швец, к сожалению, опирается главным образом на приблизительное сходство сравниваемых слов, практически не принимая во внимание детали их географии, формы и значения, а также те ранее предлагавшиеся этимологические решения, которые объясняют исследуемый материал более органично. Не всегда вполне корректна сама подача материала, как, например, в случае с "russ. *choluj* 'Fischzaun'". Ареал этого диалектизма, его ударение, природа конечного *-уй* оказываются, по существу, неважными. Между тем, особенностям сев.-рус. *хóлуй* 'закол для ловли рыбы' вполне удовлетворяет финно-угорская этимология, в общих чертах изложенная и в словаре М. Фасмера.

Б. Островский ("Праславянские основы на *-ĭ-* в свете данных других индоевропейских языков") касается, в частности, возможности существования праславянских neutra на *-ĭ-*: праслав. **dobь* (ср. **doba* 'пора'), **očь*, **ušь* (ср. **oko* 'глаз', **uxo* 'ухо'), **sьrdь* (ср. праслав. **sьrdьce* 'сердце' < **sirdi-ka-*). В. Сова ("Сочетания согласных и греко-славянское сравнение") исходит из положения о ярко контрастной судьбе кластеров в сравниваемых языках. Опираясь на индоевропейский (особенно балтийский) фон, он анализирует несколько греко-славянских сравнений – и хрестоматийных (например, праслав. **sъnъ* – греч. ὕπνος 'сон') и более или менее проблематичных (праслав. **kosъ* – греч. κόψιχος 'дрозд').

Анализ славянских обозначений порядка, упорядоченности **rędъ*, **čerda*, **ladъ*, **kl'udъ* приводит Я. Влайич-Попович к выводам системного порядка: указанные имена на *-dъ* – девербативы от глаголов **ręditi*, **čerditi*, **laditi*, **kl'uditi* и т.п., где *-d-iti* соответствует литовским глаголам на *-d-yti* (с. 191–199). Все это, однако, очень спорно. Исследовательница может привести балтийский коррелят лишь для **kl'uditi*, но даже при наличии связи с лит. *kliudýti* 'натыкаться' речь идет о независимых образованиях. Праслав. **čerda*, имеющее близкие индоевропейские параллели, несомненно, первично по отношению к **čerditi*. Если *-d-* в **čerda* и восходит к **dhē-* 'класть' (ср. Топоров. Прус. яз. I-K 321), то отнюдь не очевидно, что того же происхождения лит. *-d-* в *-d-yti* и соотносимое с ним *-d-* в именах типа лит. *sam̃das* 'наем'. Последнее считалось древним сложением *sam-* + *da-* < **dhē-* (как и праслав. **sǫdъ* 'суд'), но теперь объяснено как инновация: *sam̃das* < *samd-as* < *pasi-sam-d-ýti* 'нанимать'[6]. Соглашаясь с отдельными наблюдениями Я. Влайич-Попович (например, указанием на деривацию праслав. **ladьnъ(jь)*, рус. *лáдный* от **laditi*, а не от **ladъ*), основных ее выводов принять нельзя.

Проблемы лингвогеографии, изоглоссных связей также оказались затронутыми в сборнике. Ареальные аспекты семантической реконструкции в статье Г. Цыхуна (с. 201–207) рассматриваются на основе понятийного аппарата ("инновационная зона", "диффузная зона", "системная инновация" и др.), действие которого иллюстрируется анализом семантических процессов в лексемах **gora* 'гора', 'лес', и ряде других. При ознакомлении со статьей И.И. Лучиц-Федорца о моравско-белорусских изолексах (с. 229–234) выясняется, что в действительности она посвящена чешско-белорусским изолексам "с выходом" на смежные и прочие славянские диалекты. В одних случаях такие "добавочные" лексические параллели в статье отмечаются, в других – нет, что видно уже по двум первым приводимым в статье примерам: наряду с чеш. (северо-восточные говоры) *obuj* и блр. (северо-западные полесские говоры) *обуй* 'обувь', существует не упоминаемое автором статьи великорус., сиб. *óбуй* (ср. *любой, крой* вместо *любовь, кровь* на Рязанщине[7]); наряду с приводимыми в статье моравск. *jasno* и блр. *ясна* следует учитывать и укр. *ясна,* полаб. *jǫsna* 'десны' (SP VI, 14–15). Представляется, что И.И. Лучиц-Федорец несколько злоупотребляет тезисом о центральном положении моравских и белорусских говоров в "праславянской ареальной структуре" (с. 230). Отдельный вопрос: разве польск. *szczur* и др. из **skurъ* (с. 231)?

М. Якубович возвращается к проблеме создания словаря семантических параллелей как средства контроля за анализом значений в этимологии (с. 209–215). Указанная проблема ставилась неоднократно (например, в трудах О.Н. Трубачева и Э. Гавловой). Беда в том, что дальше постановки дело не идет. Исключением является, если не касаться знаменитого труда К.Д. Бака, лишь незавершенный словарь И. Шрёпфера[8], не упоминаемый М. Якубович. Важным источником семасиологических и ономасиологических данных являются этимологические словари, в которых подобные данные применяются особенно широко (например, ЭССЯ).

С явлениями семантического параллелизма связана и статья И. Немца (с. 37–42), посвященная описанию встречающегося в ряде языков переноса названий маски (обрядовой) на демона, черта и далее на ряженого, шута. Эта интересная семантическая модель не обеспечивает, к сожалению, надежности поддерживаемой в статье трактовки праслав. **čьrtъ* (к др.-в.-нем. *scrato* 'маска–пугало'?)[9] и рус. *скоморóх* < ? праслав. **sko-morskъ*, ср. рус. *мóрщить.*

Несколько слов о других статьях. Характеризуя "Старочешский словарь", М. Гомолкова на обширном материале демонстрирует роль его данных для исторической лексикологии и этимологии (с. 67–73). Л. Чижмарова описывает роль (вспомогательную) этимологических справок в "Атласе чешского языка" (с. 283–286). О разрушении с помощью данных того же атласа загадки чеш. диал. *šťastné dřevo* 'лиственница', букв. 'дерево счастья' (ложная калька с нем. диал. *Geläckbaum,* понятого как *Glückbaum*), пишет С. Клоферова (с. 277–281). П. Неедлы приводит аргументы в пользу омонимической трактовки В. Махеком ст.-чеш. *hýřiti* I 'грешить' и *hýrati/*hýřiti* II 'распутничать' (с. 223–226). Эта трактовка, в том числе этимология *hýřiti* I < ср.-в.-нем. *irren,* все же оставляет сомнения.

В сборнике представлены также статьи "Опыт статистической оценки и.-е. наследия в общеславянской лексике" (А. Эрхарт), "Этимология – син-

хронная дисциплина" (И. Краус), "К этимологии нем. *Graf*" (Б. Выкипел), "Рус. диал. *вáндыш* – значение и этимология" (В. Тенхаген), "Проблемы этимологизации арготической и сленговой лексики" (Б. Скалка) и ряд других.

В целом, сборник дает неплохое представление о состоянии и тенденциях развития славянской этимологии. Не вызывает сомнений его высокий в целом научный уровень. Присоединяясь к поздравлениям в адрес Э. Гавловой, хочется надеяться, что удачно начатое издание станет регулярным, а круг его участников (и стран-участниц) расширится.

Примечания

[1] *Эккерт Р.* Именные средства выражения в славянских и балтийских языках (Nomina agentis вместо verbum finitum) // Этимология 1997–1999: К 70-летию О.Н. Трубачева. М., 2000.

[2] *Анттила Р.* Недостающие звенья в лексических цепочках: ПереГОНка балто-славянских слов в прибалтийско-финский и их сКОЛки//Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997, 109–127. Ср.: *Хелимский Е.А.* Uralo-Indogermanica: балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Там же, 234–237.

[3] *Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В.* Хроникальные заметки // ВЯ 2000, № 2, 158.

[4] *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1988, 211, s.v. *lajthi*; *Дыбо А.В.* О названиях орешника в индоевропейских языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас: исследования и материалы 1985–1987. М., 1989, 110–111.

[5] *Непокупный А.П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

[6] *Smoczyński W.* Litewskie wyrazy typu *iñdas, ãpstas* oraz typu *sam̃das* / Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000, 170–171.

[7] *Будде Е.Ф.* Рец. на кн.: Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921 // *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968, 620.

[8] *Schröpfer J.* Vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels. Onomasiologie. Bd. I. Lief. 1–8. Heidelberg, 1979–1989.

[9] Ср.: *Дукова У.* Праслав. **čьrtъ* 'черт, злой дух' / герм. **skrat-* 'лесной дух, черт' // Этимология 1982. М., 1985.

А.Е. Аникин

Т.Б. Лукiнова. Числiвники в слов'янських мовах (порiвняльно-iсторичний нарис). Київ, 2000

Книга Т.Б. Лукиновой в настоящее время является самым полным и самым основательным сравнительно-историческим исследованием категории числительных в славянских языках.

Книга состоит из Предисловия и следующих глав: 1. Число и культура (подробное культурологическое введение в исследование); 2. Числительные образования адъективного характера, где рассматриваются: 1) порядковые числительные **pьrvъ – *desętъ*; 2) количественные числительные

*(j)edinъ, *dъva, *oba, *trъje, *četyre*; 3) собирательно-разделительные числительные с формантами *-oj-*, *-or-/-er-* (дается исчерпывающий материал по всем славянским языкам, их диалектам и древним памятникам); 3. Числительные образования субстантивного характера, где рассматриваются 1) количественные числительные *pętь – *desętь, *sъto, *tysǫtji* и др.; 2) числительные образования для обозначения дробных величин (с формантом *-ina* и др.); 4. Числительные, происходящие из словосложений; 5. Выводы и заключения. В последнем разделе Т.В. Лукинова представляет свою реконструкцию праславянской системы числительных, которая была подробно и очень тщательно получена в предшествующих разделах. Не входим в разбор этих разделов, их результаты не вызывают возражений и добротность исследования представляется несомненной.

Основные результаты систематизации, проведенной Т.Б. Лукиновой, вкратце могут быть изложены следующим образом. Из праиндоевропейского языка были унаследованы следующие части праславянской системы числительных: 1. числительные образования адъективного характера: *pьrvъ, *vъtorъ, *tretьjь, *četvьrtъ, *pętъ, *šestъ, *sedmъ, *osmъ, *devętъ, *desętъ*; эти слова образуют основу системы порядковых числительных в современных славянских языках; 2. числительные образования адъективного характера: *dъva* m., *dъvě* f.; *oba* m., *obě* f.; *trъje* m., *tri* f.; *četyre* m., *četyri* f.; числительное *(j)edinъ*, входящее в этот ряд, является славянской инновацией; числительные *(j)edinъ – *četyre* образуют первый фрагмент десяти количественных числительных; 3. числительные образования адъективного характера: *dъvojь (-a, -e), *obojь (-a, -e), *trojь (-a, -e), *četvorъ (-a, -o)*, – которые образуют первый фрагмент девяти дистрибутивных числительных. В праславянский период возникли следующие формы числительных: 1. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы числительные-существительные на *-ь*: *pętь, *šestь, *sedmь, *osmь, *devętь*, – вместе с группой 2 унаследованных форм они образовали в праславянском первый десяток количественных числительных (для праслав. *desętь* допускается индоевропейский возраст); 2. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы адъективные числительные с суф. *-er-/-or-*: *pęterъ (-a, -o)/*pętorъ (-a, -o), *šesterъ (-a, -o)/*šestorъ (-a, -o), *sedmerъ (-a, -o)/*sedmorъ (-a, -o), *osmerъ (-a, -o)/*osmorъ (-a, -o), *devęterъ (-a, -o)/*devętorъ (-a, -o), *desęterъ (-a, -o)/*desętorъ (-a, -o)*, – вместе с группой 3 унаследованных форм они образовали в праславянском первый десяток дистрибутивных числительных; 3. от порядковых числительных (прилагательных) были образованы субстантивные числительные на *-ina*: *tretina, *četvьrtina, *pętina, *šestina, *sedmina, *osmina, *devętina, *desętina*, – ряд, составивший названия дробных величин. Автор оставляет открытым вопрос о наличии и функционировании в раннем праславянском унаследованных из праиндоевропейского бессуффиксных числительных *pęk- – *devę-*. Думаю, что более категоричная позиция автора по отношению к проблеме балто-славянского единства (балто-славянского праязыка) способствовала бы более определенному ответу на этот вопрос. Следует отметить, что результаты работы Т.Б. Лукиновой объективно увеличивают материал в пользу балто-славянского праязыка.

Из пробелов исследования Т.Б. Лукиновой нужно отметить прежде всего полное отсутствие акцентологической проблематики, связанной с кате-

горией числительного. К сожалению, этот недостаток остается традиционным для сравнительно-исторических работ по славянским числительным, несмотря на ряд блестящих открытий, сделанных Л.Л. Висильевым в свое время в этой области (см. *Васильев Л.Л.* Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на *-лъ.* // ЖМНП. 1905, август), и ряд проблем, которые еще предстоит разрешить. Обнаружение Л.Л. Васильевым первичного акцентологического различия между числительным **sèdmь, *ǫ̀smь* (а.п. *b*) и **pę̑tь, *šȇstь* (а.п. *c*), подтверждаемого различием в их отражении в сложных числительных по закону Васильева (сейчас входит в закон Васильева–Долобко): *сéмьдесят, вóсемьдесят,* но *пятьдеся́т, шестьдеся́т,* – выдвигает тяжелую проблему соотношения этих акцентологических реалий с соответствующими акцентными типами порядковых числительных, от которых эти количественные числительные, по-видимому, произведены, и соотношения их с соответствующими образованиями других индоевропейских языков. При явном различии двух акцентных типов количественных числительных на **-mь* (а.п. *b*) и на **-tь* (а.п. *c*): ср., кроме приведенных выше, словен. *sę́dəm, ǫ́səm,* но *pȩ̂t, šȩ̂st, devȩ̂t, desȩ̂t,* – соответствующие им порядковых числительные показывают в праславянском сплошную акцентную парадигму *b*: 1. слав. **sèdmъjь*: рус. диал. *сёмый,* укр. *сьóмий,* болг. *сéдми,* с.-хорв. *сȅдмӣ*, диал. посав. *sȅdmī* (Ivš. 396); словен. *sę́dmi*, польск. *siódmy* (вторично по нечленным формам рус. литер. *седьмóй*), 2. слав. **ǫ̀smъjь*: укр. *вóсьмий,* с.-хорв. *ȍсмӣ*, диал. посав. *ȍsmī* (Ivš. 396); словен. *ǫ́smi*, польск. *ósmy* (вторично по нечленным формам рус. литер. *восьмóй*), 3. слав. **pę̀tъjь*: рус. *пя́тый,* укр. *п'я́тий*, болг. *пéти*, с.-хорв. *пêтӣ*, диал. посав. *pȇtī* (Ivš. 396); словен. *pę́ti*, чеш. *pátý*, словац. *piaty*, польск. *piąty*, 4. слав. **šèstъjь*: укр. *шóстий,* болг. *шéсти*, с.-хорв. *шȇстӣ*, диал. посав. *šȇstī* (Ivš. 396); словен. *šę́sti*, польск. *szósty* (вторично по нечленным формам рус. литер. *шестóй*)[1], 5. слав. **devę̀tъjь*: рус. *девя́тый,* укр. *дев'я́тий,* болг. *девéти*, с.-хорв. *дèвēтӣ*, диал. посав. *devȇtī* (Ivš. 396); словен. *devę́ti*, чеш. *devátý*, словац. *deviaty*, польск. *dziewiąty*, 6. слав. **deśę̀tъjь*: рус. *деся́тый*, укр. *деся́тий*, болг. *десéти,* с.-хорв. *дèсēтӣ*, диал. посав. *desȇtī* (Ivš. 396); словен. *desę́ti*, чеш. *desátý*, словац. *desiaty*, польск. *dziesiąty*; ср. также слав. **četvь̀rtъjь*: рус. *четвёртый*, укр. *четвéртий*; с.-хорв. *чѐтвр̄тӣ*, диал. посав. *čet(v)r̃tī* (Ivš. 396); словен. *četŕti*, польск. диал. (малопольск.) *cfårty* (Kucała 224). Можно предполагать, что соответствующие порядковые числительные в литовском также первоначально относились к неподвижному акцентному типу, правда в настоящее время все они показывают 4. а.п., но обнаруживаемое в литовском соотношение: лит. *deviñtas, dešim̃tas, ketvir̃tas* при *devynì*[2],

[1] Характерно, однако, что эта акцентуационная перестройка в русском охватила все порядковые числительные с краткосложным корнем (кроме *сóтый*); по-видимому, для надежного объяснения этого явления необходимо достаточно полное и тщательное обследование русских диалектов в данном отношении.

[2] Лит. acc. m. *devýnis*, nom. f. *devýnios*, acc. f. *devýnias* обнаруживают сдвижку ударения с первого слога на акутированный слог по закону де Соссюра; судя по латышским соответствиям, введение в данные формы долготы и, соответственно, акута – явление вторичное.

dešimtìs, dẽšimt, pl. (*dvì*) *dẽšimtys, keturì*, acc. *kẽturis*, f. nom. *kẽturios*, acc. *kẽturias*, loc. *keturiosè* – показывает, что это состояние не первоначально и следует исходить из неподвижной акцентной парадигмы с акцентом на последнем слоге основы перед окончанием (т.е. 2. а.п.). Для числительных *deviñtas, dešim̃tas, ketvir̃tas* это очевидно: первично подвижный акцентный тип должен иметь начальное ударение в “баритонированных” формах, – первичная акцентовка числительных *sẽkmas, ãšmas, peñktas, šẽštas* не столь очевидна, но нет оснований считать ее иной, чем у первых трех и отличной от славянской. Это соотношение акцентных типов количественных числительных с акцентовкой порядковых числительных было едва ли не самым сильным препятствием для установления прямого деривационного отношения между ними: количественные числительные – производные от порядковых числительных. Действительно, в производных количественных числительных обнаруживается немотивированное морфонологическое различие, отсутствующее в производящих порядковых числительных, это нарушение закономерности словообразования, при котором такие различия снимаются именно у производных. По-видимому, в настоящее время это препятствие может быть снято тонологической гипотезой балто-славянской метатонии: поскольку порядковые числительные имеют неподвижный акцентный тип с акцентом на последнем слоге основы перед окончанием, эта акцентовка может быть объяснена ассимиляторным тонологическим процессом в последнем слоге основы перед доминантным суффиксом: $^*d\underset{-}{e}s\underset{-}{\text{ę}}\text{-}t\underset{+}{\text{ǫ}}\text{-} >$ $^*d\underset{-}{e}s\underset{\mp}{\text{ę}}\text{-}t\underset{+}{\text{ǫ}}\text{-} > {}^*d\underset{-}{e}s\underset{\mp}{\text{ę̍}}\text{-}t\underset{+}{\text{ǫ}}\text{-}$, при словообразовании доминантный суффикс $\text{-}t\underset{+}{\text{ǫ}}\text{-}$ заменяется рецессивным суффиксом *-ti-*, при этом старые тонологические характеристики как бы “восстанавливаются” (точнее, восстанавливают свою актуальность). Для числительных ‘пять’, ‘девять’, ‘десять’ и ‘семь’, ‘восемь’ индоевропейский характер этого просодического распределения подтверждается греко-арийским сравнением, ср.: I. др.-инд. *páñca*; греч. πέντε; др.-инд. *náva*; греч. ἐννέα; др.-инд. *dáśa*; греч. δέκα; но II. др.-инд. *saptá*; греч. ἑπτά; др.-инд. *aṣṭā́*; греч. ὀκτώ. Этот факт был отмечен еще Хр. Стангом, который дал ему подобную же акцентологическую интерпретацию (см. Stang, 183).

Одно замечание по этимологии слав. **polъ*. Т.Б. Лукинова следует за В. Махеком, который считает слав. **polъ* заимствованием из финно-угорских языков. Действительно, индоевропейская этимология слав. **polъ* крайне слабая: имеется лишь одно надежное соответствие, албанское: и.-е. **pol(u)-* ‘сторона, половина’ || ст.-слав. полъ ‘сторона, берег, пол, половина’ и т.д. || алб. *palë* ‘сторона’ || (Ср. Pokorny 986; Orel AED 309). В индоевропейском корень, по-видимому, вторичным образом ассоциировался с корнем **(s)pel-* ‘расщеплять’. Предлагаемые сближения с хетт. *palḫi-* ‘wide’ и лат. *palam* ‘открыто, явно’ требуют объединения со слав. **polъ* ‘полый’, что сомнительно.

Однако предположение о заимствовании слав. **polъ* из финно-угорских языков наталкивается на следующее обстоятельство. В уральском мы наблюдаем два несводимых друг к другу корня:

1. зап.-финно-угор. **pōla* ‘сторона, половина’ > фин. *puoli, puole-* ‘половина, сторона’, карел. (олонецк.) *puoli* ‘половина, сторона’, вепс. *pol'*, вод.

pōli, эст. *pool*, gen. *poole-*; морд. эрз. и мокш. *pola* 'супруг, супруга' (См. Itkonen FUF 29.309, Ravila FUF 20.115, SKES 646–647). Вопреки Э. Итконену (Itkonen FUF 29.309, SKES 646–647) нет необходимости предполагать развитие морд. *pola* непременно из **pula*, ибо морд. *o* есть нормальный рефлекс **ō* в *a*-основах (см. Иллич-Свитыч I, с. XXIV–XXV) и, соответственно, в возможных *u*-основах (о существовавших, возможно, в раннем зап.-финно-угорском *u/o*-основах см. Иллич-Свитыч I, с. X–XI), тогда как прибалтийско-фин. **-ẹ* в этой основе, вероятно, вторично. Ограниченность распространения этого корня и невозможность вывести его из второго общеуральского корня заставляет видеть в нем самом заимствование из какого-то индоевропейского языка (раннего индо-иранского, балто-славянского?). В индоиранском и.-е. **polu-* могло дать **pālu-*, где *-ā-* по закону Бругманна. При заимствовании в зап.-финно-угорский *-ā-* отражалось как *-ō-*. Конечный гласный основы замещался одним из двух возможных в прибалтийско-финнском гласных этой позиции, при долготных основах таковым обычно было *-ẹ-*. Обратное направление заимствования помимо этого наталкивается на количественные различия (первичная долгота в зап.-финно-угорском, что должно было отразиться в славянском как **-ā-*).

2. урал. **pēlä* 'сторона, половина' || фин. *suu-pieli* 'угол рта', *pieltä* 'стоять косо, клониться в сторону' || саам. **pæle* > саам. сев. *bæle*, *bǣle* 'сторона, половина', *bæl'de* 'на стороне (чего-л.)' || морд. эрз. *ṕel'* 'сторона', *ṕel'e* 'у', *ṕel'e* 'половина', мокш. *ṕäl'* 'сторона', *ṕäl'ă* 'у', *ṕäl'e* 'половина' || мар. (горн., лугов.) *pel* 'половина, пол-', (лугов.) *pele* 'половина', (горн.) *pelə* 'половина' || перм. *pȯl* > удм. *pal* 'один из пары', коми-зыр. *pe̜l*, коми-язьвин. *pȯl* 'один из пары' || манс. **păl/*pŏl-* > манс. южн. (Тавда) *pǟl* 'сторона, половина', *pält* loc. 'на стороне', *pɛlt* 'у', вост. (Конда) *poål*, зап. (ниж. Лозьва) *pål* 'сторона, половина'; общехант. **peɫək* 'сторона' > хант. (Вах, Васюган) *peɫək* 'сторона, половина' (откуда селькуп. Таз *pɛläk* 'половина, часть, сторона', селькуп. сев. *pälek* и т.д.), хант. (Казым) *pɛɫək*, (Обдорск) *pelək* 'половина'; венг. *fél/fele-* 'половина, сторона' (См. MSzFUE 1.195, Steinitz Wog. 102) || самод.: ненец. (Leht.) *pēl'l'e* 'половина, кусок', нган. *fealea* 'половина', энец. (Хантайка) *feđe*, (Баиха) *ferie* 'половина'; селькуп. (Таз) *pɛläl'* 'половинный, сторонний', (Нарым) *pɛ̌le* 'половина (halb)', (Ниж. Васюган) *pɛ̌le* 'половина (halb)'; камасин. *p'i̯ēl*, *p'īl*, (Ашпуровы) *ṕ'ēl* 'половина (halb), сторона'. (См. подробнее о проблемах реконструкции гласных в этой урал. форме Иллич-Свитыч I, с. XX. См. также Halász NyK 23.440, SKES 537–538, Collinder FUV 48, MSzFUE 1.194–196, Steinitz FUV 40, 51, Leht. 38, Erdélyi 181, Donner Anl. Lab. 153–154, Wichmann TschT 80, Paasonen MChr. 107).

Очевидно, что заимствование этого корня явно невозможно из-за отличия вокализма.

Отношения между этим корнем и соответствующим индоевропейским приходится решать на почве ностратической гипотезы именно потому, что невозможно построить строгую схему преобразований на основе гипотезы заимствования.

Книга Т.Б. Лукиновой написана хорошим украинским языком, читается легко и с удовольствием. Логичность изложения, богатство фактов и убедительность аргументов также способны удовлетворить самого взыскательного читателя.

Принятые сокращения

Donner AnlLab. – *Donner K.* Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen MSFOu 49, 1920.

Erdelyi – *Erdélyi István.* Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.

Halász NyK 23 – *Halasz J.* Az ugor-szamojéd nyelvrokonság kérdése // NyK 23, 1893.

Itkonen FUF 29 – *Inkonen E.* Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // FUF 29, 1946.

Ivš. – *Stjepan Ivšić.* Izabrana djela iz slavenske akcentuacije (Gesammelte Schriften zum slavischen Akzent). München, 1971.

Kucała – *Marian Kucała.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

Leht. – *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

MSzFUE – A magyar szókészlet finnugor elemei: Etimólogial szótár. I–II. Budapest, 1967–1971.

Paasonen MChr. – *Paasonen H.* Mordwinische Chrestomathie mit Glossar. Helsinki, 1953.

Ravila FUF 20 – *Ravila P.* Über eine doppelte Vertretung des urfinnischwolgaischen **a* der nichtersten Silbe im Mordowischen // FUF 20, 1929.

Stang – *Stang Chr.S.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

Steinitz FUV – *Steinitz W.* Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Stockholm, 1944.

Steinitz Wog. – *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1950.

Wichmann TschT – *Wichmann Y.* Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1923.

В.А. Дыбо

V. Blažek. Numerals. Comparative-Etymological Analysis of Numeral Systems and their Implications (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European Languages). Brno 1999, 337 c.

Кажется, из всех частей речи самым большим интересом лингвистов пользуются числительные. Количество работ, приводимых автором в книге, внушительно и почти исчерпывающе. Ввиду того, что автор не славист, можно было бы добавить несколько славистических работ, взятых из библиографического указателя интересной новой книги Лукиновой о славянских числительных (Т.Б. Лукінова. Числівники в слов' янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ 2000), которую, конечно, автор еще не мог знать. Таковы, напр., книги А.Е. Супруна (Старославянские числительные. Фрунзе, 1961; Полабские числительные. Фрунзе, 1962; Славянские числительные, Минск 1969), некоторые статьи из сборника "Число Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию А.Е. Супруна". Минск, 1998; да-

лее, напр., П.В. Вярхоў. Лічэбнік у беларускай мове (параўнальна з рускай і украінскай мовамі). Мінск 1961; работы Г.И. Матвеевой о числительных в русских говорах; H. Grappin. Les noms de nombre en polonais. Kraków, 1950. Из общей и индо-европейской проблематики можно добавить: В.Г. Таранец. Происхождение понятия числа и его языковой реализации (к истокам индо-европейского праязыка). Одесса 1992, и из более древних работ сборник "Языковедные проблемы по числительным". Л., 1927, где интересны, напр., три статьи Н.Н. Поппе о монгольских и финно-угорских числительных (с. 97–119, 120–126, 127–129) или статья Б.А. Брима о системе числительных в германских языках (с. 157–164). Для чешского читателя интересно, что проблемы, занимающей Блажека, касается уже старая книга Шерцля (В.И. Шерцль. Об именах числительных в индо-европейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей. Харьков, 1870), ср. также главу о числительных в его книге Z oboru jazykozpytu (Прага, 1883). Несмотря на вышеприведенные дополнения, количество упоминаемой Блажеком литературы, особенно западной, внушительно. Литература приводится в конце каждой главы самостоятельно, что и приносит с собой повторение ряда названий. Особенно в главах, посвященных отдельным индоевропейским числительным, нерационально повторяется большинство библиографических данных.

Цель работы автора – во-первых, этимологический анализ систем числительных в избранных языковых семьях, и, во-вторых, обнаружение и формулировка некоторых общих правил образования числительных.

Книга имеет три части: часть о числительных не-индо-европейских языков, состоящую из семи глав, обсуждающих числительные в сахарских, нубийских, египетских, берберских, картвельских, уральских и алтайских языках (с. 1–140) и часть индоевропейскую (с. 141–324), где каждому числительному (1–10, 100, 1000) посвящена самостоятельная глава. В третьей части (с. 325–337) сводятся итоги предшествующих анализов, и – особенно при помощи этимологически прозрачных числительных – определяются общие тенденции образования числительных.

В первой части надо было для некоторых языковых семей привести классификацию отдельных языков с точки зрения разных ученых или такую, которую предпочитает автор (напр., для сахарских, нубийских, берберских и картвельских языков), или показать в таблицах фонетические соответствия отдельных языков. Для всех названий числительных приводится их реконструкция (или разные реконструкции по разным авторам) и подробный этимологический анализ. Устанавливается, какие числительные унаследованы и какие заимствованы (напр., в картвельских языках, находящихся под сильным влиянием других языков, продолжением протокартвельских форм являются только названия для '1' и '2', тогда как числительное '3' заимствовано из севернокавказских языков, '4' и '6' заимствованы из какого-то индо-европейского языка (не ясно, из хеттского ли или индоиранского), а названия для '7', '8', '9', '100', вероятно – даже для '5' и '10', заимствованы из какого-то соседнего семитского языка, близкого аккадскому).

Блажек принадлежит к ученым, включающим в состав алтайских языков также японский и корейский языки, хотя главным аргументом

тех, кто эти языки отделяет, является именно отсутствие общих числительных.

При анализе индоевропейских числительных автор поступает тождественным образом (как, впрочем, и во всех других своих работах): путем анализа всех форм – древних, средних, новых, интересных диалектных – одного языка или одной языковой семьи автором восстанавливается "частичная" индо-европейская реконструкция, и только сравнением и обсуждением этих отдельных реконструкций автор достигает индо-европейской праформы. Приводятся все индоевропейские языки, в том числе и (большей частью проблематичные) толкования слов из реликтовых языков. Напр., как свидетельство и.-е. **oi-* '1' приводится фригийское ἴαμβος 'танец в честь бога Диониса', при предположении его первоначального значения "Einschritt"; автор, конечно, замечает, что есть и другие толкования этого слова. Или как свидетельство фракийского *enea* '9' приводится надпись из Езерова, хотя есть и другие чтения этого места.

Вообще можно сказать, что автор иногда приводит гипотезы как факты. Напр., для числительного '10' автор предлагает гипотезу, по которой исконными были две и.-е. формы: **dek'm̥* и **dek'n̥t-* (см. ниже), но в других местах уже говорит только об и.-е. **dek'n̥t-* '10' как о единственном факте. Или на с. 282 приводит праслав. **devęzъ*, вовсе не принимая во внимание, что Трубачев (ЭССЯ 4, 225) приводит эту форму только с вопросительным знаком, потому что она основана исключительно на в.-луж. *dźewjaz*, которое Шустер-Шевц (Schuster–Šewc 199) объясняет и другим образом.

В одной и той же главе объясняется как количественное числительное, так и соответствующее ему порядковое, собирательно-разделительное (напр. **dwoyo-* 'двоякий', 'двое'), производное существительное, название десяток и т.п.

Подробно приводятся разные объяснения отдельных форм и этимологии основного и.-е. названия. Как известно, попытки свести и.-е. названия числительных к глагольным корням многочисленны, но большей частью мало надежны. Так, напр., для числительного '10' можно объяснить *-nt-* в порядковых числительных с суф. *-to-* и существительных с *-ti-* из *m* (**dékm̥*) ассимиляцией к следующей зубной; Блажек, однако, реконструирует *-nt-* даже для количественного числительного в некоторых языках (гот. *taíhun* < и.-е. **dék'n̥t*, др.-в.-нем. *zëhan* < **dék'n̥t*) и предполагает две основные формы и.-е. количественного числительного, обе из и.-е. глагольного корня **dek'*- 'доставать, достигать': несклоняемое *dek'-m̥* из винительного падежа корневого существительного и флективное **dek'n̥t-*, первоначально причастие корневого глагола, со значением 'reaching, accomplishing' > 'what is reached, accomplished' (замена действительного залога страдательным не является для автора препятствием) > 'in the end'; этим автор хочет доказать, что число '10' было последним у индоевропейцев (с. 299).

Интересно его объяснение -ъ- в праслав. *sъto*. Он исходит из предпосылки ассимиляции (как Шахматов) и сложного слова (как Кикерс), но предполагает соединение и.-е. **su-* 'хорошо, правильно' и названия '100': **sŭ-sĭ^{n}to-* > **sъ-sъto*, отсюда вследствие гаплологии **sъto* (но его этимологическое смешение этого *sъ* с предлогом *sъ* 'вместе, с' неприемлемо).

В рецензируемой книге автор скромно отступает от своего объяснения и.-е. **septm̥*, хотя его толкование[1] не совсем недостоверно. Он считал первоначальным порядковое числительное **sep-tm̥mo-*, где **sep-* – глагольный корень со значением 'почитать', а *-tm̥mo-* – суффикс превосходной степени. В таком случае, первоначальное значение числительного 'седьмой' было бы 'самый почтительный', имея в виду верования в магическую силу этого числа. Потом, по аналогии с другими числительными, возникло из порядкового количественное числительное с устранением тематического окончания *-o-*. Но имея в виду очень близкие названия '7' в других языках, автор в этой книге склонился к гипотезе о заимствовании этого числительного. После перечисления разных объяснений, он предлагает следующие пути заимствований: из семитского как в индо-европейский, так и в картвельский; семитскому близка (родственна) египетская форма, которая позже перешла в баскское *zazpi*; источником этрусского *semφ* может быть как какой-то семитский, так и и.-е. язык; финно-пермское **śejććem* было заимствовано из балтийского (ср. лит. *sẽkmas* '7'), тогда как угорские и/или мансийские формы из индо-иранского или из прото-тохарского, из которого заимствовано также самоедское **sejptə̑*.

Частные замечания: для слав. **inъ* автор приводит и название грифа **inogъ* (стр. 151) с примечанием, что оно иногда объясняется гаплологией из **inonogъ* 'one-footed', без упоминания какой-нибудь литературы; мне такое объяснение неизвестно: его собственная этимология?; слав. **edinъ* & **edьnъ* и **edino* & **edьno* в мужском и среднем соотносится с **edьna* & **edьna* в женском роде (с. 150), – это просто опечатка?; на с. 305 по недосмотру написано два раза после **dъvě* существительное *sъto* в единственном, а не в двойственном числе.

В последней главе приводятся иллюстративные примеры образования числительных в разных языках (не только в тех, которые являются объектом исследования): А) названия с прозрачной семантической мотивацией: 1) исходящие из названий частей тела, особенно частей руки, 2) исходящие из простых арифметических операций; Б) названия, семантическая мотивация которых установлена только при помощи этимологии. В последнем отделе автор повторяет те выводы, к которым его привело обсуждение всех этимологических объяснений и.-е. числительных. Конечно, убедительность итогов не может превышать современные возможности и.-е. этимологического толкования числительных. Вопреки этому, автору принадлежит заслуга детального перечисления всех этих возможностей.

Примечание

[1] *Blažek V.* Indo-European "Seven" // Indo-European, Nostratic, and Beyond. Festschrift for Vitalij V. Shevoroshkin. Journal of Indo-European Studies. Monogr. 22, 1997, 9–29.

Ева Гавлова
(Eva Havlová)

Vladimir Orel. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 332 p.

Рецензируемый труд В.Э. Орла имеет давнюю историю. Его создание началось в 1982 г. и в первом приближении закончилось в 1988, когда он был представлен на обсуждение в качестве докторской диссертации в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, впоследствии, к большому сожалению, так и не защищенной. Поскольку, как известно, любая сравнительно-историческая грамматика базируется, в конечном счете, на конкретных этимологиях, а целый ряд положений, выдвинутых В.Э. Орлом, основывался на его собственных этимологических решениях и выпадал из традиционных представлений, естественным и логичным дальнейшим шагом стала работа над созданием албанского этимологического словаря, отвечающего современным научным требованиям. Задача была нелегкой, учитывая то, что албанская этимология имеет весьма богатую традицию, связанную с блестящими именами Ф. Боппа, Х. Педерсена, Г. Мейера, Н. Йокля, М. Фасмера, С. Манна, Э. Чабея, В. Цимоховского, Э. Хэмпа и др. При этом, хотя существующие этимологические словари Г. Мейера и Э. Чабея[1] и нельзя признать устаревшими, однако в них, естественно, не отражена огромная масса этимологий, предложенных в 20-м в. и разбросанных по многочисленным, разрозненным и подчас малодоступным изданиям. Собрать весь этот огромный материал, дополнив его своими собственными разработками, было трудной задачей, над которой В.Э. Орел сосредоточился, уже будучи заграницей, и успешно завершил ее, выпустив в свет в 1998 г. Албанский этимологический словарь[2].

В 1997–1998 гг. автор вновь вернулся к тексту своей исторической грамматики и перевел его на английский язык, существенно дополнив его и сделав значительное число уточнений.

Основной целью "Албанской исторической грамматики" является анализ лексического материала, собранного в Словаре и создание детального описания языкового развития от праиндоевропейского к праалбанскому и, далее, к современному албанскому состоянию. При этом оговаривается, что языковые изменения, произошедшие после появления первых албанских письменных памятников, специально не рассматриваются, поскольку они нерелевантны для целей исследования.

Особо В.Э. Орлом определяются два базовых для него понятия: праиндоевропейского и праалбанского языкового состояния. Под первым он понимает позднюю стадию развития индоевропейской общности, когда внутри нее уже произошли определенные ареальные изменения, такие как, например, потеря ларингальных. Праалбанский рассматривается как язык, уже обладающий чертами типично албанского языкового развития. При этом автор предлагает реконструировать две ступени развития праалбанского: ранний праалбанский – непосредственно до начала языковых контактов с носителями латинской и романской речи (I в. н.э.) и поздний праалбанский – после начала контактов с романскими и древними славянскими диалектами, близкими праславянскому (VI–VII вв. н.э.). Именно в этот короткий период произошли изменения, сильно разрушившие структуру праалбанского.

Автор отмечает, что разные части книги неравнозначны по размеру и глубине описания, что объективно соответствует состоянию современных знаний по этим разделам. Так, естественно, наиболее полный и развернутый анализ дан исторической фонетике и акцентологии, в меньшей мере – праалбанской морфологии, в то время как албанский исторический синтаксис представляет собой фактически сплошное белое пятно.

Основная часть книги состоит из введения, четырех глав и фонетических таблиц (с. XI–XII, 1–274); вспомогательные части включают список литературы и сокращений (с. XV–XXII), указатель албанских форм и обратный указатель албанских форм (с. 275–332).

Первая глава “Фонология” (с. 1–122) включает четыре подраздела, посвященных рефлексам гласных в исконных словах (кратким, долгим и дифтонгам), вокализму заимствований, сонантам и согласным. В разделе о гласных особо тщательно рассмотрена рефлексация *ě (> *i̯e ~ *ie, ja, e, a), которая всегда была весьма сложной для описания. При этом достаточно убедительно выделены позиции, в которых происходили те или иные изменения, например, утеря i̯. Раздел завершает подробное и содержательное описание развития раннепраалбанского вокализма и отдельное описание развития безударного вокализма. Второй раздел главы посвящен вокализму заимствований, особенно латинских, представляющих особую важность для албанского, поскольку контакт был довольно продолжительным и эти заимствования отражают различные хронологические ступени развития, а также славянских. В разделе сонантов рассмотрены рефлексы слоговых сонантов, а также неслоговых в исконной лексике и заимствованиях. Если носовые m̥ и n̥ ведут себя более или менее понятно, то история слоговых плавных весьма неоднозначна: они отражаются в двух огласовках *il* и *ul*, иногда с позднейшей метатезой. Привлечение нового материала и его более внимательное рассмотрение заставило В.Э. Орла изменить свою прежнюю точку зрения на этот процесс, в соответствии с которой предполагалось, что различие вокализации зависит от краткости/долготы сонанта[3]. Теперь же автор пришел к выводу, что качество огласовки обусловлено позиционно: *i* – перед сочетаниями согласных и перед слогом, содержащим **-i-* или **-i̯-*, *u* – во всех остальных случаях. Наибольшая по объему часть рассматриваемой главы посвящена описанию и.-е. отражений в системе согласных, где, с одной стороны, произошли более серьезные изменения, чем в системе гласных и сонорных, а с другой – сохранились фонологические оппозиции, утерянные в большинстве индоевропейских языков, а именно, тройное противопоставление велярных. Новую трактовку получила традиционно запутанная проблема рефлексов и.-е. **s* в албанском, которую, как нам кажется, автор успешно разрешил, выстроив следующую картину: в начальной позиции рефлекс **s* совпал с рефлексом **i̯* > алб. *gj* (за исключением трех случаев, объясняемых диссимиляцией: *shi* < **sūja, thaj* < **sausnja, thi* < **tsus*), в интервокальной позиции и.-е. **s* > **x* (алб. *h*), и после *ĭ, ŭ* (включая дифтонги с этими компонентами) > алб. *š*. Основательно и во всех деталях рассмотрены продолжения рядов заднеязычных смычных: простых, палатальных и лабиовелярных, давших в албанском различные рефлексы. Хотелось бы лишь заметить, что в пассаже относительно продолжений **ĝh* в список исключений, где оно отражено как алб. *d* (*dimër* ~ *dimën* ‘зима’ < и.-е.

**ĝheimen* – с. 69), следует добавить также алб. *derr* 'свинья' < и.-е. **ĝhori̯os*, ср. греч. χοῖρος (с. 77), либо как-то учесть это слово при объяснении диссимиляции **dz* (< **ĝ*, **ĝh*) в *d* перед сибилянтом в начале слова (с. 70). Особенно интересным в этой части представляется раздел об албанских палатализациях с выделением 4 этапов этого процесса (с. 72–77). Весьма информативен также раздел о развитии групп согласных (с. 80–101), где систематизирован внушительный материал и в ряде случаев предложены новые решения (в частности, о трансформации праалб. аффрикат **ts* и **dz* в **tš* и *dž* в позиции перед **u*; о развитии кластеров, начинающихся с **s* и ряд других). Как и в случае с гласными, особо рассмотрены отражения согласных в заимствованиях.

Вторая глава посвящена морфонологии и словообразованию (с. 124–177) и содержит разделы, описывающие ударение, чередования и аффиксацию.

При реконструкции развития албанского ударения В.Э. Орел выделяет две стадии: 1) позднепраалбанскую – периода латинско-албанских контактов, когда многочисленные заимствования повлияли на акцентные модели и ударение стало динамическим и закрепилось на втором и третьем от конца слогах и 2) раннепраалбанскую, которая характеризовалась подвижным ударением в системе имени и фиксированным в системе глагола. Автор сосредоточил свое внимание на именном ударении, как представляющем наибольший интерес и наибольшие возможности для реконструкции. Он выделяет две акцентные парадигмы (A и B), исходя из развития конечных гласных в формах единственного и множественного числа: баритоническую с ударением на основе в ед. и мн. числе и подвижную/окситоническую с ударением на основе в ед.ч. и на окончании в мн.ч. Впоследствии, после трансформаций позднепраалбанского периода оппозиция между этими двумя типами превратилась в чисто морфологическую. Некоторые акцентные архаизмы автору удалось обнаружить и у прилагательных (*madh* 'большой' и *lig* 'плохой'). Все, что касается реконструкции ранних этапов албанского ударения, является новаторским вкладом В.Э. Орла, поскольку до него эта сложная область никем не была исследована.

В отличие от предыдущей темы, о проблеме чередований в албанском написано довольно много, однако вряд ли в имеющейся литературе можно найти столь систематичное, стройное и подробное изложение. Автор рассматривает именные и глагольные консонантные и вокалические чередования, уделяя особое внимание албанскому умлауту и унаследованному из индоевропейского состояния аблауту и его преобразованиям на албанской почве.

В разделе, посвященном аффиксации, описаны именные суффиксы и префиксы, как исконного, так и заимствованного характера, что иногда трудно различить, ср. приводимый автором пример с албанским префиксом *për-*, продолжающим одновременно и и.-е. **per-* ~ **pra-*, и лат. *per-* ~ *prō-* (с. 151). Особую ценность представляет выделение группы исконных суффиксов и указание их параллелей из других индоевропейских языков (*-b-* < и.-е. **-bho-* ~ **-bha-*, *-dh-* < праалб. **-d-* < и.-е. **-dh-* (в ряде случаев определенно продолжающего и.-е. **-dhē-* 'класть, ставить'), праалб. **-dj(a)* > алб. *-zë/-ëz*, праалб. **-ta* ~ **-tā*, продолжающий и.-е. суффикс отглагольных прилагательных **-to-*, праалб. **-ti-*, **-tja-* ~ **-tjā-*, **-atj-* < и.-е. **-ti-*, праалб. **-ka-* и ряд производных от него суффиксов < и.-е. **-ko-*, *-th-* < праалб. **-ts-* <

и.-е. **-k̂-*, *-(u)sh* < праалб. **-us-* < и.-е. **-u̯es-* ~ **-us-*, праалб. **-l-* < и.-е. **-lo-* и пр.). Относительно префиксов отмечается, что исторически они восходят к отделяемым клитикам, синтаксически предшествующим существительным и грамматикализованным на относительно позднем этапе. Среди исконных префиксов выделены *mb-* < **ambi* < и.-е. **ambhi* 'вокруг', праалб. **en* < и.-е. **en(i)* 'в', *k(ë)-* ~ *ka-/g(ë)-* ~ *ga-* < праалб. **ka* < и.-е. **kom* 'с, к', *v-* ~ *f-* < праалб. **awa-* < и.-е. **ou̯o-* ~ **au̯o-*, *për-* < праалб. **per* и **pra* < и.-е. **peri* и **pro*, соответственно, причем здесь не следует исключать и влияния лат. *per-* и *prō-*, *sh-* < праалб. **iš* < **is* < и.-е. **eĝhs*, праалб. **a-* < и.-е. *n̥*.

В третьей главе "Морфология" (с. 178–249) бóльшая часть отведена подробному рассмотрению системы албанского глагола в ее соотношении с индоевропейскими глагольными категориями, вторая, меньшая часть посвящена морфологии имени.

В соответствии с противопоставлением в албанском двух главных глагольных основ – презенса и аориста, а также третьей основы – имперфекта и 2 лица мн.ч. презенса строится изложение материала. Среди основ презенса автор выделяет следующие: 1) атематические корневые основы (*mi-* спряжение – наиболее архаический класс основ, включающий всего 4 глагола (*jam* 'быть', *kam* 'иметь', *thom* 'говорить' и *vete – vetem* 'идти'); 2) тематические основы, включающие большое количество глаголов с *e-* и нулевой огласовкой и отдельные примеры с *-o-* или ступенью продления в корне; 3) основы с назальным в корне, являющиеся в основном инновациями и восходящие к глагольным корням с дифтонгом; 4) основы на **-sk-*, представленные в многочисленных албанских глаголах на *-h/-f*; 5) основы на **-j-*, отражающие несколько различных и.-е. глагольных типов; 6) основы на **-n-*, восходящие к и.-е. презенсу на **-ne/o-*; 7) основы на **-nj-* (с подгруппами основ на **-ānj*, **-enj-*, **-inj-* и **-anj-*, новый продуктивный класс праалбанских глаголов; 8) основы на **-t-*, возможно, восходящие к причастиям на **-to-*, 9) продуктивный класс основ на **-tj-*, часто функционирующих как каузативы, и связанный с ним класс на **-atj-*; сюда же примыкают несколько глаголов с основами на **-etj-*, **-itj-*; 10) основы на **-r-*, с неясной генетической привязкой и 11) несколько глаголов с основой на **-sj-*, возможно, образованных от основ аориста или футурума. Основы аориста, развившиеся из различных и.-е. форм аориста и претерита, подразделяются на следующие классы: 1) сигматический аорист, представленный глаголами на *-sh-*, в частности алб. *dhashë* 'дал', для которого автор полностью реконструирует парадигму и справедливо замечает ее сходство с аористными формами ед.ч. слав. **dati*; 2) продуктивный класс тематических асигматических аористов, из которых лишь несколько могут быть возведены к праалбанскому состоянию (*desha* 'любил', *pata* 'имел' и *erdha* 'пришел'; 3) асигматический аорист, характеризующийся долгой ступенью корневого гласного: алб. *o* < праалб. **ā* < и.-е. **ē* (*mblodha* 'собрал' < **ambi-lādza*, ср. лат. аорист *lēgī* то же; 4) аорист на **-w-*, генетически тождественный лат. перфекту на **-uī/-vī* и, далее, по мысли автора – некоторым тох., др.-инд. и слав. претеритным формам; 5) аорист на **-t-*, исторически тождественный германскому дентальному претериту слабых глаголов и кельтскому дентальному претериту, сохранившийся в нескольких архаичных образованиях (*dita* 'знал', *fletë*, *fjeta* 'спал', *ngrita* 'поднял') и впоследствии ставший весьма продуктивным при образовании аориста от презентных ос-

нов на *-*nj*-. Специальные разделы посвящены реконструкции парадигм спряжения презенса, аориста и имперфекта, наклонений, залогов и причастий.

Вторая часть данной главы содержит рассмотрение системы имени, которая почти не сохранила и.-е. склонения и соответствующих морфологических показателей; кроме того, были утеряны многие типы основ, а сохранившиеся в значительной мере перераспределились. Для праалбанского В.Э. Орел отмечает наличие трех типов основ: на *-*o*-, на *-*ā*- и на *-*i*-, причем последняя, реконструируемая на основании косвенных данных (например, умлаута), на очень ранней стадии совпала с первыми двумя типами. Автор буквально по крохам выявляет и собирает следы других типов и.-е. основ, сохранившиеся в албанском, и прослеживает их перераспределение. В разделе, посвященном склонению, восстанавливаются, насколько позволяет материал, парадигмы "неопределенного" склонения для *o*- и *ā*-основ. В небольшом, но важном разделе о местоимениях (личных, притяжательных, указательных и относительных) содержатся подробные сведения о формировании этой категории в праалбанском, и соотнесенности ее компонентов с и.-е. прототипами. Главу завершает раздел о числительных.

Последняя, четвертая глава книги "Лексика" (с. 250–268) включает список изоглосс, связывающих албанский с другими индоевропейскими языками (северо-восточными: германскими, балтийскими и славянскими; западными: итало-кельтскими; юго-восточными: индо-иранскими, армянским и греческим; тохарскими). Автор включил в список главным образом эксклюзивные изоглоссы, а также схождения, примечательные с точки зрения семантического или словообразовательного сходства. В главе также приводится описание нескольких тематических групп лексики, таких как термины родства, географическая терминология (названия рек и других водных объектов, деревьев и кустарников, горных возвышенностей), названия домашних животных.

Книгу завершают компактные и весьма информативные фонетические таблицы (с. 269–274), а также прямой и обратный указатели албанских форм.

В целом рецензируемая книга (вкупе с неотъемлемо связанным с нею Албанским этимологическим словарем) знаменует собой существенный этап в изучении албанского языка, с одной стороны, подводя итог его сравнительно-историческим и этимологическим исследованиям XIX–XX столетий (и в этом смысле символично их появление на рубеже эпох), с другой стороны, исследования В.Э. Орла вносят много нового и нетривиального в указанные области, поднимая их на принципиально иную ступень и вписывая данную проблематику в контекст индоевропеистики конца XX – начала XXI века.

Примечания

[1] *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straβburg, 1891; *Çabej E.* Studime gjuhësore, I–II. Prishtinë, 1976; *idem.* Studime etimologjikë në fushe të shqipes, I–III. Tiranë, 1976 – .

[2] *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden: Brill, 1998. 670 P.

[3] *Калужская И.А., Орел В.Э.* Наблюдения над отражением индоевропейских слоговых сонантов в албанском языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, 17–22.

И.А. Калужская

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	–	*Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989.
Алтайск. словарь	–	Словарь русских говоров Алтая / Ред.: И.А. Воробьева, А.И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
Арханг. словарь	–	Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1 –. МГУ, 1980–.
АУМ	–	Атлас української мови в трьох томах. Київ, 1984, 1988, 2001.
Барсов	–	Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. I–II. М., 1872–1882.
БД	–	Българска диалектология. Кн. I–X. С., 1962–1981.
БЕР	–	Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–. С., 1962–.
БСЖ	–	*Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
БТР	–	*Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст.* и др. Български тълковен речник. С., 1955.
БТР[4]	–	*Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст.* и др. Български тълковен речник / Четвърто издание, допълнено и преработено от Димитър Попов. С., 1994.
Бялькевіч	–	*Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1980.
Варшавский словарь	–	*Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–8. W-wa, 1900–1927 (= 1952–1953).
Вологодский словарь	–	Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская. А–Г–. Вологда, 1983–.
Вујичић. Рјечник Прошћења	–	*Вујичић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца) / Црногорска Академија наука и умјетности. Посебна издања. Књ. 29. Одјељ умјетности. Књ. 6 / Уредник Драго Ћупић. Подгорица, 1995.
Вук	–	*Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Геров	–	*Геров Н.* Речник на българския язык. Ч. I–V. С., 1975–1978 (= Пловдивъ, 1895–1904); ч. VI. Допълнение (= Панчевъ Т. Допълнение на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ). С., 1978. (= Пловдивъ, 1908).
Гринченко	–	*Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.
Даль[2]	–	*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. СПб.; М., 1880–1882 (= 1955). Т. I–IV.
Даль[3]	–	*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.

Динић. Речник тимочког говора	–	*Динић Ј.* Речник тимочког говора // СДЗб. Расправе и грађа. XXXIV. Београд, 1988.
Донск. словарь	–	Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: Валюсинская З.В., Выгонная М.П. и др. Т. 1–3. Ростов-на-Дону, 1975–1976.
Дополнение к Опыту	–	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.
Елезовић	–	*Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта. 1–2. Београд, 1932–1936.
ЕСУМ	–	Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О.С. Мельничук, І.К. Білодід, В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко. Т. 1–. К., 1982–.
Иллич-Свитыч	–	*Толовски Д., Иллич-Свитыч В.М.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
Караџић=Вук	–	*Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Колесник	–	*Колесник І.С.* Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини (1959 г., рукопись).
Красноярский словарь[2]	–	Словарь говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В.Н. Рогова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 1988.
Куликовский	–	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лыткин-Гуляев	–	*Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Лютикова	–	*Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
Мордов. словарь	–	Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Сост.: Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова, П.В. Михалева и др. А–Г–. Саранск, 1978–.
Новг. словарь	–	*Клевцова А.В., Никитин А.В., Петрова Л.Я., Строгова В.П.* Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
Новосиб. словарь	–	Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979.
Носович	–	*Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Ожегов	–	*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1975.
ОЛА	–	Общеславянский лингвистический атлас. М.
Опыт	–	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Орловский словарь	–	Словарь орловских говоров / Учебное пособие по русской диалектологии / Научн. редактор Т.В. Бахвалова. Вып. 1–. Ярославль; Орел, 1989–.
Панчевъ	–	*Панчевъ Г.* Допълнение на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдивъ, 1908.
ПВСП	–	*Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими предания-

		ми других родственных народов. Т. I–III. М., 1994 (= 1865–1869).
Перм. словарь	–	Словарь пермских говоров / Сост.: Бажутина Г.В., Борисова А.Н., Подюков И.А., Прокошева К.Н., Федорова Л.В., Шляхова С.С., Мисюра Е.К., Соловьева О.Е. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
Подвысоцкий	–	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	–	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М., 1910–1914. Окончание // Труды ИРЯ. Т. I. М., 1949.
Псков. словарь	–	Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Вып. 1–. Л., 1967–.
Радлов	–	*Радлов В.О.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1893–1911.
РБЕ	–	Речник на българския език / Ред. К. Чолакова. Т. 1–. С., 1977–.
РСА	–	Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Књ. I–. Београд, 1959–.
Словарь Башкирии	–	Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. проф. З.П. Здобновой. В. 1–. Уфа, 1992–.
Словарь Карелии	–	Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–. СПб., 1994–.
СМЖ	–	*Каланов Н.* Словарь морского жаргона. М., 2002.
Словарь Оби	–	Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби. Т. I–III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение. Ч. I–II. Томск., 1975–1976.
Словарь Прииртышья	–	Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. I–III. Томск, 1992–1993. Дополнения / Под ред. Б.И. Осипова. Вып. 1 (А–Я). Омск, 1998.
Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі	–	Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Уклад.: Ю.Ф. Мацкевіч, А.І. Грынавецкене, Я.М. Рамановіч, А.І. Чабярук, Ф.Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск, 1978–1986.
Сл. русского Севера	–	Словарь говоров русского Севера / Под ред. члена-корр. РАН А.К. Матвеева. Т. I–. Екатеринбург, 2001–.
СлРЯ XI–XVII вв.	–	Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.И. Шмелев, Г.А. Богатова. Вып. 1–. М., 1975–.
СЛРЯ XVIII в.	–	Словарь русского языка XVIII в. / Авторы-сост.: А.А. Алексеев, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и др. Вып. 1–. Л., 1984–.
Сл. Сибири	–	Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Т. 1–. Новосибирск, 1999–.
Сл. Сред. Урала	–	Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

Сл. Сред. Урала. Доп. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

Смоленск. словарь – *Иванова А.И.* Словарь смоленских говоров. Вып. 1–. Смоленск, 1974–.

СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост.: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903 (= 1958, 1989).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф.П. Филин, Ф.Н. Сороколетов. Вып. 1–. Л.,1966–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.; 1950–1965.

Сцяшковіч – *Сцяшковіч Т.Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Сцяшковіч. Слоўн. – *Сцяшковіч Т.Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

Толстой[2] – *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2. М., 1958.

Топоров. Прус. яз. – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. А–Д–. М., 1975–.

Тураўскі слоўнік – Тураўскі слоўнік / Складальнікі: А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін, П.А. Михайлаў, Г.М. Трухан. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.

Др. Ћупић, Ж. Ћупић. Речник Загарача – *Драго Ћупић – Жалько Ћупић.* Речник говора Загарача // СДЗб. Расправе а грађа. Т. XLIV. Београд, 1997.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (= 1986–1987; 1996).

Фразеол. сл. Сибири – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Шанский – Этимологический словарь русского языка / Под ред. и рук. Н.М. Шанского. Т. 1–. М., 1963–.

Элиасов – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Т. 1–. Минск, 1978–.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–. М., 1974–.

Яросл. словарь – Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г.Г. Мельниченко, Л.Е. Кругликова, Е.М. Секретова. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Bańkowski – *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–. Warszawa, 2000–.

Bartoš – *Bartoš Fr.* Dialektický slovník moravský (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6). Pr., 1906.

Berneker – *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1908–1913.

Bezlaj – *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–. Ljubljana, 1977–.

Bezlaj. Eseji. – *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Bezlaj. Sl.v. imena. – *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. Knj. I–II. Ljubljana, 1956–1961.

Bloch – *Bloch O., Wartburg W. von.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Troisième édition. Paris, 1960.

Brückner – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Çabej – Çabej E. Studime gjuhësore. Studime etimologjikë në fushë të shqipes. Psishtinë, 1976.

Collinder FUV – *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.

Doroszewski – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

Gebauer – *Gebauer J.* Slovník staročeský. D. I–II. Pr., 1903–1916.

Falk-Torp – *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. 2. Auflage. Oslo, Bergen, 1960.

Feist[3] – *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprachen. 3. Aufl. Leiden, 1939.

Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, Göttingen, 1955–1965.

Franck-Van Wijk – *Franck-Van Wijk.* Franck's Etymologisch Woordenboek der Nederlandse Taal. Tweede Druck door N. Van Wijk. Leiden, 1912. Nachdruck: Leiden, 1980–1984.

Hellquist – *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. 4. Auflage. Lund, 1980.

Histor. sloven. – Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtán. I–. Bratislava, 1991–.

Holder. Altcelt. – *Holder A.* Altceltischer Sprachschatz. Bd. I–. Graz, 1961–.

Chantraine – *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1–4. Paris, 1968–1980.

Jungmann – *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. I–V. Pr., 1835–1839.

Kálal – *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.

Karłowicz – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1900–1911.

Karulis – *Karulis K.* Latviešu etimologijas vārdnīca. Sēj. I–II. Rīgā, 1992.

Kastelec–Vorenc – Slovensko-latinski slovar. Po: Matija Kastelec – Gregor Vorenc. Dictionarivm latino-carniolicvm 1680–1710. Jože Stabej. Ljubljana, 1997.

Kiss[4] – *Kiss L.* Főldrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1988.

Klein – *Klein E.* A comprehensive etymological dictionary of the English language. Amsterdam; London; New York, 1967.

Kluge[20] – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Aufl. Red. W. Mitzka. Berlin, 1967.

Kluge[23] – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23. erweiterte Auflage. Bearbeitet von E. Seebold. Berlin; New York, 1999.

Kott – *Kott F.Št.* Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.

Kucała – *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčikonis (t. I–II), red. kol.: J. Kruopas, J. Kabelka, K. Ulvydas atsak red. (t. III–X). T. I–X. Vilnius, 1941–1976.

Lorentz. Pomor. – *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. Bd. I–V. Berlin, 1968–1983.

Machek – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Pr., 1957.

Machek[2] – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 (= 1971).

Mayrhofer – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. B. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.

Mayrhofer. Altindoar. – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch der Altindoarischen. B. I–. Heidelberg, 1986–.

Meyer – *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Strassburg, 1891.

Miklosich – *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Muka – *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Bd. I, SPb., 1911–1915. Bd. II–III, Pr., 1926–1928.

Mülenbachs–Endzelīns – *Mülenbachs K.* Latviešu valodas vārdnīca / Ред. J. Endzelīns. Sēj. I–XLV. Rīgā, 1923–1932.

Narodopisje Slovencev. – Narodopisje Slovencev. Priredil dr. Rajko Ložar. I Del. Ljubjana, 1944.

Onions – The Oxford Dictionary of Englisch Etymology. Ed. by C.T. Onions. With the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford, 1966.

Orel AED – *Orel V.* Albanian etymological dictionary. Leiden etc., 1998.

Peić – Bačlija – *Peić M., Bačlija G.* Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad; Subotica, 1990.

Pfuhl – *Pfuhl Dr.* Lužiski-serbski słownik. Budyšin, 1866.

Picoche – *Picoche J.* Dictionnaire étymologique du français. Paris, 1993.

Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895(=1974).

Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.

Polański – *Polański K.* Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.

Räsänen – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Sadnik–Aitzetmüller	– *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. L. 1–6. Wiesbaden, 1963–1973.
Schuster-Šewc	– *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bd. I–IV (H. 1–24). Bautzen, 1978–1989.
Schütz	– *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
SEK	– *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I–IV–. Warszawa, 1994–2002–.
SJS	– Slovník jazyka staroslověnského. T. 1–. Praha. 1958–.
SKES	– *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–II. Helsinki, 1958–1978.
Skok	– *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
Sławski	– *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.
Sławski. Zarys.	– *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1–3. Wrocław etc., 1974–1979.
Słownik prasłowiański = SP	– Słownik prasłowiański / Pod. red. F. Sławskiego. T. 1–. Wr. etc., 1974–.
Sł. polszcz. XVIw.	– Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I–. Wrocław, 1966–.
Sł. stpol.	– Słownik staropolski / Pod. red. S. Urbańczyka. T. I–. W-wa, 1953–.
Snoj	– *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
SSJČ	– Slovník spisovnégo jazyka českého / Ved. red. J. Bělič. T. I–IV. Praga, 1960–1971.
SSKJ	– Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
SSN	– Slovník slovenských nárečí / Ved. red. I. Ripka. D. I–. Bratislava, 1994–.
Stokes–Bezzenberger	– *Stokes W.* Urkeltischer Sprachschatz, hgb. von A. Bezzenberger (= Fick A. Vergleichendes Wörterbuch, 4 Aufl., Bd. 2). Göttingen, 1894.
Sychta	– *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976.
Vasmer	– *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
Walde	– *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938.

ВЯ	– Вопросы языкознания
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ЈФ	– Јужнословенски Филолог
РФВ	– Русский Филологический Вестник
СбНУ	– Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СДЗб	– Српски дијалектолошки зборник

AfslPh	–	Archiv für slavische Philologie
FuF	–	Finnisch-ugrische Forschungen
IF	–	Indogermanische Forschungen
MSFOu	–	Mémoire de la Société Finno-ougrienne. Somalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.
NyK	–	Nyelvtudományi Közlemények.
PF	–	Prace Filologiczne
Rad(JAZU)	–	Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Radovi zavoda za slavensku filologiju. Sveučilište u Zagrebu, filozofski fakultet. Zagreb.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абхаз. – абхазский
авар. – аварский
азерб. – азербайджанский
алб. – албанский
алт. – алтайский
англ. – английский
англосакс. – англосаксонский
араб. – арабский
арм. – армянский
арханг. – архангельский
афг. – афганский
бавар. – баварский
балкар. – балкарский
балто-слав. – балто-славянский
бараб. – барабинский
башкир. – башкирский
блр. – белорусский
болг. – болгарский
бритт. – бриттский
брян. – брянский
валаш. – валашский
валл. – валлийский
вед. – ведийский
вейнах. – вейнахский
вепс. – вепсский
витеб. – витебский
влад. – владимирский
в.-луж. – верхнелужицкий
вод. – водский
волж. – волжский
волог. – вологодский
ворон. – воронежский
вост. – восточный
вост.-сиб. – восточносибирский
вост.-слав. – восточнославянский
вост.-тюрк. – восточнотюркский
вульг.-лат. – вульгарный латинский
вят. – вятский
гагауз. – гагаузский
галльск. – галльский
галльск.-роман. – галльско-романский
ганац. – ганацкий
герм. – германский
горно-алт. – горноалтайский
горно-мар. – горномарийский
горьк. – горьковский
гот. – готский
греч. – греческий
груз. – грузинский
дарг. – даргинский
дат. – датский
дигор. – дигорский
донск. – донской
др.-булг. – древнеболгарский
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-греч. – древнегреческий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-иран. – древнеиранский
др.-ирл. – древнеирландский
др.-исл. – древнеисландский
др.-норв. – древненорвежский
др.-рус. – древнерусский
др.-сакс. – древнесаксонский
др.-франц. – древнефранцузский
др.-швед. – древнешведский
забайк. – забайкальский
заволж. – заволжский
заурал. – зауральский
и.-е. – индоевропейский
иж. – ижемский
ижор. – ижорский
иран. – иранский
иркут. – иркутский
ирл. – ирландский
ирон. – иронский
исп. – испанский
итал. – итальянский

йок. – диалект Йоканьга
казан. – казанский
казах. – казахский
калинингр. – калининградский
калм. – калмыцкий
калуж. – калужский
камас. – камасинский
каракалп. – каракалпакский
карач. – карачаевский
карел. – карельский
кашуб. – кашубский
кельт. – кельтский
кирг. – киргизский
койб. – койбальский
коми-зыр. – коми-зырянский
костр. – костромской
кот. – коттский
курд. – курдский
курск. – курский -
кюэр. – кюэрикский
лат. – латинский
леб. – лебединский
ленингр. – ленинградский
ливв. – ливвиковский
лит. – литовский
лтш. – латышский
люд. – людиковский
макед. – македонский
манс. – мансийский
мар. – марийский
мерян. – мерянский
мокш. – мокшанский
мокша-мордов. – мокша-мордовский
молд. – молдавский
монг. – монгольский
морав. – моравский
морав.-словац. – моравско-словацкий
морд. – мордовский
нган. – нганасанский
н.-греч. – новогреческий
нем. – немецкий
ненец. – ненецкий
нидерл. – нидерландский
нижегор. – нижегородский
н.-луж. – нижнелужицкий
нов.-в.-нем. – нововерхненемецкий
новг. – новгородский
новорос. – новороссийский
новосиб. – новосибирский
норв. – норвежский
норв. саам. – норвежский диалект саамского языка
нот. – нотозерский
олон. – олонецкий
омск. – омский
онеж. – онежский
орл. – орловский
осет. – осетинский
осм.-тур. – османотурецкий
о.-слав. – общеславянский
осташ. – осташковский
патс. – диалект Патсйоки
пенз. – пензенский
перм. – пермский
перс. – персидский
печор. – печорский
познан. – познанский
полаб. – полабский
польск. – польский
португ. – португальский
посав. – посавский
праалб. – праалбанский
прагерм. – прагерманский
пракр. – пракрит
праслав. – праславянский
приб.-фин. – прибалтийско-финский
прованс. – провансальский
прус. – прусский
псков. – псковский
рум. – румынский
рус. – русский
ряз. – рязанский
саам. – саамский
саг. – сагайский
самод. – самодийский
свердл. – свердловский

сев.-двин. – северодвинский
север. – северный
селькуп. – селькупский
серб. – сербский
сиб. – сибирский
силез. – силезский
слав. – славянский
словац. – словацкий
словен. – словенский
смол. – смоленский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ср.-лат. – среднелатинский
ст.-блр. – старобелорусский
ст.-болг. – староболгарский
ст.-в.-нем. – староверхненемецкий
ст.-исл. – староисландский
ст.-польск. – старопольский
ст.-прус. – старопрусский
ст.-рус. – старорусский
ст.-слав. – старославянский
ст.-тюрк. – старотюркский
ст.-чеш. – старочешский
с.-хорв. – сербохорватский
тадж. – таджикский
татар. – татарский
твер. – тверской
телеут. – телеутский
том. – томский
торун. – торунский
тоск. – тосканский
тох. – тохарский
тул. – тульский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
удин. – удинский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйгур. – уйгурский
укр. – украинский
урал. – уральский
фин. – финский
фин.-угор. – финно-угорский
франц. – французский
хакас. – хакасский
хант. – хантыйский
хетт. – хеттский
хорв. – хорватский
ц.-слав. – церковнославянский
чагат. – чагатайский
чеш. – чешский
чуваш. – чувашский
швед. – шведский
шорск. – шорский
энец. – энецкий
эрз. – эрзянский
эст. – эстонский
южн. – южный
якут. – якутский
яросл. – ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Научное издание

Этимология

2000–2002

Утверждено к печати Ученым советом
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*. Редактор *Т.М. Скрипова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*. Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 28.10.2003. Формат 60×90 1/16 Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,0. Усл.кр.-отт. 17,3. Уч.-изд.л. 20,0. Тираж 300 экз. Тип. зак. 4726

Издательство "Наука" 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www .naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука" 199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12